«Я ИСПЫТАЛ ТЕБЯ В ГОРНИЛЕ СТРАДАНИЯ…»
(Ис. 48, 10)

Схимонахиня Антония

По благословению
преосвященного АФАНАСИЯ,
архиепископа Пермского и Соликамского

Составил Александр Трофимов

Схимонахиня Антония (Анастасия Яковлевна Кавешникова; 1904-1998 гг.) — православная подвижница, исповедница и старица. В книге приводится её жизнеописание, а также письма, советы, наставления матушки и воспоминания о ней. Родилась будущая старица в 1904 году на Дону в селе Долгом. Восемнадцатилетней вышла замуж, родила троих сыновей, затем переехала в Москву. В 1942-1946 годах находилась в Тагиллаге НКВД, затем в психушках, где её пытались «вылечить» от веры во Христа. Впоследствии приняла монашество с именем Аполлинарии и схиму с именем Антонии. Была духовной дочерью великих старцев — преподобного Кукши (Величко; 1875-1964 гг.) и преподобного Амфилохия (Головатюк; 1894-1971 гг.). Жизнеописание составлено на основе сохранившихся документов, воспоминаний самой старицы, а также по свидетельствам тех, кто встречался с матушкой при её жизни.

Жизнеописание подготовлено Александром Трофимовым, автором-составителем книг: «Святые жены Руси», «Старец Серафим Вырицкий», «Блаженная старица схимонахиня Ольга», «Схимонахиня Нила», «Три встречи», «Преподобномученица Великая княжна Елизавета. Житие и акафист», «Икона Божией Матери «Прибавление ума»», «Радуйся Благая Вратарнице... (Рассказы об Иверской иконе Божией Матери)» и других книг, помогающих прикоснуться к духовному наследию Святой Руси.

В приложении к новому изданию дается подборка писем и откликов читателей на первое издание книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

11 октября 1998 года в Николаевском Черноостровском монастыре города Малоярославца Калужской губернии скончалась подвижница благочестия наших дней старица схимонахиня Антония. Господь наделил её многими благодатными дарами. Со всех концов России приходили к ней люди за советом, исцелением, утешением в скорбях и печалях. Всего четыре года прошло со дня кончины матушки, но имя её известно уже многим православным христианам в России и за рубежом.

Изо дня в день увеличивается число паломников к её могилке на маленьком монастырском кладбище. Люди подолгу стоят здесь, зажигают свечи, молятся и по вере своей получают просимое. Известно немало случаев благодатной помощи тем, кто молился здесь с надеждой на предстательство старицы.

Тяжек крест, который понесла старица в своей жизни, это было постоянное многолетнее мученичество. Родилась она и получила воспитание в благочестивой православной семье, хранившей традиции своих предков — донских казаков. В детстве и юности дарованы были ей встречи с прозорливыми старцами, которые советовали будущей подвижнице избрать

монашеский путь. Но она выбрала замужество и понесла свой поистине тягчайший семейный крест до конца. Прошла матушка через муки ГУЛАГа, через психушки, в которых её пытались «вылечить» от веры в Бога.

И всё же Господь удостоил её монашества и схимы, отметил великими Своими дарами: прозорливостью, благодатной молитвой, даром исцеления и утешения, так что, несмотря на семейный выбор в юности, матушка Антония по праву пребывает в сонме подвижниц-монахинь Русской Православной Церкви.

Многочисленные почитатели старицы терпеливо ожидали подробного описания её жизненного пути. Мы предлагаем читателям попытку такого жизнеописания. Оно появилось только благодаря бескорыстной помощи родственников и духовных детей старицы, а также работников архивов, которые потратили немало сил и времени на поиски подлинных документов, касающихся её жизни. В сборе материалов особенно потрудился её духовный сын Сергей Большаков, без него эта книга не смогла бы появиться на свет.

Главным источником сведений о схимонахине Антонии стали воспоминания её племянниц — Анны Андреевны Арсеньевой (Москва), Клавдии Ивановны Черномырдиной (Долгое) и Марии Ивановны Кавешниковой (Долгое). Их слова, согретые любовью к матушке, не только помогли определить главные вехи её жизни, но и убедительно подтвердили свидетельства духовных детей старицы, что главными чертами личности её были любовь к Богу и к людям, а также безграничное терпение. Воспоминания архимандрита Антония — это не только один из важнейших текстов, повествующих о судьбе матушки, но и замечательное свидетельство о жизни нашей Церкви в период послевоенных гонений.

Особую благодарность составители жизнеописания приносят профессору Нижнетагильского государственного педагогического института, доктору исторических наук Виктору Михайловичу Кириллову: его стараниями удалось отыскать личную учётную карточку матушки Антонии в период заключения, а также фотографии и другие материалы о Тагиллаге НКВД. Драгоценны для нас и воспоминания бывшей узницы Тагиллага — Натальи Нифантьевны Протопоповой (Тверь), находившейся в лагере в те же годы, что и матушка. При составлении книги использовано было также первое жизнеописание схимонахини Антонии, подготовленное профессором Московской государственной консерватории Вячеславом Вячеславовичем Медушевским.

Поиск материалов и документов о жизни старицы объединил многих людей. Одни только собранные на сегодняшний день воспоминания могут составить объёмистый том. Составители решили издать жизнеописание матушки, часть писем, которые удалось собрать, и отрывки из воспоминаний. Надеемся, что те, кто был знаком с матушкой, пришлют нам свои замечания и уточнения, быть может, сообщат новые факты из её жизни, а также свои воспоминания о встречах с ней. После этого мы предполагаем подготовить уточнённое жизнеописание, присоединив к нему новые воспоминания.

Ещё при жизни матушка не раз говорила своим духовным детям:

— Записывайте, пока я жива, придёт время, будете по крупицам собирать.

Действительно, с большим трудом удаётся сейчас восстанавливать жизненный путь старицы. Немногим из близких пришло в голову послушаться и записать её наставления и рассказы, поэтому основная часть воспоминаний и сведений о ней записаны уже по памяти. К счастью, некоторые из бесед с матушкой записывались на плёнку, и это, пожалуй, самые точные и драгоценные свидетельства о ней. Все они использованы в книге.

Просим простить за неточности и ошибки, которые неизбежно могут появиться в жизнеописании, большая часть которого составлена по воспоминаниям тех, кто знал матушку при её жизни.

Схимонахиня
АНТОНИЯ.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Глава первая

ДОЛГОЕ

Будущая схимонахиня Антония родилась 12 декабря (старого стиля) 1904 года[1] в селе Долгое Данковского уезда Рязанской губернии. Это был день памяти святителя Спиридона Тримифунтского, одного из самых почитаемых в России святых Вселенской Церкви. Младенцу дали имя Анастасия в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы (+304 г.), день памяти 22 декабря / 4 января. Анастасия была девятым ребёнком в семье Якова Васильевича и Марии Петровны Кавешниковых. Шестеро детей их умерли во время эпидемии. Оставшиеся в живых брат Иван и сестра Ксения (родилась в 1887 г.) были значительно старше Насти, поэтому Ксения нянчила младшую сестрёнку, и та по привычке называла Ксению няней. Крестили Настю в местной церкви, посвящённой Архистратигу Божию Михаилу.

Село Долгое основано было в XVI веке казаками вместе с другими поселениями Придонья для защиты южных границ Московского государства от набегов крымских татар. Издревле здесь селились служилые люди и вольные землепашцы, не знавшие крепостного права. Места эти, однако, были заселены нашими предками ещё в домонгольское время, о чем убедительно свидетельствуют археологические раскопки. Неподалёку от Долгого на левом берегу Дона у города Данкова существовала крепость Дубок, упоминаемая в летописях под 1145 годом.

Долгое было одной из опорных точек оборонительной линии, поэтому в его окрестностях не раз русские воины сходились в битвах с татарами, вторгавшимися на Русскую землю. Недалеко от села на берегу Дона есть местечко, называемое Туретчино. Здесь местные краеведы проводили раскопки и находили монеты с печатями ханов, остатки старинного оружия, братские могилы воинов.

Казаки и стрельцы, обитавшие в Долгом, круглый год наблюдали за степью. В период затишья торговали, занимались ремёслами, в частности изготовляли знаменитые речные струги. В случае татарских набегов цепочка сигнальных огней или гонцы извещали о том, что все служилые казаки и стрельцы должны собраться в отряды, чтобы дать отпор врагу. Данковские казаки, к числу которых относились и служилые люди Долгого, охраняли до семисот вёрст степной границы. Из летописей известно, что при царе Иване Васильевиче Грозном татары восемь раз вторгались в Русскую землю, и каждый раз на Дону им преграждали путь русские воины.

Всего сорок километров отделяют Долгое от Куликова поля. Это соседство наложило свой отпечаток на жизнь и судьбу тех, кто обитал в Долгом. Матушка вспоминала, что её отец Яков Васильевич едва ли не каждый год в Дмитровскую родительскую субботу ходил пешком в паломничество на Куликово поле, чтобы помолиться об упокоении вождей и воинов, на иоле брани за веру и Отечество жизнь свою положивших. Он клал земные поклоны от имени всех

[1] В паспорте матушки указан 1908 год, однако согласно метрической книге церкви Архангела Михаила в селе Долгое она родилась в 1904 году, 12 декабря по старому стилю.

православных своей земли в благодарность тем, кто сложил свою голову на этом святом для всякого русского человека месте.

Центром уезда был город Данков (или, точнее, Донков) — казачий город, более тяготеющий к области Войска Донского, чем к Рязанской губернии. Здесь, как и в Долгом, в давние времена жили казаки со своими семьями. Район Данков — Долгое относится к степной зоне, здесь Дон протекает в узкой долине, сжатой высокими крутыми и каменистыми берегами, которые часто пересекают глубокие овраги. Дон здесь не судоходен и в те времена был застроен многочисленными мельницами. Течение Дона тихое, однако весной, опять же в давние времена, бывали такие разливы, что срывались мельничные плотины и прерывалось сообщение между правым и левым берегом.

О разливах Дона матушка Антония вспоминает так: «У нас три раза вода доходила до печи. В одно время, когда прибыла вода, мать и отец ушли, а вода приступила к избе. Отец подогнал лодку, и через окно меня вытащили. Вот так разливался наш Дон».

Матушка очень любила родные места. До того как поселиться в монастыре, она много и живо рассказывала о своей жизни в Долгом. К счастью, многие из её рассказов сохранились в записях и памяти её посетителей, благодаря чему можно не только описать жизнь семьи Кавешниковых, но и воссоздать почти утраченный ныне облик и быт донского села предреволюционного и послереволюционного времени.

В Долгом обитали главным образом хлебопашцы: столетиями жители этого края занимались земледелием. Более 80% их владели земельными наделами, вполне достаточными для безбедной жизни, чему способствовали изумительные плодородные чернозёмы. В период между сезонными работами жители села занимались выделкой жерновов, так как в окрестностях имелись залежи особого камня, употреблявшегося для мельничных жерновов. Хлеба здесь всегда было с избытком. Конечно, держали много лошадей, как для хозяйства, так и скаковых, поскольку казаки должны были являться на сборы со своими конями и в полном снаряжении. Почти каждая семья имела корову, мелкий скот, множество домашней птицы.

Русло Дона прочищали каждые два-три года. Сёла Придонья договаривались и держали свои участки в порядке. На реке стояли плотины и мельницы. Когда воду спускали, обязательно предупреждали соседей. Особенно строго следили за мостами через Дон и за дорогами, которые содержались в идеальном состоянии. В то время Дон был гораздо шире, чем теперь, а воду, чистую и прозрачную, можно было пить прямо из реки. Вокруг били многочисленные родники.

Село Долгое расположено в излучине Дона. В этом месте река образует большую петлю, так что село находится как бы на полуострове. Дом Кавешниковых располагался по другую сторону реки, называлось это место Задонье. Дом, в котором родилась Анастасия, стоял на пригорке, но довольно близко к реке, так что в половодье вода близко подступала к нему. Почти напротив дома располагался пешеходный мост. Каждую весну его приходилось подновлять, так как ледоход разрушал опоры. Чуть дальше устроена была небольшая пристань и паром, который перевозил через реку лошадей и грузы. Родительский дом матушки и хозяйственные пристройки сохранились до наших дней, да и само место сохранило своё название.

Предки Якова Кавешникова были казаками. На обязательную службу они должны были являться со своим конём, упряжью, оружием, чтобы всё было своё, вплоть до нагайки. У деда Насти — Василия — был родной брат Иван. В хозяйстве было восемь коней, и братья вместе пасли их и ухаживали за ними. У Ивана, который был как будто не от мира сего, почти не было памяти на животных: он не узнавал своих коней, чему родные очень удивлялись. Обычно он ожидал, пока все заберут своих лошадей из табуна, после чего приводил оставшихся на свой двор. Бывало, что иногда прихватывал и чужого коня. Тогда отец или брат говорили ему:

— Ну что же ты, Ваня, не помнишь ничего?

Однажды Иван обратился к отцу:

— Люди собираются в Лавру преподобного Сергия. Пусти меня с ними, я пойду и помолюсь, чтобы Господь дал мне память, может быть, и я смогу узнавать своих животных.

Отец отпустил Ивана в паломничество. Ходили тогда ко святым местам только пешком, ночевали где придётся — и в лесу, и под открытым небом, иногда останавливались и в домах. Добрались паломники из Долгого до Троице-Сергиевой Лавры, помолились, а когда собрались возвращаться — не могут найти Ивана, Стоят, ждут, уже стали волноваться: что бы такое могло случиться?

И вдруг появился Иван в подряснике и поклонился землякам со словами:

— Простите меня, я останусь, здесь моё место.

Так он остался в Лавре и принял монашеский постриг с именем Варсонофий. В помяннике матушки он был записан как архимандрит Варсонофий. Такова судьба одного из братьев Кавешниковых.

Второй — Василий — женился на Вассе. О ней родные вспоминают как о женщине с очень сильным характером. Матушка унаследовала многое от характера своей бабушки. Эта сила и стойкость бабушки Вассы особенно проявились во время знаменитого Успенского пожара, когда практически дотла выгорело всё Долгое.

Сестра матушки Ксения вспоминала: «Я очень хорошо это помню. Куры огненные клубком неслись. Тогда у отца сгорели все лошади. Ни одна лошадь не смогла выйти со двора. Там было двое ворот, но из-за сильной бури, когда отец открывал одни ворота, закрывались другие. А потом загорелись гривы у лошадей, и дом, хозяйственные постройки — всё погорело, всё!»

После пожара Яков Васильевич сложил из кизяков новый дом на высоком берегу Дона, в нём и появилась на свет будущая старица, ставшая девятым ребёнком в семье Кавешниковых. Настя родилась после трагедии, которую пришлось пережить её родителям: шестеро детей умерли во время эпидемии скарлатины. Матушка Антония вспоминала: «У моей мамы скарлатина захватила шесть человек детей. Тогда никто не мог её лечить. Вот, горло сходится, и они умирали. И мамины родители — Петр и Любовь — не смогли пережить шесть гробов, они тоже умерли. Но дети остались — Иван и Аксинья... У меня в памяти как-то осталось, как будто в видении я вижу маму, плачущую о своих умерших детях... Сорок восемь или пятьдесят лет было маме, когда она меня родила. Видно, Господь в утешение послал ей дитя».

Морозным декабрём 1904 года Кавешниковы ожидали прибавления семейства. Была сильная пурга, стояли рождественские морозы. Накануне рождения ребёнка глава семьи уехал по каким-то делам, а когда вернулся, увидел открытую калитку и спросил жену:

— Маша, кто здесь был?

— Здесь были цыгане, женщина-цыганка с детьми.

— А где же они?

— Ты знаешь, я очень их испугалась и проводила.

— Как же так, Машенька, могла ты проводить в такую пургу, в такой мороз? Куда же она пойдёт с малыми детьми? Ведь волки могут загрызть или замёрзнут!

Яков побежал догонять ушедших и, увидев их, стал кричать, чтобы они остановились. Те, напротив, прибавили ходу, видно, испугались. Яков всё же догнал их и пригласил в дом. И сама цыганка, и дети посинели от холода. Срочно поставили самовар, и, когда странники отогрелись, женщина сказала:

— Хороший ты человек, всё у тебя будет благополучно. И с младенцем будет у тебя благополучно. Только очень горькая девочка будет!

Матушка впоследствии не раз вспоминала эти слова: «Очень горькая девочка будет».

12 декабря (по старому стилю) Мария Петровна родила девочку, которую назвали Анастасией. Таинство крещения младенца совершили на следующий день, 13 декабря, священник храма во имя Архистратига Михаила отец Иоанн Муретов с псаломщиком Степаном Ягодиным. Восприемниками стали прибилетный запасной Константин Михайлович Егарьмин и крестьянка, вдова, Фекла Петровна Будаева.

Воспитывалась Настя в семье, где хранились традиции, перенятые от дедов и прадедов. Матушка вспоминала, что родители её были благочестивыми людьми твёрдой веры, и жили они согласно веками сложившемуся укладу. Мать её любила принимать странников, паломников к святым местам. Рядом с домом Кавешниковых находились мост через Дон и паром, так что дальние странники, давно уже знавшие гостеприимных хозяев, останавливались у них на ночлег. Настя вместе с домашними своими слушала рассказы об Иерусалиме и святынях Востока, о святых местах Русской земли, о жизни в далёких монастырях.

«Эти странники, — рассказывала матушка, — ходили по два года, и никогда они своё тело не мыли, а просто вот заходили в наш дом. Мама с них снимала рубашки, жарила их в печке, а веником вот так отряхала вшей. Мама их вымоет и опять провожает в странничество…»

Маленькая Настя впитывала рассказы странников, ей открывался неведомый пока духовный мир, и уже умудрённая, девяностолетняя старица, вспоминая об этих беседах, говорила: «Старцы, которые ходили в монастыри, они много чего рассказывали. Всё это по-Божьему. Вот вы думаете, что я вам сейчас рассказала много кой-чего, вы думаете, это так у вас останется? Нет! К вам это всё привьётся, вы этой жизнью спасаетесь… Дожди, урожай, всё на свете — зачем-то это всё нужно... И богомолки у нас были. В Сергиев Посад мы после Пасхи... ходили молиться Богу. А странники из святых мест дарили колечки, бусы, ракушки и, конечно, святыни. Отец бросал в реку жмых, семя конопляное и ловил рыбу, раков, а потом угощал приходивших гостей. Счастливая жизнь у нас была. На другом берегу росли вишнёвые сады. Когда весной цветы опадали, вся река покрывалась белым, и Дон белым плывёт от лепестков. Родители мои были божественные… Как мы в батюшкином доме жили, дай Бог мне так в раю жить, вот как мы жили. У нас всё было: и лошади, и коровы, и овцы, и поросята, и кошки, и собаки! Полный дом всего был, а куры, уж кур! А в огороде! Свёкла вот такая, морковка, картохи — и рядом Дон течёт».

От дома Кавешниковых открывается чудесный вид на пойму Дона, окрестные поля. На другой стороне реки – село и силуэты двух церквей, Пожалуй, и сегодня это самое красивое место в Долгом.

Детство у Насти действительно было счастливым. «Жили в доброте и радости, — вспоминает племянница матушки, — все уживались в доме друг с другом. В доме постоянно звучало: “Яша да Маша, Маша да Яша”. Странников уважали. Родителей боялись — не из страха наказания, а из любви к ним, не желая причинить огорчения, Если кто на смех подымет — быстро отрубят.

Семья была основой всего. Нравилось или не нравилось кому-то, нужно было подчиняться. Хозяином в доме был отец, и он определял обязанности членов семьи. Основа семьи — послушание старшим, нельзя было старших обижать, дерзить им. Люди в селе были выдержаннее, мудрее, а главное — доброты было куда больше, чем теперь. Если в семье или в доме было убийство или какое преступление, то люди сторонились, не хотели родниться — у них порода плохая!»

В хозяйстве было три лошади, две коровы, полтора десятка овец. По местным понятиям, они были середняками. Хлеб добывали в поте лица своего, трудились от зари дотемна. Как и все деревенские дети, Настя очень рано начала трудиться, выполняла всю крестьянскую работу — и в поле, и в домашнем хозяйстве. Обычно в четыре часа утра выгоняли скотину на выпас. Около пятидесяти дворов Задонья объединяли свой скот в общее стадо. Было время, когда нанимали пастухов, но потом пасли по очереди, посылая кого-то от каждого двора. Затем вся семья уходила работать в поле. Вместе с родными Настя трудилась на огородах, растила овощи, полола, сеяла рожь, просо. Поработав, приходили в дом завтракать: обычно это был кусок хлеба, картошка, кружка воды или чая, молоко, если день не постный. После этого снова шли на огороды или в поле. Настя выгоняла скотину, ходила с родителями на сенокос, ворошила и складывала в стога сено. С поля вся семья приходила обедать домой, готовила еду мама. Вечером загоняли скот во двор, убирали, потом готовили ужин. Обычно Мария Петровна варила похлёбку.

Училась Настя в местной четырёхклассной школе. Вспоминала, что вместо сумки ей давали платок, в который она завёртывала книги и тетрадки. Чернила носила с собой в отдельном мешочке. Учёба давалась ей легко.

Старшая сестра Насти, Ксения, вышла замуж за казачьего есаула, который вернулся в село после русско-японской войны 1905 года. Маленькая Настя несла фату за сестрой, а обратно из храма после венчания муж Ксении Андрей нёс Настеньку на руках. Она уже засыпала и всё шептала:

— Свояк, ведь я люблю тебя, очень!

И действительно, Настя с малолетства любила Андрея, как старшего брата, и он был ей даже ближе, чем родные сестра и брат. Андрей избрал коневодство своей специальностью и работал с лошадьми много лет, в том числе и после переезда его семьи в Подмосковье.

В семье Кавешниковых царила атмосфера любви, взаимного уважения и радости. Когда Ксения вышла замуж, Яков Васильевич построил во дворе их усадьбы дом для молодых; этот дом сохранился до наших дней. И старший сын Иван после женитьбы остался в доме, так что все жили большой дружной семьёй.

Настя любила выдумывать маленькие истории, в основном про животных и птиц: вот эта козочка откуда-то пришла или петушок, получалось очень складно. Когда её спрашивали, откуда она взяла эти рассказы, Настенька отвечала, что её осенил Пегас. Где и у кого услышала она это слово, неизвестно, но в результате Настя получила прозвище Пегасья Льняной Хвостик. Вторая часть прозвища пошла от того, что у неё были светлые льняные волосики, которые она завязывала в хвостик.

Яков Васильевич был строгим отцом, но Насте он давал волю. Девочка видела, что её любят, что лучший кусок все оставляли для неё. Однажды отец купил сафьян, чтобы к празднику сшить сапожки жене и дочкам. Обычно подарки готовили к празднику Святой Троицы: этот день встречали особо. На другом берегу Дона устраивали гулянья, работала ярмарка, продавались всякие сладости. Жители села приходили на праздник в лучших нарядах. К этому времени отец и старался справить обновку домочадцам, но сапожники в тот год почему-то не

приходили. А Настя ждала их. Сапожники обычно сами приходили в дом, снимали мерку и потом шили сапоги.

Тогда Настя тайком достала приготовленный отцом сафьян, взяла большие ножницы и вырезала себе обувку: получилось что-то похожее на тапочки. В них Настя и пошла на праздник, ей казалось, что она самая красивая в этих тапочках.

Когда Настя пришла домой, Яков Васильевич, уже знавший о проделке дочери, спросил:

— Настенька, а в чём ты была на празднике? Хороший праздник?

— Хороший! — а сама потихоньку, потихоньку — и спряталась за дверь. Потом матушка так вспоминала об этом случае:

— Я от самых дверей ползла на коленях и говорила: «Папенька, прости свою неуклюжую доченьку, прости, пожалуйста!»

Отец прослезился, поднял её на руки:

— Ладно, куплю ещё другой кусок.

Гак что в детстве Насте, как всеобщей любимице, прощалось многое.

«Любовь к Богу и к людям мать в меня посеяла, — вспоминала матушка, — а отец брал меня в церковь, когда была ещё совсем маленькой. Было мне два с половиной года, и, чуть-чуть только помню, я с отцом пришла в церковь. Был какой-то праздник, певчие стояли, там была певчая Ирина. Я оглядела всё и, помню, у отца с рук — прыг! — знаете, как маленькие дети, — и прямо в алтарь через боковые двери, а это не полагается. Подошли ко мне двое в ризах и говорят:

— Теперь святить надо церковь, женский пол влетел.

Откуда ни возьмись оказался там старый священник или не знаю кто, так он и говорит:

— Не трогайте её, она будет алтарница.

Так что ж, его слова-то сбылись: я уже как лет пятнадцать захожу в церковь и батюшка меня в алтаре приобщает».

Ещё матушка вспоминала:

«Я до семнадцати лет постоянно была в храме. С самого детства любила под иконами в уголке играть. У нас в доме была божница, и я уже с годика стала туда стремиться. Три года мне было, и я помню, что отец каждый день молился и научил меня читать молитвы. Читала я «Богородицу», поначалу плохо читала, но отец меня уговаривал:

— Доченька, ты в книжку смотри и обучишься.

И правда, стала читать “Богородице Дево, радуйся...”, читала по сорок раз и стала уже проповедовать. Маленькая девочка совсем была, а стала проповедовать и говорила:

— Никогда не забывайте Бога, веруйте в Бога!

Было мне три года, мама топила печку, и вдруг к нам заходит бабушка. А я маме говорю:

— Мама, вот эта бабушка плохая.

— А почему же она плохая, дочка?

— А потому что она ругается чёрным словом.

Тогда бабушка сказала:

— Да, у меня очень много на языке таких слов.

Я и говорю бабушке:

— По-хорошему уходи отсюда, потому что у нас никто не ругается.

И тогда меня стали называть прозорливой. Помню, как говорила отцу:

— Папа, в этом месте не сей просо: всё погибнет, а на горе, вот тут сей просо — большой будет урожай.

Отец меня слушал...»

Но слушать дочь Яков стал не сразу. Когда Насте было четыре года, отец собрался на рынок покупать лошадь. Настенька сказала ему:

— Папа, ты чёрную лошадь не покупай, она убьёт тебя, купи белую.

Отец не прислушался к словам дочери: мол, что там лепечет малютка, — и купил коня тёмной масти, Однако слова Насти скоро подтвердились: конь ударил нового хозяина копытом в лицо и едва не убил. После того случая отец сам подходил к Насте и спрашивал, на каком поле сажать рожь, или какую корову купить, или какую лошадь. Пришли к ней соседи и спросили:

— Настенька, какую нам корову купить?

— Вот приедете на базар, там будет коровка с белой чёлочкой. Худая такая, тощая, — вот её и берите.

Поехали на базар и по описанию Насти купили бурёнку: хотя корова была на вид неказистая, но имела хороший нрав и давала много молока.

Спрашивали Настю и о том, где новую избу поставить, о разных покупках, даже о рыбной ловле — где лучше ловить, — и всем она отвечала.

В детстве Настя услышала в доме рассказ знакомой о том, как после смерти родственницы кто-то из близких поставил свечу на канун[2] в её память. В ту же ночь родственница явилась ей во сне на очень короткое время и вдруг стала прощаться.

— Ты что же уходишь так быстро? — спросила она усопшую.

— Ну как же, свеча-то копеечная, уже сгорела.

[2] Канун (канон) — основная часть текста панихиды — поминовения усопших. На Руси это слово было перенесено на поставлявшееся при этом питьё и поминальную пищу (кутью). Ныне словом канун (канон) называют место в храме, где совершаются службы поминовения усопших и кладутся приношения в их память.

Так и было: на кануне стояла самая дешёвая копеечная свеча.

Матушка, рассказывая эту историю, добавляла: «Я себе сразу на ус намотала: за умерших на канун надо ставить большую свечу!» И часто напоминала близким: «Не жалейте свечку-то на канун!»

Когда Насте исполнилось шесть лет, священник местной церкви отец Алексий, постоянный гость в доме Кавешниковых, заметил, что у девочки хороший голос, и предложил поучить её пению. Так шестилетняя Настя встала на клирос и очень скоро освоила пение, научилась читать на церковно-славянском. В Архангельском храме села Долгое был очень хороший мужской хор; кроме того, отдельно составился детский хор. Матушка вспоминала, что когда пели «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», то храм будто поднимался от этого пения, так красиво и слаженно пели дети.

Успехи Насти в пении были таковы, что ей предсказывали певческое будущее. Эти предсказания оправдались ещё в Долгом: Настя стала солисткой в хоре, а затем и регентом. Матушка вспоминала:

«В церкви псаломщиком был Степан Евдокимович Ягодин. Отец меня отдал ему в учение, а он был преподавателем по скрипке. Отец сказал:

— Доченька, ты будешь ходить к псаломщику на спевки.

И вот он отобрал девочек, чтобы они учились. Мы обучались по скрипке. Он с нами постоянно занимался. Это продолжалось с семи до восемнадцати лет. Бывало, сядет на крылечке, соберутся ребята и девочки вокруг — он их учит. Спевки устраивал перед каждой службой, учил уставу церковному. Я у этого псаломщика долго училась, он мне наладил голос, и я очень полюбила пение. Оказалось, что у меня очень хороший голос, и стала я соло петь, а немного позже сделалась я уже регентом. В другие сёла меня приглашали, и я там пела.

Мы и сами собирались, хором пели “По Дону гуляет казак молодой” и другие песни, уже под гитару. Жили весело, наряжались, бывало и проказничали. Общительный был народ в Долгом, не прятались по домам. Жителей было много, больше семисот дворов. По обычаю осенью гуляли свадьбы, после того как урожай собрали. На Михайлов день по тридцать свадеб бывало.

В праздники храм был полон народа. Ну а как же! Всей деревней, всей! Мужчины — все ходили в церковь. С семнадцати деревень к нам народ ходил. Главный престол храма — в честь Михаила Архангела, и ещё — Казанской Божией Матери и Николая Чудотворца.

У нас хор был до семидесяти человек, большинство мужчины, баритоны, голоса хорошие. И батюшка у нас был очень хороший. Служили часто, пели “Разбойника”, “Покаяния отверзи ми двери”. Всё, как теперь это совершается, и у нас пели».

Насте было восемь лет, когда произошло событие, свидетельствующее о её особом пути и, конечно, подтверждающее, что она в этом возрасте прекрасно знала церковную службу. Предоставим слово самой матушке, рассказавшей об этом случае:

«Мне было восемь лет, когда зашли к нам в Чистый Четверг три странницы, по виду монашки… и обратились к матери:

— Где нам помолиться и отслужить обедницу?

Мама им предложила:

— Можете у нас читать в избе.

— У вас тут перевозчики стоят, ругаются.

А у нас, в самом деле, был перевоз, стояли мужчины в лодках, было половодье, и паром ходил по канату. Ну мать говорит:

— Риги есть у нас.

Риги — соломенные, деревенские, где хранили хлеб. Вот они и пошли в ригу. Достали снопы — для скотины мы готовили, Сложили из снопов крестом стол такой, покрыли белой скатертью и начали служить. И поют вместо “Херувимской" — "Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...”

Бегу я к матери и говорю:

— Не такую "Херувимскую” они поют.

Вот, маленькая, а с отцом ходила в церковь и знала, что не так поют Херувимскую". Моя мама идёт к ним и спрашивает, потом мне говорит:

Дочка, эта "Херувимская" поётся только в Великий Четверг, раз в году, когда батюшка приобщает мир. Без этой молитвы причастия нет.

Эти матушки помолились, подходят ко мне, и одна из них меня погладила по головке и говорит:

— А эта девочка будет наша!

Хотя мне восемь лет тогда было, но я это тоже упомнила и этих монашек ждала, как только Великий Четверг наступал. Но с тех пор их не видела. Они-то, видишь, были прозорливые. А разве я думала монашкой быть — да никогда, даже мне не приходило в голову, чтобы я монахом была, да и схимницей ещё...

Мама им блинов напекла, но они сказали:

— Матушка, мы ничего не будем кушать. Мы заговелись до Пасхи, за три дня до Пасхи ничего не вкушать.

И мама назад блины взяла. А после этого они пропали».

Духовная жизнь села Долгое благодаря рассказам матушки Антонии предстаёт в удивительной наполненности. Здесь и богослужения в храме с прекрасным хором, многовековые традиции православного народа, странники, пришедшие со Святой Земли, поразительные видения и духовные дары ещё совсем юной Насти. Жители Долгого отличались благочестием, часто совершали паломничества к святым местам и монастырям. Родители Насти также почти ежегодно после Пасхи паломничали в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Постоянно ездили помолиться и в Сезеновский монастырь[3], где подвизались две родные тётки Насти — монахини Надежда и Дария (сёстры отца).

[3] Сезеновский Иоанно-Казанский монастырь Тамбовской губернии. Основал его в 1838 г. известный подвижник и старец блаженный Иоанн. В 1849 г. была устроена женская община, переименованная в

Эта жизнь убедительно свидетельствует нам об истинности чудесной русской поговорки: «Не стоит село без праведника». Будущая старица знала об этих праведниках не только по рассказам странников и богомольцев, постоянно заходивших в их странноприимный дом. Она знала их лично, встречалась, беседовала с ними. Чаще других матушка вспоминала о двух подвижниках с её родины: старце Якове Ивановиче Мышинском и старице Анастасии Павловне Сальниковой. Попытаемся собрать вместе то, что говорила о них матушка, беседуя со своими духовными чадами.

Анастасия Павловна Сальникова

Анастасия Павловна была слепой с детства. Господь дал ей дар прозорливости. Жила она постоянно в Долгом, о ней многие знали на Дону. Народ к ней ходил, она многим предсказывала, давала советы. Пела на клиросе в Михайловской церкви, знала на память Псалтирь. Сама ходила с палочкой на все службы в храм.

После революции её арестовали и повезли в Берёзовку. Довезли до Рыбного, и тогда она сказала сопровождавшим её бойцам: «Куда ж я пойду, я же слепая?» — а сама стала рассказывать стражам всю их жизнь и подноготную. После этого они не просто отпустили её, но и привезли назад в Долгое.

Знала она помыслы приходивших. Так, говорит одной женщине:

— Ты шла ко мне, а у тебя чёрные мысли в голове, — и сказала, о чём та думала. — Ну ладно, Бог простит, и я прощаю.

Часто прозревала греховные помыслы, обличала и пробирала приходивших. Пришла к старице женщина:

— Что делать? Муж пьёт, хочу бросить его и уехать.

— Нет, тебе дороги нет, — ответила Анастасия Павловна, — у тебя дорога кобыльей мочой залита. Ишь ты, уехать задумала, а стариков кто прокормит [т. е. свёкра и свекровь]?

Та не поняла старицу, но впоследствии всё по её слову и вышло. Решила она поехать к родственникам, села в телегу, а когда добралась до места и направилась открывать ворота, лошадь дёрнула и прижала её упряжью к столбу. Женщина потеряла сознание, отвезли её на той же кобыле в данковскую больницу. А когда вернулась, вспомнила слова старицы и решила терпеть всё до конца. Пришлось ей ухаживать за больными свёкром и свекровью до самой их кончины.

Во время Великой Отечественной войны пришли к Анастасии Павловне две женщины и во время беседы спросили, придут ли с войны их мужья и сыновья.

Она ответила так:

— Придут. Выйдите за село и посмотрите: всё поле снопами уложено.

общежительный монастырь. В обители было три храма: Казанский, Троицкий и Рождества Христова. Под храмом Святой Троицы находилась пещерная церковь в честь Рождества Богородицы, в которой покоились останки блаженного Иоанна и строительниц обители — Дарии и Серафимы. По благословению старца в монастыре выкопали колодец, вода из которого исцеляла от многих болезней. Главной святыней обители была местночтимая икона Казанской Божией Матери.

Слова старицы стали понятны им много позже. Мужья их не вернулись с фронта. А это был образ: урожай собран, поле в снопах, так что тела их мужей остались в поле, а души собрал Господь в житнице Своей.

Во время войны много раз приходили к Анастасии Павловне с вопросом, когда война кончится. Та отвечала:

— Что вы ко мне пристаёте, то один Бог знает, откуда же мне знать!

Но однажды, ответив точно так же на заданный вопрос, вдруг радостно запела:

— Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав...

И это было точным ответом — ведь война действительно закончилась в светлые пасхальные дни 1945 года, когда Церковь восклицала: «Христос Воскресе!»

Кончину свою она прозревала. Однажды попросила привести священника, сказав:

— Мне скоро умирать, недолго осталось.

Пришёл священник, чтобы исповедать и причастить старицу:

— Чем грешила, говори.

— Грехов не пересчитать.

— И блуд творила?

— А как же, разве я не живой человек?

Сестра её, которая присутствовала при этой исповеди, воскликнула:

— Ох и Настасья, ну кто бы мог подумать!

— Замолчи, — строго сказала Анастасия Павловна, — а мыслями мы разве не грешим? И за это придётся отвечать пред Богом. Все мы грешные, как один.

Матушка Антония так говорила о старице: «Старенькая была, к ней очень много народа ходило, и, когда она умерла, а было это после войны, вызвали батюшек из Данкова, чтобы её похоронили. Хоронили её с почестями, хорошо. И поминки были, в каждом доме её поминали».

Ходит на могилку старицы народ и сегодня. Говорят, что помогает она в болезнях, скорбях, исцеляет и утешает.

Матушка Антония не говорила, пользовались ли её родители и она сама советами старицы, но, судя по духовной настроенности и благочестию семьи Кавешниковых, они обязательно должны были ходить к старице и беседовать с ней. В помяннике матушки сохранилось имя Анастасии Павловны.

С другим старцем, Яковом Мышинским, и родители Насти, и сама она имели очень тесное общение — об этом есть многочисленные свидетельства матушки и жителей её родного села.

Старец Яков Иванович Мышинский

Вспоминает матушка Антония: «Ходил к нам Яков — странник слепой из села Босковол. Дон у нас и у них протекает. И вот этот Яков назывался Мышинский (потому что жил в селе Мышинке), прозвище такое у него было. Многие подходили, и он говорил, всем судьбу рассказывал, кому что будет: кто будет богатый, кто будет бедный. Про себя он задолго до смерти говорил, что должен в лютую зиму замёрзнуть...»

Однажды Мария Петровна спросила у Якова Ивановича о судьбе любимой дочери Настеньки, и тот ответил:

— Судьба горькая, как осина.

— Яша, почему так, у девочки всё есть, красавица, умница...

Через некоторое время снова подошла к нему мать Насти с тревогой и надеждой, ведь Яков Иванович слепой, может — ошибся и другая судьба ожидается у дочери. Но старец ответил так:

— Мария Петровна, я же сказал, горькая судьба ей будет, невзгоды, болезни.

И сама Настенька, когда подросла, обратилась к старцу:

— Дедушка Яша, скажи мне что-нибудь. У меня плохая доля?

Он ответил ей:

— Твоё счастье — лучше не выходить замуж, косу девичью трепать.

Потом подумал и добавил, будто что-то услышав:

— Терпеть, сколько можно терпеть! Терпеть!!!

Село Мышинка Рязанской губернии, родина Якова Ивановича, находилось в двенадцати верстах от Долгого. Старец Яков Мышинский был с виду слепой маленький старичок. Несмотря на свою слепоту, он знал, где кто живёт, и не просто знал, а ведал имена даже тех, кто только что родился в доме, и какое имя дали младенцу. Это был провидец Божий, Господь одарил его удивительным даром прозрения, пророчества. Но в своём родном селе он почти не жил, а постоянно странствовал с неизменным своим посохом по сёлам Придонья, и всех удивляло, как он ходил слепой по таким длинным извилистым дорогам без провожатых и ни разу в жизни не заблудился.

Однажды сестра старца спросила его:

— Как ты без провожатого ходишь, кто тебя водит?

— Не время тебе знать это, я тебе открою, но не сейчас.

Перед смертью он сказал ей:

— Передо мной будто огненный шар катится, и я не схожу с пути. Молитву творю непрестанно, вот Господь и указывает дорогу.

С детства слепой, Яков Иванович ходил от села к селу, жил подаянием: кто кусок хлеба подаст, кто копеечку. Придёт, бывало, в деревню и спрашивает: «Как здоровье новорождённого?» А никто из близких ещё не знает, что ребёнок родился.

Был он простец, но удивительно мудрый. Подведут к Якову Ивановичу маленьких детишек, он погладит каждого по головке и говорит:

— Этот будет начальник.

— Этого не дождёшься, ленив.

— Этот не так умный, не так дурак.

Обнимет голову другого, подумает и скажет:

— А этому горе будет.

Многое было ему открыто в людях. Сам Яков Иванович говорил:

— Дурака можно узнать по физиономии.

— Так ведь ты незрячий, как же узнаёшь? — спрашивали его.

— Доброго и недоброго можно враз со слов определить.

Людей особенно изумляло и то, что Яков Иванович знал *всех* без исключения жителей сёл и деревень, в которых появлялся. Никто ему этих сведений, конечно же, не сообщал, но Господь даровал ему такое поразительное ведение.

Яков Иванович провидел свою кончину, которая была страдальческой. Как-то зимой увидели его сидящим у дороги на пне и сказали:

— Яков Иванович, давайте мы вас подвезём.

— Нет, езжайте. Пришло время мне отдохнуть.

В тот день его и нашли на этом же пне уже мёртвым. Хоронили его в родном селе на местном кладбище.

Матушка Антония так вспоминала о его кончине: «Яша блаженный замёрз, и село о нём очень тосковало, потому что не осталось у нас такого человека, который был бы прозорливый».

ХРАМЫ

Село Долгое упоминается в окладной книге 1676 года. Уже тогда была здесь деревянная церковь Архангела Михаила, «где при той церкви показано 73 двора детей боярских, 24 двора бобыльских и 4 причта, всего 101 двор». Согласно храмозданной грамоте, данной 20 мая 1781 года, Архангельская церковь была заново перестроена, и в 1782 году 28 ноября священник Алексий Григорьев с причтом и прихожанами просил дозволения освятить перестроенную за ветхостью церковь с выдачей ему антиминса, так как «прежний имеется древен, потемнел и выдан в 1601 году». Так что в начале XVII века храм, а тем более и село Долгое уже существовали. Школа при храме открылась в 1865 году. По штату 1873 года в причте положен один священник и один псаломщик.

Из священнослужителей Архангельского храма известны: Даниил (упомянут в 1675 году), Иларион (Филимонов), родился в 1694 г., Малахия (Филимонов), родился в 1702 г., Лукилиан (Иларионов), умер в 1734 г., Григорий Никифоров, родился в 1734 г., Алексий Григорьев, умер в 1782 г., Тимофей Трифонов (1793-1830), Иоанн Семёнович Князевский (1830-1842), Иоанн Васильевич Муретов (с 1863 г.).

Жители Долгого любили свой храм, и потому он всегда был в прекрасном состоянии. Со временем были освящены ещё два престола: в честь Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая. Однако храм был мал для огромного по тем временам прихода: сюда приходили помолиться верующие из многих окрестных деревень (матушка называла число их — семнадцать). На Пасхальную службу собиралось до двух тысяч человек, так что храм не мог вместить всех прихожан. Старожилы вспоминают, что на Пасху стояла очередь желающих освятить куличи и пасхи на 200-300 метров от дверей храма. Поэтому прихожане Архангельской церкви несколько лет собирали средства для строительства нового каменного храма.

Незадолго перед Октябрьской революцией начались работы: практически всё село участвовало в возведении храма. Люди не жалели ни средств, ни времени. Даже дети помогали: таскали кирпичи к лесам. Возможно, и Настя участвовала в этих трудах. Церковь получилась красивая, просторная: пятикупольный храм с высокой колокольней. Уже закончили внутреннюю отделку, сделали полы, заказали и привезли иконостас, но установить не успели — грянула революция. Храм так и остался неосвящённым.

После революции оба храма разделили обычную судьбу порушенных святынь Русской земли. В деревянном Архангельском храме богослужения продолжались до 1935 года. Настоятелем храма в годы лихолетья был отец Евгений: жил он в Долгом с матушкой и четырьмя детьми. Когда в 1935 году сотрудники НКВД прибыли, чтобы арестовать батюшку, прихожане дали ему женскую одежду, и он ушёл из села неузнанный. Позже его всё же арестовали и куда-то увезли. Какова его дальнейшая судьба, мы не ведаем, но в «расстрельный 37-й» мало кому из священников удалось избежать мученичества за веру. Дом священника реквизировали, а матушка с детьми вынуждена была уехать.

Неподалёку от храма находилось добротное здание церковно-приходской школы, в которой когда-то училась и Настя. После закрытия школы здание её взяли под сельсовет, здесь же разместились временно клуб и почта. Впоследствии дом сломали и на его месте построили клуб.

В 1930-е годы стали разбирать деревянную церковь. Более всех старался в этом деле вождь местных атеистов — народ прозвал его «Керенский». Это он закрывал церковь, под его же руководством ломали храм, и он же раскулачивал местных жителей. Никто из жителей села не хотел участвовать в святотатстве. Тогда Керенский нашёл себе помощника из соседнего района, который согласился сбросить колокол с колокольни. Происходило это событие принародно, всё село собралось. И вот этот «звонарь» сорвался с колокольни и разбился насмерть.

Разрушение храма в результате отложили, но ненадолго. Деревянную церковь вскоре разобрали, а брёвна и доски использовали для строительства сберкассы и новой школы. Верующие пытались защитить храм, но «зачинщиков» тут же арестовали и осудили по 58-й статье. Местные жители вспоминают, как из больших храмовых икон делали оконные и дверные рамы для школы. Поселившийся при школе новый директор не смог жить в её здании. Он говорил, что окна и двери совершенно не держали тепло: в комнатах так дуло, что он постоянно простужался и вынужден был уйти на квартиру. Закрасят, замажут, заклеят щели, а они снова появляются.

Каменная церковь стояла дольше. Пытались и её разбить, чтобы использовать кирпич в строительстве. Однако кладка была столь прочной, что кирпич крошился под ударами, так что его уже невозможно было применить. Тогда местные власти решили взорвать храм. Но что-то не рассчитали подрывники: здание церкви рухнуло, а колокольня осталась невредимой. Долго ещё валялась груда битого кирпича на месте храма, но и её в конце концов растащили для мощения дорог. А колокольня сохранилась до наших дней, только сейчас её используют как водонапорную башню. До сего дня она остаётся самым высоким сооружением в селе, это единственная архитектурная «вертикаль» в Долгом, видимая издалека и со всех сторон.

Насте было тринадцать лет, когда перестала существовать Российская империя. Пришли неведомые прежде тревоги и заботы. В окрестностях села появились дезертиры с оружием, и стало опасным для жизни выгонять на выпасы стадо. Когда Настя с матерью пошли к лесу нарвать травы для животных, дезертиры выследили их и погнались вслед. Еле-еле удалось им убежать. Мария Петровна очень испугалась и перестала брать с собой дочь.

В годы гражданской войны жили впроголодь. Мария Петровна варила для семьи похлёбку из того, что удавалось сохранить после реквизиций скота и продовольствия: натолчёт в ступе горсть пшена, нарежет мороженой картошки; тем и питались. В поле собирали оставленную там гнилую картошку, натирали её и пекли блины. Однако с мирной жизнью снова ожили: хозяйство окрепло, урожаи собирали хорошие.

Настю часто приглашали петь в окрестные храмы в дни престольных праздников. Да и сама она с радостью ходила на службы в храмы и ближайшие монастыри. Уже тогда появилась у неё тяга к паломничествам и странствиям по родной земле. Матушка вспоминала, что чаще всего бывала в храмах, находящихся на пути из Долгого в Данков. Молилась в храме великомученика Георгия села Требунки, в казачьем селе Бигильдино, где была большая церковь в честь Богоявления Христова. Здесь родился и вырос известный пастырь Русской Церкви священномученик Иоанн Кочуров (+ 1917 г.). Когда началось массовое закрытие храмов, жители Долгого стали ездить на службы в Данков, где остался единственный во всём уезде действующий храм великомученика Георгия. Настя ездила туда на службы, пела на клиросе. В этом храме постоянно бывал ещё один прозорливый старец с Дона — блаженный Родион. Возможно, Настя беседовала с ним. Погребён старец на Казанском кладбище. Люди и до наших дней не забывают его могилку, берут с неё землю во исцеление от болезней.

Тётки Насти, монахини Сезеновского монастыря, не раз говорили ей: «Не выходи замуж, не выходи! Служи Богу». Хотя это был явный призыв к пути служения Богу, да и старец Яков Мышинский не советовал ей выходить замуж, но Настя не была готова к монашеской жизни. Впоследствии сама матушка-схимница полушутя говорила: «Бабы каются, а девки замуж собираются».

Любила Настя красиво одеться, к празднику сама шила новые наряды. Племянница матушки (Клавдия Ивановна) вспоминает, что Настя одевалась очень хорошо, платки меняла каждый день, парни увивались за ней. Когда Настя подросла, женихов у неё было, как говорят и сейчас на Дону, «в отвал», по пять молодцов провожали её до дома после посиделок. И Настя выбрала среди них, как ей казалось, самого достойного — юношу по имени Фёдор. Несколько лет у них была чистая юношеская любовь, начавшаяся ещё со школы.

Учась в школе, Настя каждый день ходила через мост, а когда Дон разливался, отец перевозил её на лодке. Впоследствии её стал провожать соученик — Федя, из семьи Вишняковых. Федя очень нежно и бережно относился к ней, полюбил её, и всему селу было на диво, как ухаживал он за ней. Многие говорили: «Ах, как повезло Якову и Марии, такой жених у Насти появился».

После революции Настя всё так же продолжала петь на клиросе, не пропуская служб. Но время было уже иное. Появились в Долгом борцы с верой, даже из числа сверстников Насти.

Мальчишки избивали детей, которые пели на клиросе, подстерегая их после храма. Федя после каждой службы провожал Настю, защищая её от нападений. Обычно Федя доводил её через мост до самого дома. Дон хотя и тихий, но иногда бывал и коварным, особенно во время половодья. Бывало, волны перекатывали через мост. Поэтому не всегда можно было пройти до дома. В таких случаях Федя перевозил девушку на лодке.

В 1922 году Насте исполнилось восемнадцать лет, и родители благословили её на брак с Фёдором Вишняковым. Никто не противился этому союзу, потому что всё село видело, какое бережное и доброе отношение было у Фёдора к невесте. Настя любила своего избранника, верила в счастливую жизнь с ним, и её не могли остановить ни предупреждения старца Якова Ивановича, ни совет тётушек-монахинь, ни пророчество дивных странниц.

Не остановил Настю и тревожный знак: когда её везли от дома к венчанию, лошадь вздыбилась и понесла. Вот как вспоминает об этом сама матушка: «Купили мы лошадь хорошая была, мы её берегли. Но вот, когда повезли меня к венцу, этот молодой конь взбесился. Когда кучер вёз меня и мать по мосту, — вот как взвинтило, и мы попали: я на сук а мать в воду. Икона была с нами большая – Казанской Божией Матери — прямо в воду. И мать моя поплыла, а Дон был широкий. Еле живой вылезла. А конь переломал все дуги и сделался как бешеный. Его под уздцы взяли, били по морде, еле-еле потом отвели в конюшню. Свадьба была нарушена. Когда выплыли, на мне весь наряд был мятый и бок разорван, но батюшки любили меня, потому что я была певчая, и повенчали...»

Во время венчания в храме у невесты загорелась фата. Все эти события надолго стали предметом обсуждения среди знакомых и близких обеих семей: что бы это значило, когда такие странные события происходят во время свадьбы?

После венчания в доме Вишняковых было застолье. Настя чувствовала себя очень плохо после всего пережитого, кружилась голова. Она попросила Фёдора проводить её во двор, но тот сказал: «Нет, иди одна, мне нужно с мужиками побыть, видишь, они крепко выпили». Настя вышла во двор, и вдруг на неё бросился огромный белый пёс[4] с горящими глазами, положил лапы на плечи и каким-то удушливым жаром дохнул на неё, после чего Настя потеряла сознание. Очнувшись, Настя увидела мужа и испугалась. «Это был не тот Фёдор, не мой Фёдор», — вспоминала матушка. Настя рассказала Фёдору, что на неё набросилась какая-то собака. Муж ответил с непонятно откуда взявшейся злобой: «Отойди, от тебя псиной воняет».

Так с первого же дня совместной жизни всё пошло кувырком. Муж возненавидел Настю. Она не могла объяснить, что произошло: после таких многолетних добрых отношений, взаимной любви у Фёдора появилось отвращение к жене. Затем началось ещё более страшное: Федор стал избивать Настю — бил её кулаками, ногами, кнутом, всем, что попадалось под руку.

Продолжал он избивать юную жену и когда она вынашивала их первенца. Однажды Настин свояк Андрей увидел, как Фёдор бьёт жену прямо в поле, подскакал на коне и исхлестал плёткой обидчика Насти так, что тот на коленях умолял и божился: «Я больше никогда её не трону!»

После этого Андрей посадил Настю на лошадь и привёз в дом к родителям. Вскоре родила она мальчика, которого назвали в честь деда (отца мужа) Николаем. Сама Настя хотела назвать его Ильёй, так как родился ребёнок 2 августа 1924 года — в день памяти пророка Илии, но родственники мужа настояли на своём. Настя думала, что ребёнок не выживет из-за множества побоев, которые она вынесла во время беременности, но младенца удалось выходить.

[4] Духовный отец матушки преподобный Кукша говорил, что видел однажды беса в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры. Тот явился в виде огромной собаки с большими злыми глазами, заградившей весь проход. Батюшка перекрестил пса — и тот исчез.

Однако долго оставаться в родительском доме Настя не могла. По деревенским понятиям, она была «мужняя жена», и, значит, ей нужно было возвращаться к Фёдору, тем более что по селу пошли толки, что не всё благополучно в молодой семье. Многие видели Настю в синяках, когда приходила она в церковь. И хотя надвигала она платочек пониже на глаза, следы побоев нельзя было скрыть.

Рождение сына ничего не изменило: Фёдор продолжал избивать жену. В 1926 году родился второй сын, которого назвали Василием. Настя не говорила своим родным об истязаниях мужа, но они сами скоро увидели, что тот не просто бьёт, а пытается забить жену до смерти. Фёдор постоянно изменял Насте, когда она сидела с маленькими детьми, и дважды пытался избавиться от нелюбимой жены. Позвал её в лес якобы на прогулку, привязал к дереву и стал душить. Настя закричала. По счастью, крик услышал лесник, подошел и, увидев происходящее, спросил Фёдора:

— Ты что ж делаешь-то?

— Она от меня гуляет, и я хочу её проучить.

— Знаю, как и кто гуляет, — сказал лесник и освободил Настю

В другой раз Фёдор снова затащил жену в лес, привязал и оставил в самой глуши. Слетелись комары и слепни, нещадно жалили её. Настя молилась. И снова Господь помог: её обнаружили охотники, развязали и довели до дома.

«Такие мытарства проходила, — вспоминала матушка, — как надо мной издевался муж — бил, много лет изменял, домой приходил поздно, в погребе закрывал, привязывал к дереву в лесу». Вспоминая слова прозорливого старца Якова Ивановича о своей судьбе, матушка говорила: «Так вся жизнь моя с мужем и детьми была горькая, как осина!»

Причина разлада в семье Вишняковых открылась много позже. У Фёдора Николаевича, мужа Насти, был брат Константин. Его жена воспылала страстью к Фёдору и сумела внушить ему ненависть к Насте. Хотела она соперницу со света сжить, а на мужа своего донесла «куда следует», что он говорил против советской власти, так что отправили его в лагерь. Фёдор тайно жил с женой брата своего, и родился у них сын. В первый же военный год он погиб на фронте. Когда пришла «похоронка», мать погибшего от великого горя на всё село кричала: «Настя, прости меня! Это я виновата, это меня Господь за тебя наказал, прости меня!»

Настя носила во чреве третьего ребёнка, когда муж уехал в Москву. Сам он говорил, что ему нельзя оставаться в Долгом, так как даже родные восстали против него. Они-то, видимо, знали о его двойной жизни. Кроме того, для всех было уже очевидно, что Фёдор бьёт жену смертным боем и нужно как-то остановить его. В Москве Фёдор закончил водительские курсы и поступил на работу шофёром в крупное автохозяйство.

В 1929 году Настя родила младшего сына, назвали его Михаилом. Родным мужа она была совершенно не нужна. Они говорили, что от хорошей жены мужья не бегают, и предлагали ей искать другое место жительства. Но Насте с тремя детьми идти было некуда: в родительском доме вместе с Яковом Васильевичем и Марией Петровной жил брат Иван с женой Анной Даниловной и пятью детьми — Клавдией, Николаем, Павлом, Василием и Михаилом. Сестра Ксения с любимым свояком Андреем и тремя детьми жили в небольшом домике рядом с родительским.

Родился Михаил в «год великого перелома», который обернулся для жителей Долгого, Как и для многих миллионов крестьян Советской России, кошмаром коллективизации. Революция и новая власть методично разрушали жизненные устои русских людей, а колхозы добивали

остатки устроенного крестьянского быта. При единоличном хозяйстве жители Долгого не голодали, работали, как и прежде, в поте лица добывая хлеб, собирали урожай, сдавали налоги. Трудно было, пояса затягивали потуже, но выживали.

С колхозов начался в Долгом, как и по всей России, голод. Когда организовали колхоз, все были обязаны работать за «палочки» — трудодни, за которые ничего не платили. Яков Васильевич не хотел идти в колхоз, но его добрый знакомый сказал: «Погубишь всю семью, всё равно загонят силой». Однако он всё выжидал. Когда начали раскулачивать всех, кто не захотел идти в колхоз, многие бросились спасать жизнь — свою и своих родных. Некоторым удавалось выправить документы и уехать из села.

И всё же пришлось Кавешниковым идти в колхоз, так как иначе угрожали арестом и выселением. Отец написал заявление о вступлении в колхоз, после чего всю ночь стоял на коленях пред иконами и плакал, так жалко было отдавать нажитое за долгую жизнь. «Не могу я жить без лошадей. Как отдавать неизвестно кому то, что заработал своим трудом?» — говорил он родным.

Утром повели на общий двор лошадей, коров, мелкий скот, потом пришлось отвозить сельхозинвентарь, повозки и телеги. А через несколько дней, помучившись, Яков Васильевич забрал своё заявление и привёл лошадей и коров домой. Почти сразу после этого его взяли под стражу. Тогда жена пошла к председателю и умоляла его со слезами: «Прими назад, всё отдадим в колхоз, старик из ума выжил, прости его!»

Составили документ о «покаянии» противника колхозного строя, и Якова Васильевича отпустили. Но в колхозе он не мог работать, и пришлось уходить на торфоразработки, так как найти работу в селе в то время было почти невозможно.

Вспоминает племянница матушки (Клавдия Ивановна), бывшая свидетельницей всех описываемых событий: «Душили нас, как собак. Новый порядок пришёл: ни пить и ни есть не дают — только работать. Но как жить, если по сто грамм на человека выдавали, да не зерна, а гнилых овощей. Оставалось или умирать, или воровать с колхозного поля. Невозможно было видеть, как дети пухнут с голода. За карман колосков, собранный со скошенного поля, три года давали. Пастух насыплет несколько горстей зерна — тоже три года. Пойдём косить — по гектару на семью получается, а на Троицу и в другие праздники в храм не пускают. Просим: хоть в лес отпустите погулять. Женщины, вдовы носили брёвна, копали ямы, таскали на горбу мешки по пятьдесят килограмм. Господь дал русскому человеку терпение... Терпели. Церкви позакрывали, только в Данкове остался храм, приходилось ходить на службу за двадцать пять километров пешком».

Настя оставалась в это тяжкое время в семье мужа, но вряд ли ей было легче, чем родным. Матушка вспоминала, что у семьи мужа в 1929 году осталась одна корова, весь остальной скот и инвентарь пришлось сдать в колхоз. Фёдор, сбежавший в Москву, не помогал ей ни материально, ни морально. Удалось ей устроиться работать сторожем, тем и жила.

В 1934 году умерла мама — Мария Петровна. Матушка Антония так вспоминает об этом событии: «Я очень любила мою маму, очень много о ней молилась. Отец умер после неё через десять лет, они были одногодки с мамой. Когда папа скончался, меня в Долгом уже не было. Моя мама скончалась в Благовещение, 7 апреля 1934 года, в четыре часа дня, а в тот год это была Великая Суббота. А уже ночью запели “Христос Воскресе!” В Благовещение умерла, иод Пасху! Мама моя почему такую хорошую смерть взяла? Потому что из Иерусалима принимала паломников. И все говорили, что её Господь принял за то, что она всех странников встречала, принимала и провожала. Ей Господь дал такую жизнь и кончину в такие два праздника».

Глава вторая

В МОСКВЕ

После отъезда Фёдора в Москву Настя жила с детьми в доме мужа. От мужа не было ни помощи, ни вестей, Настя даже не знала его адреса. Кто-то из односельчан подсказал: «Что ж ты с тремя детьми одна маешься? Отправляйся в Москву и вези всех к нему».

Нашлись добрые люди, которые помогли ей добраться до Москвы и отыскать место, где жил её муж. Пока не удалось выяснить точно, когда Настя с детьми уехала из Долгого, но случилось это где-то в начале 1930-х годов. Прямого сообщения с Москвой тогда не было, нет и до сих пор, так что путь был нелёгким. И вот она с тремя детьми отыскала Арбузовский переулок, где жил в общежитии Фёдор Николаевич. Постучала в указанную ей комнату и, увидев незнакомую женщину, выяснила, что это новая жена Фёдора. Для Насти это означало необходимость самой устраиваться в Москве с детьми. Советское государство не признавало церковный брак, и потому при новом режиме граждане могли совершенно свободно жениться и выходить замуж, независимо от того, была ли у них прежде семья. Оставив детей у мужа, Настя отправилась к коменданту автохозяйства, где работал Фёдор Николаевич, объяснила ситуацию, и ей выделили временно место в общежитии. Здесь она могла оставить вещи и переночевать, пока не устроится.

При автохозяйстве был женский комитет, и Насте предложили обратиться туда за помощью. Фёдора Николаевича спросили, почему он не помогает своей жене с тремя детьми, на что тот ответил, что бывшая его жена происходит из кулацкой семьи и потому он не может жить с ней. Детей Фёдор Николаевич согласился оставить у себя до тех пор, пока Анастасия Яковлевна не устроится на работу. Вряд ли Насте было легко отдавать детей на попечение совершенно незнакомой женщины, но иного выхода она не видела. Впоследствии у неё сложились хорошие отношения с новой женой Фёдора, поскольку та оказалась добрым и отзывчивым человеком и постоянно заботилась о детях мужа.

Женский комитет устроил Анастасию Яковлевну на работу прачкой — в том же общежитии, где она пока обитала с детьми. Это было семейное общежитие. У Насти была небольшая комнатка с общим окном, в которой стояли две кровати. Во дворе общежития находилась рабочая столовая, здесь Настя обедала с детьми. Однако очень скоро пришлось отвезти ребят к сестре Ксении, которая к тому времени переехала в подмосковный посёлок Мцыри (в тридцати километрах от Москвы). Муж Ксении Андреи встретился с Фёдором Николаевичем и сказал, что его дети живут в их доме, это не может долго продолжаться, нужно что-то делать.

Фёдор Николаевич приезжал в Мцыри и, увидев Настю, начал нападать на неё, язвить и хамить, всё норовил ткнуть ей вилкой в лицо. Андрей не позволил ему распустить руки, но уходили бывшие супруги из дома отдельно и уехали на разных поездах. Племянница матушки, которая была свидетельницей этой встречи, рассказывает: «Я помню взгляд дяди Феди, его трудно описать. Такой тяжёлый взгляд. В нём что-то дикое было, то же, что в Михаиле (сыне), глаза наливались кровью».

Пока Настя находилась на работе, за ребятами нужен был присмотр. Тогда новая жена Фёдора Николаевича предложила взять к себе младшего сына Михаила, и Настя согласилась. Впоследствии у отца жил и старший сын — Николай, а средний, Василий, постоянно был с матерью.

Известно, что Анастасия Яковлевна ходила на приём к М. И. Калинину по поводу получения жилья в Москве, после чего появилась возможность жить в селе Семёновское[5].

[5] Село Семёновское — местность на юго-западе Москвы. Соседствует с Раменками на северо-западе, с Никольским на юге, с Воронцовом на юго-востоке, с Шаболовом и Черёмушками. Название происходит от

Анастасии Яковлевне выделили комнату в бараке и прописали. После этого она ушла из прачечной и работала продавцом в палатках: продавала молоко, газированную воду и другие товары по сезону. Кроме того, находила подённую работу: убирала, стирала и гладила бельё, подметала улицу, чтобы прокормить детей.

Пока мама бегала, зарабатывая деньги, Василий сидел вместо неё в палатке. Сам он вспоминал об этом времени: «Идёт какая-нибудь старушка, а я ей за так налью водички. А если идут молодые люди или с дамой кто-то, я им на копейку дороже воду продаю».

Во время работы в прачечной Настя часто пела, и кто-то из сотрудников, услышав её голос, подсказал, что на Воробьёвых горах есть клуб, куда можно ходить и совершенствоваться в пении. Настя пошла в этот клуб и быстро освоилась. Нотную грамоту она знала хорошо, пела и читала с листа, голос от природы имела чудесный и потому довольно скоро стала выступать. В клубе ей не нужно было осваивать новый репертуар: русские народные песни, романсы она знала ещё с детства. Матушка вспоминала, что в клубе были очень хорошие музыкальные руководители — опытные, грамотные.

Вскоре имя Анастасии появилось на афишах: она пела на концертах под гитару народные песни, романсы, современные песни. Насте не хотелось выступать под фамилией мужа, поскольку никаких семейных отношений у них не было, и она придумала себе псевдоним. К сожалению, сама матушка не назвала, под какой фамилией она выступала, однако в одном из документов, кажется, указан её артистический псевдоним — Пузырёва. Пела она в концертах вместе с Лидией Руслановой (1900-1973) и Антониной Сметанкиной. Ей очень нравилось пение Сметанкиной. «У неё сильнее голос, больше души, больше нежности, а у Руслановой больше наигранноcти», — вспоминала матушка.

На концерты в клуб ходило немало военных, там Настя и познакомилась с Леонидом Григорьевичем Вишневским, известным лётчиком-испытателем. Леониду Григорьевичу очень нравился её голос, и он старался не пропускать выступлений Насти, полюбил её и в конце концов сделал ей предложение. Настя обрела счастье в этом браке. Они с Леонидом удивительно подходили друг другу. Казалось, кончились времена тягот и испытаний. Воспоминания племянницы матушки Анны Андреевны сохранили нам облик второго мужа Анастасии:

«Дядя Лёня с матушкой приезжали к нам в Мцыри. Им очень нравилось у нас, они гуляли там подолгу. Он был мало сказать что интересный человек, — умный, добрый. Тётушка была очень счастливой, буквально светилась. Помню, какой приезжала она: платок большой с кистями, фильдеперсовые чулки — крик тогдашней моды, фетровые сапожки. Когда она бывала у нас, я потихоньку надевала её сапожки, как кот в сапогах получалось. А дядя Лёня просил меня:

— Ну-ка, расскажи “Генерала Топтыгина”.

Я встану перед ним и читаю, а он такими глазами смотрел, у меня до сих пор в памяти, с какой добротой он смотрел. Он очень любил детей и, по-моему, сам был как ребёнок. А тётушка говорила:

— Мне даже страшно, что я такая счастливая!

Дядя Лёня очень хорошо относился ко всей нашей семье, даже ездил с тётушкой к моей сестре Любе в Брянск. У Любы родился мальчик, так имя ему дал дядя Лёня, предложив назвать в память о Чкалове Валерием.

бывшего села, известного с XV в. как великокняжеская вотчина. С конца 1940-х гг. Семёновское вошло в черту Москвы. В 1950-1960-х гг. слилось с застройкой Новых Черёмушек.

Старший сын тётушки Николай воспринимал этот брак болезненно, не принимал Леонида, а Василий был очень доволен. Когда Леонида направляли в командировки на дальние аэродромы, тётушка ездила вместе с ним, и они постоянно брали Василия с собой. Да и жил он вместе с ними. У Леонида было во Внукове жильё, в лётном городке. За тётушкой оставалось её место в Семёновском, и она жила то здесь, то у Леонида.

Помню, как-то тётушка приехала к нам вся в слезах. Было это осенью. Она сказала, что Леонид с другим лётчиком испытывали самолёт, который потерял управление и разбился. В результате его напарник погиб, а у Леонида был перелом обеих ног, и он лежал в госпитале, кости долго не срастались. Были разговоры, арестуют ли дядю Лёню, когда он из госпиталя выйдет, или нет. Ему очень трудно было, долго пришлось отписываться и объясняться о причинах аварии...

Шёл 1941-й год, но войны ещё не было. Тётушка жила у нас в Мцыри. Мы ждали дядю Лёню из госпиталя. И вот увидели, как он с палочкой медленно спускается с горы. Мы с тётушкой спрятались под мост, и она запела. Река сейчас узенькая, не знаю, куда ушла вода, а раньше она мощным потоком бурлила. Резонанс был очень сильный, когда она запела под мостом. А потом мы вышли навстречу дяде Лене, и он протянул тётушке руки со словами:

— Ася, какой голос! Если бы ты слышала, как пела женщина. Какой чудный голос!

Я не поняла его игры и сказала:

— Это мамася пела, а ты не узнал!

Он сделал вид, что не поверил, — какая-то тёплая, ласковая игра получилась. А голос у тётушки и в самом деле был красивый.

А как он был одет! По сей день вспоминаю и думаю: почему мужчины сейчас так не одеваются? На нём была кремовая рубашка-косоворотка, широкий рукав, под кушаком, белые брюки: ткань как шёлк, и внизу что-то такое, впечатление такое, что они не гнутся. Вот так шёл дядя Лёня, весь светлый. Привела я их домой, а мама говорит мне:

— Ну-ка для своего любимого дяди Лёни лучку нарви.

Я лучок быстренько собрала, а огурцы только начинались. Иду с луком, руки грязные, а дядя Лёня меня обнимает, несмотря на роскошные одежды. Он очень любил детей.

Через много лет, уже после возвращения матушки из Нижнего Тагила, собралась я в Мцыри, а она говорила:

— Передай привет любимому месту, нижайший поклон от меня и от Леонида».

Живя в Москве, Анастасия Яковлевна окончила четыре класса школы для взрослых. Матушка вспоминала, что после замужества она хорошо зарабатывала, выступая на концертах, к тому же лётчикам платили немалые по тем временам деньги. Тогда она начала покупать драгоценные камни и золото, чтобы иметь возможность в будущем дать хорошее образование сыновьям. Возможно, на неё повлияло и новое окружение — многие московские артисты увлекались тогда собиранием драгоценностей[6].

[6] Когда Л. А. Русланову арестовали в 1948 году, при обыске в её квартире обнаружили множество драгоценных камней, платиновых, золотых и серебряных изделий. На вопрос следователя, откуда она брала средства на приобретение таких ценностей, Русланова ответила, что хорошо зарабатывала исполнением русских песен, особенно благодаря «левым» концертам. Кроме того, она сказала, что скупкой драгоценностей занимаются многие московские артисты, это было в их среде чем-то вроде моды.

Однажды пришла она домой, открыла шкатулку с драгоценностями и увидела, что они почернели! Конечно, она поняла, что это — вразумление Божие и что нужно прекратить собирательство.

Незадолго перед началом войны старший сын Анастасии Яковлевны Николай поступил в артиллерийское училище. Василий оставался с матерью, а Михаил — в новой семье Фёдора Николаевича. Анастасия Яковлевна часто навещала их. Новая жена Фёдора обращалась с Михаилом ласково, любила его, как мать.

Когда началась Великая Отечественная война, Анастасия заехала к сестре в Мцыри и сказала: «Если что случится, приезжайте ко мне в Семёновское». Тогда же она сообщила, что Леонид в первый день войны пошёл, не долечившись, с палочкой, в военкомат, и его сразу отправили на аэродром.

Весной 1942 года погиб на фронте старший брат матушки — Иван Яковлевич. Последними его видели сестра Ксения и её дочь Анна Андреевна. Обратимся снова к её воспоминаниям:

«Брат матушки дядя Ваня с первых дней войны вступил в ополчение. Располагалась его часть в Жаворонках, недалеко от Мцыри. Мы к нему ходили, и он к нам. Однажды ночью он постучал к нам и сказал маме:

— Ксения, мы уходим. Я не могу остаться, если отстану, скажут — дезертир... Нам нужно перейти Волоколамское и Пятницкое шоссе, а немцы уже под Волоколамском. Уезжайте отсюда скорее, ведь здесь камня на камне не оставят. Ну, вы-то взрослые, а девочку... как бы что ни случилось!

Оттуда дядя Ваня последнее письмо прислал: Не знаю, жив ли буду, но, если меня не будет, кланяйтесь земле нашей, Дону, детям...” Он и погиб под Волоколамском»[7].

Когда немцы подошли к Москве, Ксения с семьёй переехали в Москву. Анастасия Яковлевна пришла к ним и сказала сестре: «Если меня какое-то время не будет, ты не переживай, просто так обстоятельства складываются». За ней уже тогда следили. Мужу сестры Андрею она сказала:

— Свояк, не говори сестре, меня, наверное, арестуют.

— Что так?

— Потому что Леонид — враг народа.

— Как? Этого не может быть! Ты должна...

— Ничего я не должна. Мне сказали уже, чтобы я никуда не уходила из дома.

В декабре 1941 года сотрудники НКВД пришли в дом, где жила тогда Анастасия Яковлевна с сыном Василием, от которого и стали известны некоторые подробности той беседы. Её спросили:

[7] Согласно официальным документам, И. Я. Кавешников пошёл на фронт добровольцем. В самом начале войны был зачислен в пятую дивизию народного ополчения, так называемую Сталинскую дивизию, которая формировалась в Сталинском районе города Москвы. 7 октября 1941 г. дивизия была окружена под Вязьмой. Выйдя из окружения в середине ноября 1941 г., дивизия сражалась в районе Волоколамска. В личном деле указано, что И.Я. Кавешников пропал без вести в марте 1942 г. По запросу его жены Кавешниковой Анны Даниловны дан ответ 21 марта 1947 г., что её муж погиб, защищая Родину, в марте 1942 г.

— Кто такой Леонид Григорьевич Вишневский?

— Это мой муж.

А то, что он враг народа, знаете?

— Если вы называете его врагом народа, то сообщу вам, что старшин мои сын в армии и первый муж в армии — воюют с фашистами.

Анастасию Яковлевну предупредили, что она не должна выезжать из Москвы.

Хотя и началась война, репрессивный аппарат работал не сбавляя оборотов, указы и приказы об изолировании и ликвидации «врагов» новой власти выполнялись неукоснительно. Оперативный приказ Наркомата внутренних дел № 00486 от августа 1937 года гласил: «Приступить к репрессированию жен изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осуждённых военной коллегией и военными трибуналами по 1-й и 2-й категориям, начиная с 1 августа 1936 года». Согласно этому приказу, жёны осуждённых за измену родине подлежали аресту и заключению в лагере на срок не менее пяти—восьми лет. Несовершеннолетние дети направлялись в государственные детские дома, а судьба взрослых детей рассматривалась индивидуально.

К началу 1942 года старший сын Николай был на фронте. Средний, Василий, шестнадцати лет пошёл добровольцем в армию, а младший остался со второй женой отца. Лишь через девять лет, после лагеря и психушек, Анастасия Яковлевна узнала правду о судьбе мужа. Самолет Леонида был сбит за линией фронта, и он выходил из вражеского окружения вместе с раненым другом Михаилом Янчуром. Михаил не мог идти самостоятельно, и Леонид тащил его на своей потной куртке. Когда они вышли в расположение своих, и сразу же отправили в Особый отдел. Михаила пытались допрашивать, били, но он сразу терял сознание от боли и большой потери крови и потому не мог ничего толком объяснить. Леонида пытали на допросах, обвиняя в измене родине, шпионаже и т. п. Он отвечал:

— Что же, мне надо было себя убить? Тогда всё было бы хорошо и я в ваших глазах был героем? Но я не мог бросить раненого друга и вынес его.

Документов и оружия у Леонида не было, а суд в те времена был скорый и неправый. Его объявили «врагом народа» и расстреляли, а Михаила отправили в госпиталь на лечение, после чего заключили в лагерь. Перед расстрелом Леонид попросил друга, если тот останется живым, разыскать его жену Настю и помочь ей.

В 1948 году Анастасия Яковлевна, пытаясь узнать, как погиб Леонид, побывала на аэродроме, с которого он совершил свой последний вылет. Матушка вспоминала: «В 1948 году решила узнать, как погиб Леонид. Приехала в Белоруссию без билета, иду на аэродром — всё пусто, даже домов нет. Поговорила с начальником, он дал адреса старых жильцов. Затем меня отыскали с собакой, задержали, подозревая в шпионаже, потом отпустили».

Во времена хрущёвской «оттепели» матушка пыталась выяснить судьбу мужа в соответствующих органах — и получила ответ, что он расстрелян как враг народа.

Глава третья

ТАГИЛЛАГ НКВД

Нам удалось разыскать в архивах учётную карточку заключённой Тагиллага Анастасии Яковлевны Вишневской за № 56607. Этот порядковый номер поступившего в лагерь каждый заключённый обязан был помнить. По записям в этой карточке можно восстановить главные события жизни матушки в период ареста и пребывания в лагере.

Родные потеряли с ней связь в конце 1941 года, когда стало известно, что муж Анастасии Яковлевны осуждён как враг народа. Тогда же сотрудники НКВД предупредили её о том, что ей запрещено выезжать из Москвы. Оказалось, что Анастасия Яковлевна пренебрегла этим запретом и отправилась в Арзамас к родителям второго мужа. Сколько времени она пробыла в Арзамасе, мы не знаем. Из учётной карточки следует, что Анастасию Яковлевну Вишневскую арестовали 2 июня 1942 года: её ссадили с поезда, следовавшего из Арзамаса в Москву, но в тюрьму она попала только 22 июня.

Сама матушка вспоминала в беседе с кем-то из духовных чад, что она везла из Арзамаса вещи мужа и немного муки, когда её арестовали в поезде, обвинив в спекуляции. Приговор народного суда Первого участка Арзамасского района Горьковской области гласил, что обвиняемая осуждена 22 июля 1942 года по статье 107[8] УК сроком на пять лет. Начало срока определили с 22 июня 1942 года, т. е. месяц пребывания в тюрьме зачли в срок. Конец заключения был определён 22 июня 1947 года.

Матушка вспоминала, что после ареста руки ей не связывали, на допросах не пытали, а вот в лагере чего только не пришлось пережить. Затем пришлось ждать, когда сформируют Горьковский этап, к которому присоединили осуждённую, и лишь 2 сентября этап прибыл в Нижний Тагил. Именно в этот день была заполнена учётная карточка заключённой Вишневской. 11 сентября 1942 года Анастасия Яковлевна оказалась в пересыльном пункте Тагиллага, а 16 сентября её отправили на восьмой отдельный участок.

Так Анастасия Яковлевна оказалась в одном из самых крупных лагерей советского времени — Тагиллаге НКВД. Но таким он стал не сразу. Анастасия Яковлевна попала сюда в самом начале организации лагпунктов Тагиллага, и потому пришлось ей пережить все тяготы неустроенного быта, отсутствие жилья, питания, при ежедневной, изнурительной, каторжной работе.

После того как лагерь принял уже десятки тысяч заключённых и строительство объектов шло полным ходом, женщин, как правило, не использовали на работе в котлованах и на стройплощадках. Но матушка оказалась в Нижнем Тагиле в момент, когда рабочих рук не хватало, и потому её отправили в каменоломни, находившиеся в местечке, называемом Зайгора. Оно отмечено на карте Тагиллага, которая помещена в книге. Приведём теперь некоторые сведения об «островах» архипелага ГУЛАГ, на которых трудилась матушка в 1942-1946 годах.

Тагиллаг был организован в ноябре 1941 года в связи со строительством второй очереди Нижнетагильского металлургического и коксохимического заводов, а также объектов рудничного хозяйства и подчинялся Главпромстрою НКВД. После потери огромных территорий, занятых врагом, руководство страны прекрасно понимало, что без ввода новых мощностей по производству металла и проката для военной промышленности победа над врагом невозможна. Потому и было принято постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 18 ноября 1941 года о передаче Тагилстроя Наркомата по строительству в ведение НКВД. Официальной датой образования Тагиллага стало 27 января 1942 года, когда вышел приказ наркома внутренних дел Л. П. Берия.

---

[8] Текст этой статьи по УК РСФСР 1940 г. гласил: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления — лишение свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества» (УК РСФСР. ОГИЗ. Политиздат, 1941).

В годы войны гигантские заводы Тагила задыхались от недостатка рабочих. Для того чтобы обеспечить их дешёвой рабочей силой, и был создан лагерь. На всех основных стройках и производствах 1940-х годов трудились заключённые. В начале 1942 года стройки Тагила были обеспечены рабочей силой лишь наполовину. Поэтому НКВД срочно формировал этапы и направлял тысячи заключённых на строительные площадки.

Уже 25 декабря 1941 года на базе находившейся при Тагил-строе исправительно-трудовой колонии был образован лагпункт № 1 в составе 3587 человек. Вскоре начали подходить один за другими новые этапы. Руководству Тагиллага были поставлены жёсткие сроки ввода в действие доменных и мартеновских печей, коксохимических батарей. В кратчайший срок руками узников практически на голом месте была организована стройка с огромным лагерным хозяйством. Только за 1942 год сюда прибыло более шестидесяти четырех тысяч заключённых, а всего через Тагиллаг в годы войны прошло свыше ста сорока тысяч узников. Тагиллаг раскинулся на огромной территории. Здесь за колючей проволокой буквально на костях заключённых вводили в действие основные мощности металлургического завода, строили здание ТЭЦ, аглофабрику, Верхневольскую плотину, водопровод, жилые дома.

Заключённых использовали до полного износа, после чего они умирали от истощения в бараках или прямо на рабочих местах. Трудились по 12-13 часов в сутки без выходных. Бригады, не выполнившие дневной нормы, лишались хлебной пайки, что ещё больше сокращало отпущенный заключённым срок жизни. Главным идолом, пожиравшим людей в Тагиллаге, был *план*.

Спали в рабочей одежде на голых нарах, часто не было возможности умыться. Катастрофически не хватало обуви, тёплой одежды. На стройках практически не было экскаваторов и других механизмов, так что все тяжёлые работы делались в основном руками заключённых. Мало кто мог выжить здесь более нескольких месяцев. В лагере свирепствовал сыпной тиф, люди умирали от авитаминоза, цинги, дизентерии, замерзали в нетопленых землянках и бараках, где на человека приходилось менее квадратного метра. Хоронили умерших без гробов и без белья.

Для того чтобы воссоздать обстановку, в которой жила матушка в Тагиллаге, у нас было лишь несколько кратких свидетельств самой старицы. Однако во время работы над жизнеописанием удалось познакомиться с замечательной русской женщиной — Натальей Нифантьевной Протопоповой[9], которая была невинно осуждена по статье 58 (п. 10) и отправлена в Тагиллаг. Она находилась в лагере в те же годы, что и матушка, только срок у неё был десять лет. Более того, Наталья Нифантьевна находилась на том же восьмом участке и работала в том же лагерном лазарете, где трудилась матушка. Она поделилась своими воспоминаниями и позволила воспользоваться ими при составлении жизнеописания матушки Антонии. Послушаем живое свидетельство узницы Тагиллага — православной верующей русской женщины:

«Тагиллаг — очень большой лагерь, там было около двадцати шести участков на строительной площадке Нижнетагильского металлургического завода в радиусе от 30 до 200 километров. Это была гигантская стройка, на которой работали десятки тысяч заключённых. Но в самом городе не было участков, все они располагались в окрестностях Нижнего Тагила, в местах, где строились новые цеха и заводы. Там в основном находились заключённые, осуждённые по статье 58 пункт 10 — "антисоветская агитация". А по другим пунктам, допустим "шпионаж" или "измена родине", отправляли на Колыму, и верующих туда же отправляли — на Колыму, в Воркуту. Тагильский лагерь ещё терпимый был по условиям, не из самых страшных. Это огромная стройка, и нужно было давать объёмы работ, выполнять планы, вводить объекты. Поэтому там старались максимально использовать рабочую силу, а когда люди истощались, то просто умирали на рабочих местах или в бараках. Экзекуций и расстрелов у нас почти не было.

[9] Осуждена семнадцатилетней за письмо Сталину в защиту невинно осуждённого отца.

Побегов тоже практически не бывало. Один раз по “лагерному радио” передали, как работяга[10] не выдержал этой, жизни и пошёл на явную смерть. Он перебросил доску в запретную зону и имитировал побег. Ну, его пристрелили сразу. И только однажды привезли в лазарет целую машину стрелянных “мужиков”[11]. Они напали на конвой и хотели бежать, но неудачно, — и их постреляли.

На участке были поставлены деревянные бараки, каждый барак назывался “колонной”: колонна номер первый, второй и т. д. Начальником этой колонны был кто-то из заключённых, но только не осуждённые по 58-й статье и не воры, а обычно из бытовиков. Старались комплектовать колонны по статьям. Одна колонна — 58-я статья, другая — бытовики и ворьё. Бытовики и воры жили вперемежку. С 58-й воров не селили.

Эта колонна (или барак) состояла из сплошных двухъярусных деревянных нар. Никаких постелей, никаких подушек или матрацев — ничего не выдавалось. Работяг использовали исключительно на тяжёлых работах. В Тагиле это мерзлота, кайло, кирка, лом, лопата, — и все эти рельсобалочные цехи, мартены, домны, аглофабрики — всё это выкопано и построено руками заключённых. Выводили на развод с участка по полторы — четыре тысячи зэков.

Свои гражданские вещи носить было нельзя, они хранились в кладовке. Все ходили в бушлатах. Но тем, кто выступал в самодеятельности, работал в лазарете — разрешали носить свои вещи. В промзоне был валяльный цех, где валенки валяли, был пошивочный цех, где шили лагерные бушлаты, ватные штаны, чулки для работяг. В мастерской стегали эти ватные чулки, которые надевали потом в бахилы. Бахилы — это деревянная колодка, к ней приколочен брезент обойными гвоздями, с дырочками и верёвочкой. Одевается ватный чулок, потом эту бахилу надевают, завязывают верёвками — и вот в такой обуви на деревянной колодке постоянно работали. Тем, кого отправляли в котлован, зимой выдавали валенки.

Когда работяга приходил с общих работ из котлована, нужно было прежде всего просушить валенки или бахилы. Для этого была сушилка — в ней топилась печь, развешивалось всё это. Утром работяги брали из сушилки своё имущество, надевали и шли на развод. А спали так: телогрейку снимали и подстилали под себя, потому что топили плохо, тепла не хватало. Так что в чём работали, в том и спали.

Было очень много вшей, клопов, поэтому на вшивость проверяли, топили баню, меняли нижнее бельё, а вот штаны, телогрейки, шапки — это прожаривали в вошебойке и дезкамере. Стригли всех машинкой наголо, ни у кого из мужчин никаких волос не было.

Подъём в семь часов утра. Кто мог — умывался, шёл к выгребной яме (она была в конце каждого барака). Затем следовали на раздачу еды, одевались и шли на развод. Потом — каторжная работа, откуда назад — в барак. Работали по одиннадцать-двенадцать часов. Учётчики замеряли объёмы выполненных работ. Работали бригадами. Если бригада не выполнила нормы, хлеба не давали никому.

У каждого был свой котелок или миска. Котелок привязывали к верёвке, которой подвязана телогрейка, ложка засунута куда-нибудь. Если же ложки не было, заключённый выпивал содержимое миски через край. Кормили так. утром давали кипяток из кубовой и запеканку — это каша (обычно перловая), сваренная на воде безо всякого масла, она разливалась в самодельные противни, согнутые из железного листа, застывала, её нарезали на порции. Кроме того, утром работяга получал один килограмм чёрного хлеба, если он накануне выполнил дневную норму.

---

[10] Работяга — на лагерном жаргоне: осуждённый, отдающий ворам часть выработки и зарплаты.

[11] Мужик — на лагерном жаргоне имеет два значения: первое — добросовестно работающий заключённый; второе — заключённый-фраер (т. е. не имеющий отношения к воровской среде), знающий правила и традиции воров, но не зависимый от них и не входящий ни в какие группировки.

На работу привозили баланду. Каждому зэку полагался черпак супа. Суп состоял из какой-то рыбы, что была на кухне, — солёной кильки, тухлой, гнилой. Ничего не мылось, не перебиралось, а просто бросалось в котёл. Туда же отправляли мёрзлую картошку, если не успевали почистить, то неочищенную. Каждому наливали черпак этой баланды.

Вечером, когда приходили, получали то же, что и утром: кипяток и запеканку из перловки, только уже без хлеба. Если работяга перевыполнил норму, ему полагалась премия — пончик, это кусочек теста в сто грамм, обжаренный в растительном масле. И так изо дня в день.

Тяжёлая работа, холод, моральное состояние ужасное — безысходность, скудное питание, цинга, дизентерия, авитаминоз. Поэтому заключённые очень быстро деградировали. На приёме в лазарете обязательно осматривали приходивших. Видишь, что с него как будто мука сыпется на пол, т. е. кожа шелушится. Это безбелковый авитаминоз, первая стадия авитаминоза пеллагры[12].

Потом он начинает постепенно доходить[13]. Поэтому обязательно ставишь спиной к себе и осматриваешь ягодицы. Если в ягодицах мышцы держатся, он ещё может работать, его не освободят от тяжёлых работ. Потом у него начинают отекать ноги, на ягодицах остаётся один мешочек, он падает — и всё, сил у него уже нет. Он не может даже ходить и на разводе кричит. Тогда коменданты из бытовиков подходят, раскачивают его за руки, за ноги и выкидывают туда, где ожидает конвой с собаками. Потому что дежурному медику по этому разводу дан указ начальника участка: "Сегодня освободить только двенадцать человек, не больше!" А на развод вывели несколько сотен доходяг[14]. Они ползают возле тебя и кричат:

— Сестрица, я не могу!

Освободила двенадцать — и со слезами уходишь с развода, а остальных выкидывают за ворота. Там уже товарищи по бараку берут их под руки и волоком тянут в котлован. Дотянули, а он работать не может. Пока сидит зимой, он замерзает насмерть. Встречаешь развод, когда они обратно идут, — уже на плечах несут вдвоём мёртвых. Принимаешь, записываешь, сколько мертвецов принесли.

За всю войну ни одного выходного не было. Первый день отдыха дали после Победы — 9 или 10 мая, это был первый раз, когда работяг не вывели на работу!

Работягу заставляют трудиться до тех пор, пока он не начинает падать, потом его переводят в ОПП — оздоровительно-профилактический пункт. Это особая колонна, предназначенная для восстановления сил заключённых. Сюда попадали в основном больные дистрофией.

Тех, кто там находился, мы называли "гуси". Мне запомнилось: лето, мужик чуть не под два метра ростом, ну настоящий скелет ходячий, бродит по зоне в подштанниках, в рубахе, не обращая на это внимания. Обязательно сошьёт себе сумочку из тряпки и ходит по зоне, собирая что-то. Он всё время хочет есть. Он только что поел, но ему обязательно нужно что-нибудь спрятать в сумочку "на потом".

Одно время на участке в зоне посеяли овёс, и вот они ходили и щипали этот овёс, клали его в сумочку, потом садились где-то и ели. Поэтому мы и называли их "гуси". Или пойдут к кухне, в помойке копаются, выбирают что-то съедобное. Эти люди, которые ходили на помойки, выискивая съестное, теряли уважение своих собратьев. Это была последняя ступень, и

[12] От *pellis* – кожа. Авитаминоз, обусловленный недостаточностью никотиновой кислоты.
[13] Доходить — слабеть от голода и тяжёлой работы в лагере.
[14] Доходяга — ослабевший, обессиленный человек.

немногие занимались этим: презрение, которым награждали их товарищи, удерживало людей от падения.

Письма разрешались, но в обязательном порядке всё написанное проверялось, и ставился штамп. Для 58-й статьи посылки не разрешались, а блатные и бытовики получали. Для лагерного начальства мы были всё равно как фашисты, враги народа. Нас за людей не считали. Ты — враг народа, раз тебя осудили, значит, ты виноват, ты не человек.

По номерам, как в иных лагерях, у нас не называли. Был формуляр (учётная карточка) на каждого человека, в котором записывались основные сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, срок отсидки, статья и т. п.

Священников в лагере было немного, во всяком случае на нашем восьмом участке. Их держали в более строгих лагерях, из которых мало кто выходил живым. Здесь всё же кто-то выживал. Были куда более страшные лагеря. Так что религиозность свою люди скрывали. О вере мы не спрашивали друг у друга. Ложилась потихоньку на своё место в бараке и молилась читала про себя то, что помнила на память. Перекрестишься — только под бушлатом. Там ведь особый отдел — он за всеми следил. У особиста повсюду осведомители. Вызовет он зэка и говорит:

— Вот, если будешь мне доносить, наблюдать за такой-то, поблажку сделаем.

Поэтому мы старались ни о чём не спрашивать и сами ничего не рассказывали. Над нами постоянно довлел страх: не дай Бог, ты что-то не так скажешь, и тебе добавят к сроку ещё пять лет. Поэтому, как правило, никто друг о друге ничего не знал, да и не хотел узнать. Хотя дружеские отношения, конечно, были.

Был на нашем восьмом участке москвич из какого-то большого оркестра. До лагеря играл на флейте, а здесь работал санитаром в морге. У меня с ним были дружеские отношения, и всё свободное время, когда у меня выкраивалось, я бегала к нему в морг. После войны, когда разрешили получать посылки, ему прислали из Москвы флейту. И вот мне запомнился один день. Солнышко, тепло, мы сидим с ним на деревянном крылечке морга, и он мне играет на флейте. Столько лет прошло, а помню. Как сейчас помню этого москвича — деда. Удивительный был человек, очень добрый.

Была у нас в зоне монахиня, все звали её Марфуша. Мы познакомились с ней ещё на этапе, когда нас перевозили из горьковской тюрьмы в Нижний Тагил. Она была в годах, вместе с ней постоянно находилась Серафима, больная слоновой болезнью. Мы жили рядом в бараке, помню, что очень мёрзли там. Марфуша работала в прачечной и каждый день молилась где-нибудь в уголке. Они вместе с Серафимой очень красиво на два голоса пели духовные стихи. Особенно запомнился мне стих:

Господи, помилуй, Господи, прости!
Помози мне, Боже, крест свой донести.
Я великий грешник, сбился я с пути,
Господи, помилуй, Господи, прости!

Пели и другие стихи, читали молитвы. А больше я в лагере не встречала тех, кто открыто исповедовал свою веру.

В Тагиллаге женщин на общих работах обычно не использовали, работали в котлованах в основном мужчины, но бывали, конечно, и исключения. Женщин держали такое количество, какое требовалось для обслуги: пошивочное производство, ремонтные мастерские, поварихи, пекаря, бухгалтера, которые помогали вольнонаёмным.

Периодически делали обыски — «шмон» на нарах; этим занимались женщины-надзирательницы. Они нас за людей не считали. Это страшная система — им нужно было сломать человека. Посадят в карцер, выпустят, снова посадят — и так много раз, пока не станешь делать то, что они тебе приказывают, или не подпишешь то, что велят.

До 1949 года в Тагиллаге были смешанные участки, т. е. и женщины, и мужчины. Все живые люди. Были какие-то симпатии, были физиологические потребности, завязывались связи. Это строго преследовалось. Начальство узнавало о таких связях из доносов. Провинившихся тут же перебрасывали на разные участки, такие пары разлучали.

Если женщина с утра до ночи стирает в прачечной, питается из общего котла — и тут ей предлагают: будешь со мной жить, я тебя буду кормить, — а ей сидеть ещё десять лет... Помню, привезли к нам Зину — она машинисткой работала, красивая женщина. Она жила с поваром, который её хорошо кормил, он был из бытовиков. Но она то ли влюбилась, то ли понравилась молодому вору. И вот она и с тем, и с другим: там — хлеб, а здесь — любовь, привязанность. Вор узнал, что она ходит к повару, и её изрезал. Привезли её к нам в лазарет, живого места на руках не было, мы буквально собирали ей кисти рук в операционной.

Бывало, что забеременеет женщина в лагере. Или же её арестовали беременной, и она родила в лагере. Аборты не делали, они запрещены были тогда. Делали криминальные аборты, у нас даже сидела акушерка — тогда судили за это. На восьмом участке при центральном лазарете было так называемое отделение «мамок» — женщин, которые родили в лагере дитя. У них был свой барак. Днём они из промзоны приходили, кормили своё дитя. С мамой ребёнок не находился, а жил отдельно — там ясельки были, где держали детей до трёх лет. После этого деток отправляли в детский дом, а мать продолжала сидеть в лагере до окончания срока.

В лагере я практически не общалась с мужчинами. Когда стала постарше, то поняла, что если хочу выжить, то должна сохранить себя. Потому что если я буду вступать в связи с мужчинами, то меня направят на общие работы из лазарета, а это верная гибель. Поэтому я старалась держать себя строго.

Библиотеки в лагере не было вообще. Разве кто-то из вольнонаёмных принесёт какие-то книги почитать. Кино нам не показывали ни разу за все десять лет моего пребывания здесь. В бараке была чёрная тарелка — радио. Во время войны передавали последние известия и сводки Совинформбюро».

Рассказ Натальи Нифантьевны исполнен какой-то удивительной силы и убедительности. Кажется, будто сама матушка Антония послала нам эту встречу, чтобы глазами своей духовной сестры показать всем, кто хочет узнать о жизни в лагере, какова была эта жизнь в годы её заключения. Вспомним теперь, что рассказывала о своём житье в Тагиллаге сама матушка.

В каменоломнях, куда попала Анастасия Яковлевна, ей пришлось вместе с другими женщинами таскать в носилках камни из котлована. Обычно даже самые крепкие больше нескольких месяцев здесь не выдерживали. Чтобы получить пайку хлеба, нужно было выполнять норму. Кругом оцепление, колючая проволока, вышки с часовыми, сторожевые собаки. На работу водили строем. Конвойные напоминали:

— Шаг вправо, шаг влево считаю побегом, стреляю без предупреждения...

«На обед давали пайку хлеба и миску баланды, — вспоминает матушка. — Нужно было одновременно держать в руках и хлеб, и миску, иначе отнимут. Я не искала ложку, а через край миски хлебала. Если поставить миску, то кто-то может подойти и взять походя — и никто не будет защищать...

Я эти носилки без камней-то с трудом поднимала, а тут с камнями. Куда мне? Там мужчины ломали эти камни, разбивали, а женщины на носилках таскали их куда-то...

Упала я на колени, взмолилась:

— Господи, Царица Небесная Богородице, все святые, помогите мне, ведь пропаду я здесь, в каменоломнях!

Если б не Царица Мать Небесная, если б не дар Господень — голос, я бы не выжила! Не знаю, что меня осенило, но я вдруг с этими носилками запела».

Кто-то из лагерного начальства услышал пение, подошёл к ней и предложил: «Будешь в самодеятельности у нас, если хорошо будешь петь, паёк тебе будет, а работать будешь в «слабосилке». Матушка подумала, что, наверное, носилки дадут полегче или, может, песок носить придётся. Но оказалось, что определили её санитаркой в оздоровительно-профилактический пункт (ОПП) при лазарете. ОПП предназначался для восстановления сил заключённых. Однако сами заключённые расшифровывали эту аббревиатуру иначе: «Отдел Подготовки Покойников», что гораздо точнее отражало назначение ОПП. Сюда попадали в основном больные дистрофией. Сверхскудный паёк — триста граммов хлеба в сутки и баланда — не оставляли никакой надежды выжить.

Когда матушка попала в лазарет, началась эпидемия сыпного тифа. Около двенадцати тысяч заключённых умерли только в 1942 году. Об этом времени и о труде санитарок во время эпидемии вспоминает Н. Н. Протопопова: «Когда я прибыла в лагерь, то попала на эпидемию тифа. Барак — Сплошные нары в два этажа по обе стороны, в середине — проход. И на этих сплошных нарах на обоих этажах лежат мужики, без сознания, в бреду, с температурой. Организм посильнее — может, и выживет; нет — всё. Наше задание (санитарок), как мне объяснили, было такое: залезешь на второй этаж нар и ползёшь по этим мужикам, щупаешь пульс. Живой ещё, тёпленький — оставляешь, ползёшь дальше. Следующего, если мёртвый, берёшь, подтаскиваешь к краю нар, чтобы ноги свешивались чуть-чуть. Санитары внизу идут следом – они его стаскивают и несут в сарай. Зимой не хоронили, а только в дощатом сарае штабелями укладывали. А когда весной земля немножко оттает, тогда вывозили, рыли яму и закапывали. Когда умерших провозили через проходную, вахтёр тыкал штыком в трупы, проверяя, как бы не оказался кто живой и не сбежал».

Матушка Антония вспоминала, сколько народа погибло на ее глазах: «Их отправляли в ОПП — привозили, или приводили, или даже приносили, а оттуда был единственный выход — в братскую могилу. Бывало так: вечером полный лазарет, а наутро уже чисто, никого нет».

Здесь, в ОПП, Анастасия Яковлевна встретила брата первого мужа, Константина Николаевича, и не сразу его узнала. Он остановил её и рассказал о том, как он здесь оказался. Дали ему двенадцать лет лагерей за неосторожное слово, жена донесла. Рассказал он и обо всём, что происходило в их семье, он знал, что жена изменяла ему с Фёдором, и не верил, что ребёнок, которого жена родила, — его ребёнок. Матушка говорила, что, придя на дежурство через день, она не нашла Константина, очевидно, он упокоился здесь навсегда вместе с другими узниками Тагиллага.

Центральный лазарет, в одном из подразделений которого трудилась Анастасия Яковлевна, находился в восьмом районе, игравшем особую роль в жизни лагеря. Здесь были организованы различные вспомогательные мастерские: швейная, сапожная, пимокатная, слесарно-механическая. Работали в них главным образом ослабленные заключённые, переведённые из основных производственных районов. О жизни лазарета снова вспоминает Н. Н. Протопопова:

«Лагерным лазаретом заведовал Шаройко Николай Иванович — бывший заключённый по 58-й статье. Отбыл он срок на Беломорканале. Деваться некуда, он остался работать как вольнонаёмный и попал по направлению в Тагиллаг.

В лазарете были хирургическое, терапевтическое, нервное отделения, туберкулёзное, кожно-венерологическое, а также отделение акушерства и гинекологии, — всего на тысячу коек. Там корпусов было очень много. У нас не было ни выходных, ни смен.

Пеллагриков-доходяг был целый корпус, а у нас не было почти никаких медикаментов. Оперировали без перчаток, анестезии не было. Всё — голыми руками; Вымоешь руки в воде с мылом, в марганцовке смочишь, йодом протрёшь — и начинаешь операцию. Только прооперировали — и снова надо обрабатывать руки: больных на операцию целая очередь. Случаи были самые разные: кого-то воры порезали ножами или порубили. Однажды привезли порубленного топором. Получил посылку и не захотел блатным отдавать. Они его за это топором. Помню, с прободной язвой принесли...»

Здесь же, в восьмом районе, находилась и лагерная самодеятельность. В лагерной летописи указано, что в середине 1943 года из заключённых артистов и музыкантов Тагиллага организовали ансамбль. Артисты под конвоем разъезжали по всем лагпунктам и давали концерты: пели, плясали, читали стихи, исполняли частушки, показывали акробатические номера. Давали концерты и для вольнонаёмных в клубах, конечно под охраной. Всё это согласуется с записью в учётной карточке заключённой Вишневской, которую 25 июня 1943 года перевели в другой район лагеря.

Анастасия ездила по лагерным пунктам в сопровождении конвоя вместе с другими артистами из лагерной самодеятельности, пела под гитару русские народные песни, романсы, даже украинские песни. «Коронным» номером её была лагерная песня — письмо девушки к матери из лагеря. В ней были такие строки: «И по моим по шелковистым косам прошёл конвойный кованый сапог...» А конец этой песни звучал так: «Письмо писала тебе я со слезами, печалью запечатала его». Матушка вспоминала, что за эту песню ей приносили лишний кусок хлеба и что-то ещё — зэкам и конвою она особенно нравилась.

Обратимся снова к воспоминаниям Натальи Нифантьевны, где она говорит о лагерной самодеятельности: «Кое-кого из этой самодеятельности помню. Когда наши войска освободили Краснодар, всех артистов театра оперетты сразу арестовали и привезли в Тагиллаг, потому что они при немцах давали спектакли и концерты. Был Лёня Орлов — очень красивый тенор. Помню, как объявили, что вечером будет концерт. Никакого клуба, зала не было и в помине. И вот этот прекрасный тенор Лёня Орлов пел арии из оперетт — где бы вы думали? — в бане, в мыльном зале. Шайки все убрали, заключённые сидели на скамейках и слушали арии. Была ещё семья Зеньковских из Краснодара, цирковые артисты — их прямо из цирка забрали и сюда привезли. Они показывали разные цирковые номера. В лагере люди шли на всё, чтобы не попасть на земляные работы, не копать котлованы, не таскать камень и кирпич на горбу. Кто пел, кто шил, кто что мог, то и делал. Самодеятельность была только при центральном отделении...»

А вот воспоминания ещё одного бывшего узника Тагиллага о «музыкальной жизни» лагеря: «Чтобы поднять энтузиазм зэков, во время развода у вахты оркестр трубачей играл постоянно “Чилиту”, модную в те времена песенку. Сцена, напоминающая кошмар из фильмов и театра абсурда: изнурённые, голодные, едва одетые зэки под звуки “Чилиты” понуро проходят через вахту. Им совершенно не до музыки, но оркестранты наяривают весёлую “Чилиту”. Приходящих из котлована встречал тот же оркестр и всё той же “Чилигой”...»

Освобождение пришло для Анастасии Яковлевны неожиданно. Осуждённые по её статье попадали под амнистию, объявленную Указом от 7 июля 1945 года. Перед освобождением

нужно было сфотографироваться. В лагере был фотограф, но фотографировать он мог только для документов. Конечно, можно было заплатить и он бы сделал снимок. Но открыто делать это строго запрещалось. Поэтому лагерные фотографии — большая редкость. К счастью, в архиве матушки нашлась её фотография, сделанная в лагере: на ней она изображена в лагерном бушлате.

Кроме того, нужно было собрать подписи на обходном листе, получить фотографии и сдать всё это в администрацию. Через час выдавали справку об освобождении с фотографией и пропуск на вахту. При выходе из лагеря нужно было указать место, куда направляется бывший заключённый, — там выписывалось временное удостоверение, и уже по нему впоследствии выдавали паспорт.

Паспорта для вышедших из лагеря выдавали особой серии, так что куда бы ни обратился человек, как только дело касалось милиции, отдела кадров при устройстве на работу, представители власти и администрация знали, что перед ними — бывший зэк. Областные города — все были закрыты для поселения. В Москве могли прописать лишь после снятия судимости, а жить можно было только за сто первым километром от столицы. В учётной карточке записано, что А. Я. Вишневская убыла из Тагиллага в Ярославскую область, станция Юрахта.

В своих воспоминаниях о Тагиллаге Наталья Нифантьевна рассказала и о том, как трудно было ей привыкнуть к иной жизни и что помогло снова обрести радость и покой сердечный. Это очень важный момент, и мы приводим её слова, потому что матушка после освобождения испытала всё это на своём опыте:

«В лагере очень трудно выжить, но ещё труднее — жить, когда выйдешь за эти ворота. Столько лет не видеть нормальной жизни. И после этого понимать, что на тебя смотрят с подозрением, как на лагерницу, даже близкие люди, — невыносимо! Когда я вышла на свободу, сразу почувствовала это отношение людей: “Лагерница, лагерница”. Тяжело было после лагеря, временами едва ли не тяжелее, чем в лагере.

Нахлебавшись лагерного кошмара, можно было возненавидеть тех, кто ни за что осудил, душил, издевался. Но я дала обет Богу после освобождения простить всех, ни на кого не сердиться, жить и творить добро. Нужно было после лагеря всем всё простить. Иначе я просто не выжила бы. Поэтому и дал Господь силы и продлил жизнь, что смогла простить с Божией помощью. Поэтому сейчас спокойно без осуждения вспоминаю о тех людях, которые нас гнали и мучили. Простить надо обязательно, иначе не будет покоя сердца!»

Печальный дом — ни стен, ни крыши.
Я говорю: «Друзья, привет!»
Увы, никто меня не слышит,
Лишь ворон каркает в ответ.

Он надо мной, как крест надгробный,
Раскинул крылья в вышине.
«Долина смерти»... Ей подобны
Десятки в этой стороне.

Весь в чёрных кольях берег мрачный.
Иду меж ними, не спеша.
Над каждым — номер многозначный,
За каждым номером — душа.

Их столько здесь, что слёз не хватит
У всех российских матерей.
И сердце стонет, сердце плачет
В груди измученной моей.

Как перед папертью, колени
Меня роняют в снег лицом.
Мир вам, страдальческие тени,
Освобождённые Творцом[15].

Анастасия Яковлевна вышла из лагерных ворот 2 июля 1946 года, пробыв в заключении четыре года и один месяц. Господь сохранил будущую старицу и в этом месте, откуда немногие выходили живыми и не сломленными. Матушка Антония очень редко вспоминала о лагере. Но память близких сохранила слова старицы о том, что помогло ей выстоять в испытаниях на грани жизни и смерти: вера в Бога и надежда на помощь и заступление Божией Матери. «Матушка, Царевнушка, помоги мне!» — молилась она непрестанно, и так объясняла своё спасение:

— Ведь это всё Божия Матерь, Она приходила ко мне и говорила: «Всё будет хорошо!»... А было и такое: мама моя приходила, сядет у изголовья на нары и гладит меня...

Нам не открыто, как изменилось духовное устроение Анастасии Яковлевны после всего перенесённого, но очевидно, что из лагеря она вышла совершенно другим человеком. Об этом свидетельствует дальнейшая её жизнь. Она понесла этот крест без ропота, сохранив в сердце веру, надежду и любовь.

Господь говорит, обращаясь к каждому, кто считает себя Его учеником и последователем: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Лк. 9, 23). Путь Анастасии Яковлевны — монахини Аполлинарии — схимонахини Антонии — это поразительный образ крестоношения. Она была призвана понести не только свой жизненный крест, но и помогать другим людям в несении тягот, болезней, печалей. Кажется, что может быть страшнее сталинского лагеря! Но Господь даровал Своей избраннице новый, ещё более тяжкий крест, чтобы приготовилась её душа к исполнению своего призвания. Как говорит Отец Небесный через пророка Исаию: «Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания» (Ис. 48, 10).

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЛАГЕРЯ.
ПСИХУШКИ

Родные Анастасии Яковлевны не знали, где она находилась в годы войны. Писем она не писала, вероятно, не желая подводить близких, — ведь глаза и уши в те времена были повсюду. Лишь после Дня Победы матушка отослала в Долгое единственное своё письмо из лагеря. Есть свидетельство, что по окончании войны сын матушки Василий ездил в Нижний Тагил, но нам неизвестно, удалось ли ему там встретиться с мамой.

О жизни Анастасии Яковлевны в Москве по возвращении из лагеря вспоминает её племянница Анна Андреевна:

«Особенно мне запомнилось возвращение тётушки из Нижнего Тагила. Был очень жаркий день, солнечный, яркий. У нас был зеленый двор, цвела акация. Жили мы на первом этаже — улица

[15] Анатолий Александров // Мемориал — Аспект, № 7-8, апрель, 1994.

Новая Божедомка, где находились дома и корпуса больницы, в которой трудились родители. Раньше она называлась Старомарьинской больницей, здесь разместился Центральный институт туберкулеза.

Окна первого этажа были открыты. Мама стояла и гладила. Тогда были большие утюги, в которые накладывали горячие угли, потом их раскачивали, чтобы огонь разгорелся сильнее. Вдруг я увидела, как посреди двора остановилась женщина в белой блузе, ситцевой юбочке, какие-то опорочки на ногах, простоволосая, с небольшим узелком в руках. Она стояла и смотрела в окно. Первое впечатление, что это нищая, каких много было в те годы.

Я говорю: «Мама, посмотри!» А мама, взглянув, побледнела, утюг у неё куда-то поехал из рук. Я подхватила этот утюг, потому что иначе он упал бы ей на ноги. Тогда я поняла, что это моя тётушка стоит, и вывела маму на деревянное крылечко. Тётушка бросилась к ней со словами: «Няня, няня!»

Сестры обнялись, обе рыдали. Пока они стояли, собрался народ. Кто-то шепчет: «Это, наверное, сестра её». И вдруг приходит комендант, такой непредсказуемый товарищ, неизвестно на что способный в этой ситуации. Начал он с грозного оклика: «Ваши документы!» У тётушки был листок, на котором было написано: «Разрешается проезд через Москву на сто первый километр». Тогда комендант сказал: «До двадцати четырех часов вы можете здесь находиться, а дальше вы должны вернуться туда, где были!»

И вот, я помню тёткин взгляд. Она так посмотрела на него. Я не знаю, говорила ли она ему что-то или нет, она только взглянула на него, и комендант тотчас ушёл. Матушка сказала сестре: «Няня, ты не волнуйся, это всё обойдется».

Но комендант проявил бдительность, и к вечеру у нас в доме уже была милиция. Папа сказал: «Не волнуйтесь, мы её проводим туда, куда ей определено». А это был город Александров.

Тётушка долго разговаривала с родителями, спросила, что с отцом. Мама ответила: «Отец приказал долго жить. Умер в ноябре 1945 года». Они вместе поплакали, стали вспоминать о детстве, о том, как жили на Дону, как оказались в Москве.

Мы поняли, что комендант будет следить за каждым шагом тётушки, где бы мы её ни прятали. Тогда мы отправили её к моей сестре Любе, у метро «Семёновская»[16], — там хоть не было коменданта, соглядатая и стукача.

После лагеря никому не дозволялось жить в Москве. Ей предложили Малоярославец или Александров — это уже Владимирская область, и она выбрала Александров для жительства. Получила она справку такого содержания: «Такая-то с такого по такое время находилась в заключении по статье 107-й. Освобождена в 1946 году. Разрешено проживание за 101-м километром от Москвы минус ...городов».

Она явилась на Петровку, 38, где ей выдали справку, и с этого момента в течение двадцати четырех часов обязана была прибыть в Александров, отметиться и получить паспорт особой серии, по которой сразу могли определить, что она бывшая лагерница.

В Александрове её спросили, кем была в лагере. Матушка ответила, что работала в лазарете. Тогда ей предложили место санитарки в больнице и дали место в общежитии. Работала она в этой больнице, а был голод, и она вынуждена была ездить к нам в Москву за едой. Правда, в больнице можно было питаться за счёт больных, но разве матушка могла что-нибудь съесть у больного! Приедет, мы ей какую-то одежонку давали. Она через много лет вспоминала: «А помнишь как ты мне свою юбку дала?»

[16] В те годы станция называлась «Сталинская».

Юбка шестнадцатилетней девочки. Война только закончилась, я сама сшила себе эту юбку. И в эту юбку матушка не только свободно помещалась, она проскальзывала в неё. Вспоминая о юбке, матушка тут же крестилась...

Весь 1946 год она приезжала к нам. Мама набирала еды в ведро, шла к метро «Белорусская» и передавала сестре, а комендант, оказывается, шёл следом, наблюдая за ней. Тогда он предупредил папу, что если его жена ещё раз попытается встретиться с сестрой, то на месте встречи будет стоять милиция. И это несмотря на то, что прошел уже год, как её приняли в Александрове, где она работала в больнице.

А ей ведь есть хочется, и мы продолжали помогать. Когда мы ее провожали к вокзалу, не шли вместе, боялись, что комендант кого-нибудь пошлёт. А он и в самом деле ходил за нами, а потом докладывал «куда следует»: вот, мол, её провожали. Поэтому в конце концов случилось то, что не могло не произойти: в один из приездов тётушку задержали.

Несколько раз я сама удачно съездила к ней в Александров и вдруг приехала, а мне говорят: «Её нет, она к вам в Москву поехала». Но её у нас не было! Приехала домой и говорю маме: «В Александрове её нет». Она отвечает — «Где же она, может быть, у Любови[17]?»

Я поехала на «Семёновскую», но Люба сказала: «Нет она ко мне не приезжала».

Больше родственников в Москве нет. Мы подумали, может она в деревню поехала? Дали телеграмму в Долгое племяннице Клавдии Ивановне (старшей дочери брата матушки — Ивана). Та не поняла ничего и сама примчалась в Москву. Выяснилось, что и у неё тётушки не было. Потом папа проводил Клавдию Ивановну.

И вдруг мы получили замызганную, трудно сказать чем написанную (то ли краской, то ли губной помадой) записку «Я здесь, за забором. Настя». Мы поняли, что это приёмник для психиатрических больных, который находится сразу за нашим туберкулёзным институтом — в Институтском переулке.

Можно предположить, как тётушка туда попала. В те годы с вокзального перрона невозможно было сразу пройти в метро или в город. Все пассажиры с любых поездов, прибывающих в Москву, шли сначала в туннель, где были решётки и стояла милиция, проверяла документы. Если документы вызывали сомнение, то человека тотчас оттаскивали в сторону, а затем направляли в пропускники.

Скорее всего, матушку задержали в таком пропускнике и отправили в психиатрический приёмник. Это спасло ее от нового срока и лагеря. Сама матушка рассказывала: для того, чтобы поставили диагноз психической болезни, люди ели собственные испражнения, и всё равно им писали в заключении экспертизы: «здоров», — после чего их ожидала тюрьма. Но тётушка молилась. «Я-то молилась по-настоящему, — вспоминала она, — призывала Божию Матерь помочь мне». Но милиционерам, а затем и врачам казалось, что она свихнулась, что она видит какой-то столб и кладет перед ним поклоны. Матушка же вспоминала: «Я не столб представляла, а то, что здесь должна быть икона Божией Матери, и молилась Ей».

В те годы я занималась спортом, поэтому легко залезла на забор психиатрического приёмника и стала смотреть. Задержанных выпускали на прогулку, и я увидела тётушку. Она меня тоже увидела и сделала два жеста: «молчи» и «спрыгивай». Я спрыгнула, побежала к маме и говорю: «Она в Институтском переулке».

---

[17] Второй дочери Ксении.

Стали думать, как передать ей еду, ведь сразу могли направить в другое место. И точно, скоро перевели в «Истоминку» — на улицу 8-го Марта, недалеко от метро «Динамо». Там была психиатрическая больница для областных больных. Я разыскала её там только потому, что мать моей подружки работала в этой больнице. Прибыла я в эту «Истоминку» — это такие клетушки, ну для собак, по-моему, больше делают. Меня туда пропустили, потому что это уже была больница. Посмотрели, что у меня с собой, руками обыскивали. Я прошла к тётушке. Она всплеснула руками: «Деточка ты моя... Немедленно отсюда уходи!» Обняла меня, я чувствовала, как она рада, но тётушка боялась, что меня оттуда не выпустят. Никого не пропускали, а я прошла!

А через некоторое время получаем записку из другого места, на которой написано: «Сербский». Мы поехали в институт Сербского утром, а люди там уже с ночи стояли в очереди. Наконец у нас приняли передачу, но не знаем, досталось ли ей что-то. Снова приехали, отстояли всю очередь, наслушались кошмаров: что подушками давят, что оголённые провода под током подносят и т.д. Мне удалось встретиться с врачом. Помню, как меня спрашивали: «А что вы замечали за ней?» Я ответила: «Вы знаете, она всё какие-то слова из каких-то непонятных авторов цитирует. Я очень люблю читать, но такого не читала».

Я дурака валяла, конечно. Значок комсомольский надела. Ну как комсомолке не поверить?! Тем более я работала контролёром-испытателем авиаприборов на военном заводе. У меня уже была медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Когда я шла туда, непременно цепляла её и медаль «800-летия Москвы». И врач со мной хорошо поговорила. А через некоторое время тётушка и оттуда исчезла. Опять стали искать, но никто с нами и разговаривать на эту тему не желает. Родители не могли ездить, приходилось мне. бывало, отработаю вечером, а утром бегу в институт Сербского. Отстою всю очередь, говорят, что по спискам не проходит, — и всё».

Из воспоминаний племянницы видится, как жила матушка после лагеря. Появляться в Москве высланным за сто первый километр было опасно, так как нарушивший режим мог снова попасть в тюрьму или в лагерь. Однако матушка много раз ездила в Москву, чтобы повидаться с родными, и каждый раз ей удавалось проходить через милицейский кордон. Продолжалось это почти три года, пока её не задержали.

Сейчас удалось установить, как арестовали матушку. В 1949 году она в очередной раз собралась из Александрова в Москву к сестре за продуктами. Денег на билет, естественно, не было, но ей удалось сесть в проходящий поезд. Здесь её поймали контролёры как безбилетницу, довезли до Москвы и передали милиции. Как было записано впоследствии в протоколе, задержанная оказала резкое сопротивление милиционеру, после чего её направили в психприёмник для экспертизы. Это спасло Анастасию Яковлевну от лагеря, но ввергло в новый круг мытарств неизвестной ей доселе «карательной медицины».

В уголовном законодательстве существует понятие невменяемости, т. е. освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии расстройства психики. Заключение о невменяемости даёт судебно-психиатрическая экспертиза по предложению следственных органов или по определению суда. Если экспертиза недостаточна или между экспертами есть разногласия, назначается повторная экспертиза, а в особо сложных случаях обследуемый направляется в Центральный НИИ судебной психиатрии имени В. П. Сербского.

После установления невменяемости душевнобольного совершившего преступление, уголовное дело прекращается. Суд (по статье 60 УК) может определить принудительное лечение и содержание в психиатрической больнице. Определяя эти меры, суд, согласно комментарию к статье 60 УК не устанавливает конкретного срока времени нахождения в больнице.

Все больные, находящиеся на принудительном лечении, должны не реже одного раза в полугодие проходить переосвидетельствование врачебной комиссией о возможности поставить перед судом вопрос об отмене принудительного лечения. Основанием для прекращения лечения является подтверждённое врачебно-консультативной комиссией заключение о таком состоянии больного, при котором нет необходимости в медицинских мерах. После отмены принудительного лечения за десять дней до выписки больница направляет в психоневрологический диспансер (ПНД) по месту жительства выписку из истории болезни для обязательного контроля со стороны ПНД.

Мы изложили здесь краткое содержание статей законов и инструкций, по которым в Советском Союзе в течение многих десятилетий осуществлялись судебно-психиатрическая экспертиза и принудительное лечение тех, кого определили душевнобольными. Анастасия Яковлевна пережила все эти экспертизы, комиссии, испытала методы принудительного лечения.

С 1949 года начались скитания матушки по психиатрическим больницам. По свидетельству племянницы, первым местом заключения стал психприёмник в Институтском переулке Москвы. Анастасию Яковлевну отправили туда в январе 1949 года, а затем перевели в психиатрическую больницу в Истоминском переулке (ныне улица 8-го Марта). Видимо, экспертиза в этих клиниках оказалась недостаточной, и согласно инструкции матушку поместили в Центральный НИИ судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Здесь её держали до октября 1949 года. Специалисты института признали её невменяемой, после чего решением суда, как и полагалось по закону, началось принудительное лечение. У нас есть свидетельства самой матушки о пребывании в этом учреждении.

До 1948 года институт имени В. П. Сербского был относительно гуманным заведением с доброжелательными сотрудниками и по их заключениям немало здоровых людей были просто спасены от ГУЛАГа. Тогда же последовала реакция власти. Специальная комиссия во главе с ветераном партии Р. С. Землячкой обследовала институт, доложила руководству, что сотрудники института «создали санаторий», и предложила директору «закрутить гайки», т. е. ввести более строгий режим, сократить число невменяемых среди тех, кто направлялся на обследование.

Как раз во время этого «закручивания гаек» и попала матушка в институт. Матушка вспоминала, что в обычных психиатрических больницах ей было не так трудно, там приходилось иметь дело с обыкновенными врачами-психиатрами, но очень тяжело было ей в институте имени В. П. Сербского, где делали серьезное обследование и назначали сильные курсы лечения (в частности, инсулиновый шок). Когда её спрашивали, что она делала для подтверждения своей мнимой болезни, матушка говорила:

— Я молилась. Как? Я буду молиться открыто, и про меня точно скажут, что я — псих. Время-то какое! Уничтожались церкви, священники — и вдруг открыто на коленях молиться, поклоны делать — такое только псих может! Я-то призывала Бога, молилась, а меня психом считали, что я так откровенно разговаривала со святыми: «Святителю отче Николае...» Как бы ни было плохо, но самое трудное было то, что я почти не спала. Единственное, чего я боялась, — могли сумасшедшего натравить, чтобы он подушкой придавил. Такие случаи бывали. Дадут в руки подушку Тане, Мане — она наложит её на тебя, сонную, — и всё.

Сохранилось письмо от 20 июля 1949 года, которое матушка послала сестре Ксении из института имени В. П. Сербского:

«Здравствуй, дорогая сестричка!

Милая сестра, я лежу в больнице, чувствую себя отвратительно, сердце у меня никуда не годится. Жизнь моя теперь разбита, и никто мной не нуждается, так лежу всеми забытая. Всеми.

Имуществом пускай пользуются добрые люди. Мне теперь не нужно ничего... Сообщите Василию, что у меня сердце очень плохое. И ненадёжно. Прошу сообщить ему, чтобы он приехал обязательно, а то я его больше не увижу. Николаю сообщите, что состояние очень плохое и на глаза я его не хочу видеть. Михаилу сообщите, если он в армии, то я ему прощаю, а если дома, я его не хочу видеть... Сообщите моему врачу Виолетте Николаевне Васин адрес».

На обследовании в НИИ им. В. П. Сербского было значительно сложнее подтвердить диагноз. Но Анастасия Яковлевна, даже под уколами и таблетками, во время электрошоков и инсулинокоматозной терапии, всё равно продолжала молиться и никак не меняла своего поведения. После полного провала попыток «лечения» специалисты института им. В. II. Сербского предписали ей «пребывание в психиатрической лечебнице города Рязани до излечения». Было это в конце 1949 года.

На деле такая формулировка означала пожизненное заключение, но. матушка не предавалась панике, а с твердой надеждой молилась Господу о помощи. Она пыталась воспользоваться любой возможностью, чтобы сообщить о себе родным, но условия в больнице были едва ли не строже, чем в тюрьме! Тогда Анастасия Яковлевна написала письмо своему лечащему врачу из института им. В. П. Сербского:

«29.10.49 г. Добрый день, Виолетта Николаевна. Это пишет Ася Вишневская, я обещала Вам писать свои нужды.

Пишу! Нахожусь в Рязани. Вы знаете, куда я послана на лечение и какая больница. Вы говорили, что никакого нет принудительного лечения, т. е. когда хочу, тогда выпишут. Зачем Вы меня отослали на такую долю, ведь я сейчас задыхаюсь, мне жизнь не мила, ведь Вы знаете, что дети в армии, помочь некому, я не рабочая, заработать не могу, и Вы обрекли меня на гибель... Мне нужен покой, но не такая жизнь. Ведь муж мой, Вишневский Леонид Григорьевич, отдал себя за счастье народа, а теперь я забытая всеми, никому не нужна. Виолетта Николаевна, помогите мне, что мне делать?.. Умереть? Мне плохо... сижу на койке в стенах и задыхаюсь. От Вас слуха нет никакого. Мне здесь, наверно, умереть, потому что я заключенная, я каждый день плачу, тоска одолела меня.

Всем привет — Наталье Сивовне, Аркадию Осиповичу, Ольге Моисеевне, ещё привет няне Варе и няне Кате, это мои любимые.

Я Вами не обижена, спасибо Вам за всё, милая Виолетта Николаевна, какая Вы добрая были для меня, как ангел!

До свидания, целую, Ася».

Но и это письмо не помогло, а матушке действительно становилось всё труднее — её продолжали принудительно «лечить», читай: мучить в психиатрических больницах.

* * *

Матушка была не первой и далеко не последней среди многих исповедников, которых пытались с помощью психиатрии «излечить» или отлучить от веры Христовой. Обычно верующим ставили стандартный диагноз: «религиозный психоз» или «латентная шизофрения»[18]. После этого начинался курс лечения — уколы, психотропные средства, электрошок и т. п., длительное

---

[18] Т. е. шизофрения, отличающаяся крайне медленным развитием и бедностью, «скрытостью» проявлений (А. В. Датий. Судебная медицина и психиатрия. Словарь-справочник. М., 1999).

принудительное содержание в изоляции от мира. Это была та же тюрьма, только с более изуверскими пытками.

Советская идеология исповедовала материализм, считая религию «опиумом для народа». Поэтому по мере укрепления новой власти и приближения к «сияющим вершинам коммунизма» верующих в Бога всё чаще называли умалишёнными. В отношении к ним наряду с «перевоспитанием» на островах ГУЛАГа активно использовались и методы советской психиатрии, которая долгие годы служила правящей системе для подавления инакомыслия.

Конечно, психиатры были разные. Сама матушка вспоминала, что встречала среди них добрых и заботливых врачей. Но мы до сих пор не ведаем масштабов участия психиатрии в гонениях на инакомыслящих, и прежде всего — на верующих людей[19].

Психиатрический диагноз использовался для изоляции тех, чьи религиозные, философские или иные взгляды были неугодны власть имущим, которые оплачивали услуги психиатров. Советская карательно-расстрельная система таким образом переводила верующих в разряд «пожизненно невменяемых», способствуя органам НКВД-КГБ в искоренении «религиозных пережитков».

И всё же нужно отметить, что нередко тот же психиатрический диагноз спасал невинного человека от тюрьмы или лагеря. В 1950-1960-е годы содержание верующих в психиатрических лечебницах становится одним из наиболее распространённых способов борьбы государства с Православием. Н С. Хрущёв заявлял тогда, что те, кто не принимает коммунистическое учение, являются психически ненормальными людьми. По официальной статистике, эти люди были «сумасшедшими», и государство заботливо лечило их, так как, по мнению безбожников, только психически ненормальный человек мог верить в Бога.

* * *

Избавление для Анастасии Яковлевны наступило, когда в 1950 году приехал в Москву сын Василий. После окончания войны он дослуживал положенный срок в Шауляе. Тогда шла настоящая война с «лесными братьями», и в одной из операций Василия ранили. После излечения ему дали кратковременный отпуск, и прежде всего он попытался найти мать.

Василий побывал у её сестры Ксении и выяснил, что последним местом пребывания мамы был институт им. В. П. Сербского. Он пошёл к руководству института, предъявил свои документы, и ему сообщили, Куда отправили Анастасию Вишневскую: город Рязань, психиатрическая больница.

Василий сказал тогда братьям Николаю и Михаилу: «Я сделаю всё, чтобы наша мать была на свободе!» — и поехал в Рязань, где совершилось настоящее чудо Божие: Анастасию Яковлевну отпустили с сыном из больницы!

Для того чтобы освободиться, Анастасии Яковлевне нужно было в короткий срок так изменить своё поведение, чтобы врачебная комиссия нашла явное улучшение в состоянии больной. Затем

[19] Отвечая на вопросы журналистов об участии советской психиатрии в репрессиях против неугодных лиц, директор Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского академик Т. Дмитриева заявила: «Специального анализа всего того, что происходило в Советском Союзе, скорее всего, никто не сможет провести, потому что собрать информацию невозможно: она недоступна по очень многим объективным причинам». Действительно, сведения о деяниях «карательной медицины» старательно скрываются. Давно открыты секретные документы о гонениях на верующих в СССР, открыты многие недоступные прежде хранилища. Но до сих пор невозможно заглянуть в архивы психиатрических клиник, чтобы узнать, кто и как «лечил» от веры в Бога православных христиан. Несмотря на огромные перемены в жизни нашей Отчизны, эта область советской психиатрии остаётся закрытой, и все дела бывших пациентов в психиатрических учреждениях всё так же недоступны для исследователей.

должно было состояться решение суда о возможности передать больную на попечение сына или сестры Ксении. Какие доводы приводил Василий, как и когда он сумел организовать и устроить все эти комиссии, суды, собрать необходимые справки — нам не известно. Но, думается, главной силой, которая помогла Анастасии Яковлевне выйти из больницы, была её слёзная сердечная молитва. Господь спас её от верной гибели. Впоследствии духовный отец матушки, почаевский старец схиигумен Амфилохий, сам переживший заключение в психиатрической больнице и принудительное лечение, говорил, что если бы он пробыл в психушке года два, то сам сошёл бы с ума от общения с больными и от тех методов, которые применяли врачи.

И снова, как после лагеря в 1946 году, Анастасия Яковлевна стояла перед знакомой дверью квартиры сестры Ксении. Племянница матушки вспоминает: «Однажды к нам постучали — и вошла тётушка, как в первый раз, когда она прибыла из лагеря. Мама едва не потеряла сознание, увидев её. Тётушка была измождённая, волосы были такие, что можно было взять и вытащить целый пучок. А Василий говорит: «Ну вот, принимайте». Он был герой войны, широченные плечи, не знаю, как гимнастерка застёгивалась».

Матушка так говорила о своём пребывании в психушках:

— Я знала, что выйду, что я пройду весь этот ад и выйду. Господь не допустит. Но я знала, что и здесь меня ожидает что-то ещё более тяжёлое...

Ещё до приезда Василия в дом Ксении стал наведываться Михаил Янчур. Он рассказал, как Леонид Вишневский — муж Насти — спас его от гибели после ранения и перенёс через линию фронта в Белоруссии, рассказал о том, как его, раненого, направили в госпиталь, а Леонида расстреляли. Перед смертью он просил друга позаботиться о его жене Насте.

Когда Василий вызволил мать из рязанской психушки, Михаил встретился с ней и сказал:

— Ася, я выполняю просьбу Леонида. Когда его увозили, последние его слова были такие: «Разыщи Асю, помоги ей, спаси её!»

Михаил предложил Насте оформить с ним брак, тогда за ней не будут гоняться и следить как за вдовой «врага народа». Кроме того, она сменит паспорт с «особой» серией на обычный, сможет прописаться и жить в Москве. Сначала Анастасия Яковлевна наотрез отказалась даже обсуждать этот вопрос. Но Михаил убеждал её:

— Не как жена ты мне нужна. Возьми мою фамилию, возьми мой дом, всё, что у меня есть, устройся в Москве, я ведь не жилец уже.

И действительно, после перенесённых мытарств у Янчура начался распад лёгких вследствие запущенного туберкулёза. Он постоянно кашлял с кровью и потому очень спешил, повторяя:

— Мне надо всё сделать до конца!

И в самом деле сделал, исполнив последнюю просьбу погибшего друга. Анастасия Яковлевна расписалась с Михаилом Игнатьевичем Янчуром 28 сентября 1950 года. Она поменяла фамилию и документы. Было ей тогда сорок шесть лет, а Михаилу Игнатьевичу — пятьдесят пять. У Янчура была комната в деревянном доме по адресу: Перово, Пролетарская улица, дом 221а, а также сарай рядом с домом. Всё это он завещал Анастасии, прописал её в доме и даже купил поросёнка и козу, чтобы соседи думали, что и вправду образовалась семья.

Новый паспорт в самом деле оградил матушку от преследований. И сама матушка, и все её родные и близкие скрывали то, что ей довелось пережить. А ведь их не раз вызывали для

беседы, выясняя факты жизни А. Я. Янчур, но никто ни разу не обмолвился, что она была в лагере. Ни в одном из дошедших до наших дней документов того времени нет свидетельств о её пребывании в заключении.

В 1950 году Анастасия Яковлевна работала охранницей в каком-то учреждении (УИФ 183). Она обязана была постоянно бывать на приёме у психиатра в районной поликлинике. После каждого посещения указывался срок следующего. Матушка не пыталась убедить врачей, что она психически здорова, а напротив, всячески подчёркивала своё мнимое болезненное состояние.

В 1952 году Анастасия Яковлевна пыталась получить инвалидность, но для этого нужно было снова ложиться в больницу. С 17 декабря 1952 года по 25 января 1953 года она находилась в Яхромской областной психоневрологической больнице. В январе Михаил Янчур приезжал туда, беседовал с врачами. Врачебная комиссия поставила диагноз, благодаря чему Анастасия Яковлевна прошла ВТЭК и 17 марта 1952 года получила третью группу инвалидности. Впоследствии она каждый год проходила ВТЭК и получала подтверждение инвалидности, вплоть до пожара, когда сгорел дом, в котором она жила, и вместе с ним сгорели все документы. Было это в 1965 году.

Анастасия Яковлевна ухаживала за больным Михаилом до самой его кончины, последовавшей 15 июня 1953 года. Отпевали его в Николо-Архангельском храме села Никольское. Анастасия Яковлевна приехала с огромным букетом цветов. Когда её спросили, был ли Михаил крещён, она ответила:

— Он войну прошёл, его огнём и мечом крестили. А Господь-то их крестил!

Хоронили Михаила Янчура на Кузьминском кладбище. Сестра матушки Ксения сказала тогда:

— Царство тебе Небесное, святой человек!

После получения инвалидности явка в поликлинику оставалась обязательной. Постоянно приходила к ней медсестра из поликлиники, и появлялись агенты, проводившие «обследование». Акты обследования более напоминали доносы, чем выяснение обстоятельств жизни ради помощи больному.

Матушке был открыт невидимый мир, мир мыслей, образов, мир духовный, и потому она многим казалась ненормальной. Разве может «нормальный» человек класть по тысяче поклонов каждый день? Для соседки матушки по дому это казалось явным сумасшествием, о чём она и сообщила тем, кто приходил обследовать «больную».

Если хозяйки не было дома, опрашивали соседей, которые внимательно следили за ней. Наибольшее удивление соседок вызывало то, что к матушке приходили из поликлиники как к больной, — они-то были уверены, что матушка притворяется. Ещё говорили о том, что к ней ходит множество верующих, которых она лечит от разных болезней, причём весьма успешно, хотя ничего не понимает в медицине, даёт пить «всякую гадость», т. е. святую воду, освящённое масло, настойки трав, читает молитвы. Из рассказов соседей выяснялось, что Анастасия Яковлевна постоянно ездит в монастыри, в частности в Киево-Печерскую и Почаевскую Лавры, привозит оттуда иконки и раздаёт людям, ходит читать Псалтирь по умершим.

Но эти события относятся уже к более поздним временам. Пока же, после лагеря и психушек, Анастасия Яковлевна наконец обрела свой угол — крошечную комнатку площадью шесть с половиной квадратных метров на втором этаже деревянного дома. Впоследствии улицу

Пролетарскую, на которой находился дом, переименовали в Линейную, сменился и номер дома, так что новый адрес её был таков: Новогиреево, улица Линейная, 11а. В доме имелось центральное отопление, но готовили на керосинках. Одной ей довелось жить недолго: случилась беда с сыном Николаем, и матушка взяла его к себе. Николай поселился в сарае, находившемся рядом с домом, и жил здесь со второй женой Ниной до тех пор, пока не получил квартиру (в 1965 году) на улице Металлургов.

В 1965 году сгорел дом в Новогиреево. Тогда пропали почти все документы, и их пришлось восстанавливать. Матушка написала письмо съезду КПСС о том, что она осталась без жилья, что у неё один сын погиб, защищая Родину, второй — инвалид Великой Отечественной войны и тоже не имеет постоянного жилья. В 1966 году ей выделили крошечную однокомнатную квартиру гостиничного типа в доме по адресу: улица Авиамоторная, 28/4, квартира 30. По этому адресу в течение более чем тридцати лет станут приходить отовсюду больные и страждущие люди со своими бедами, проблемами и печалями к благодатной старице. В этой квартире двери никогда не закрывались на ключ, так что в любое время дня и ночи желающие могли повидать матушку и побеседовать с ней. Хотя принимать больных и отвечать на трудные духовные и житейские вопросы матушка начала ещё в Новогиреево.

Много раз выручала матушку от беды её мнимая болезнь и инвалидность. Милиция постоянно интересовалась ею, задерживала, но приходилось отпускать её как больную. В Новогиреевскую поликлинику направлялись запросы из УВД с требованием дать заключение о её психическом состоянии и официальном диагнозе. Был и такой случай, когда пришли ее арестовывать на квартиру.

То было время хрущёвских гонений на веру. Кто-то из соседей донёс на неё, что она соблазняет людей, вовлекая их «религиозный дурман», и даже некоторых коммунистов совратила в христианскую веру. Явились за ней четверо милиционеров. Вот как рассказывала об этом случае сама матушка:

«Соседи написали на меня жалобу, что всех коммунистов в свою веру подгоняю, что вот такая-то совратила коммунистов с пути-дороги. Вот ко мне и являются милиционеры Меня бы туда загнали, откуда мне никогда не вернуться. И вот передо мной встает начальник:

— Ну, говори!

— А что тебе говорить, ты пришёл меня забирать, да? Не меня, а тебя надо судить, тебя! Зачем ты свою жену Любу бросил, она так к тебе хорошо относилась? А дочку свою четырёхлетнюю — ты и её согнал, а как она отца своего любила, как плакала, просила, ты и её не пожалел. И кого ты к себе привёл! А меня посадить хочешь... Тебя надо судить!

А он тогда на своих товарищей:

— Это вы ей, что ли, сказали?

Они ему отвечают:

— Товарищ начальник, что вы, что вы?

Он взял шапку и говорит:

— Больше я сюда не приду!

А я прямо так и сказала: «Прогнал Любу, жену свою», а не как-нибудь просто «жену», а Любу — назвала по имени!»

Если оглянуться на жизнь матушки, то становится очевидным промыслительность её заключения в психушки и многолетней инвалидности. В течение многих лет на приёмах у врачей она жаловалась на плохое состояние, и ей неизменно подтверждали поставленный ещё в 1949 году диагноз.

Зачем это нужно было матушке? Сейчас на это ответить просто. Во-первых, благодаря этому диагнозу она спаслась от нового срока и лагеря; во-вторых, существовала 209-я статья Уголовного Кодекса[20], по которой могли посадить за тунеядство, и здесь инвалидность ограждала её; в-третьих, она могла открыто проповедовать веру Христову, не боясь ареста, больная, что с неё взять. А ведь за ней постоянно следили, писали доносы, милиция приходила в дом, опрашивала родных, знакомых и близких, соседей. Думается, что её личное дело в органах хранит немало любопытных документов и донесений. В-четвертых, она могла подолгу и без препятствий ездить по всей стране, паломничать к святым местам. И, наконец, эта мнимая болезнь была надёжным средством от людской славы, она помогала ей исполнять возложенный на неё Господом подвиг, юродствовать Христа ради, обличать людские пороки и грехи — «блажить», как говорили о ней многие духовные люди, хорошо знавшие матушку.

Не случайно одним из самых близких матушке по духу людей была московская старица и прозорливица схимонахиня Ольга[21]. Матушка Ольга испытала принудительное заключение в психбольнице. Когда опекунша пришла забирать её, врачи сказали: «Мы так привыкли к ней, она буйных больных как перекрестит, так они успокаиваются и спят потом». А однажды старица сама явилась в психиатрическую больницу с просьбой полечить её. В этой больнице находились на излечении несколько монахинь. Перед тем как уйти в больницу, матушка Ольга сказала:

— Там мои сестры, их можно исцелить.

Придя в палату, где находились эти монахини, она стала крестить их многократно со словами:

— Уходите отсюда, сестры, вы зачем сюда попали? Уходите, нечего вам здесь делать!

Очень скоро вслед за этим их выписали из больницы здоровыми.

Старица Ольга ушла из земной жизни в 1973 году, и матушка Аполлинария по духовному преемству продолжала это делание блаженной Ольги, как старшей духовной сестры своей. Оттого столько людей с душевными недугами приходили к матушке и в Москве, и на Толге, и в Никольский монастырь, получая облегчение в болезнях и исцеление.

---

[20] Статья 209 УК гласит: «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни наказывается лишением свободы на срок от одного до двух лет или исправительными работами на тот же срок». К ответственности по ст. 209 не могут быть привлечены инвалиды I, II и III групп... (из комментария к статье).

[21] Схимонахиня Ольга (Мария Ивановна Ложкина; 1871-1973) родилась в дер. Иншино Егорьевского уезда Московской губернии. В отроческом возрасте по благословению родителей ушла в Каширский Никитский монастырь Тульской губернии, где приняла постриг с именем Моисея. После Октябрьского переворота монастырь закрыли, и матушка перебралась вместе с несколькими сестрами в Москву. Здесь она поселилась неподалеку от Таганской площади в крошечной комнате. Господь дал ей великие духовные дары — пророчества, прозорливости, исцеления. Это была молитвенница за град Москву, до конца своей долгой жизни она без устали ходила, а вернее, бегала по городу, молилась во всех его служащих церквах и возле закрытых и порушенных храмов и монастырей. Множество людей со всех концов страны нашей приходили к старице за молитвой, советом и утешением. Скончалась старица Ольга в возрасте ста двух лет и была погребена на Калитниковском кладбище — рядом с храмом, в котором регентовала будущая матушка Антония.

Известно, что матушка помогала многим душевнобольным. Этот дар целить души людей она получила от Бога за своё великое терпение и смиренное несение тягот, которые накладывал психиатрический диагноз на верующего человека в советское время. Она несла тяготы, чтобы духовно помогать людям. Это был новый крест, дарованный ей Господом. Потом будут иные кресты, не менее тяжкие.

Замечательно, что в год тысячелетия Крещения Руси (1988) медицинская комиссия признала её психически здоровой. В заключении комиссии было записано, что больная в активном лечении и наблюдении не нуждается и переводится в консультативную группу. Для матушки (к тому времени Анастасия Яковлевна давно уже была монахиней) завершился сороковой год с того момента, когда её под конвоем сопроводили в психиатрическую больницу для экспертизы. Само число лет — сорок — есть духовный знак исполненности, завершённости её подвига на этом тягчайшем поприще.

Глава пятая

ДУХОВНЫЕ ОТЦЫ И СТАРЦЫ

Встреча с отцом Кукшей (Величко; 1875-1964) во многом определила всю последующую жизнь матушки. Старец духом провидел в ней избранницу Божию и сразу принял её в число ближайших духовных чад. Начиная со дня знакомства и до кончины старца в 1964 году она жила в полном послушании батюшке, при первой же возможности ездила к нему.

В 1948 году отец Кукша вернулся из послелагерной ссылки в родную Киево-Печерскую обитель. Братия с радостью приняла старца. Его основным послушанием стала исповедь приходивших в Лавру паломников. Со всех концов России шёл нескончаемый поток людей, жаждущих помощи, совета, наставления.

У нас нет достоверных свидетельств, когда матушка впервые встретилась с батюшкой (сама она говорила, что произошло это в начале 50-х годов). Но вполне возможно, что их знакомство состоялось именно в Киево-Печерской Лавре, так как в Киев матушка стала ездить практически сразу после освобождения из психушек. Матушка очень любила Киев и его святыни, подолгу жила здесь.

С 1953 года, когда отца Кукшу перевели в Почаевскую Лавру, матушка постоянно ездила туда и встречалась со старцем. Не случайно именно в этом году она впервые отправилась в Почаев, выполняя обет, данный ещё в юности.

Как и в Киеве, отец Кукша исповедовал народ, — и точно так же люди часами терпеливо стояли в очереди, чтобы побеседовать с почитаемым старцем. Кроме того, он имел послушание предстоятеля у Почаевской иконы Божией Матери, когда к ней прикладывались монахи и богомольцы. Многих старец принимал и в своей келии. Каждый раз, когда Анастасия приезжала в Почаев, старец исповедовал её, соборовал и причащал прямо в своей келии.

Батюшка открыл ей многое из того, что ей предстояло пережить. Он сказал: «Ты всех своих сыновей похоронишь»; предсказал ей гонения, злобу врага рода человеческого, который будет мстить ей, предсказал многие скорби, побои, издевательства близких и дальних:

— Будут тебя гнать, будут говорить, что ты такая-сякая, что ты в прелести. Но этого не будет никогда, ты и мгновения жизни своей не будешь в прелести.

Ещё батюшка дал такое наставление:

— Обо всём, что пропадёт у тебя, не скорби, а проси, чтобы Господь принял как милостыню.

Матушка так и относилась ко всем пропажам и утратам до конца своей долгой жизни. Вспоминала она и такие слова старца: «Отец Кукша говорил: настанет время, когда куда всё денется! Люди будут бегать и возмущаться, куда всё делось? А время-то для покаяния дано, а не для того, чтобы женились и благополучие своё устраивали. Такая яма приготовлена, что страшно туда смотреть! Многие ниспадут во ад и преисподнюю. Надо будет каяться, исповедоваться, молиться за близких и родных». Ещё старец говорил, что некоторые из его духовных детей доживут до времени антихриста.

Отец Кукша благословил Анастасию на странничество. Обычно он очень редко давал такое благословение, говорил, что теперь странников нет, а есть «страмники». Он не считал странниками тех, кто не хотел трудиться, а лишь ходил из храма в храм и по монастырям с узлами и сумками. Приведём лишь один пример. Когда старец жил в Почаеве, к нему подошли несколько женщин:

— Батюшка, мы от самого Киева пешком шли!

— И долго ли вы шли? — спросил старец.

— Восемнадцать дней!

— Ну и дурочки: вы бы сели на поезд и через десять часов в Почаеве были бы и Богу молились. А вы восемнадцать суток ноги били, всего в пути насмотрелись и наслушались, да наверняка ссорились и осуждали — грехов набирались[22].

Но Анастасию батюшка благословил и только предупредил, чтобы во всех странствиях, паломничествах и при служении Богу — на клиросе, в храме — старалась не брать денег для себя. Сказал буквально так:

— Ты не марай деньгами руки. А вот когда тебе дадут съестное, бери. И ни деньгами, ни тряпками не увлекайся.

Благословил её батюшка раздавать молитвы о младенцах, убиенных во чреве, и на подвиг помощи женщинам, совершившим этот грех детоубийства. Отец Кукша благословил Анастасию и на подвиг юродства Христа ради, но предупреждал, какие великие скорби и испытания придётся ей понести.

Почти сразу после благословения старца Анастасия Яковлевна получила подтверждение его слов.

«Вот иду я в Почаеве, — вспоминала матушка, — а навстречу мне женщина идёт, ругается.

— Ты кого так ругаешь? — спрашиваю.

— Абортников.

— Как абортников?

— Я их убила, вот они мне и снятся, покоя не дают.

— А сколько у тебя их было?

[22] События жизни преподобного Кукши приводятся по его житию из книги. Житие преподобного Кукши Нового, — Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 1995.

— Пять.

— Ты отдай их мне.

— Ой, возьми, пожалуйста!

Поскольку она, мать, согласилась отдать пятерых детей, я стала за них молиться. В эту же ночь умолила за одного. Снятся мне во сне: стоит мать и эти дети. Пять человек, все, как сейчас вижу, белоголовенькие. Она их зовёт к себе, и я им говорю:

— Вот ваша мать, идите к ней.

А они мне: мол, не пойдём. И все остались со мной.\И я молилась за пятерых. Тогда я помоложе была, для меня это легко было, и тут же в эту ночь я видела во сне: пятеро стоят, и все остались со мной...»

Когда в 1957 году отца Кукшу перевели в Иоанно-Богословский мужской монастырь Черновйцкой епархии[23], она ездила к нему и туда до закрытия обители. В начале 1960-х годов началась волна хрущевских гонений на Церковь: снова тысячами закрывали храмы, ликвидировали монастыри и духовные школы.

В 1960 году, когда отец Кукша служил Божественную литургию в Покровском храме монастыря, на жертвеннике от упавшей свечи загорелись покровцы и воздух, которыми были покрыты Святая чаша и дискос. Огонь погасили, но батюшка сказал тогда:

— Враг и отсюда меня выгонит.

Так и случилось: в том же году монастырь закрыли, а старца перевели в Одесский Успенский монастырь[24]. 19 июля 1960 года батюшка прибыл в Одессу. Здесь он также в основном исповедовал паломников. И куда бы ни направляли старца, за ним следовали его верные духовные чада. Здесь батюшка пробыл четыре года и завершил свой жизненный подвиг.

В Одесском монастыре отцу Кукше было послано тяжкое испытание. Благочинный монастыря архимандрит Филипп был приставлен властями, чтобы преследовать старца, следить за каждым его шагом, не допускать к нему народ. Он подселял к старцу соглядатаев, которые обязаны были докладывать благочинному о том, кто и зачем приходил к батюшке.

Старец терпел всё, не жаловался, хотя мог бы обратиться к самому Патриарху Алексию I, благоговейному почитателю батюшки. Он переносил клевету, злобу, оскорбления и гонения на него, как истинный монах.

[23] Свято-Иоанно-Богословский Крещатикский монастырь Черновицкой епархии (Черновицкая область Украины, с. Крещатик). Основан в XVII в., с 1786 г. обращён в приход, восстановлен в 1931 г. В 1961 г. преобразован в женский монастырь, а в 1962 г. закрыт властями. Возрождён в 1989 г. Главный храм во имя св. апостола Иоанна Богослова сооружён в 1765-1768 гг. В 1993 г. завершено строительство храма Благовещения Пресвятой Богородицы с нижним приделом во имя св. Иоанна Предтечи.

[24] Свято-Успенский мужской монастырь в Одессе основан в 1824 г. на Большом Фонтане (по названию одного из местных горных ключей) на высоком берегу моря митрополитом Гавриилом. В 30-х годах XIX в. настоятелем обители был известный учёный архимандрит Порфирий (Успенский), первый начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1920 г. монастырь закрыли. С 1942 г. в одном из монастырских храмов стали совершать богослужения, а к 1944 г. обитель возродилась полностью. С 1946 г. здесь была устроена резиденция Московской Патриархии, и монастырь получил статус Патриаршего. Это спасло его от закрытия в 1961 г. Тогда же сюда была переведена Одесская духовная семинария. С 1965 г. в монастыре находится резиденция Одесского правящего архиерея. В 1994 г. мощи преподобного Кукши были обретены на братском кладбище и находятся ныне в главном соборе обители.

Попасть к старцу паломникам и духовным детям было очень непросто. Бывало, что благочинный даже запирал отца Кукшу на замок, чтобы никто не мог к нему войти в келию для беседы. Но все же у тех, кто знал ситуацию в обители, оставалась возможность подойти к старцу, так как он ежедневно служил литургию в малом храме. Для этого он вставал задолго до рассвета, читал молитвенное правило и шел служить раннюю литургию. Он говорил, что ранняя литургия — для подвижников, а поздняя – для постников. Причащался он ежедневно и говорил, что Причастие — это Пасха, и поэтому после причащения постоянно читал Пасхальный канон.

Матушка знала все эти подробности жития старца и по приезде в Одессу старалась встретить его, когда он шёл в храм на службу или возвращался после службы в келию. Здесь на ходу батюшка давал указания, когда прийти и как сделать, чтобы не видел благочинный.

Бывало, что приходилось перелезать через каменную ограду, чтобы проникнуть в келию духовного отца. И как же радовался старец, когда Анастасия и другие духовные дети проходили через кордоны! Он сразу надевал епитрахиль, исповедовал и причащал пришедших прямо в келии. Зная об этом, матушка ещё в поезде читала правило ко Святому Причащению, постилась, чтобы быть готовой приступить к Причастию. Увидев матушку, старец говорил:

— Христос Воскресе, деточка моя! Возлюбленная дочь моя приехала!

Старец подарил матушке свою фотографию с надписью: «Моей любимой регентше от духовного отца».

Приведём строки воспоминаний архимандрита Антония о встречах матушки со старцем Кукшей:

«В Святой Лавре Почаевской я познакомился с матушкой. То были хрущёвские годы, она ещё не старая была. В Почаев она очень любила ездить — к старцу Кукше, своему духовному отцу, а позже — в Одессу, где отец Кукша жил при Патриархе Алексии I в Успенском монастыре. Тогда отца Кукшу перевели в Одессу из Почаева, после гонений и ссылок.

У него были огромные раны на ногах. Тогда он служил постоянно раннюю литургию в маленьком храме — не в большом каменном белом Успенском соборе, а храмик ещё был во дворе. Батюшка всегда очень рано вставал и рано служил. На больных ногах, покрытых глубокими ранами. Как он открывал ноги, без содрогания нельзя было смотреть.

В этом патриаршем монастыре старец служил. И был там Филипп благочинный, это был выродок какой-то, батюшка от него страдал. Он, конечно, кусал, и нас с матушкой несколько раз укусил. Заедал батюшку, не давал людям посещать его, ходить в келию к старцу.

О преподобном Кукше сейчас книги написаны, есть житие, молитвы, акафист. А мы с матушкой — живые свидетели. Он очень любил матушку и так ласково принимал нас. И причащал нас — в храме и в келии своей исповедовал и причащал.

Мы с матушкой часто посещали старца, и он с великой любовью принимал её, жили мы припеваючи. Говорил с ней подолгу, беседовал. Но жил напряженно, в стеснении, потому что не разрешалось к нему в келию приходить ни за благословением, ни для беседы; не разрешали принимать паломников. И всё же он принимал нас.

Как сейчас помню одно наше с матушкой посещение старца. Вот такую огромную кисть винограда она купила, мы с ней несём этот виноград необыкновенной вкусноты и другие

свежие фрукты. Была осень, сентябрь, день памяти Минодоры, Митродоры и Нимфодоры (23 сентября). Старец Кукша о-о-очень любил матушку...»

В последний год жизни отца Кукши (ему было тогда девяносто лет) Святейший Патриарх Алексий I благословил его самолетом прилететь в Москву на праздник обретения мощей преподобного Сергия Радонежского (18/5 июля 1964 года). В Троице-Сергиевой Лавре Патриарх благословил старца быть предстоящим на торжественном богослужении. Собралось очень много народа, иностранные гости были, вся территория Лавры была заполнена людьми. Когда старец Кукша вышел из храма, верующие обступили его и долго не отпускали, а он благословлял народ на четыре стороны и просил отпустить его.

Узнав, что её духовный отец прибыл на праздник, матушка поехала в Лавру вместе со своей духовной сестрой Анной. Они подошли к Лаврской гостинице, где остановился батюшка, позвонили, но никто не открыл. Тогда они сели на ступеньки перед входом и стали терпеливо ждать, быть может, батюшка выйдет хотя бы ненадолго, чтобы взять у него благословение. В это время подошли две с иголочки одетые монахини и сказали:

— Нас и то не принял батюшка, а вы-то на что надеетесь?

Вид у сидящих на ступеньках женщин и вправду был неказистый. Но не прошло и минуты, как открылась дверь гостиницы и сам отец Кукша вышел и пригласил к себе Анастасию и Анну, а на обеих монахинь, стоявших рядом, даже не обратил взора.

24 декабря 1964 года старец Кукша отошёл ко Господу. Боясь, что на погребение соберётся множество людей, власти распорядились не принимать телеграмм из Одессы с текстом о кончине батюшки. Для погребения дали срок два часа. Сам Патриарх Алексий I запрашивал о причинах поспешных похорон, но время было такое, что с Патриархом никто из власть предержащих не считался. Погребли старца на монастырском кладбище возле Успенского собора. Тысячи людей пришли на могилку, чтобы проститься с любимым старцем. Тогда благочинный Филипп[25] запер кладбищенскую калитку на замок. Но люди перелезали через забор, чтобы помолиться у могилки и приложиться к надгробному кресту.

Матушка вспоминала, как старец Кукша говорил своим духовным детям, чтобы после его кончины приходили на могилку и всё ему рассказывали о своей жизни, как живому. До тех пор пока позволяли силы, матушка ездила в Одессу, подолгу жила в монастыре и у духовных чад батюшки, проповедовала прямо у могилы батюшки, рассказывала собравшимся паломникам о великом старце.

Как правило, она ездила на могилку к батюшке в памятные дни: день Ангела и день кончины. Она и не раз повторяла.

— Какой счастливый батюшка, у него четыре небесных покровителя: Косма, Константин, Ксенофонт и Кукша. (Это имена старца при крещении, в рясофоре, при постриге в мантию и в схиме.)

[25] В житии преподобного Кукши сказано, что гонитель старца, благочинный архимандрит Филипп, спрашивал у него:

— Отец Кукша, я спасусь?

— Спасешься, — отвечал батюшка, — как благоразумный разбойник.

После кончины старца благочинного парализовало; он лежал неподвижный и имел возможность осознать, кому служил и каков итог его жизненного пути. Перед смертью он попросил, чтобы братия пришли к нему проститься. Бывший благочинный у всех просил прощения за свое отношение к отцу Кукше, каялся и мирно скончался, думается — по молитвам преподобного Кукши, простившего своего гонителя. Погребен благочинный Филипп на том же монастырском кладбище, что и гонимый им старец.

Здесь, в Одессе, и у самой матушки было немало духовных чад, сохранились её письма к некоторым из них. Когда кто-то из близких собирался в Одессу, матушка обязательно просила помолиться на могилке старца Кукши, поставить свечи. Духовная дочь матушки А. вспоминает, как та благословила её на поездку в Иерусалим (путь лежал через Одессу) со словами:

— Поезжай, помолись отцу Кукше, я теперь не могу, поедешь теперь за меня. Сразу пойди и поклонись батюшке, и, как только подойдёшь к могилке, он будет тебе улыбаться, как живой.

Слова матушки исполнились в точности. По приезде в Одессу А. сразу отправилась в Успенский монастырь, купила свечи и подошла к могилке старца. Он улыбался с фотографии, как живой. Случилось это 24 декабря, в день кончины отца Кукши, и по этому случаю собравшимся у могилки раздавали частицы рясы старца. Так матушке привезли эту святыню — в память о любимом духовном отце.

Вспоминают также, что, будучи в Успенском монастыре, матушка встречалась с Патриархом Пименом, когда он приезжал сюда на отдых. Святейший страдал диабетом, и матушка специально для него собирала травы, сушила, делала смеси и передавала их для лечения Патриарха.

В 1957 году старец Кукша вынужден был уехать из Почаева, но матушка продолжала посещать Лавру. В Почаеве она познакомилась с другим старцем — игуменом Иосифом, в схиме Амфилохием (Головатюк; 1894-1971), который после смерти преподобного Кукши стал её духовным отцом. В 1960-е годы старец Амфилохий тайно постриг её в рясофор с сохранением прежнего имени.

Родился он в селе Малая Иловица неподалеку от Почаева в многодетной семье. Отец его был плотником и костоправом. От него будущий старец унаследовал особый дар лечить людей, который проявился уже в раннем детстве. Когда началась первая мировая война, был призван в армию, служил в медсанчасти. Во время боёв попал в австрийский плен, откуда ему удалось бежать.

В 1930 году пришёл в Почаевскую Лавру, где принял монашеский постриг с именем Иосиф. В конце Великой Отечественной войны его перевели в дом на братском кладбище при храме Рождества Пресвятой Богородицы. Уже тогда его почитали старцем, но особенно прославился он даром исцеления больных и одержимых злыми духами. Тысячи людей со всех концов России шли к благодатному старцу с мольбой о помощи и исцелении от тяжких болезней. Бывало, что батюшка принимал до пятисот человек в день.

Власти преследовали старца, постоянно требовали, чтобы он прекратил прием людей, но батюшка не мог на это согласиться. Тогда власти изолировали его от народа, насильно поместив в психиатрическую больницу. Через полгода его вызволила оттуда дочь Сталина — Светлана Аллилуева, после чего старец до конца своих дней жил в родном селе Малая Иловица. Здесь он продолжал принимать множество приезжавших к нему больных и бесноватых, для которых старец часто был последней надеждой перед лицом надвигающейся смерти от неисцелимых болезней, после того как лучшие врачи и профессора объявляли, что медицина бессильна им помочь.

Вспоминает архимандрит Антоний, близко знавший матушку в те годы:

«После смерти преподобного Кукши в 1964 году духовным отцом матушки стал почаевский старец Иосиф (в схиме Амфилохий). Служил этот великий старец в домовой церкви в родном селе Малая Иловица. Когда его выгнали из Почаевской Лавры и поместили в психбольницу,

тогда дочь Сталина заступилась за него и помогла освободиться. Он ушёл к своим родственникам в Малую Иловицу, служил постоянно водосвятные молебны, исцелял больных, изгонял бесов, лечил травами, костоправ был великий.

Мы с матушкой во время странствий по святым местам часто посещали старца, и он очень любил её. Обычно мы сначала приезжали и молились в Лавре, а после шли пешком на святую Божию гору, которая от Почаевской Лавры километрах в десяти-двенадцати. Матушка приносила на святую гору иконы, украшала их цветами, рушниками, венчиками.

Сейчас там чисто, порядок, иконы стоят, лампадки горят. А тогда бывало так: появляется милиция на машине, и всё изломают, испоганят. Мы несколько раз приходили, восстанавливали всё, ставили новые иконы, цветы, вышитыми полотенцами украшали. Матушка специально заказывала художникам для Божией горы иконы: изображения Почаевской иконы, Божией Матери в огненном столпе с пастухами и овцами и другие. А наши — свои люди, не немцы, не американцы — ломали, сжигали иконы. Мы там бывали с ночёвкой, молились, и вот милиция матушку не раз избивала там, на Божией горе.

Много людей собиралось там — и матушка проповедовала. Все слушали её затаив дыхание. К ней подходили, задавали вопросы, и она тут же отвечала — и по личным делам, и о том, как лечить от разных болезней.

Оттуда мы шли до источника святой праведной Анны у села Онышковцы. В пути матушка проповедовала, пела, она много псалмов и духовных стихов знала на память. На источнике был храм Святой Троицы. Источник чудесный, с очень холодной водой, там купались, молились, оставались на ночёвку. Матушка никогда не погружалась в источники не помолившись — читала много молитв и пела. Потом мужчины отходили подальше, а женщины раздевались и погружались в воду. Матушка совсем не боялась холодной воды и другим пример подавала. Была она очень закалённой и ничего не боялась, никаких жизненных или бытовых неудобств.

Во время хрущёвских гонений в 1959 году храм снесли. Советская власть пыталась закрыть источник, его закопали и закрыли бетонными плитами. А во время перестройки верующие очистили источник и построили новую каменную церковь[26]. Матушкины чада сейчас ездят туда и молятся, — я слышал от них.

После паломничества к святыням Почаевским мы непременно шли к старцу Амфилохию. Этот великий старец Почаевский постригал матушку в рясофор (где-то в 1965-1966 году). Очень любил её батюшка. Как сейчас помню, какое изумительное большое пасхальное яйцо он подарил ей, антикварное, фирмы Фаберже, с драгоценными украшениями чудесной работы. Не только я, но и другие паломники помнят, с какой любовью старец принимал матушку.

У меня сохранилась фотография с того времени, когда мы были у отца Амфилохия на молебне. Матушка ходила в темной одежде. А было лето, народа пришло много, церквушка была маленькая, и старец служил во дворе, — там и стоит матушка лицом к келии.

---

[26] Освятил её в 1991 г. архиепископ Ровенский и Острожский Ириней (Середний). На самом источнике устроен деревянный помост, колодец выложен кольцами. Возле места купания сделаны деревянные кабины для переодевания паломников, желающих погрузиться в воды источника. Сегодня тысячи людей из самых далёких окраин России, из стран ближнего зарубежья, со всех областей Украины приходят поклониться святыне. Многие из тех, кто приезжает на богомолье в Почаевскую Лавру, стараются побывать на источнике св. Анны. Не счесть исцелений от самых тяжких болезней, которые совершаются здесь по молитвам св. Анны, и особенно действенна молитва матерей о своих болящих детях. Можно было бы составить целую книгу, повествующую о любви Божией, о благодатной силе Божией Матери и Её матери — святой праведной Анны.

Старец Амфилохий, духовный отец матушки, почил в 1971 году[27]. Сейчас к нему на могилку ходят многие, и столько чудес совершается! Кто посещает Почаевскую Лавру, идут на монастырское кладбище, проходят старинной липовой аллеей к месту его упокоения.

Ещё одного почаевского подвижника матушка особенно чтила — это отец Кукша-младший. Он был молдаванин, никак не мог устроиться с пропиской в Лавре и поэтому уехал на Кавказ. Там его убили, и мы похоронили его на Михайловском кладбище в Сухуми.

Очень любила матушка архимандрита Савву, служившего неподалёку от Почаева в деревянном храме во имя святого пророка Илии. У батюшки мать была монахиня и сестра монахиня. Были мы в этом храме на престоле — 2 августа. То было время уборки урожая, и милиция под этим предлогом не пускала народ в храм. И автобусы в тот день не ходили, чтобы люди не могли добраться до храма. Милиционеры останавливали машины, штрафовали и поворачивали назад. Но люди всё равно шли на праздничную службу, и мы с матушкой вместе с ними молились.

Ходила она очень скромно и даже бедно одетая. Уже тогда по временам юродствовала. Таким образом она часто обличала врагов веры Христовой. И всё сбывалось из того, что она говорила и показывала, юродствуя.

Однажды в Почаеве матушка побила при всех одну схимницу за то, что та высоко себя вознесла. Замечательно, как эта схимонахиня приняла обличение. Она не роптала, не возмущалась, а лишь повторяла:

— Бей меня ещё, матушка, за дело бьёшь, чтобы я в прелесть не впала.

Хорошая была схимница, благодатная, но вот — и её матушка вразумила.

Она в то время уже имела дар прозорливости. Помню такой случай. Я должен был посетить одну семью возле Почаева — жила там странноприимница Евдокия. Так вот, матушка провидела, что я приеду к этой рабе Божией. Там оставались иконы мои и вещи. И в тот день, когда я должен был прийти, матушка устроила дорожку, украсила её цветами. Я иду, грешник великий, а она мне такую встречу устроила.

Как-то заболел я на хуторе, где мы остановились в пути, простудился, так как была уже поздняя осень, холода начались. Матушка пошла в село, проповедовала там, и кто-то подарил ей банку мёда. И вот принесла она этот мёд:

— Тебе надо подкрепиться, подлечись, золотой мой.

Помню, на Божией горе и в других святых местах нашей русской земли собирала она травы: душицу, девясил, калган, много трав собирала, сушила. Потом всё это шло для лечения людей».

Глава шестая

ВСЕЯ РОССИИ СТРАННИЦА

«Всея России странница» — так назвал матушку один из почитателей старицы, её спутник во многих паломничествах по святым местам нашей Отчизны. В начале 1950-х годов по благословению своего духовного отца преподобного Кукши матушка начала странствовать и с того времени обошла едва ли не все открытые в России монастыри, бывала во многих городах

[27] В мае 2002 г. схиигумен Амфилохий был прославлен в лике преподобных. Мощи его открыто почивают в храме преп. Иова Почаевского, слева от раки преп. Иова.

страны, посещала известных старцев, подолгу жила на горах Кавказа, где подвизались наши монахи-пустынники.

Самый активный период странствий матушки пришёлся на 1953-1968 годы. Думается, не случайно Господь посылал свою избранницу к святыням Русской земли в этот трудный для жизни Церкви период, когда особенно была необходима поддержка верующими гонимым и уничтожаемым властью монастырям й храмам.

Ещё не написана подробная история того времени, когда Церковь приняла новый тяжкий удар воинствующего безбожия, когда глава государства Н. С. Хрущёв обещал показать по телевидению «последнего советского попа».

В период 1917-1943 годов внешняя Церковь в Советском Союзе была практически уничтожена. Лишь только страх военного поражения и гибели государства заставил Сталина изменить отношение к Церкви. Тысячи храмов были открыты, начиная с 1943 года, вера в Бога перестала считаться государственным преступлением. И всё же миллионы верующих оставались в лагерях, на каторжных работах, и только смерть Сталина освободила невинных узников.

Это был благодатный дар Господа страдальцам и исповедникам российским, выдержавшим лютые гонения безбожной власти. Однако, несмотря на внешние перемены в отношении властей к Церкви, которые начались ещё при Сталине, православные храмы и особенно монастыри оставались под пристальным наблюдением гражданских властей и спецслужб. Как только стала возрождаться в стране Церковь и налаживаться духовная жизнь, начались новые гонения, которые хотя и не были столь кровавыми, как прежде, но зачастую не менее беспощадными.

С 1958 года в Советском Союзе начался ожесточённый «штурм небес», как назвали впоследствии этот период, закончившийся в 1964 году отстранением Н. С. Хрущёва. За это время была закрыта половина всех храмов Русской Православной Церкви: из шестидесяти монастырей осталось лишь шестнадцать. Митрополит Николай (Ярушевич) заявил во всеуслышание в 1958 году о «фактах физического уничтожения Православной Церкви. Патриарх считает, что в настоящее время ведётся линия на уничтожение Церкви и религии вообще, и более глубоко и широко, чем это было в 20-х годах». Власти не простили Владыке его активности в защите Церкви: 12 декабря 1960 года сотрудники госбезопасности убили главного обличителя власти, стремящейся уничтожить Церковь.

Священникам запретили служить требы в домах верующих. От приходов требовали предоставлять списки верующих, у православных родителей отнимали детей под предлогом «фанатичного религиозного воспитания» и помещали их в интернаты. Матерей вызывали в милицию и требовали прекратить посещение храмов под угрозой лишения родительских прав. У приходов и епархий были отняты хозяйственные постройки, жилые дома, причём священников нередко выселяли прямо на улицу. Совершено было массовое изъятие автомобилей у приходов и храмов, отключались телефоны, храмы отключали от водо- и теплосети, запрещали их ремонт.

Тогда же ввели жесткий контроль треб — крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в особую книгу с указанием фамилий, паспортных данных, адресов участников. Пытались даже ввести регистрацию записок на проскомидию. Тем самым власть хотела уничтожать приходы руками самой Церкви, которая этими регистрациями ещё и компрометировала себя. В храмах постоянно работали сексоты, записывающие тех, кто посещал службы. В результате многие верующие вынуждены были прекратить посещения богослужений в храмах.

Верующих увольняли с работы, студентов отчисляли из вузов, лишали прописки, выгоняли из общежитий и квартир, избивали. В 1962 году выходной с Пасхального воскресенья 29 апреля

перенесли на понедельник. На Пасху хулиганы из числа мобилизованных комсомольцев врывались в храмы, били стёкла, стреляли в окна из ружей. Тысячи верующих были осуждены и отправлены в лагеря, ссылки, на поселения. Особенно часто применялось в те годы заключение православных в психиатрические больницы для принудительного лечения.

В 1963 году вся Русская Церковь оплакивала потерю Киево-Печерской Лавры — колыбели христианства на Руси. Её закрыли с помощью милиции под предлогом ремонта и реставрации. Был момент, когда Святейший Патриарх Алексий I заявил, что он лучше уйдет в отставку, чтобы не быть бессильным свидетелем ликвидации Церкви. Много раз Патриарх добивался встречи с Н. С. Хрущёвым, но тот неизменно отказывал.

Главным событием всего периода гонений 1950-1960-х годов стала битва за Почаевскую Лавру. Патриарх не дал согласия на закрытие обители, но и не мог остановить злодеяние. Руками самой Церкви монастырь уничтожить не удалось, и тогда власти решили разогнать Лавру с помощью силы.

Монахов запугивали, вызывали в милицию и КГБ, лишали прописки, после чего отдавали под суд за нарушение паспортного режима, отнимали паспорта, насильно призывали в армию, избивали, отправляли в психиатрические больницы. Сотрудники МВД и КГБ принудительно вывозили монахов за пределы области, избивали и угрожали новыми насилиями и заключением в тюрьму, если они вернутся в Почаев, но иноки обязательно возвращались.

Все здания монастыря, кроме храмов и келий, были отняты, в Лавре ликвидировали производство свечей, уволили всех наемных рабочих, запрещали зимой продавать Лавре топливо и строго следили за этим, так что иноки жили в неотапливаемых келиях, но никто из них сам не уходил из обители.

Монастырь обложили грабительскими налогами, но Лавра держалась благодаря щедрым пожертвованиям паломников и верующих, присылавших денежные переводы и посылки. Государство нашло способ перекрыть и этот источник средств. 28 ноября 1959 года ЦК КПСС принял печально известное постановление «О мерах прекращения паломничества к так называемым “святым местам”». Оно запрещало все организованные паломничества, требовало прекратить доступ верующих к семистам учтенным властями святым местам. Были отняты все монастырские гостиницы, запрещалось ночевать в монастырских церквах. Для выполнения постановления подготовили секретную инструкцию, разрешавшую применять любые методы для устрашения и недопущения верующих к святыням.

Постановление развязало руки местным властям: началась жестокая война против паломников и верующих жителей Почаева. С богомольцами справиться было легче — у них не было жилья. В монастыре строжайше запрещалось оставаться на ночь. Паломники ночевали на земле у лаврских стен или в полях и лесах, окружавших монастырь. На них совершала набеги милиция, их травили собаками, арестовывали, вывозили из города, осуждали по статье за нарушение паспортного режима, приговаривали к заключению в тюрьмах, помещали в психбольницы. Особая охота шла на женщин: их насиловали группы милиционеров.

С жителями Почаева также велась беспощадная борьба. Каждый верующий находился на специальном учёте, за их домами была установлена слежка. Тех, кто осмеливался принимать паломников, наказывали штрафами, но это поначалу. Вслед за этим их увольняли с работы. У них конфисковывали дома, их лишали прописки и выгоняли из Почаева.

К изумлению властей результат от всех этих «мероприятий» оказался обратным: «резко увеличился поток верующих», как сообщали гонители в секретном донесении вышестоящим органам. Если в 1961 году на празднике преподобного Иова Почаевского было две тысячи

паломников, то через год — более пяти тысяч. Тогда была сделана попытка закрыть Лавру силой.

Летом 1963 года власти пытались ночью ликвидировать Почаевскую Лавру. У входа стояли грузовики для вывоза всей братии, а ворвавшаяся в монастырь милиция выламывала двери, вытаскивала монахов из келий, тащила их к машинам. Иноки кричали через окна:

— Православные, спасайте Лавру!

Верующие жители Почаева собрались у святых ворот, где на них обрушились потоки грязной воды из пожарных машин. Тогда православные взяли тяжёлую скамейку и как тараном пробили ею ворота. Здесь их ожидала милиция. Началось избиение, но люди ложились под колёса автомобилей, их оттаскивали, но они снова бросались под колёса. Так Лавру удалось отстоять. Монахов не смогли тайком вывезти из монастыря.

19 июля 1963 года милиционеры устроили массовое избиение паломников, отобрали у них паспорта. Монахов продолжали арестовывать и отправлять в тюрьмы, некоторые расплатились жизнью. «Вернулась история гонения на христианство первых веков» — это строки одного из обращений к Н. С. Хрущёву и генеральному прокурору Р. А. Руденко. Ответ лаврских монахов на гонения лучше всего передают слова из письма Патриарху иеромонаха Аркадия (Копылова) от 26 июля 1963 года: «Пусть что хотят, то и делают, я с Лавры не пойду и под видом расстрела».

Оборона монастыря стала приобретать международную известность. В ноябре 1963 года председатель КГБ В. Семичастный извещал ЦК КПСС, что во Всемирный Совет Церквей и ООН поступила жалоба монахов Почаевской Лавры на гонения органов власти с требованиек обсудить этот вопрос перед мировой общественностью. И гонителям пришлось отступить. Лавра выстояла.

В 1964 году антирелигиозная истерия буквально захлестнула страну. Постановлением ЦК КПСС от 2 января под названием «Мероприятия по усилению антирелигиозного воспитания населения» была поставлена задача полной ликвидации Церкви. Но конец планам богоборцев был близок.

Почаевская Лавра в период новых гонений на Церковь в России вынесла главный удар воинствующего безбожия. Стояние за веру почаевских иноков, их стойкость и мужество помогли выстоять Псково-Печерскому, Пюхтицкому и другим монастырям, намеченным властями к закрытию.

События 1964 года и знаменитое письмо почаевских монахов всколыхнули, наконец, и Запад. В марте 1964 года на митинге в Париже французский писатель, лауреат Нобелевской премии Франсуа Мориак заявил: «Когда Христа распинают в Москве, мы в Париже слышим Его стон на Кресте». После митинга его участники направили протест Н. С. Хрущёву, а 4 марта был создан Международный комитет информации об антирелигиозных гонениях в СССР. Авторитет Н. С. Хрущёва стремительно падал, и 14 октября 1964 года, в день Покрова Божией Матери, генсек был смещён со всех постов и навсегда удалён от власти. Русская Православная Церковь выстояла и в этих гонениях. Лицезреть «последнего советского попа» миру не удалось. Уже второй раз в XX столетии Церковь Христова на примере Русской Православной Церкви подтвердила слова Господа, что «врата ада не одолеют её» (Мф. 10, 18).

Мы остановились подробнее на событиях в Почаевской Лавре во времена гонений на веру потому, что матушка в меру дарованных ей сил активно участвовала в битве за спасение

Церкви. Она была в числе тех, кто сопротивлялся закрытию Киево-Печерской Лавры, она каждый год ездила в Почаев и находилась там в самые трагические для монастыря моменты противостояния властям. Она скрывалась от милиции, пряталась в полях и в домах православных, живших вокруг Почаева. Она проповедовала, укрепляла и вразумляла людей с помощью благодатных даров, которые дал ей Господь. Её избивали, арестовывали, травили собаками, но ей помогал оставаться на свободе Сам Господь.

Странничая по родной земле, матушка все эти годы находилась среди тех паломников, которые в самые опасные дни для судьбы наших святынь — монастырей — оказывались у их стен и помогали выстоять не только им, но и всей гонимой Церкви.

«Когда я была ещё молоденькая, — вспоминает матушка, — то сказала: «Если у меня средства будут, то съезжу в Почаев к Царице Небесной за учеников Господа — двенадцать раз, а один раз — за Христа». Я очень полюбила Почаев. Много старцев там было прозорливых. Я думала: тринадцатый раз послужу Христу обязательно. Так Господь и устроил. Очень мне нравился этот монастырь. Тринадцать лет ездила я в Почаев. Я туда приезжала, и все отпуска обычно проводила по монастырям.

Когда была в Почаеве, меня били, прямо головой об землю били, но кто бил — я не знаю. Там мощи преподобного Иова, и я просила его защиты. И тогда мне дали шапочку от мощей его. Очень плакала я там, у каждой иконы лила слезы, нигде не было у меня такого покаяния, как в Почаеве. Потому что тяжкие грехи, которые я с детства делала, никогда не давали мне покоя.

В один год я была в Почаеве, шла с толпой богомольцев и проповедовала, как родилась Божия Матерь, как не было у Иоакима и Анны детей и потом родилась Дева Мария?.. Так я рассказывала много о жизни Божией Матери, Господа, и дошли мы ночью до Почаева и вошли в храм, и было у меня видение перед Царскими дверями: лежал Христос как живой. И вот с одной стороны был подлец с этими конными гвоздями. И он поставил Христу, прямо я увидела въявь, не во сне, как он наставил большой конный гвоздь, потом молотком как дал, и кровь брызнула. И я видела, *как* Христос посмотрел на этого человека, по-страшному посмотрел на того, который забивал гвоздь. Это видение было мне в Почаеве, и очень страшно мне стало...»

Духовная дочь матушки вспоминает: «Если бы вы видели, как в Почаеве она не уставала отвечать на вопросы и проповедовать истину святости...»

Пока гостиницу у Почаевского монастыря не отняли, матушка, как правило, останавливалась в ней. В 1960-е годы ночевать приходилось уже где придётся. К тому времени у неё уже были знакомые в окрестностях Почаева, где она могла переночевать. Паломничества в Почаев в те годы были делом очень опасным. Матушка рассказывала, что милиция устраивала облавы, отнимала документы, травила паломников собаками.

Вспоминала она такой случай. Был в Лавре послушник, пел в хоре. Прописки ему не давали, поэтому считалось, что в монастыре он живёт нелегально. Милиция постоянно делала облавы, проверяла документы, чтобы выявить живущих без прописки. Их арестовывали, избивали и высылали из Почаева, а могли в тюрьму досадить или в армию отправить. Так вот ему старец Кукша однажды сказал:

— Иди в такой-то сарай, и тебя никто не найдёт, отсидись там, а то скоро милиция нагрянет.

Милиция рыскала повсюду, но послушника этого не смогла найти.

Вспоминала матушка и о том, как в одно из паломничеств была она в Почаеве с двумя подругами. Когда они были в Лавре, их предупредил какой-то старец, что в монастыре ночевать

нельзя, потому что будет облава с собаками. Он велел срочно уходить и не попадаться милиции. И ещё предупредил, что, если они услышат шум погони, нужно прятаться и не выходить из укрытия до тех пор, пока те, кто их ищут, не уйдут. Матушка с подругами убежали из Лавры и забрались в какую-то яму, засыпали себя сверху, чем могли, и сидели почти не дыша. Действительно, их искали милиционеры с собаками, но не обнаружили.

Матушка обязательно ходила к святыням, находившимся в окрестностях Почаева: в Кременецкий монастырь, на источник святой праведной Анны, на Божию гору, откуда привезла несколько замечательных камней. На одном из них чётко виден отпечаток стопы — так же, как в знаменитой Почаевской святыне. Этот камень матушка подарила своей племяннице Клавдии Ивановне, которая и по сей день живёт в доме, где родилась матушка.

Мы уже вспоминали о том, что матушка стала ездить в Киево-Печерскую Лавру в начале 1950-х годов. Тогда она и познакомилась со своим духовным отцом — преподобным Кукшей. С того времени она много раз бывала в Киеве, странствуя по святым местам. Останавливалась она обычно в Покровском монастыре[28] или у верующих киевлянок — в те годы было немало благочестивых женщин, принимавших паломников. Можно было устроиться даже поблизости от главных киевских святынь.

В Лавре тогда был духовником ещё один прозорливый киевский старец — игумен Андрей, у которого обычно исповедовались паломники. Посещала матушка и другого великого старца — схимонаха Иосифа, который жил где-то под Киевом. Старец рассказал ей, как во время молитвы увидел на ночном небе надпись о том, что семьдесят три года проживёт эта власть. Батюшка сказал ей:

— Сталин-умрёт, и эта кровопивка — советская власть — закончится. Много крови христианской православной попила она, но захлебнётся в ней. Конец ей будет, сто лет не проживёт.

Матушка эти слова старца часто повторяла людям. Ещё говорил старец, что партбилетам и всей этой системе недолог срок. Вспоминала матушка и о том, как старец говорил о номерах (числе антихриста), о печати антихриста и о том, что всё это будет перед концом времён.

Отец Иосиф приезжал в Москву к матушке, бывал на службах в Калитниковском храме, где она регентовала. Ходили они вместе и в Елоховский собор.

Господь даровал матушке в годы странствий ещё одно служение и благодатный дар — проповедь слова Божия. В воспоминаниях духовных чад мы видим её постоянно окружённой людьми. В электричках, на улицах, у храмов и в храмах (когда не было богослужения), у монастырских стен — повсюду люди окружали старицу.

Сохранились некоторые из её наставлений, записанные на плёнку, — они кажутся внешне простыми, но в них заключена особая сила убедительности. Это слова личного, пережитого опыта, и они достигают до сердца:

---

[28] Покровский женский монастырь в Киеве. Основан в 1889 г. великой княгиней Александрой Петровной, женой брата императора Александра II — великого князя Николая Николаевича. Она получила здесь исцеление от тяжёлой болезни и приняла тайный постриг с именем Анастасия. При монастыре была устроена одна из лучших в России больниц, амбулатория и бесплатная аптека. Закрытая в 1923 г., обитель снова была открыта в 1941 г., и с тех пор иноческая жизнь в ней не прекращается. Престольный храм имеет приделы во имя св. Александра Невского и преподобного Агапита Печерского. На территории монастыря находится огромный собор во имя святителя Николая (построен в 1896-1911 гг.) — самый вместительный храм в Киеве.

«Всё Господь записывает: сколько ты молился, сколько ты добрых людей на путь наставил, сколько ты нищим подал, сколько ты доброго сказал в народе, принял веры от такой старухи... — всё это записывается. Душа идёт вся в списках. Вот придёшь ты к Богу, а Господь скажет: «Этот человек весь закон Мой исполнил...» И как ты думаешь? Если ты хозяину служил: рожь молол, блины пёк, то делал, это делал, куда тебя хозяин денет? Он тебя за стол посадит... «Земля еси и в землю отыдеши», а дух живой — он никогда не пропадёт... Молись, молись — и тебя Господь помилует, молись! Ведь никто не скажет: не молись, а все говорят — молись, изучай, ходи почаще в церковь, приобщайся, исповедуйся, пособоруйся, — всё, что на свете положено, всё делай. Ну почему же ты будешь плохой? Конечно, ты будешь у Бога хороший».

«Сколько ты доброго сказал в народе...» А ведь в те годы проповедовать открыто слово Божие было смертельно опасно. Однако матушка, по воспоминаниям близких, уже не боялась ничего и никого, зная, что без воли Божией и волос с главы её не упадёт.

Господь её чудесно хранил, ибо завершилось время испытаний и воспитания в ней бесстрашия и мужества в мытарствах предшествующих лет. В жизни матушки перед нами раскрывается истинное чудо Божие, совершаемое на протяжении почти сорока лет. Вспомним о том страхе, в котором постоянно пребывали люди. Сколько их пострадало за одно неосторожное слово не только в «расстрельном 1937 году», но и в послевоенное время, даже и до развала страны в наши дни. А матушка десятилетиями открыто ходила по городам и весям, по монастырям и святым местам, раскрывая людям красоту и истину православной веры. Она появлялась в местах, за которыми следили специально на то поставленные люди. И несмотря на это Господь хранил свою верную рабу от тюрем и ссылок.

Приведём строки воспоминаний прихожанки Елоховского собора об этом служении матушки:

«Когда матушка появлялась в нашем храме, то всегда была в окружении плотного кольца людей. Они долго не хотели расходиться. Однажды на троллейбусной остановке у храма я подошла к такой группе. Матушка говорила:

— Вот вы просите у Господа милостей, хотите спастись. Но, прежде чем получить что-то от Господа, нужно видеть свои грехи и каяться. Спасение не придёт к вам без вас, помимо вашей воли. Нужно следить за собой, а вы — все сквернословите! Вот только она (неожиданно показывая на меня, произносит матушка) — только она никогда не говорит плохих слов.

Я была поражена. Матушка не знала меня, а сказала верно. У меня действительно язык просто не повернётся вымолвить некрасивое слово, — так было и у моих родителей. А собравшиеся люди покаянно признавались матушке:

— Да, да, бывает, слетает чёрное слово с языка...»

Матушка говорила для всех и в то же время — каждому открывала что-то нужное именно ему. Она ясно видела грехи всякого человека, — и это знание внутреннего не просто изумляло людей, но часто помогало им исправляться, вызывало желание быть ближе к Богу.

Матушка говорила о себе, что была она «оратором» и речи держала перед народом. Непривычным кажется это слово в отношении к духовной беседе. Но вот преподобный Григорий Синаит даёт определение «Божественного оратора», которое очень близко к тому, чем занималась и как проповедовала матушка: «Оратор представляет сияющее как солнце познание... посредством духовного ведения и силы»[29].

[29] Преподобный Григорий Синаит. Творения. М., 1999, с. 69.

И в самом деле, её слово оказывало удивительное действие на тех, кто слушал его, оно побуждало людей к покаянию, помогало обретать веру, согревало сердца и души. Бывая в Одессе, матушка останавливалась в мужском монастыре как паломница, молилась и посещала все службы. В свободное время она постоянно находилась у могилки преподобного Кукши. Вокруг неё собиралось много народа — послушать её проповедь. Просила она, чтобы почаще ходили люди в храм Божий, обязательно молились дома. Многие задавали вопросы, и она могла ответить практически на любой из них и всё делала с любовью и удивительным спокойствием. Однажды, как вспоминает её духовная дочь, «матушка прочла духовный стих об Алексии Божием человеке. Все, затаив дыхание, слушали её... Она как бы преобразилась, и слова её плыли, как молитва, и мне казалось, что над нами летали ангелы».

Мы уже упоминали о том, что матушка молилась о младенцах, убиенных матерями во чреве. Благословение на это она получила в Москве после чудесного явления Богоматери, о котором не раз рассказывала своим духовным детям. Нам не известно, в каком году точно произошло это важнейшее в её жизни событие, но ещё в 1950-е годы преподобный Кукша подтвердил это благословение. Матушка рассказывала, что этому явлению предшествовали следующие обстоятельства её жизни. Однажды, выйдя из дома, она повстречала юношу, который подошёл к ней, несильно ударил её по глазам и исчез. После этого она увидела рядом с собой глубокую яму; на дне её находились младенцы, которые тянули ручки вверх и жалобно звали:

— Мама, спаси нас!

Видение не давало ей покоя. Анастасия плакала и просила Господа вразумить, что это значит, как она может спасти этих детей, называвших её мамой. Ведь она никогда не делала искусственных абортов[30]...

Из бесед с матушкой достоверно известно, что она не делала различия между искусственным абортом, т. е. убийством младенца во чреве, и самопроизвольным абортом (выкидышем). Матушка говорила, что всё это — следствие греха матери, которая должна просить прощения у Господа. Ввиду того, что Анастасию в течение многих лет жестоко избивал муж, не разбирая, в каком положении находится жена, у неё могли быть выкидыши.

Однажды Анастасия легла отдохнуть и в забытьи увидела громадную яму, почти доверху наполненную мертвыми младенцами. Ей стало жутко от этой картины, и она проснулась, после чего долго не могла прийти в себя. Затем снова уснула и услышала голос:

— Иди в храм Воскресения Словущего в Брюсовом переулке[31], там икона Божией Матери «Взыскание погибших», иди туда...

Она пришла на всенощную в этот храм. В тот день было много молящихся, но ей удалось встать у чудотворного образа. Анастасия молилась перед иконой и просила у Божией Матери помощи и вразумления. И вдруг увидела, как лик Богородицы на иконе отвернулся. Ей стало страшно, на душе скорбь, хотелось понять, почему Божия Матерь отвернулась от неё. Всю ночь Анастасия проплакала и ранним утром, как только пошли первые трамваи, снова отправилась к храму.

---

[30] В последнее время распространяются буклеты и фотографии с надписями, будто матушка Антония делала в молодости искусственные аборты. Это выдумка издателей буклетов.

[31] Храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Брюсов пер., 15/2). Упоминается с 1548 г. Каменный храм воздвигнут на месте деревянного в 1634 г. Трапезная и колокольня пристроены в 1818-1820 гг. С 1620 г. рядом с ним находился храм в честь пророка Елисея, сгоревший во время пожара 1812 г. и возобновлённый как придел к храму Воскресения Словущего в 1820 г. Храм не закрывался в годы гонений на Церковь. Его прихожанами были многие выдающиеся артисты и музыканты России. Главные святыни храма — всероссийская чтимая икона Божией Матери «Взыскание погибших» и икона святителя Спиридона Тримифунтского.

О том, что было далее, рассказывает сама матушка Антония:

«Пришла я к храму рано утром, — он закрыт, следов никаких нет, и снег кругом. Постояла и вижу, что входная дверь-то чуть-чуть открыта. Постучала, — а там сторож, стала просить, чтобы открыл, но он не хочет. Поплакала и снова попросила впустить, чтобы помолиться у иконы «Взыскание погибших», — и он открыл дверь. Прошла внутрь и сразу к иконе встала на колени и начала плакать.

И вдруг слышу шаги: кто-то подошёл ко мне и коснулся плеча. Оглянулась — и увидела Женщину в игуменском одеянии и двух монашек, стоявших подальше, у свечного ящика. Женщина сказала мне:

— Что ты плачешь? Послушай, Я помогу тебе. Есть только три греха, которые не прощаются: хула на Духа Святого, иудин грех и гордыня. Остальные грехи все прощаются покаянием.

Потом сказала, как нужно молиться за младенцев, убиенных во чреве материнском, и указала на образ «Взыскание погибших» со словами:

— Вот кому молись! Сорок дней будешь молиться, а на сорок первый день увидишь своих младенцев. (Так оно и было!)

Положила земной поклон перед иконой, оглянулась: никого нет. Подошла к сторожу:

— Кто это был в церкви?

— Никто сюда не мог войти, всё заперто.

— А посмотрите, вот мои следы от мокрых ног, а это чьи рядом? Вы же сказали, что никто, кроме меня, не входил в храм.

Сторож согласился и сказал:

— Да, в нашем храме бывают чудеса, даже лампадки сами собой зажигаются.

Три дня не могла вспомнить, какие молитвы нужно читать, пока, наконец, не записала. И так мне сказано было: «Если ты будешь молиться так, то вымолишь детей!»

После этого стала молиться за убиенных во чреве детей своих родственников и знакомых. Советовала так же молиться тем, кто хотел покаяться в грехе детоубийства. И увидела я сон: идёт по полю Божия Матерь, а за ней следуют маленькие дети. Матерь Божия показывает на меня и говорит им:

— Идите к ней, бегите, это мать ваша крёстная.

Они подбежали ко мне, целуют, благодарят...»

С момента явления Богоматери молитва за убиенных во чреве детей становится одним из главных дел жизни Анастасии Яковлевны. Она молилась Божией Матери и просила:

— Хочу помогать женщинам, которые совершили грех детоубийства.

Ответ, который она получила в откровении, звучал так:

— Хочешь? А знаешь ли, что за это с тебя живой будут сдирать кожу?

Во время странствий своих матушка постоянно обличала женщин, совершивших грех детоубийства во чреве. Многим она называла точное число сделанных ими абортов, призывала к покаянию. Она учила молиться о загубленных детях с плачем сердца, находила такие слова, которые вразумляли женщин. Упрекала их в том, что даже звери никогда не уничтожают своих детей во чреве, а одной женщине сказала, что она убила во чреве будущего священника.

Дьяволу было ненавистно служение матушки, и он пытался не только мешать ей, но и убрать из жизни через своих слуг. Сохранился в записи рассказ матушки о том, как в 1950-е годы (это случилось до 1961 года) её жестоко избили, после чего она чудом осталась жива:

«Иду раз из церкви, и встречается мне дьявол, прям дьявол, в своём обличье — с рогами, с хвостом, страшный, небольшого роста. Говорю ему:

— Окаянный, и здесь стал встречать меня, чего ты от меня хочешь?

— Ты, Настасья-мученая, зачем от меня людей таскаешь? Я тебя не трогаю, зачем ты «моих» людей таскаешь? Ну, я тебе так дам, век меня не забудешь!

Господи, вот ещё напасть! И так дал! Проходит неделя, и встретил меня молодой мужчина и начал бить ногами по лицу, всё по глазам попасть норовил. Едва не убил меня. Лежала в луже крови и слепая стала».

Спасли её милиционеры, которые увидели лежавшую на земле окровавленную женщину и отвезли ее в больницу. Здесь она находилась в состоянии клинической смерти, и ей даровано было видение, о котором матушка рассказала так:

«Сижу я будто бы у окна, и спускается белое облако, которое окутывает меня и возносит вверх, к небу. Первое, что я увидела, — стоят высокие деревья, а под ними горят свечи. Встретила меня монахиня. Я спросила:

— Как тебя зовут?

— Анастасия.

А я ещё в то время не была монахиней. Она мне предрекла быть монахиней, это была святая мученица Анастасия. И пошли мы дальше вдвоем... Видим церковь, и в ней Иоанн Креститель окропляет всех водой».

После этого матушка со своей небесной покровительницей сошли в глубины ада. Им были показаны адские муки. Особенно запомнилась матушке женщина в белом халате, привязанная цепями к столбу.

— Кто это? — спросила матушка у своей проводницы.

— Это врач, которая делала аборты.

— А она освободится?

— Нет, за неё некому молиться.

После этого видения Анастасия Яковлевна очнулась, врачи её буквально вытащили из лап смерти. Матушка вспоминала: «Врачи меня очень полюбили в больнице, боролись за мою жизнь. Меня поставили на ноги, вот, как видите, до сих пор живу. Что такое сердце — не знаю, что такое давление — не знаю».

Действительно, несмотря на кошмары лагерной жизни, «лечение» в психушках, побои и издевательства мужа и сына, матушка была очень крепкой и болела нечасто.

Продолжим воспоминания матушки:

«Потом собрались семь моих подруг и меня в Киев повезли. Там был Андреевский собор, где стояли мощи великомученицы Варвары[32]. Меня туда сестры повезли. Я была слепая. Привезли меня в собор к батюшке, ведут под руки. Батюшка меня встречает:

— Матушка моя! Кто ж тебя так разукрасил?

Сколько я прожил на свете, ни разу не видал таких побоев, какие у тебя.

Я молчу. Наливают в такой таз медный масло от Варварушки, и он мне говорит:

— Матушка! (Он меня называет матушка, я тогда ещё не была матушка.)

Умывайся до тех пор, пока у тебя зрение не откроется.

Думаю: «Господи, где же откроется, когда он бил меня всё время по глазам, ослепил меня совсем». Батюшка снимает с Варвары венец, надевает мне на голову. И когда он надел его, дрожь по телу прошла, как будто озябла я вся!

Потом одна местная женщина говорит:

— Сколько вас человек?

Я отвечаю:

— Семь человек.

— Ну, хорошо, у меня как раз семь коек — всем хватит, — и нас приняла. Поблизости собор Андреевский, а вот её домик и семь коек вам, пожалуйста.

А я всё мылась, мылась (маслом), потом ночевали у той женщины, она картошки наварила, капустки принесла, поужинали все. Но жевать я не могла, очень больно было.

---

[32] До Октябрьского переворота мощи св. великомученицы Варвары находились в Киевском Михайловском Златоверхом монастыре. В советское время монастырь закрыли, а собор в 1934 году разрушили. Мощи великомученицы перенесли в церковь святителя Николая, а затем в зимнюю Варваринскую церковь. После закрытия церкви мощи перенесли в атеистический музей, организованный в бывшей Киево-Печерской Лавре. Во время оккупации Киева немцы разрешили открыть Лавру, после чего оставшиеся в живых лаврские монахи стали возвращаться в стены родной обители. Тогда на чердаке одного из храмов Ближних пещер обнаружили раку с мощами великомученицы Варвары. Той же ночью их облачили и вместе с ракой перенесли через весь Киев в уцелевшую нижнюю церковь Михайловского монастыря. В 1949 году монастырь вновь закрыли, а мощи святой в декабре того же года перенесли в Андреевский собор. Сюда и направилась матушка в надежде на помощь и исцеление. В мае 1962 года Андреевский собор был закрыт, и мощи великомученицы перенесли во Владимирский собор, где они находятся и до сего дня. Поэтому событие, о котором рассказывает матушка, могло произойти только до 1961 года включительно.

Прошёл день, другой, на восьмой я поправилась немножко, стала свет перед собой видеть. Батюшка мне сказал:

— Не беспокойся, раба Божия, всё у тебя восстановится, всё будет хорошо. Будешь читать и петь. Всё восстановится.

За мной уход был хороший. Потом день ото дня проходит недель пять, и я попросилась опять на клирос. Помню как сейчас, пели «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...» С этой молитвой я встала снова на клирос. Постепенно все мои синяки прошли, и глаза мои стали видеть, и поныне видят.

А ведь встретил: «Ты, Настасья-мученая, почему моих людей таскаешь?» Так меня бил, что даже сейчас дрожь по телу идёт. Это только собак так бьют, с такой силой бил, ужасно бил. Это был сам дьявол...»

После этого предупреждения и открытого нападения матушка не только не испугалась, но и с ещё большей верой и дерзновением стала помогать людям, вразумляя их, наставляя и исцеляя от многих тяжких болезней. Духовные дети и близкие её рассказывают, что за каждую обращённую душу, за каждое чудесное исцеление, за благодатную помощь человеку дьявол мстил ей. Но Господь умножил её силы за смиренное несение побоев, издевательств, за подлинное духовное мужество.

В 1963 году матушка оказалась в Киеве в момент закрытия Киево-Печерской Лавры. Сразу после ликвидации Лавры на Киев обрушилась беда: прорвало дамбу и потоки грязи неслись, сметая всё на своем пути. Тогда несколько домов провалились, многие пострадали. Народ говорил, что это Божия кара за Лавру. Матушка была очевидицей и участницей тех событий.

«В Киево-Печерской Лавре, — вспоминала матушка, — были два колодца: преподобных Антония и Феодосия, и вот враги засыпали эти колодцы. В то же время дуб с корнем вырвался и упал чуть ли не на эти колодцы. Была трясина такая, что до дна шесты не доставали. На это место никого не пускали, потому что опасно. С дуба всю кору сняли. Когда я там была, православные кору снимали и в Сумки накладывали, всё разобрали.

Из церквей стали святыни и иконы выносить. Начальник ходил и командовал:

— Это снимайте, это выносите.

Я была в ужасе оттого, что крест (распятие) стали выносить, влезла в окно, обняла крест, чтобы не дать врагам. Они оттаскивали меня от креста, били так, что я потеряла сознание, но крест не давала. Но я побоев не ощутила. Я говорила тогда:

— Не дам я вам Крест Господень! Господи, Тебя снова распинают!

Меня оттаскивали от креста, но я была тогда помоложе, сильнее. Никак они не могли расцепить мои руки. Я только чувствовала, как руки отцепляли, но не поддавалась и говорила:

— Не дам вам Крест!

Так и вынесли меня из храма вместе с крестом. Как оказалась на улице, ничего не помню. А когда снимали крест с купола, то он упал на того начальника, который командовал разгромом. Стояла толпа вокруг, а крест упал именно на него...»

Архимандрит Антоний вспоминает ещё один замечательный случай, связанный с пребыванием матушки в Киеве:

«Однажды она заболела в Киевском Покровском монастыре. Там она помогала монахиням в уборке. Её принимала матушка Елена, которая цветами занималась в монастыре, — и вот она попросила помочь.

Монастырь находился в самом центре Киева, а отопление в те годы было печное, и матушка выгребала из печей золу. Вообще она была великая труженица. Во время работы засорила она глаз, нужно было срочно попасть в больницу, полечиться, потому что началось воспаление. Но у неё не было документов (вероятно, после пожара в доме), и потому в больнице её не приняли.

Пошёл я договариваться с врачом, она согласилась, но потребовала, чтобы я заплатил. И вот я снял с себя золотой крест, хорошая цепка была, тоже золотая, — и отдал ей. Она взяла этот золотой крест и потребовала ещё денег, но пообещала, что вылечит матушку. А воспаление было серьёзное, матушка уже температурила. Слава Богу, врачиха приняла, помогла. Матушка не говорила мне благодарностей, а только посмотрела мне в глаза, обняла, поцеловала:

— Золотой мой, дорогой, век буду помнить!

Она была благодарна, видно было, не надо никаких слов. Да что крест, любой надену простой, Бог ещё пошлёт...

Пещеры Лаврские она знала. Киевских старцев посещала. Печоры она очень любила, к старцу Симеону (Желнин; 1869-1960) заходила, когда бывала в монастыре. У неё было несколько его фотографий, которые подарил сам старец. Она дружила с отцом Алипием (Воронов; 1914-1975) — наместником Псково-Печерского монастыря, и он помогал ей. Матушка строила капличку[33] на Божией горе у Почаева, и отец Алипий помогал ей материально. Он был щедрая душа для странников и паломников и постоянно помогал. Схиигумен Савва (Остапенко; 1898-1980) любил матушку и тоже не раз помогал ей материально.

Жила она на горах Кавказа, была у отца Рафаила, который сейчас на Афоне. Мы с ней вместе странствовали по Кавказу: Тбилиси, Кутаиси, Сухуми, Сигнахи — всё это было пройдено. Здесь матушка общалась со старцами. В Сухуми обязательно заходили к глинскому старцу схиархимандриту Серафиму (Романцов; 1888-1976). Потом шли в Команы на источник мученика Василиска, где находят камешки с его кровью.

В Тбилиси мы постоянно бывали в храме святого Александра Невского. С любовью принимал матушку митрополит Зиновий (Мажуга; 1898-1985), глинский старец. Там же при храме жил ещё один глинский старец — схиархимандрит Андроник (Лукаш; 1888-1974). И к нему матушка заходила для беседы.

Особенно полюбилось ей в Сигнахи, у равноапостольной Нины. Настоятель храма отец Лаврентий принял нас с любовью. В колокольне жила монашечка Татиана с мамой, убирала в храме, помогала батюшке. То было время гонений на веру, паломников было мало, жили там очень скромно, даже бедно. Когда мы уезжали, матушка плакала, говорила:

— Давай останемся ещё, помолимся.

Помню ещё, как мы ехали в переполненной электричке и на нас напали. Матушка так отбивалась тогда. Я в тот год остался в горах. А матушка больше любила Россию и вернулась...

[33] Капличка: часовня, маленькая божница.

Постоянно бывала матушка в Казани. Обычно останавливались на квартире у Антонины. Она была семейная и, когда мы приезжали, переходила с мужем и детьми в маленькую комнатку, а нам отдавала большую: там все стены были в иконах. Ходили мы в храмы на службы, и у матушки были духовные чада в Казани.

Жила в Казани слепая монахиня Мария — у неё в доме на втором этаже была комната. Матушка с ней духовно общалась. Ещё помню матушку Елисавету — мы заходили к ней, пили чай, беседовали.

Несколько раз матушка ездила в Караганду к старцу Севастиану (Фомин; 1884-1966)».

Любила матушка паломничать и к святыням Подмосковья. Часто ездила на известные источники. Вспоминают, как матушка купалась на «Иордани» в Ново-Иерусалимском монастыре, спокойно входила в ледяную воду, подавая пример приехавшим вместе с ней:

— Вы не бойтесь, заходите, перекреститесь: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», — и погружайтесь до трех раз.

А вот воспоминания спутницы матушки о поездке к знаменитому источнику преподобного Сергия Радонежского в Малинниках:

«Сначала заехали в Троице-Сергиеву Лавру, побывали на службе, потом вышли к автобусу. Везде у неё знакомые, везде почитатели. Мы ехали с ночёвкой, матушка договорилась, что мы будем спать на соломе. Шёл дождь, и потому нужно было пройти просёлочной дорогой до источника два с половиной километра... Дошли благополучно, пока хозяйка нам что-то готовила, отправились на источник и искупались. Вода ледяная, бьёт из раструба. Брёвнышки положены, чтобы подняться на высоту, а внизу — маленькие водопадики, там озеро образовалось. Постоянно пели там молитвы Божией Матери. Матушка часто ездила туда и оставалась по несколько дней (это было до 1970 года). Когда бывали в Малинниках, матушка собирала там травы, в частности калган. Она говорила:

— Калган, если его правильно настоять, от многих болезней помогает.

Помнится, собирала там и душицу. У неё в квартире повсюду висели кисточками и пучками сушёные травы...»

Продолжим воспоминания архимандрита Антония о странствиях матушки:

«Не тот странник, кто с котомкой ходит от монастыря к монастырю и по храмам. Там его примут, покормят, дадут переночевать с удобствами — и идёт он дальше. Всё это — не духовное странничество, а ублажение своего «я», для удовольствия, и нет в том духовной пользы. А матушка была совсем иной странницей, она несла странничество как подвиг. Ходила босая, носила власяницу и тяжёлые вериги, о чём даже самые близкие не знали.

Когда матушка приходила в дом, где принимали странников, она сразу находила себе работу. Она не спрашивала, чем помочь этим добрым людям — нашим благотворителям, а сама видела, что нужно, и сразу предлагала сделать то-то и то-то. Могла постирать, убрать в доме, помыть полы, приготовить обед. Могла сходить за кукурузой, за грибами или ягодами. Ходили мы чаще летом и осенью, так она обязательно шла в огород, полола, рыхлила, окучивала, поливала. В пути она не только молилась и проповедовала, но и была деятельной, собранной, никогда не видели её праздной...

Удивительное было время: с одной стороны — духовный голод, не найти никакой духовной литературы, люди переписывали от руки молитвы и священные книги; а с другой — каких дивных старцев высокой духовной жизни послал Господь на нашу землю! Хотя и гонение на веру было страшное, но то было золотое время. И как наша страна возвысилась тогда, Гагарин в космос полетел. Если бы Церковь не трогали, не мучили людей, непобедимой была бы наша страна.

Но Хрущёв патологически ненавидел Бога, храмы. При » нём стали грабить и разрушать страну. Крым отдал Украине и ещё много чего разбазарил из нашего достояния, и это всё за счет российской земли. Обещал последнего попа по телевизору показать, заявлял, что мы храмы сломаем, землю вспашем и кукурузой засеем. И Бог его сломал — на чужом горе ничего не построишь. А не гнал бы Церковь, может, никто не сместил бы его с кремлёвского поста.

Билеты стоили тогда копейки, любой человек мог поехать по святым местам и на отдых. Всё так дёшево стоило: какие фрукты, овощи, сколько рыбы всякой было в Одессе, когда мы туда приезжали! Жили сытно, но духовно было, конечно, голодное время. Книг духовных было не достать. Матушка от руки переписывала акафисты, молитвы и других призывала делать то же. Каждую свободную минуту она этим занималась. Очень многое сохранилось у людей из переписанного её рукой. У меня до сего дня хранится тетрадь в зелёной обложке с псалмами и духовными стихами, написанными рукой матушки. Тогда почти ничего не издавалось, и поэтому матушка, а вместе с ней и многие верующие переписывали при свете ночной лампочки утренние и вечерние молитвы, акафисты, духовные стихи. Раз подарила она мне молитвослов и Псалтирь старинного издания, славянским шрифтом отпечатанные, — в те годы это была великая редкость.

Матушка очень любила петь. А сколько псалмов и духовных стихов она знала — неисчислимое множество! Помню, научила она меня петь особым распевом «Се жених грядет в полунощи...» Часто пела «Самарянку» (это одно из любимых песнопений московской старицы схимонахини Ольги — *А. Т.*). Однажды я был свидетелем того, как матушка встретилась с женщиной, которая находилась вместе с ней в лагере. Они пели вдвоём духовный стих на украинском языке:

О Господ! Боже, з високого неба
Услиши молитву мою.
Візьми мою душу до Себе на небо,
А тіло — в сиру землю...

У неё был удивительный слух. Вот мы поём — кто в лес, кто по дрова. А она имела такой дивный слух — это Божий дар.

Ещё пела она духовный стих, в котором говорится о том, как храмы закрывали и кресты снимали в годы гонений:

Дремлет в знойном поле тонкая пшеница,
Храм стоит знакомый, зайду помолиться.
Призывая Бога, в храм вхожу с любовью,
Зарыдало сердце, облилося кровью.

Весь алтарь разрушен, престол опрокинут,
То сиял огнями, а теперь покинут.
На святых хоругвях каркают вороны,
Топором разбиты Божии иконы.

Чья это свершилась безумная дерзость?

Страшно видеть в храмах запустенья мерзость.
Некому в России встать за Церковь смело.
Видно, Русь Святая верой оскудела!

Раньше Русь рождала витязей бесстрашных,
А теперь рождает лишь громил ужасных.
Милосердный Боже! Что творится с нами?
Плачет моё сердце кровью и слезами.

Как проникновенно пела она эти слова, как чудесно! Господь забрал её к Себе, но духом она здесь, с нами. Ещё вспоминаются долгие декабрьские ночи. Тёплая хатка, Божии люди. Уж как она пела! Псалмы знала на память. Сядет удобненько в большой комнатке, где много икон, подвернёт ноги под себя и поёт, а люди, затаив дыхание, слушают её ангельский голос».

Пение духовных стихов — это тоже проповедь, и слова её входят в сердца слушающих. Люди подхватывают легко запоминающиеся мелодии, и тогда наступает какое-то возвышенное, благоговейное настроение. «Нойте Богу нашему, пойте» (Пс. 47, 7), — матушка без устали повторяла эти слова Псалмопевца и сама пела Богу вдохновенно, радостно, с любовью...

Глава седьмая

«ПОЮ БОГУ МОЕМУ...»

(*Псалом 103,33*)

Закончился кошмар психушек. Анастасия Яковлевна свободна, дети взрослые, нет за ней «хвоста» судимости. Господь спас её от верной смерти в каменоломнях Тагиллага через дивный Свой дар — чудесный голос, который подавал столько утешения и радости узникам, умиравшим от голода и непосильных работ. После всего пережитого Анастасия Яковлевна не представляла жизни вне храма, она решила славить Господа своим даром и стала петь и регентовать во многих московских и подмосковных храмах. В 1994 году матушка сказала:

— Шестьдесят три года я отстояла в церкви на клиросе. В три года ещё в Долгом меня поставили на клирос. При мне певчих шестьдесят человек умерли, три диакона, настоятель умер. Как я могла и когда успевала? И где мои дети были? Я всё равно каждый день в церковь ходила и каждый день пела! И уже когда стала регентом, сосчитала, что двадцать шесть лет регентовала, славила Господа.

Хорошо знавшие матушку говорят, что даже в девяносто три года она сохранила удивительный тонкий и чистый голос. А начала матушка петь на клиросе с самого раннего детства в храме родного села.

В Москве Анастасия Яковлевна ходила на службы в разные храмы, но более всех полюбился ей Елоховский собор[34], — туда она ездила постоянно. У нас нет точных сведений, с какого времени она пела там на клиросе. Но обычно именно здесь она исповедовалась и причащалась.

[34] Кафедральный Богоявленский собор, что в Елохове (Спартаковская ул., 15). Сельцо Елох с храмом известно с XIV в. В 1717-1722 гг. на месте деревянного храма был воздвигнут каменный, позднее перестроенный. Нынешнее здание собора построено в 1835-1845 гг. по проекту Е. Тюрина. Здесь был крещён в 1799 г. А. С. Пушкин. Храм не закрывался. В середине 1930-х гг. после разрушения церкви Богоявления в Дорогомилово, служившей патриаршим собором, в Елоховский храм была перенесена кафедра патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), впоследствии патриарха (погребён в Никольском приделе собора в 1944 г.). Главные святыни собора: чудотворная икона Казанской

Ещё один московский храм — Никольский[35] — оставил особый след в духовной жизни матушки. Приведём её рассказ о том, как попала она в этот храм и впервые исповедалась за всю предшествующую жизнь у благодатного батюшки.

С воспоминания об одном грехе, совершённом ещё в юности, начинается повествование об этом чудесном событии, одном из важнейших в её жизни:

«Было мне лет восемнадцать, я сушила рожь. У соседей была наседка, и с ней шестнадцать цыплаков. И вот я сушила рожь, подойдут эти цыплёнки, а наседка сама лапами гребёт. Раз отогнала их, два отогнала, а они опять. Тогда взяла я палочку, раз ей по голове — и убила наседку. И куда ж её девать? Взяла и сварила, может, хорошая курочка-то. А она чёрная! Почернела — и вся чёрная-чёрная, так что её и есть нельзя!

Думаю: что мне делать? Выкинула её, а тут дождик пошёл, цыплятам некуда деться — мать-то их я убила. Они ко мне: пи-пи, ты нашу маму убила. Ох, загорелось моё сердце. Думаю, что же я наделала. А соседка вышла и говорит:

— Чтоб тебе... чтоб тебе... — проклятий столько мне отдала — ужас!

И отец мне сказал:

— Ты большой грех сделала.

Куда ж мне деваться, сама не знаю. Стала я скорбеть, сокрушаться об этом грехе...

Когда была уже в Москве, то этот грех мне напомнили. Прочитала я вечерние молитвы, легла спать и вижу во сне: стою я и подходит моя душа ко мне. Я ей:

— Ты кто?

— Я ведь душа твоя, — говорит, — ты должна идти к покаянию. Зачем ты наседку убила, а цыплята остались сиротами? «Всякое дыхание да хвалит Господа» (11с. 150, 6) — нельзя было убивать. Видишь, что ты наделала?

Я отвечаю:

— Каяться надо, опять грех.

Вот она и говорит:

Божией Матери и мощи святителя Алексия, митрополита Московского, возвращённые Церкви в 1947 г. из музеев Кремля.

[35] Храм святителя Николая, единоверческий на Рогожском кладбище (Рогожский пос., 1 а/29). (Единоверцы совершают богослужение по старым книгам, как его правили до патриарха Никона, но подчиняются иерархически Патриаршей Церкви.) Кладбище было основано в 1771 г. во время эпидемии чумы. Храм сооружён сначала как часовня старообрядцев поповщического согласия на месте деревянной часовни. В 1854 г. группа рогожских старообрядцев решила присоединиться к Матери Церкви. По благословению митрополита Московского Филарета (Дроздова) храм освятили как единоверческий. В 1860-е гг. храм перестроили на средства московского купца Н.М. Алясина (архитектор Н.В. Карпов). Во время гонений на веру храм не закрывался. В 1930-е гг. северный придел Покрова Богоматери был занят переехавшей сюда общиной беглопоповцев. Главный храм и южный придел во имя иконы Божией Матери «Троеручица» до 1960-х гг. числились единоверческими, но с уменьшением числа единоверцев храм обратился в православный. Сегодня освобождён и северный придел, т. к. старообрядческая община получила отдельный храм.

— От юности своея напиши всю свою греховную жизнь и пойдешь завтра исповедаться в церковь (Никольскую), там есть батюшка Алексий[36], подойди к нему, расскажи всё по порядку: как ты свою душу видела, как ты с ней беседовала, что она тебе сказала, как ты наседку убила от цыплят, как ты обидела свою соседку. Ну а которые раскаянные грехи, те не рассказывай. Потом ты будешь приобщаться (Святых Христовых Таин), где хочешь. Ты любишь Елоховский храм, можешь туда поехать, а исповедоваться будешь у отца Алексия.

Я говорю:

— Ну ладно, спасибо, что ты мне подсказала, я запишу все грехи.

А она мне: «Завтра приобщишься, а теперь я должна идти домой», — и стала в меня входить, вот так, я стою, прохладный воздух такой. Я почувствовала, что душа вошла в меня.

Ну вот, велели мне завтра приобщиться, встаю рано, приезжаю в церковь, нахожу отца Алексия, исповедалась у него. Очередь большая была к нему. Потом подходит ко мне молодой человек, одетый как инок, и такая риза на нём неважная, и говорит:

— Я слышал, как ты каялась, иди сейчас и приобщайся (Святых Таин).

— Да какое тебе дело, что ты ко мне привязался? Кто ты такой? Не твое дело, пойду в Елоховский храм, там и буду причащаться.

А он:

— Я тебе сказал, иди приобщайся!

— Я на тебя жаловаться буду батюшке, всё расскажу.

Подумала-подумала: раз уж он привязался, пойду причащаться. И пошла к Чаше. Потом нахожу отца Алексия и рассказываю ему:

— Вот молодой человек заявил, чтобы я приобщилась. Кто он такой есть?

А батюшка:

— Это же ангел твой, ангел!

Он всё слышал, как мы ругались, и я удивилась:

— Ангел? Он такой вредный!

— Ну, уж какой есть, — ответил батюшка.

Отец Алексий, он прозорливый был, служил в церкви Николая Чудотворца...»

---

[36] Отец Алексий (фамилию его пока не удалось выяснить), по свидетельству старых прихожан Никольского храма, служил здесь недолго, по возвращении из ссылки или из лагеря. Вероятно, он был освобождён при пересмотре дел заключённых во время хрущёвской «оттепели» в 1955 или 1956 году. Отцу Алексию никак не удавалось получить паспорт и разрешение на жительство в Москве, хотя он имел здесь жильё, в котором была прописана его супруга. Однажды у него украли справку об освобождении — единственный имевшийся у него документ, удостоверяющий личность. Тогда батюшка пришёл в храм, встал на колени пред престолом и взмолился так: «Господи, у меня ничего не осталось здесь на земле, возьми меня к Себе отсюда, аще волиши!» После этой молитвы отец Алексий скончался прямо пред престолом, Господь взял к Себе его праведную душу.

В этом храме служил настоятелем отец Михаил, которого матушка очень любила и не раз вспоминала о нём.

И всё же первым местом, куда Господь направил Анастасию для служения, стал подмосковный храм в селе Никольском[37]. Это был ближайший действующий храм от дома в Новогиреево, где жила она с 1950 года. Здесь Анастасия Яковлевна постоянно пела на клиросе, а затем и регентовала. Сама она так вспоминала о тех временах:

«Потом регентовала я в храме Николо-Архангельском. Приходила в четыре часа утра, собаки по двору бегают. Откроют мне храм, и я все лампадки зажгу. Храм находился за городом. Я помогала на клиросе, всё чтение, паремии, часы были на мне. Но была там ещё регентша, которая очень не любила меня, потому что у меня получалось хорошо и чтение, и пение...»

Здесь, в Николо-Архангельском храме, матушка получила благословение на постриг в мантию. Для неё это не было неожиданностью, ведь она уже имела малый постриг в рясофор от отца Амфилохия. Однако в те годы об этом лучше было помалкивать. Ещё раньше матушка имела видение, предвозвестившее ей и постриг в мантию, и будущую схиму. Чувствуя особую значимость этого видения не только для себя, но и для духовных детей своих, матушка не раз рассказывала о нём. Приведем рассказ матушки по записи, сделанной ещё при её жизни:

«Есть такая икона «Неопалимая Купина»: когда бывает пожар, её выносят — и пожар прекращается. Я очень интересовалась, что это за икона, и вот я просила Бога, чтобы Он показал мне это место, где то озеро, откуда берется вода и пожар заливается.

Тогда у нас был огород, и вся картошка завяла от засухи. Однажды вышла я на огород и вижу: идёт Николай Чудотворец. Я к нему и обратилась:

— Николай Чудотворец, у меня весь огород пропал.

Он говорит:

— Вот тебе два ведра, иди в первую колодезь.

Я подошла к бадье, а там змея — не дала мне воды, тогда иду я к озеру, а там вода плохая, там я не взяла, и пошла дальше по огородам. А тут собаки стали рвать на мне одежду, так что осталась я нагая. Ладно, думаю, тут народу никого нет, всё равно пойду. Шла, шла, и вдруг мне говорят:

— Вот это канавка преподобного Серафима Саровского, её нужно пересигнуть; каждый человек, который живет на свете, — не минует этой канавки. По этой канавке когда-то ходила Божия Матерь, эта канавка травой не зарастает, и её можно угадать.

Когда подошла, то подумала: «Я же нагая!» — и мне снова говорят:

---

[37] Село Никольское-Архангельское Балашихинского района Московской области. Церковь в честь Архистратига Божия Михаила основана была в XVI в. в сельце Ступишино, принадлежавшем князьям Турениным. Сгорела после пожара 1770 г. Ранее, в 1760 г., сгорела деревянная церковь соседнего села Никольское, поэтому в 1767 г. приход этого села был объединён с Архангельским и стал называться Николо-Архангельским. Новую приходскую двухэтажную каменную церковь построили на другом месте в 1773 г. Нижнюю церковь освятили в честь святителя Николая, верхнюю — во имя Архистратига Божия Михаила. Храм никогда не закрывался и был единственным действующим храмом в округе в годы гонений на Церковь. В храме сохранялись древние святыни, привлекавшие многих прихожан и паломников: чтимая Казанская икона Божией Матери, иконы Архангела Михаила и святителя Николая. При храме находится одно из самых больших московских кладбищ.

— Это — небо, а это — земля; вот здесь, за этой канавкой, будет «Неопалимая Купина» — источник Божией Матери. Когда бывает где-нибудь пожар, то Матерь Божия берёт отсюда воду, заливает, и пожар прекращается.

Я сумела пересигнуть и очутилась у озера. А вокруг трава, лес зелёный, как мурава, а озеро — как море, неизвестно, сколько вёрст, очень большое, и по этому озеру красивые цветы. Вижу я: лежит лев — как в изображении иконы «Неопалимая Купина», там орёл далеко-далеко, здесь — телец, коровка стоит, в точности как на иконе: лев, телец, орел и Ангел — все!

Лев строгий, у него крылья по два метра, глаза добрые-добрые, крупные, как бы два маленьких яблочка, — и он лежит. Я его не боялась, знала, что он добрый, подошла к нему близко и называю его:

— Царь лев, у меня весь огород пропал, всё завяло, дай мне воды.

Он поднялся, встал на задние лапы, грива у него такая, и глядит, и вот так зовёт:

— Орё-ё-л, дай ей воды, — и разливается эхо: — да-а-а-й воды-ы-ы...

Поднимается орёл, крылья такие большие, подлетает ко мне: впереди у него крылья, как руки, только пальцев нет, сложены крестом. Я два ведра ему надела, он зачерпнул с середины бытия и поднёс мне эти два ведра. Я сняла с его крылышек вёдра, поставила возле льва, а он лежит на траве, кругом красота, цветы розовые. Вода чистая как слезинка. Я такой воды сроду не видала...

Тогда я подумала: не уйду отсюда, тут останусь, тут хорошо — и цветы, и лес, и трава. Только равно мне же надо кормиться, никто мне хлебушка не принесёт. И надо мне где-то поспать, а где спать? Долго я думала и всё же решила идти домой.

И вдруг поднялся сильный ветер и принёс мне одежду: рясу с рукавами и мантию, длинную-длинную. Гляжу: по воздуху несут мне баретки, такие красивые. Я их надела, и мантию тоже надела, потом апостольник. Перекрестилась и говорю:

— Слава Тебе, Господи, меня одели, Господь меня одел.

Так стою я в этой одежде и вижу: Ангел стоит с крыльями, здесь телец, орёл вдалеке и лев — высокий такой, красавец невозможный. Подхожу к своим вёдрам и думаю: ну, сейчас я пойду домой. И вот взяла эти два ведра, и мне нужно идти домой. У меня такое хорошее настроение, что я несу воду, а вода такая светлая. Но на пути мне снова привиделась канавка, и мне сказали:

— Это преподобного Серафима Саровского канавка, отсюда пойдешь домой.

И я с двумя вёдрами пересигнула эту канавку, так и пришла в свой огород. Пришла я в себя, и не была я как сонная, а была как сейчас: могу рассуждать, могу думать. Как будто ото сна проснулась. Но вёдра-то мои стоят! Й всё со мной осталось!

А вот скажу вам, всё это было наяву. Потому что одежда-то на мне осталась, ряса, апостольник, которые ветер принёс. И вот передо мной — мой огород. Полила я эту воду, и проснулось всё, ожило. И я стою и радуюсь, что всё ожило вокруг, и благодарю Господа!

Потом я приняла монашество, стала Аполлинарией, схиму приняла, и теперь имя моё — схимница Антония, с тех пор я не Анастасия Яковлевна. Когда я ещё была маленькая, то мать мне сказала:

— Отслужи обедню преподобным Антонию и Феодосию, которые основали монашество. Стали через них быть монастыри и монахи. Это великих два угодника Божия — Антоний и Феодосий.

И с тех пор я думала: хорошо бы мне такое имя — Антоний, я очень того желала.

Но я считаю себя самым последним человеком на земле и прошу прощения у Бога:

— Господь Милостивый, помилуй меня...

Благослови, Господи, пошли человека, который написал бы эту картину. Лев лежит такой большущий, а там орёл, а там телец и Ангел. Дай вам Господи, чтобы вы нашли такого человека, чтобы мои слова были не как ветер, а чтобы в натуре была истина. Лев, лес стеной стоит, поляна, а тут лежит лев. Это, прости мою душу грешную, это только святым людям, Господи, а мне-то, такой грешной... Но я любила эту икону — «Неопалимую Купину», очень любила. Потому я и говорю: теперь я знаю, почему эту икону выносят от пожара и откуда берётся вода — из этого озера. Матерь Божия берёт оттуда воду и поливает, так что пожар прекращается. Царица Небесная, Матерь Божия, наша Помощница Она пожар тушит. Это Её озеро, лес, лев, телец, орёл и Ангел. И я всех их видела. Всё это от человека сокрыто, а я увидела, узнала, Господи, Боже мой!»

В этом видении открывается нам частичка её сокровенной жизни. О том, как совершился монашеский постриг, вспоминает сама матушка:

«После того как у нас в Никольском храме умерла матушка-алтарница, собрались четыре батюшки и обсуждают:

— Кого же нам матушкой сделать?

А там был один простой батюшка, он и говорит:

— Кого же? Настю, Настю, Настеньку — кого же ещё? Она раньше всех встаёт, все лампадки в церкви зажигает.

А я действительно каждый Божий день в храм ходила. И написали тогда прошение Святейшему Патриарху Алексию I, чтобы постричь меня в мантию, и он дал мне монашество и благословил на постриг с именем Аполлинария».

Приведём текст прошения:

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ

От ЯНЧУР АНАСТАСИИ ЯКОВЛЕВНЫ
1908 г. рождения, проживающей:
Москва, Е-24, Авиамоторная,
дом 28/4, кв. 30

ПРОШЕНИЕ

Настоящим прошу ВАШЕГО ВЫСОКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ на постриг меня в монахини. Дед мой был священник, две тёти монахини. И я на склоне моих лет хочу послужить Богу в постриге. Тридцать лет моей жизни я в церкви читаю и пою и в

настоящее время служу чтецом в Николо-Архангельской церкви села Никольское Балашихинского р-на Московской области, где настоятелем Федоров о. Рафаил.

Уповаю на ВАШИ святительские молитвы о мне недостойной.

К сему........../Янчур/

1967 г. 26/2

Скоро пришел ответ на прошение:

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вам резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем прошении от 26/11-67 г. о пострижении в монашество:

«2.III.67. Бог благословит».

Заведующий канцелярией Московской Патриархии
протоиерей В. Елховский.

28 марта 1967 года на резолюции Его Святейшества появилась приписка, сделанная от руки: «Пострижение в монашество совершено 28 марта 1967 г. Наименованием Аполлинария в честь преподобной Аполлинарии, празднуемой Православной Церковью пятого января. 10/IV 67 г. Игумен Порфирий».

Монашеский постриг матушки был совершён в Елоховском соборе. Перед самым постригом матушке приснился сон: увидела она себя в виде овцы, грязной, в репейниках. Пастухи посмотрели на неё и говорят друг другу:

— Ну что с ней делать? Хоть и грязная, а наша.

Помыли её, обстригли и голую пустили в стадо. Смотрят на неё овцы, как на чужую, стали толкать её и бить. Но потом она обросла шерстью, и на неё перестали обращать внимание.

«Так и было, вспоминала матушка. — Я говорила батюшке на исповеди перед постригом: «Я грешная, всё было в жизни», а две женщины, которые вместе со мной постригались, презрительно говорили: «Баба, баба... троих детей нарожала — и в монашки». Но батюшка сказал им:

— Что вы на неё взъелись, она-то троих детей родила, а вы куда свою плоть дели?

После пострига регентша в Никольском ещё больше меня невзлюбила. Когда я появилась в храме, там была такая боевая Ольга, как она вцепилась в меня:

— Кто ты такая, кто такая?

На весь храм меня позорила. Батюшки идут, а она им:

— Почему она три раза приобщается? Какое она имеет право, она баба, баба!

Ну, баба так баба — терпи всё. Один священник там был очень добрый и повторял:

— Матушка, терпи, всё терпи».

Матушка была знакома с лучшими регентами старой московской школы и многое у них переняла. Правохорные певцы стояли и пели вместе с ней на левом клиросе. Звучал её хор необыкновенно, более тридцати человек пели с ней. Многие знали свои партии наизусть. Это было старинное классическое русское церковное пение. Сама матушка вспоминает: «Стала я собирать себе девушек, собрала хор и разучивала разные напевы. Когда узнавала, что в другом храме поют какую-то мелодию интересную, хорошую, я приходила, слушала и приносила в свой хор, разучивала этот напев, который мне понравился. Часто ездила в Загорск».

Одна из певчих Калитниковского храма рассказывает: «Она была очень талантливым регентом. Службу знала на память, тон давала так, как никто другой не мог. Были ведь регенты — певцы из Большого театра, но никто не мог так давать тон и руководить хором. Они службу знали, но старались поскорее закончить, а матушка всё делала с молитвой, собранно, спокойно».

Матушка очень переживала, когда слышала фальшивое или неблагоговейное пение.

«Прихожу в церковь, — вспоминает она, — поют на клиросе, а я им говорю:

— Неправильно поёте, слушайте меня!

И вот какая я была дерзкая. Иду мимо храма, а там фальшиво поют и так вяло. Захожу, поднимаюсь на клирос и говорю: «Тихо, сейчас будем петь», — и со всей душой начинаю петь, а потом ухожу. Вот какая я окаянная и дерзкая...

А когда в монастыре сестры станут визжать на клиросе, я матушке игуменье говорю:

— Матушка, ну что же это. Ну, разве так поют тя-тя-тя , ну к чему всё это, можно ведь по-другому, а то прямо как куры!»

А был ещё в монастыре такой случай: у одной монахини-певчей сомкнулись уста, и она сорок дней ничего не могла есть. Ей с трудом вливали в рот святую воду. Однажды матушку, которая часто приходила к больной в келию и молилась, спросили:

— А почему такое случилось?

— Господь ей надел замок на уста. Возгордилась своим голосом. Голос ей Господь дал, и дар этот в любой момент может отобрать.

По благословению своего старца Кукши матушка дала внутренний обет десять лет петь и регентовать бесплатно. Чтобы заработать на жизнь, она на ночь ходила читать Псалтирь по усопшим. Ей давали за это деньги и продукты — этим она и жила. Певчие говорили ей: «Эх ты, дура монахиня! Поёшь, читаешь — и денег не берёшь! У тебя же дети. Мы поём и сколько денег зарабатываем, а ты — дура». Сказав это, одна из певчих как-то даже ударила матушку по лицу.

Осталась она одна в храме, поплакала, помолилась Божией Матери:

— Царица Небесная, меня обижают.

И в это время ей было видение: стоят певчие на клиросе, сходит Божия Матерь в славе Своей и спрашивает: «Кто здесь поёт бесплатно?» и каждому из тех, кто поёт бесплатно, положила золотую монету в белый кармашек на левом плече.

Матушка спросила: «А мне?» Божия Матерь ответила: «И тебе, и все, кто поет Господу бесплатно, получат по золотому», — после чего опустила матушке в кармашек монету.

Когда она рассказывала этот случай, её спросили:

— А почему кармашек на левом плече?

— А потому, что лукавый находится с левой стороны. И это золото мешает ему смущать человека. Когда человек умрёт, душа пойдет расплачиваться этим золотом.

Матушка не раз повторяла своим духовным детям:

— Все, кто поет в храме бесплатно, имеют от Царицы Небесной золотник!

Более всего воспоминаний сохранилось о том, как матушка регентовала в храме во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище[38].

«Матушка регентовала в монашеском облачении, — вспоминает прихожанка храма. — Помню, у неё такие широкие рукава были. Вот она поднимет руки, будто птица, — и хор так грянет... На меня очень сильное впечатление производило их пение. Хор исполнял сложные произведения: Чесноков, Бортнянский, Гречанинов...

Она работала каждый день, практически без выходных. Такой удивительной энергии человек, не знаю, есть ли сейчас такие среди молодых. А она работала за всех регентов каждый день: утро — вечер, утро — вечер. Сколько можно так выдержать? Мало кто сможет. Приходят регенты: три, четыре службы в неделю, и говорят:

— Нет, мы больше не можем. Панихиду мы не будем служить.

А матушка начинала с панихиды и всем, кто приходил к ней в хор, говорила:

— Любите панихиду, учите её в первую очередь.

Она привлекала в хор всех — умеющих и не умеющих: все пели, причём открывались такие хорошие голоса. Мы удивлялись её терпению. И матушка никогда не жаловалась, не говорила никому, что ей тяжело. Господь поставил её здесь, и она принимала и несла всё как послушание от Господа. Она буквально держала весь храм — и так много лет. Наш диакон говорил:

— Лучше матушки никто службы не знал, даже священники.

Но потом матушка стала слабеть. Постоянная нагрузка на голос и лёгкие сказывались, у неё открывался сильный кашель. Приносили ей разные лекарства и народные средства, чтобы помочь от кашля.

---

[38] Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище (Калитниковский пр„ 11). Кладбище основано во время эпидемии чумы в 1771 г. Название происходит от местности Калитники, которую великий князь Иван Калита пожаловал Крутицкому подворью. В 1780 г. сооружён деревянный храм во имя Боголюбской иконы Божией Матери. Нынешняя каменная церковь построена в 1834-1838 гг. архитектором Н.И. Козловским. В советское время храм не закрывался, но был захвачен обновленцами. Возвращён Патриаршей Церкви в 1944 г. Главная святыня — чтимая икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». На кладбище погребены тела тысяч жертв большевистского террора.

И вот помню, как однажды староста сказал ей: «Ты и завтра выходи», — на что она впервые ответила: «Я уже не могу».

И тогда ей объявили, что увольняют из храма. Хотя причина увольнения была совсем другая: она обличала старосту за какие-то дела. Однажды матушка сделала замечание и священнику, знавшему о делах старосты; ему это не понравилось, и он постоянно искал повода, чтобы придраться. Этот священник и выгнал её из храма, но не сразу — она была нужна, поскольку пела и регентовала безотказно. А повод скоро нашёлся.

Кто-то из прихожан подарил ей старинную икону в серебряном окладе. Настоятель храма увидел икону и потребовал, чтобы матушка отдала икону ему.

— Но ведь её подарили мне лично, — возразила она.

Тогда настоятель просто взял икону и сказал, что матушка может больше не приходить на клирос: с завтрашнего дня она уволена».

Матушка особо отметила день изгнания её из храма, записав на листке в Псалтири: «1982 г. 26 июля уволена, очень опечалена за храм, даже скорблю».

После этого матушка ушла петь на клиросе в храм святых апостолов Петра и Павла, что на Солдатской улице[39]. Однажды решила она сходить помолиться в любимый Елоховский собор.

«Стою, молюсь, — вспоминала матушка, — а во время 1 службы есть такой момент, когда поют «Верую», а священник воздух над Агнцем и Чашей поднимает и опускает. И вдруг вижу, что вылетает голубь из Чаши. Я думаю: куда же это он полетит? — а он подлетел ко мне, я открыла рот — и он влетел ко мне. Я решила, что, наверное, Ангел меня должен забрать, ведь мне уже много годков. Пришла домой, слышу — подъехала машина к подъезду. Входит в дом священник и говорит:

— Матушка, вернись, пожалуйста, в храм на регентство.

Вот почему Господь мне показал: чтобы я славила Его!»

Так матушку снова пригласили в Калитники. В письмах к духовной дочери она пишет: «Я опять пошла служить в свой храм. Опять на своё место регентом. У меня хор — двадцать пять человек, работаю или служу через день. Но далеко ездить. Здоровье очень слабое. Кашель забил».

Через два года матушка так описывает свое служение в храме: «Отпуска мне нет и не дают. У нас в будние дни очень мало народа бывает, человек сорок, не больше. А в праздник руки не просунешь. Храм у нас очень большой. Я ещё руковожу хором, и Апостол читаю, и шестопсалмие читаю. У нас служится сперва утреня, потом литургия, потом молебен, потом панихида, потом отпевание. И я настолько устаю. До трёх часов служба, а замены нет...»

О служении матушки в Калитниковском храме вспоминает его прихожанка:

[39] Храм святых апостолов Петра и Павла в Лефортово (ул. Солдатская, 4) известен с 1613 г. В конце XVII в. перестроен на средства полковника Франца Лефорта. В 1711 г. храм выстроен заново на средства царя Петра I для Лефортовского полка. Храм не закрывался во времена гонений на Церковь и сохранил внутреннее убранство XVIII в.

«Ходила в наш храм маленькая женщина, немного косолапая. Эта прозорливица сказала священнику, который собирался с семьей на юг:

— Батюшка, не ездий, темно, не ездий!

Они не послушались и отправились на двух автомобилях. Сын за рулём, священник впереди, а жена и дочь сзади. Врезалась в них машина. Жену и дочь насмерть, а самого батюшку с тяжёлой травмой положили в больницу. Сын остался цел, но, конечно, моральная травма. Пришли они в Калитники: батюшка сильно хромал. Матушка Аполлинария их опекала и утешала.

Служил в храме молодой священник. Было у него двое детей. Он просил матушку Аполлинарию пригласить её племянницу — врача, чтобы провериться: жаловался на сердце. И вот эта прозорливая женщина сказала ему:

— Пасху послужишь, больше не придёшь.

— Что ты такая злая? — спросил батюшка. — Как это я больше не приду?

Отслужил он Пасху, пошла вторая седмица — и вот в канун Радоницы вечером после службы этот священник умер, не дойдя до дома.

Матушке Аполлинарии эта женщина сказала:

— Тебе бы уйти отсюда.

— Ну, мне не надо так говорить, — ответила матушка.

— Нет, тебе бы уйти отсюда.

Она таким образом предупреждала матушку, что не всё в храме благополучно и что ожидают её скорби и ей нежелательно здесь оставаться.

Бывала постоянно в храме женщина, которая ненавидела матушку Аполлинарию. В один из дней, когда матушка регентовала во время панихиды, эта женщина встала позади хора, а затем вышла из храма. Матушка приблизилась к тому месту, где только что стояла эта женщина, и вдруг сказала:

— Ой, девчонки, мне в ногу игла вошла, да так больно.

— Да как же игла может войти, когда ты в сапогах?

— Снимите мне сапог.

Сняли — действительно на ступне кровавое пятно. Матушка сказала:

— Это не просто так, надо Царице Небесной молиться.

И прямо с разутой ногой упала на колени перед Смоленской иконой Божией Матери, начала молиться и попросила всех певчих присоединиться к ней, повторяя:

— Господи, прости меня грешную. Господи, прости и её.

Затем стала читать на память молитвы. Когда поднялась с колен, кровавого пятна на ноге уже не было. Матушка тогда сказала певчим:

— Надо за врагов молиться, а мы и за себя не умеем!

Это был её жизненный принцип. Никогда она не злилась, не мстила. За врагов своих молилась усердно и повторяла своим близким:

— Если кто тебя обидит, молись на коленях, молись за них, сорок поклонов земных положи за врагов, за ненавидящих и обидящих вас.

В храме многие становились свидетелями прозорливости матушки Аполлинарии. Она прозревала трудные события в жизни окружавших её людей и, бывало, предупреждала:

— Смотри, ведь то-то и то-то может произойти.

И всё происходило по слову матушки. Её побаивались, у неё был взгляд, насквозь видящий. Она видела грехи людские, и бывало, что обличала. Завистники говорили её духовным чадам и друзьям:

— Что вы к ней ходите?

Матушка была строгой и требовательной к пению и чтению, указывала на ошибки и говорила, как нужно петь. Конечно, многим это не нравилось. Кое-кому даже плакать приходилось, после того как матушка строго скажет:

— Стой здесь в уголке и слушай, учись, как правильно петь!

Исполнялись и многие её предупреждения другим сослужащим с ней. Одной певчей матушка предсказала, что та будет регентом, помнится, повторяла ей:

— Пойте Симоновскую, пойте Симоновскую!

Это была её любимая мелодия Херувимской песни.

Часто бывала в храме верная его прихожанка — Евдокия. Матушка ей сказала:

— Господь придёт за тобой на Николу.

Так она позвонила своим знакомым за три дня до праздника:

— За мной Николушка придёт, готовьте меня, за мной Николушка придёт, так матушка сказала.

И действительно, скончалась она в день памяти Святителя Николая, у нас её и отпевали».

Ещё об одном поразительном случае вспоминает сама матушка:

«Умирала моя знакомая — Анна Филипповна[40]. До последней минуты была в сознании и, умирая, читала молитвы. Уже вся застыла, одна голова живая, но в памяти была и указала:

[40] Анна Филипповна Подгородецкая (1906-1984) — духовная сестра матушки Антонии. Приведём строки воспоминаний об этой удивительной женщине:
«Анна Филипповна была духовной дочерью преподобного Кукши Одесского. Пришла она к старцу и говорит: «Батюшка, я замуж выхожу, у меня жених хороший!» А старец ей: «Нет, Анна, ты будешь невестой

— Не мешайте мне!

Это было на моих глазах. Вот какая у неё вера сильная, не боялась смерти. Принесли отпевать в церковь Анну Филипповну. Смотрю, на ней креста нет. Пошла за ящик, принесла крест, а как его одевать? Она во гробе лежит мёртвая. Тогда я перекрестилась и сказала:

— Анна, как же на тебя крест надевать?

И она сама села в гробе, а те, кто близко стоял от гроба — три или четыре человека, они едва не упали от страха — всё же покойница. Но я набралась смелости. Подумала, что нам всем умирать, вот и стала надевать на неё крест. А когда надела, сказала:

— Анна, ты же умерла.

Но она была как кукла какая-нибудь, и я её потихоньку положила обратно в гроб. Тогда батюшка подошёл и сказал:

— Великие чудеса Господь творит!

Её отпели в церкви, всё как следует, и я её решила в свою могилу положить, там, где сейчас сын Михаил похоронен».

Летним вечером матушка возвращалась после службы из храма в Калитниках со своей знакомой. Доехали до станции метро «Таганская», и захотелось им пить. Подошли к палатке с водой. Матушка взяла наполненный стакан, перекрестила его и подала спутнице. Та отвернулась, неудобно стало: народ кругом, а матушка открыто крестит. Тогда матушка громко сказала:

— А вот креста-то стесняться не надо! Когда других дел — вы не стесняетесь, а креста — стесняетесь!

После этого целую проповедь прочитала, а люди возле палатки стояли и слушали, но никто не вступил в беседу. Спутница возразила:

— Вот вы будете так говорить, а кто-нибудь донесёт...

Христовой!» — и благословил её с восемнадцати лет по тысяче поклонов ночью делать и носить сорок крестов. Она была знакома со многими знаменитыми людьми, в частности с Есениным, Ворошиловым. Со временем стала хорошей художницей, писала иконы и живописные работы. По благословению отца Кукши приняла монашество с именем Антонина. Жила она в коммунальной квартире, и сосед возненавидел её. Конечно, пьёт, курит, блудит, а за стенкой — по тысяче поклонов творят. Сосед устроил так, что её отправили в психиатрическую больницу. Он сочинял доносы, что соседка ходит в храм, людей соблазняет и т.п. В больнице она ходила молиться в туалет. Санитары и больные её постоянно избивали, сорвали с неё кресты. От побоев у неё образовалась злокачественная опухоль. Матушка Аполлинария продавала её картины, иконы и на вырученные средства выкупила Анну Филипповну из больницы, устроив её в дом престарелых. И здесь она продолжала молиться и совершать поклоны, которые благословил отец Кукша. Матушка временами забирала её оттуда к себе домой. У Анны Филипповны была крещенская вода, которая сорок лет стояла. Матушка кропила нас этой водой. Когда мы бывали у Анны Филипповны в доме престарелых, не хотелось уходить, такая благодать от неё исходила. Она была какая-то неземная. Помнится, когда мы помогали ей мыться, она совсем не боялась холода. Даже в зимнюю стужу ходила в плаще или даже в платье. На вопрос, почему она так легко одета во время морозов, отвечала: «Что вы, ведь молитва греет, и мне совсем не холодно. Мне кажется, что я такая горячая».
В доме у матушки Антонии находилась икона Божией Матери “Взыскание погибших”, написанная Анной Филипповной. Мы не раз видели, как икона эта сияла, когда пред ней молились. У матушки ещё долгое время сохранялись её работы — иконы и картины. Потом она умерла, и матушка её похоронила на Калитниковском кладбище на месте, которое купила для себя».

— Никто ничего не скажет, — перебила её матушка, — потому что я правду говорю.

Храм в Калитниках был, наверное, и в самом деле очень «трудным». Тому есть ещё одно убедительное свидетельство. Когда матушка Аполлинария регентовала здесь, к ней несколько раз приезжала известная московская старица схимонахиня Ольга. Как правило, матушка Ольга не задерживалась в храме, а лишь приложится к иконам — и на кладбище. Здесь они подолгу ходили с матушкой Аполлинарией и беседовали; о чём — знает один Господь.

Однажды матушка Ольга посреди лета приехала в Калитниковский храм, одетая как в лютую стужу — в десяти кофтах, шубе, рукавицах, тёплом пуховом платке, так что напоминала колобок. Поднялась по лестнице в храм, постояла недолго и громко сообщила сопровождавшим её «дочкам» — духовным чадам:

— Холодно здесь, замерзнем, поехали обратно.

На языке блаженных это значит, что не достает в храме молитвы, тепла, настоящих духовных отношений.

Матушка Аполлинария постоянно навещала дом старицы Ольги, которая принимала её с любовью. Вспоминает духовная дочь схимонахини Ольги, много лет жившая в доме старицы у станции метро «Таганская»:

«Не раз приходилось мне быть свидетельницей того, как приходила в дом матушка Аполлинария. Матушка Ольга её благословляла и говорила мне:

— Сестры мои пришли, будем их поить чаем.

До конца жизни не забыть эти часы, проведённые с обеими матушками. С какой любовью они общались, становясь как будто невесомыми при встречах; матушка Аполлинария порхала по комнате, как птица. Да и матушку Ольгу я нечасто видела такой вдохновенной. Они пили чай, духовно общались и было видно, какую радость доставляют им эти беседы. Помнится, матушка Ольга одобряла молитвы за убиенных во чреве детей. Можно сказать, что здесь совершалось преемство старчества. Недаром духовная дочь матушки Антонии, прочитав книгу о матушке Ольге, сказала, что некоторые её страницы будто написаны о матушке Антонии».

Ни в одном храме не служила матушка дольше, чем в Калитниковском, но не хотела, чтобы её отпевали здесь. Уже будучи схимницей, матушка завещала своей родственнице:

— Если что здесь со мной случится (т. е. в Москве), то пусть по чину отпоют в Петре и Павле (на Солдатской). Ты же знаешь, что меня открытой держать нельзя, я буду закрытой, — и ты при всей твоей любви не открывай меня!

Матушка пела во многих московских храмах, а молилась едва ли не во всех, где совершалось богослужение в 1960-1980-е годы. Но из всех московских церквей более других любила она Богоявленский собор и считала себя его прихожанкой. Даже будучи немощной, просила близких помочь ей добраться именно до этого храма. Но не всегда получалось, не все могли разделить с ней духовную радость, остаться, помолиться, помочь. Обычно её привозили на службу вечером и оставляли на ночь одну. Матушка сидела там одиноко на лавочке и молилась.

«Баки со святой водой стояли, — вспоминает духовная дочь старицы, — а матушка всегда сидела справа. Я ей говорю:

— Матушка, мне пора.

А она мне:

Не забудь, поставь Казанской Божией Матери свечку. Она очень любила Казанский образ. Когда приедешь за ней утром и спросишь:

— Матушка, а с кем же вы были ночью?

— С мертвецами, с покойниками, вон гробы стоят.

Отец Матфей, настоятель собора, очень хорошо знал матушку и разрешал ей оставаться на ночь. Когда матушка жила на Авиамоторной улице, из храма ей всегда передавали посылки, когда бывала гуманитарная помощь».

В Елоховском соборе произошло ещё одно событие её жизни. Однажды матушка сказала племяннице:

— Что-то на Преображение со мной будет. Я тебе тогда сообщу!

На праздник Преображения матушка отправилась в Елоховский собор. Во время службы ей стало плохо, прямо из храма матушку отвезли в больницу и положили на операционный стол — обнаружили ущемление грыжи. Перед операцией матушка просила, чтобы правую руку не привязывали, так как она будет ею креститься. Однако её не послушали — связали. Сама матушка вспоминала, что во время операции ' много раз пела тропарь празднику Преображения и благодарила Господа за то, что удостоил её пострадать в такой день. Она говорила:

— Вот мы часто, когда неприятности, скорби, — плачем, а меня забрали в Преображение Господне прямо из храма на операционный стол. И это радость для меня была.

Когда племяннице матушки позвонили, что её тётушку ^ прооперировали, она тотчас примчалась в больницу, вошла в послеоперационную палату и спросила матушку, когда та | была ещё под наркозом:

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Я к тебе пришла. Всё, что ты мне говорила, случилось?

— Да.

Глава восьмая

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Матушка за долгие годы выработала в себе особый характер, в основе которого были милосердие, доброта. Много раз она повторяла: «Спешите делать добро, постоянно делайте добрые дела», — и сама подавала пример доброделания.

Матушка уточняла, что означает добро и добрые дела у Бога: первое — это подаяние в Божий храм; далее — подаяние нищему; третье — подаяние нуждающимся: осиротевшей семье, в случае тяжёлой жизни, болезни; четвёртое — всякое подаяние и помощь во славу Божию. Матушка говорила, что бывает нередко, когда доброделание человека плодит завистников и за большое добро человек получает зло.

Вспоминают, как выходила матушка из храма в Калитниках. Служба кончилась, нищие стоят рядами по лесенке. И матушка подаёт — всем до одного, никого не пропустит. Хоть понемногу, но каждому подаст, никого не обойдёт. Нищие дружно благодарят: «Матушка, спасибо, храни тебя Господь», — а она отвечает: «Ну и вас храни Господь».

Как-то её спросили, нужно ли подавать нищим, ведь многие из них не по нужде стоят или пропивают подаяние. На это матушка ответила так:

— А это уж не твоё дело! Если ты даёшь копейку, ты же не знаешь, во что вырастет эта копейка? Даёшь — значит давай. А если у тебя нет ничего, ну и не глумись, не надо!

Дверь её квартиры на Авиамоторной никогда не закрывалась — ни снаружи, ни изнутри. Эта дверь была открыта для всех, кто искал помощи старицы. Приходили разные люди — не только воцерковлённые, но и совершенно несведущие в вопросах веры, в надежде на помощь матушки со всеми своими бедами и болезнями. И никому она не отказывала, кто бы и когда бы к ней ни пришёл, в любое время дня и ночи. На этот подвиг благословил её Святейший Патриарх Пимен, знавший о духовных дарах матушки.

Когда её спрашивали, не боится ли она жить с постоянно открытой дверью, матушка отвечала:

— Плохие люди ничего не могут сделать против меня бессильны.

Однажды в отсутствие матушки квартиру обокрали, воры унесли все ценные вещи, но и после этого её двери всё равно оставались открытыми. Сама матушка так говорит об этом в одном из писем: «Меня обокрали. Все вещи унесли хорошие. Миша лежит в больнице. Сердце отказало — инфаркт... У нас сейчас большое горе. Враг не дремлет. Делает свои козни для меня. Я сейчас плохо вижу от слёз, совсем слепну... Молись, проси Бога. Жить нам мало осталось. Здесь — временно, а там — вечность» (20 марта 1984 г.). Поэтому, как вспоминают близкие, «в квартире матушки всё было ветхое, старое, на первый взгляд рухлядь какая-то».

Матушка говорила: «Раньше пускали ночевать, а сейчас боятся, что обокрадут. Хоть на снегу ночуй, а в дом не пустят. Закроют на замок, да и всё... В каждом доме гнев и зло. Разве мы любим друг друга? Мы ненавидим. Нам очень тесно жить. А раньше по восемь, или девять, или двенадцать человек жили в одной избушке и дружили, мир был. На что мы надеемся?»

Приезжали к матушке священники из разных городов, семинаристы, оставались на ночлег. Всех приходивших к ней матушка кормила, угощала. Всё, что было у неё из продуктов, доставала, ничего не припрятывая, делилась всем, что имела. Терпение у неё было поистине ангельское. Приезжали люди из Сибири, с Украины, из самых дальних мест России, ложились на полу её квартиры едва не штабелями.

Часто ночевали у неё бомжи, приходили и пьяницы, которых не пускали домой. Они знали, что есть монахиня, которая принимает бездомных, и, действительно, матушка их Монахиня Аполлинария кормила, поила чаем, давала (А. Я. Янчур). Москва, кров. Были у матушки длинные, как мешок, перовые подушки. Она их скатывала роликом и прятала, а когда собиралось много людей, раскатывала на полу.

Бывало так, что в доме никакой еды не оставалось. Придут к ней, а она все продукты сгребёт, положит в сумку и отдаст. Конечно, люди отказывались, но матушка говорила так: «Как от меня не брать? Нет, от меня должны брать», — и благословит. Часто отдавала буквально всё, даже хлеба себе не оставляла. Подумает человек: «Обобрали матушку», — а она в напутствие: «Господь поможет, принесут мне, всё будет».

Духовные дети вспоминают, что у матушки хлеб был какой-то особенно вкусный, да и продукты из её рук казались намного вкуснее тех, что покупали в магазине. Каждому хотелось что-то взять как благословение старицы. Матушка это знала и никогда ничего не жалела, постоянно раздавала продукты. Любила делать маленькие подарки. Сама шила мешочки, насыпала в них ладана и дарила духовным детям.

Живя в Москве, матушка часто посещала интернаты, дома престарелых, навещала больных. Давала адреса нуждающихся своим близким, чтобы и они старались помогать бедным людям.

«В богадельни ходила я излюбила кормить людей, — вспоминает матушка. — Была у меня одна знакомая — Анна Филипповна, она и сама приходила ко мне. Я кормила её, помогала. А потом она пропала. Стала я искать её по всей Москве и нашла в другой богадельне — там, где универмаг Измайловский. Туда я ходила года три, познакомилась с больными. Там было много больных, человек шестьдесят, я им стала покупать всё необходимое.

Приду я и вижу, что прогнали их с постелей. Тогда спрашиваю:

— Какой же человек это сделал?

А мне отвечают:

Не ваше дело, вы только приходите, а мы тут убираем, они нам надоели.

И вот я заходила в церковь, с панихиды наберу блинов и много всего, что есть на кануне. Потом я отправлялась в магазин, килограмма три сахара возьму, килограмма два конфет и всех их наделяю, все шестьдесят человек. Прогонят их всех из палат, кровати накроют белыми покрывалами и не пускают никого, не дают спать или отдохнуть.

Приходила я и к Елене, помогала ей (она была очень больна); и до тех пор, пока снова не приду, никто к ней не подходит. Потом она умерла, потому что некому было ей помочь. Никому они были не нужны. Многие умерли, но я ездила туда до конца, кормила, помогала людям».

Об этом служении матушки говорит её духовная дочь К. Р.:

«Приходили мы к безродным и к тем, у которых вообще никто не бывал, тащили сумки, раздавали то, что приносили, в домах престарелых, куда направляла нас матушка. Мы их угощали, мыли ноги. Сама матушка очень много ходила по богадельням. Бывало, идём в интернат, а она бежит нам навстречу:

— Вы туда? А я уже возвращаюсь».

Одним из результатов этих походов матушки была просьба к родным:

— Что бы там ни было, как бы плохо ни было, никогда не отправляйте меня в интернат... Вы знаете, как там кормят? Ведь называются сестрами милосердия, а никакого милосердия, ни тарелки, ничего. Вот несут запеканку, прямо руками из ведра положат на тумбочки, а они грязные. Я уж за своими ухаживала, и тумбочку протру и помою её.

Сколько людей прошло через её странноприимный дом, и многие пытались давать деньги:

— Матушка, возьми на свечи.

— Уберите, лучше сами поставьте!

— Ну, на конфеты, на продукты.

— Не надо мне это.

Матушка никогда не брала деньги для себя. Когда давали на монастыри, на помин, то брала, но *никогда* не тратила на себя ни копейки. Обычно собирала записки и деньги и, когда кто-то отправлялся в монастырь, чаще всего в Троице-Сергиеву Лавру, отдавала все собранные деньги и записки.

При первой же возможности матушка старалась навестить близких, доставить им радость общения. Её приход становился праздником. Любящим сердцем своим она чувствовала, когда человеку было трудно, и часто появлялась в домах людей в самый нужный момент. Вспоминают духовные чада матушки:

«Когда приходила к нам матушка, это был праздник. Подойдёт, благословит, помолится, положит больной девочке руку на головку, перекрестит, прочитает над ней молитву. Просфору принесёт обязательно, святую водичку. А когда уходила, опять нас благословляла, давала наказ и говорила: «Всё, всё, мои птенчики, я от вас ухожу», — и снова перекрестит всех нас...»

«Как только она приезжала к нам, это для нас был праздник. Мы все сидели вокруг неё, как цыплята вокруг наседки, а она нам рассказывала, где она побывала, в каких монастырях, каких людей встречала. Мы слушали, затаив дыхание и оставив все дела...»

Матушка приносила надежду в дома близких. Даже если в семьях, которые она навещала, были трудности, какие-то переживания, скорби, например предстоял суд или в доме был тяжелобольной, матушка, входя в дом, будто освещала всё вокруг, тяжесть куда-то отступала, в сердцах исстрадавшихся людей появлялась радость — щедрый дар самой старицы.

Вспоминает племянница матушки: «О чём бы ни рассказывала матушка, она очень живо изображала, например покажет, как ходит этот человек. И с таким добрым юмором. В каких только тяжёлых условиях ни бывала, столько пережила, а вспомнит что-нибудь остроумное, весёлое. В этом была её жизнестойкость и жизнерадостность, это её спасало. Но, конечно, главное — вера...»

Учила не прилепляться к земному, жить с Богом в душе. Никогда не было в ней чувства зависти. Её радовало, когда у людей всё устраивалось во благо. Во все времена было немало людей, которые сочувствуют горю, но таких, кто мог бы искренно со-радоваться радости и успехам других, — немного. Матушка была как раз из числа тех, кто радовался успехам людей и со-радовался радости других. Получила её родственница квартиру: как же ликовала матушка по этому поводу!

Матушка любила выслушивать людей, ей всё было интересно в жизни человека. Она свободно ориентировалась в вопросах современной жизни. На разные случаи у неё были заготовлены рассказы, интересные истории, и каждая удивительно подходила к ситуации, о которой шла речь.

Часто матушка шутила, стараясь подбодрить приходящих к ней. Замечательно умела подладиться под современную жизнь и реалии нашего быта. Вспоминается такой случаи, одной

из подопечных матушки муж был бизнесменом. Случилось так, что он прогорел, занял большую сумму денег и вместо того, чтобы расплачиваться с долгами, прокутил эти деньги. Прибежала жена к старице:

— Матушка, муж растратил деньги, звонят кредиторы, требуют возвратить, а не то худо будет.

— Сколько же он взял?

— А он мне не говорит.

— Пятьдесят тысяч «зелёных», — сказала макушка.

— Чего-чего?

— Долларов, милая, пятьдесят тысяч.

А вот другой случай. Родители очень беспокоились, что их сын нашёл себе подругу по имени Муза, которая, как им казалось, была не парой для их мальчика. Матушка стала их успокаивать:

— Да не волнуйтесь вы, вот родится у них ребенок, и успокоится ваша Муза, перестанет «музицировать», все будет нормально.

Те не поверили, но матушка оказалась права: родился один ребёнок, второй, третий. И всё в молодой семье было благополучно, как и сказала старица.

Любила матушка поэзию, самыми близкими из русских поэтов были для неё Некрасов, Пушкин. Даже в девяносто лет она помнила множество стихов, читала их с большим чувством, но не всегда помнила автора; читала и свои стихи.

Постилась матушка очень строго. Близкие удивлялись, как она выдерживала Великий Пост при стольких-то немо щах. Обычная пища — ржаной хлеб и вода. Даже чаи пила без сахара. В обычное время пост держала в понедельник, среду и пятницу. Однажды маленькая дочь одной из духовных чад старицы спросила:

— Матушка, а что вы так мало едите?

— Это мне Архангел Михаил не разрешает много есть. Я должна быть лёгкая, чтобы меня могли Ангелы нести. И все люди в старости должны есть мало.

На просьбу своей духовной дочери поесть матушка однажды ответила:

— Разве ты не знаешь меня? Я ведь не тутышняя, я долго могу без еды.

В другой беседе матушка говорила:

— Вы можете такой кусочек хлебушка съесть — вот вам на день, — и вы не умрёте! И вам есть не хочется, а почему? Потому что вы будете думать, как спастись!

Другая духовная дочь вспоминает, как она после долгой беседы в келии старицы спросила:

— Матушка, вы, наверное, устали?

— А я с людьми никогда не устаю.

После ночной Пасхальной службы матушка не разговлялась до тех пор, пока не прочитает правило «За монастырь и за мир» так она его называла и добавляла: «Это удел всех схимников».

Молитва была главным делом матушки, хотя она не так уж часто говорила: «Учитесь молиться», но собственным примером и какой-то своей внутренней силой делилась и действительно научала своих чад молиться. Она говорила, что надобно всё откладывать и постоянно предстоять пред Господом. Говорила, что молодые много книжек читают, а ничего не делают.

Однажды её спросили:

— Что нужно делать для спасения души?

— Ничего не надо делать, только молиться!

Матушка постоянно молилась ночами и советовала делать то же другим. Одна женщина сказала:

— Так я же сплю ночью.

— А я молюсь ночью... Вы терпите и читайте молитвы, ну, хотя бы один час, но не спите, может быть, Господь придёт ночью. Лучше ты днём поспи, но помолись ночью. Никогда не пропускайте одиннадцатый час, время с 23 до 24 часов нужно молиться.

Вспоминает близкая матушки, у которой она ночевала в доме: «Ежедневно часов в одиннадцать вечера матушка вставала на колени и молилась до часу ночи, а то и дольше. Утром чуть свет проснусь, а она уже читает Псалтирь, уже не спит».

Те же, кто ночевал в доме у матушки, вспоминают, что она ночью практически не спала:

«Ночую у неё, а она положит на свою кровать, а сама молится. Потом будит и говорит:

— Ну что, поспала? Теперь давай вместе молиться.

А бывало, всю ночь не даст спать и повторяет:

— Молитесь! Тут ангелы поют, а вы спите! Ну-ка давайте молиться! Девки, ну-ка вставайте молиться.

Встаём мы, какие-то молитвы читаем, поём. А сама матушка никогда не спала как принято — на кровати. Свернётся — ноги на полу, а сама едва приляжет, и это называлось, что спит. Я ей говорю:

— Матушка, что же это за самоистязание такое!

— Надо, надо спасаться. Ты спишь, вот и спи, а на меня не смотри.

Бывало, придёшь к ней, плохо чувствуешь физически, усталость, а выходишь из келии, как будто лет десять скинешь, — такая лёгкость и бодрость. Дочка даже говорит:

— Мама, какая благодать, когда к матушке сходишь, такая лёгкость».

Сохранился в записи замечательный рассказ матушки о том, как она молилась об одной своей знакомой, казалось, погибшей душе. Но как может помочь даже такому человеку молитва верующего и любящего сердца! Вот этот рассказ:

«Пропал у меня кошелёк, а в нём паспорт и все документы. Была у нас соседка неверующая — Варя, она такая жестокая была, а я её любила, — и вот она умерла. У неё дочь пьянчужка, жалко мне её, эту Варю. Приходит родительская суббота — и никто её не поминает на свете, а я молилась за неё... Я и при жизни её любила и уважала и сколько раз к ней ходила, когда Миша буевал, и она принимала меня. И вот, когда у меня пропал кошелёк, я сказала:

— Варя, вот я за тебя молюсь, Царствие тебе Небесное, да простит тебе Господь все согрешения вольные и невольные, дарует тебе Господь милость Свою. Иди же ты ко Господу и найди мой кошелёк, неужели нельзя это сделать?

И в эту же ночь вижу во сне: она ко мне пришла, и я с печалью ей говорю:

— Да что там говорить, кошелёк пропал, кто-то унёс.

Тогда она берёт меня за руку и ведёт на кухню, где ванночка стоит, а сама так кверху смотрит, взглядом мне показала... сама я тоже гляжу, руку протянула, а там самый кошелёк. Я проснулась и всё нашла: и книжечки, и кошелёк. Всё это потому, что я за неё молюсь. Царствие ей Небесное. Господи, прости ей, что она никогда не приобщалась.

Это большое дело! За каждого человека надо молиться! Господь сказал: молитесь, молитесь, молитесь — и дастся вам. И я молюсь, чтобы Господь сделал вас настоящими верующими людьми, чтобы вы не оставили Бога и ни на какие блага не променяли, а только знали бы, что Господь есть Вседержитель, который вас не оставит, как вы не оставили меня, так и вас не оставит Господь никогда!»

Глава девятая

ДАРЫ ДУХОВНЫЕ

Господь дал матушке дар духовного рассуждения и прозорливости. Ей открывались сокровенные чувства людей. Многим приходившим к ней матушка, не дожидаясь вопроса, давала нужный ответ. Господь открывал ей волю Свою о людях. Встречаясь с человеком, она проникала, по данной ей благодати, в душу каждого и помогала осмыслить свой путь, увидеть самого себя. Прозорливость её, казалось, не знала границ. Она видела духовным оком всякого, о котором заходила речь в беседах. Матушка могла дать точную и ёмкую характеристику человека, так что в нескольких словах становилось ясно, что это за личность.

Не раз матушка повторяла о разных людях и ситуациях в их жизни:

— Можно воскресить!

И это были не просто слова, это был девиз её жизни: она прежде всего пыталась воскресить человека к новой жизни с Богом и в Боге, направить на путь духовный. Господь дал ей способность видеть внутреннюю сущность людей, их назначение, дары, способности. Практически о каждом, кто приходил к ней, матушка могла сказать: хорошо бы ему заняться тем-то и тем-то. Никаких ограничений по задаваемым вопросам не было, ибо она отвечала не своим разумением, а говорила то, что ей открывалось свыше.

С каким бы горем ни появлялись у матушки люди, уходили они с лёгкой душой и надеждой. Она помогала найти выход из труднейших положений, когда бессильны были врачи, влиятельные друзья и знакомые. В самых, казалось бы, запутанных ситуациях матушке открывался неземной мудростью простой и ясный выход. Священнику А. матушка разрешила сложнейшую ситуацию, в которой не смогли помочь опытные духовники. Врач-офтальмолог советовалась с ней о возможности новейших методов лечения. Матушка их благословила, и в итоге — блестящие результаты.

А вот ещё пример. Ехала к матушке в Малоярославец женщина и в пути обнаружила, что на руке нет обручального кольца. А это был драгоценный её сердцу подарок недавно скончавшейся матери. Всю дорогу она сокрушалась и вспоминала, где она могла оставить кольцо. Матушка, встретив приехавшую к ней, увидела печаль её сердца и тут же сказала:

— Не потерялось кольцо — в ванной.

Вернувшись домой, женщина действительно нашла кольцо в ванной. С такой же уверенностью и достоверностью матушка говорила о прошлом и о будущем, о посмертной судьбе усопших, о том, крещены ли люди и с какими именами.

Близкие матушки говорили, что она знала содержание нераспечатанных писем. Был даже случай, когда на одно письмо, написанное на английском языке, матушка посоветовала не отвечать.

Приходили к матушке люди с фотографиями тех, о ком хотели узнать, и показывали ей. Матушка говорила им: «Уберите свои фотографии, зачем они мне нужны», — и начинала рассказывать о тех, кто на фотографии и что у них в душе происходит.

Матушка говорила:

— Приходят ко мне люди с чёрными мыслями, а уходят со светлыми, — доходит!

Духовная дочь матушки спросила:

— Что же, вы о нас почти всё знаете?

— Для меня вы как открытая книга, по которой я читаю вашу жизнь, — ответила старица.

Землячка матушки из Долгого вспоминает, как исповедовалась у одного нашего известного старца:

«Я пришла исповедоваться к нему, и он подсказывал мои грехи. В конце исповеди спросил моё имя и сказал:

— Знаешь ли, что за тебя молится очень сильное духовное лицо?

Я растерялась:

— Батюшка, у меня таких знакомых близко нет. Я была долгое время далека от церкви...

А он мне снова:

— Молится, молится за тебя!

Потом я снова подошла к старцу, он меня спрашивает:

— Ну что, вспомнила?

Тогда я стала его спрашивать:

— Батюшка, а что такое схима и что означает схимонахиня?

— Вот видишь, знаешь, а говоришь, что нет у тебя такого знакомого. Есть, я же тебе сказал. Так кто же она?

— Это бабушка, не родная, а просто соседка, она разрешила мне называть её бабушкой. Но у нас все её матушкой звали.

Узнав её имя, старец сказал:

— Ну вот, видишь, какое тебе счастье привалило, а ты его не использовала. Да к этой монахине, к этой схимнице многие хотели бы попасть, но не все могут.

И сам он не был с нею знаком, но говорил, что хотел бы к ней попасть».

Матушка постоянно старалась утешить, успокоить своих духовных детей. Если ожидались в их жизни трудные события, говорила так, чтобы не легла на сердце печаль.

Однажды матушка спросила у Сергея Б.:

У тебя есть родственница, которая не видит?

— Есть: бабушка.

— Скоро будет видеть.

Через десять дней после этого разговора бабушка умерла.

Матушка всем своим обликом, словами, поведением убеждала людей в абсолютной реальности духовного мира. Она укрепляла приходивших в уверенности, что всё главное в их жизни решается на Небе, показывала на примере их же собственной жизни действие Промысла Божия. Её свидетельства укрепляли, утверждали людей в вере.

Ещё об одном даре матушки вспоминает архимандрит Антоний:

«Ей был дан от Господа особый дар слова, что-то особенное было в её разговоре, в интонации, в голосе. Она могла сказать несколько слов, как будто настроившись на волну человека, и тот воспринимал сказанное матушкой с доверием и вниманием. Это был внутренний дар, научиться этому невозможно. Господь даровал ей такую способность. И *как* она говорила с народом — этого не забыть! Так никто не умел из всех, кого я встречал на путях жизни.

В ней столько духовных даров соединил Господь — я изумлялся, и мне всегда хотелось подольше побыть с ней. Как удивительно могла она обратиться, с таким теплом и лаской:

— Золотой мой, дорогой мой...

Как пчёлки на мёд, слетались к ней люди отовсюду. Они сердцем чувствовали её любовь и её сострадание к ним. Матушка сама мучилась много и потому других мучеников и страдальцев понимала хорошо, сострадала им. Таких людей Господь на землю редко посылает».

Господь дал матушке дар провидения. В 1990 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви избрал трёх кандидатов на патриаршество: митрополита Ленинградского

и Ладожского Алексия, митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира и митрополита Киевского и Галицкого Филарета. 7 июня 1990 года в Троице-Сергиевой Лавре должен был открыться Поместный Собор для выбора Патриарха. Накануне Собора, 6 июня, схимонахиню Антонию навестили в её московской квартире игуменья Варвара с послушницей Толгского монастыря, направлявшиеся в Троице-Сергиеву Лавру. В беседе с матушкой, естественно, возник вопрос о том, кто же станет Патриархом. «Владыка Алексий», — уверенно сказала матушка Антония.

Ещё в советское время матушка сказала пришедшим к ней супругам:

— Придёт время, когда вы сами без принуждения выложите на стол партийные билеты. Скоро партии не будет.

Они запротестовали, что не сделают этого.

— Сами откажетесь, вот увидите, — повторила матушка.

Так и случилось после перестройки.

В 1960-е годы матушка говорила духовной дочери:

— Настанет время, когда все церкви откроют. Запомни, вот увидишь, ты вспомнишь меня не раз. Все церкви будут служить, всё восстановится!

А вот воспоминания духовной дочери старицы о том, как она предсказала избрание президентом Б.Н. Ельцина:

«Когда подошли выборы, мы все на ушах стояли, мы же все за демократию были. А про Церковь забыли, что надо нас же самих вытаскивать из такого жуткого состояния. Матушка слушала, как мы обсуждали, что да как будет, и сказала:

— Да не скачите вы, не переживайте. Будет Борис у вас царём, будет! И не смотрите телевизор, я вам сказала, будет он.

Я матушке говорю:

— Ведь христианкам-то не с кем поговорить о политике.

А она мне:

— Какие вы христианки? Какие вы верующие? Бестолковые ещё! Успокойтесь вы, будет Ельцин!

— Матушка, что же всё-таки будет?

— Я же вам сказала, Господь милостив.

— Матушка, да кто же в России-то будет править?

— Ну, Ельцин будет царствовать, а там уж, там уж не знаю, кто будет. Но хорошего-то ничего не будет».

Говорила матушка и такое:

«Великий город — Москва. Он утонет в бездне блуда... В Москве будет катастрофа: ещё придёт время, когда и дома под землю проваливаться будут, и машины, и даже люди. Сначала не очень глубоко, достать можно будет. А потом на такую глубину, что никто не достанет, так что и дома закроются (землёй), и их не будет видно».

«Как вы едите! Если бы Господь хоть на секунду открыл вам глаза на то, что вы едите! Каких только червей в рот не берёте! Надо только с крестом вкушать пищу.

Вот придут времена, будет всё отравлено. Но если вы с верой перекрестите, то живы будете. А другой выпьет или съест то же самое, не перекрестив, — и умрёт.

Идете по дороге — перекрестите её, — и как по коридору пройдёте. Сила креста — необъятная».

Матушке открывались тайные грехи и помышления людей, и потому она устраивала некоторым генеральную чистку, сама перечисляла многие содеянные ими в жизни грехи и страсти, их питавшие, призывала душу к покаянию и ревности в исправлении жизни.

Приходили к ней с тяготами, а она развеет всё горе, будто и не было тяжести. И люди уезжали от старицы с лёгкостью на сердце. Всех она любила, каждый из чад духовных жаждал встречи с ней, чтобы услышать напутствие, добрый совет. И как умела она облегчать душу! Для неё все были близкие. Никто и никогда не слышал от неё, что этот плохой, а эта, мол, не такая.

Бывало, что человек не понимал тяжести греха и последствий его. Тогда матушка строго выговаривала и разъясняла ошибку. Один известный спортсмен рассказывал, как на тренировке его оскорбил и ударил знакомый. Сам он сдержался и не ответил, однако долгое время имел помыслы обиды и думал, как бы отомстить, и мысленно бил соперника. В результате обидчик его заболел. После этого случая приехал он к матушке, которая встретила его такими словами:

— Как же ты мог это сделать?

— Что?

— Ты кого бил, ты зачем его бил?

— Я никого не бил и ничего не сделал плохого, — ответил он, но тут же вспомнил о случившемся и понял, что и мысленный грех — такой же грех.

В духовном плане и мысленный грех разрушает душу человека, поэтому матушка постоянно следила, чтобы её духовные дети не грешили в помыслах, обличала их и наставляла.

Ещё один подобный случай вспоминает внучка старицы:

«Я приезжала к матушке в монастырь, чтобы помочь родному человеку, привозила продукты, если нужно — лекарства. Приехала я однажды в очередной раз. В коридоре — длиннейшая очередь. Выглянула из двери келейница, увидела меня и сказала:

— Подожди, я передам матушке, что ты пришла.

Вошла она в келию:

— Матушка, внучка ваша приехала.

— Пусть ждёт.

Келейница вышла удивлённая и передала слова матушки. Я добросовестно выстояла всю очередь и вошла в келию.

— Ты кого убила? Ты кого убила? — такими словами встретила меня матушка.

— Матушка, это я...

В тот момент я не поняла её слов, подумала, что она меня не узнала и приняла за кого-то другого. Но потом вспомнила, что накануне приезда одна сотрудница на работе сделала мне такую пакость, что у меня всё кипело внутри, и никак не могла я успокоиться. А матушка мои мысли провидела и прямо с порога обличила, да заодно заставила долго постоять и потерпеть, чтобы я успокоилась».

Матушка показывала людям, что молитва может переломить неблагоприятный ход событий, через её молитву в жизнь входило чудо Божие. Примеров того, как молитва всё изменяла, не счесть. Приведём лишь один.

Пропала юная дочь знакомых матушки. Поиски не дали результатов. Пришли к матушке с бедой, и она сразу начала говорить:

— Украли её, посадили в машину и увезли.

Матушка описала автомобиль, его цвет, людей, которые увезли девушку, и заключила свой рассказ так:

— Сейчас у неё плохое состояние.

Затем помолилась и добавила:

— Приедет дочь через два дня.

Что же произошло затем? Молитва старицы переломила отработанную мафией систему похищения людей. Девушку украли для продажи в гарем. «Плохое состояние» — означало, что девушка, томясь в заключении на одной из перевалочных квартир Батуми, в ужасе от того, что ей предстояло, хотела наложить на себя руки. Господь изменил ситуацию по молитве старицы: неожиданно пришёл в эту квартиру знакомый одного из похитителей, не имевший никаких дел с преступниками; он пожалел девушку, выкрал её, отвёз к своим близким, а вечером посадил на поезд, так что через два дня она была дома, не тронутая грязью, невредимая и счастливая.

Из этого случая становится понятным, почему так часто матушка говорила приходившим с бедами, болезнями и тревогами:

— Всё будет хорошо.

В этих словах старицы уже учтена была её молитва.

Приехала к матушке женщина со своей бедой — пропал сын, нигде не могли отыскать, куда ни обращались. Ответ старицы был таким:

— Твой сын носит золотой венец, да и ты угодила Царице Небесной.

Женщина думала, что старица скажет, как умер сын или где найти его тело. Но матушка сказала лишь самое нужное, сын в Царстве Небесном.

Духовной дочери, ожидавшей суда и просившей матушку помолиться, чтобы рассмотрение дела отложили, она ответила: «Всё будет хорошо», — и велела ежедневно читать сорок раз «Да воскреснет Бог». Суд тогда отложили, и само дело закончилось благополучно.

* * *

Имела матушка от Бога дивный дар исцелений, о чём свидетельствовали многие.

У духовной дочери матушки, Софии, отказали почки, температура поднялась выше сорока градусов. Приехала бригада «скорой помощи», чтобы забрать её в больницу, но она отказалась и попросила немедленно сообщить матушке о болезни.

Матушка помолилась, прислала святую воду, масло и алоэ, сказав, чтобы всё это больная принимала. София помазалась маслом, намочила марлю, обложилась ею и к утру была совсем здорова. Когда пришла в поликлинику, врач была поражена, увидев больную живой и невредимой. Ещё более удивилась она, узнав, что София не ложилась в больницу. Сделали анализы — всё в норме!

Вспоминает духовная дочь матушки:

«Мне нужно было делать операцию, в больнице сделали все анализы, назначили день. Я отпросилась из больницы, чтобы сходить в храм помолиться, и встретила там хорошую знакомую, которая предложила мне немедленно отправиться к старице, чтобы посоветоваться насчёт операции. Когда мы приехали к матушке, она лежала на кроватке больная, но глаза у неё были ясные, проницательные. Я сказала, что мне назначена операция.

— Никуда не ходи, — сказала старица, — будешь здорова.

— И всё? — спросила я.

— Всё.

Я с недоверием восприняла её слова, но всё же послушалась и не согласилась на операцию. Примерно месяц я мучилась сомнениями, правильно ли поступила, но никаких последствий не было. Я уже забыла о болезни, как вдруг появились знакомые симптомы. Снова пошла к матушке и сказала, что, похоже, опять заболела, но по её совету не хочу делать операцию.

— Так никуда и не ходи, — ответила она, — я же сказала тебе, что будешь здоровой.

С тех пор прошло столько времени, вот уже три года, как нет матушки, и я действительно здорова».

Пришла к матушке знакомая:

— Что делать? Матери восемьдесят три года, а нужна операция, она уже почти не видит.

— Делать! Всё будет хорошо! — и благословила.

Действительно, операция прошла очень удачно, врачи были довольны тем, что не было никаких осложнений. Иные в обморок падали, сознание теряли, а бабушка всё спокойно перенесла.

Великое значение матушка придавала всякой святыне: святому маслу, ладану, освящённой воде, освящённому хлебу — артосу, антидору, просфоре.

От многих болезней она предлагала пить святую воду, погружаться в воды святых источников и родников.

— Много-много воды святой льётся из родников земли, — говорила старица.

Перед купанием в источнике матушка советовала молиться, отнестись к погружению серьёзно и ответственно — тогда и помощь придёт обязательно.

Однажды пришедшие в дом к матушке с удивлением увидели, что на газовой горелке стоит кирпич. Она объяснила:

— Он двойную роль выполняет: и чайник греется на нём, и радикулит мой будет отлетать.

Завернёт в мокрую тряпку кирпич — и прикладывает, приговаривая:

— Ну, конечно, теперь терпеть надо.

— Но ведь ожог будет, матушка!

— Никак не бывало сроду.

И действительно — никакого ожога, и радикулит отходил. А кирпич водворялся на место, и на него ставился чайник, по обычаю постоянно горячий для того, чтобы напоить чаем очередных посетителей.

Бывало, что матушка и молотком лечила. Пришла к ней женщина с сильным радикулитом. Матушка постучала ей по спине молотком — и боль прошла.

Одна женщина сильно зевнула — и не может рот закрыть. Прибежала к матушке. Увидев больную, матушка сказала:

— Салазки слетели!

Подошла, сжала челюсти, которые тут же сомкнулись, и обвязала их через голову платком.

Матушка не боялась никаких больных и ни разу ни от кого не заразилась. Как-то пришла к ней за помощью женщина с рожистым воспалением. Температура — под 39 градусов. Одна из близких людей, врач, сказала матушке:

— Когда такие приходят, не надо их трогать, потому что это инфекция.

— Это для тебя инфекция, — ответила матушка, — а не для меня.

— Как это «не для меня»? Это общая инфекция!

— Ну, уж может, какая и инфекция, но она от меня, знаешь, как убегает!

Тут же она помогла больной.

Не раз по молитвам матушки рождались дети у неплодных. Однажды в ответ на такую просьбу Н. матушка дала ей какой-то корень, и Н. родила.

Кстати, она хорошо знала свойства корней и трав, собирала их для Святейшего Патриарха Пимена (о чём мы уже упоминали в нашем повествовании). Господь даровал ей знание целебной силы растений. Но всё же главным средством от недугов была её молитва, потому что во многих случаях просимое исполнялось безо всяких корней. Так и небесный покровитель матушки, преподобный Антоний Печерский, нередко скрывал силу своей молитвы за предлагаемым им лекарством. Просящим об исцелении матушка обязательно предлагала и самим молитвенно потрудиться — заказать и отстоять молебны Божией Матери, святым, давала особое молитвенное правило.

Молитва схимницы поистине творит чудеса. Скажет матушка лишь три слова: «Всё будет хорошо», — и действительно, жизнь человека выправляется. Погибает девушка от наркомании, никакое лечение не помогает. «Плохая девочка, а будешь хорошая», — говорит матушка, вслед за этим благословляет, и девушка исцеляется от страшного недуга: теперь она не колется, поступила в институт.

Не раз корректировала матушка медицинские диагнозы. Одной женщине врачи поставили диагноз: саркома.

— Нет этого, — успокоила матушка.

И действительно, диагноз оказался ошибочным.

Пришла к матушке вконец измученная женщина с просьбой помолиться о спившейся матери. Матушка молитвенно подняла руки к небу со словами:

— Царица Небесная, отними от неё эту чашу, отними от неё эту чашу!

Так повторила несколько раз. Вернувшись домой, женщина обнаружила, что её мать бросила пить.

Однажды матушку спросили:

— Почему вы не можете моего мужа от пьянства исцелить?

— Наследственным пьяницам очень трудно помочь, — ответила матушка, — а вот обычные поддаются гораздо легче.

Среди наставлений матушки большая часть посвящена молитве. Учила она молиться не только за друзей и близких, но и за врагов. Известно, как она вымаливала человека, обречённого болезнью на смерть. От этого человека матушка потерпела много поношений и скорбей. В течение месяца она молилась ночами о его здравии, молилась до лихорадки, до полного обессилевания. В это время у неё часто поднималась температура.

Матушка помогала человеку определять главное направление жизни: кому — монашество, кому — семейная жизнь, кому — священство. Замечательно, что все, кого матушка благословляла, без труда поступали в духовные семинарии.

Матушка говорила, что совсем необязательно идти в монастырь. Одни люди рождены для иночества, а другие должны в миру спасаться. Тем не менее она не раз повторяла притчу о двух друзьях:

«Встретились два друга. Один из них женился и жил благочестиво в миру, а другой ушёл в лес, выкопал себе землянку и стал жить один, молился Богу. Много лет прошло — и вот они встретились, но не сразу узнали друг друга и вспомнили прежнюю дружбу, лишь когда разговорились. Вдруг они видят: летят два голубя, и тот, который не женился, говорит:

— Смотри, голуби! Это наши души летят.

Стали ждать — и вот серый голубь сел на плечо того, который имел семью, а белый голубь — на плечо его друга, который ушёл в лес ради Бога».

Рассказав эту притчу, матушка добавила:

— Не все люди созданы, чтобы жить по-монашески. Но раз ты живёшь в миру, всё равно должен соблюдать все заповеди Господни.

В молитве матушка горела любовью к Богу, беседовала с Ним, как с самым близким существом, точно так же обращалась и к Божией Матери, к святым, как к самым родным и близким.

Те, кто молился с матушкой, удивлялись, как быстро она делала поклоны. В восемьдесят лет как птичка взлетала, молодые не поспевали. И читала матушка очень быстро. Сама матушка говорила:

— Я прежде молилась только на коленях, а теперь вот ноги болят. Вы же не чай приходите пить, а со своими скорбями и нуждами. Всем нужно помочь...

Матушка ежедневно читала Псалтирь и всем приходившим советовала никогда не оставлять чтение Псалтири и учить отдельные псалмы на память.

— Сколько лет читаю Псалтирь, — говорила матушка, — и не могу никак насытиться.

Близкие матушки говорят, что она могла расшифровать и растолковать каждую строчку Псалтири. Говорила, что семнадцатая кафизма — это основа Псалтири, её нужно читать обязательно целиком, она неделимая. Когда душа расстаётся с телом, она должна пройти через семнадцатую кафизму. И часто-часто напоминала матушка близким:

— Помните семнадцатую кафизму! Чтобы семнадцатая кафизма была прочитана каждый день! Не сможете вечером прочитать, значит, днём, в дороге, где угодно, но семнадцатую кафизму нужно читать ежедневно. Это ваша сберкнижка духовная, это ваш капитал за ваши грехи. На мытарствах семнадцатая кафизма будет уже в защите за вас.

На вопрос: «Когда лучше молиться?» — ответила так:

— В любой день, в любые часы. Когда время у тебя есть, тогда и молись. Очень хорошо молиться в двенадцать часов ночи. У нас три праздника отмечают в этот час: Рождество Христово, Крещение Господне и Воскресение Христово. Вот и вы читайте в двенадцать часов: «Дарю Небесный» — 48 раз, «Отче наш» — 48 раз, «Милосердия двери» — 48 раз, и по 40 поклонов. Когда вам плохо, трудно, нападения — читайте сорок раз в день девяностый псалом «Живый в помощи...»

А вот правило, которое матушка предложила одной из пришедших с вопросом, как молиться.

— Читай «Верую» — двенадцать раз. Делай три поклона: первый — Пресвятой Богородице, чтобы Она душу твою приняла; второй — матери, которая тебя родила; а третий — за землю-мать, чтобы она приняла твоё грешное тело.

О правиле, количестве молитв и времени на молитву матушка говорила так:

— Не берите на себя больше, чем можете вынести. Молитвы лёжа в постели читай только больной. Сидя можно читать. Вообще я предпочитаю молиться вслух. А если вы прочли одну «Славу», и больше у вас времени нет, — ну, нет и нет. Больше того, что вы можете вынести, не берите на себя, чтобы не стоять, зевая. Не нужно этого делать.

Постоянно говорила о том, что нужно читать духовные книги, наставления великих старцев и исполнять их советы. У матушки не было духовных книг «для коллекции», все они были много раз читаны и перечитаны. Вспоминают, что все молитвословы, Псалтирь, духовные книги в доме, а затем и в монастырской келии матушки были переложены цветными ленточками.

Келейница вспоминает, что последние годы жизни, особенно после принятия схимы, матушка молилась в основном по чёткам. Очень любила она акафист Страстям Христовым и просила его читать.

Не всегда человек мог снова приехать к старице, поэтому она старалась дать главный совет — то, что надобно было исполнить всей жизнью. Приведём строки из воспоминаний молодого священника:

«Как молодому священнику мне хотелось услышать добрый пастырский совет из уст матушки. Я спросил:

— Скажите мне что-нибудь самое важное, как мне жить, как мне быть в данной ситуации. Чем я могу быть полезен?

Матушка посмотрела на меня и тихо-тихо (тихо, потому что кашляла) сказала два очень кратких, но удивительно ярких слова:

— Люби людей.

И эти слова были сказаны с таким чувством, с таким пониманием, что запали мне в душу на всю жизнь. Когда мне тяжело, когда устаёшь, когда теряешь внутреннее равновесие, то вспоминаешь эти слова. Когда вспомнишь, то появляются силы, и я возвращаюсь на исходную точку.

Мы часто посещаем святые места, прикладываемся к мощам или едем к людям святой жизни, не только чтобы узнать что-то новое, но и прикоснуться к духу подвижничества, святости,

ревности о Боге. И, конечно, чтобы самим почерпнуть духовный опыт в этом непростом мире. Когда мы уезжали обратно, матушка нас благословила. На душе было так легко и радостно, хотелось трудиться и, не побоюсь такого слова, *подвизаться* в этой жизни.

И чувствовалось, что в этой немощной старице за внешней храминой таится чистая, прекрасная и возвышенная человеческая душа, сильная личность, освящённая благодатью Святого Духа. А когда читаешь её имя в помяннике, посещает чувство, немножко несходное с молитвой об упокоении. Вспоминая её светлый образ, как будто прикасаешься к чему-то удивительному и прекрасному...»

Матушка наставляла своих духовных детей:

— Всегда надо идти узкими вратами. Терпите! Терпите! Думаете, я не знала, что меня гнать будут? Знала, но надо терпеть. Надо, чтобы обо мне говорили плохое, тогда по-Божьему будет. А то все говорят хорошее да хвалят.

Часто повторяла она евангельские слова: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить за меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 11-12).

Как сама матушка молилась за ненавидящих и обижающих её и терпела поношения, так учила и наставляла духовных детей своих. Загулял муж у одной из её подопечных. Матушка немедленно благословила её:

— Иди, скорее закажи молебен за разлучницу.

— Матушка, может быть, за мужа?

— Нет, за неё, чтобы не случилось чего худого с ребёнком её, скорее беги!

Особенно часто обращались к матушке с семейными проблемами. К счастью, сохранились некоторые наставления матушки супругам:

«Венец снимает всю горесть, повенчайтесь — и всё: с тебя тогда не спрашивают. Ты как бы юный останешься после венца. Венец — это большое дело. Даётся человеку кольцо обручальное: глядите, я венчанный! Да, я венчанный, а что такое венчанный, кто при этом венце бывает? — Сама Царица Небесная благословляет, Она даёт тебе супружество.

Раз закон требует повенчаться — венчайся законно. Даже если ты женился и уже детей народил — можно венчаться. Когда ты грех совершал с женою — не венчанный, всё покрывается. Венец всё сглаживает, всё. Господь спросит, почему ты это не сделал, потому что это закон. А всё это будет!

Почему в семьях нелады? А потому что в праздники оскверняется ложе. Никогда лада не будет, пока не соблюдаете это правило. Не только шить нельзя, стирать, но и осквернять ложе».

Матушка говорила, что нередко дети болеют из-за того, что брак не венчанный, и советовала немедленно повенчаться, если родители хотят видеть своих детей здоровыми.

Матушка постоянно заступалась за детей и за мужчин в беседах о семье:

— Мужчины ближе к Богу, их слушайтесь. Но если муж что-то недопонимает, то делайте, как правильно.

Матушка ставила в пример женщин, которые рожали всех зачатых детей, не делали абортов, и говорила при этом:

— Да не бойтесь вы рожать! Вот, кажется, на что жить? Роди и деньги будут сыпаться. Конечно, не в такой мере, чтобы лопатой грести. Но Господь знает, кому сколько.

Когда знакомые матушки выходили замуж, она всегда точно говорила, кто будет в семье — сын или дочь, и всегда её слова сбывались.

Пришла к ней молодая женщина в положении и сказала, что её проверяли на специальной аппаратуре и определили: должен родиться мальчик.

— Нет, дорогая, — ответила старица, — у тебя будет двойня.

И точно — к изумлению обследовавших родила эта женщина двойню.

Матушка постоянно ставила в пример одну из знакомых своих женщин, которая родила тринадцать детей. Тем, кто делал аборты, говорила:

— Что вы теперь жалуетесь? Родили бы всех детей, жили бы намного лучше.

— Что мне мешает в духовной жизни? — спросила женщина.

— Аборты, — ответила матушка, назвав точное их число, — молись Богу.

Матушка призывала женщин молиться о загубленных детях со слезами, с великим сердечным плачем. Говоря с согрешившими, матушка находила такие слова, в ту меру, какую кто мог понести. Слабым в вере говорила помягче, а бывало, что буквально бичевала словами. Вспоминают, как матушка очень жёстко говорила одной женщине, что она убила будущего священника, упрекала, говоря, что и собаки не уничтожают своих детей.

Одной из пришедших к ней женщин матушка назвала число абортов, сделанных ею самой и её матерью, и сказала, как нужно молиться. После выполненного правила улучшилось состояние её тяжело больного сына, стали отходить и другие скорби, о которых говорила пришедшая.

Матушка всегда стояла на страже семьи, молилась о супругах, об устроении их семейной жизни. Когда видела неладное в отношениях супругов, не только молилась о них, но и иногда вмешивалась в их отношения самым неожиданным образом. Вспоминает духовная дочь старицы:

«Ехала я с матушкой в метро, а рядом на сиденье опустились мужчина и женщина с ребёнком, видимо, супруги. Они были очень воинственно настроены, недовольны чем-то. А матушка не постеснялась, приподнялась со своего места и сказала им:

— Любите друг друга, пока вы живы! Что же вы уничтожаете друг друга?»

Своей родственнице, которая собралась выходить замуж, матушка говорила:

— Может, ты передумаешь? Ведь раньше, когда овцу покупали, то смотрели, от какого она потомства. А вы-то сегодня ни на что не смотрите! Встретили человека — и скорей детей от него. А что у него там-то, родословная какая? Какое дитя-то родится?

Когда эта женщина всё-таки вышла замуж и ещё носила дитя во чреве, матушка сказала, что ребёнок будет очень трудный, — и заохала. Так всё и оказалось впоследствии.

Пришёл к матушке молодой человек, посланный знакомой, чтобы посоветоваться о женитьбе. Матушка ответила: «А что ж, у тебя ведь рядом есть девушка», — и начинает описывать её.

— А она вроде не такая.

— Нет, она для тебя как раз и есть, не стесняйся, подойди к ней и заговори.

Он понял, к кому и как надо подходить, получил благословение старицы и уехал очень довольный.

* * *

Молилась матушка об обретении мощей блаженного монаха Корнилия из Крыпецкого монастыря Псковской епархии. В июле 1997 года матушка благословила продолжать поиски и твёрдо сказала, что мощи будут найдены. И действительно 23 июля 1997 года были обретены мощи блаженного Корнилия[41]. Рассказ о других случаях помощи матушки в делах устроения Крыпецкой обители помещен в разделе воспоминаний. Замечательно, что день обретения мощей преподобного совпал с днем Ангела матушки Антонии.

С принятием схимы Господь дал матушке власть наступать на «силу вражию» (Лк. 10, 19). Матушка говорила:

— Ко мне приходят бесноватые. А потом, ночью, эти бесы меня мучают, покоя не дают, отбиваюсь, даже одеяло стаскивают. Надо на колени вставать, молиться, чтобы они удалились, а ноги у меня уже старенькие. Не дай Бог видеть бесов. По все будем через это проходить. Молитесь, чтобы это было полегче...

Сохранилась аудиозапись разговора матушки с бесноватой. Приведём отрывки из этой беседы.

Матушка взяла больную Н. за безымянный палец правой руки и говорит (бесу):

— Вот сейчас ты мне всё скажешь, — и, обращаясь к женщине: — Что ты сейчас чувствуешь?

— Да, матушка, он злится, зачем за палец взяли.

Матушка снова обращается к бесу:

— Я сейчас буду тебя жечь. Скажи, долго ли ты её будешь мучить?

Голос матушки тихий, спокойный. Между тем больную стало крутить, мимика её изменилась, голос стал низким, заговорила о себе в мужском роде, с закрытыми глазами.

— Да недолго, скоро выйду.

— Когда выйдешь? — продолжает матушка.

— Когда эта дура перестанет сюда ходить, «благословите, благословите» (передразнивая Н. противным голосом).

---

[41] Канонизирован в лике преподобных как местночтимый святой Псковской епархии 10 января 2000 г. (28 декабря 1999 г. по старому стилю).

— Скажи, кто я? — снова спрашивает матушка.

— Матушка схимница. В болото пойду. Ох, как мне нехорошо. Когда меня эта старуха отпустит?

— Читай «Живый в помощи», — говорит матушка.

— Нет, нет, я боюсь, она (т. е. Н.) никогда не выучит.

— Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный! – Выучит! Я сейчас тебя буду жечь. «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его»... «Во имя Святой Троицы»... Выйдешь!

Бесы постоянно мстили матушке за её служение, но Господь хранил Свою избранницу. По соседству с ней жил мужчина, который постоянно напивался, после чего становился невменяемым. Однажды возвращалась матушка со всенощной и, подходя к дому, увидела этого мужчину, который подскочил к ней с ножом. Матушка забежала в подъезд, стала стучать в двери — никто не открывает, а мужчина уже занёс над ней нож. Тогда она закричала: «Николай Угодник, помоги!» — и кисть пьяного как будто переломилась, и нож оказался на полу.

— Ах, ты ещё и верующая! Зарежу! — заорал он и схватил нож другой рукой. Опять матушка кричала:

— Николай Угодник, помилуй!

И снова чудо: вторая рука нападавшего повисла, и ничего не смог он больше сделать. Потом его видели соседи с обеими руками в гипсе.

Мы уже вспоминали о том, что матушка нередко «блажила», обличая в тайных грехах. Бывало, что она колотила и трепала за волосы приходивших к ней женщин. Эти наказания были всегда исполнены глубокого смысла. Замечательно то, что многие сокрушались, что матушка их не побила. Даже просили, но матушка не соглашалась: «Не буду бить», — и это казалось для тех, кто просил, даже худшим наказанием.

Приезжающие к матушке заметили благотворное воздействие таких наказаний. Одна женщина, которую матушка отхлестала по щекам, вспоминает, что жизнь её «изменилась, в одночасье».

Среди посетителей бывали и такие, кого кто-то уговорил приехать, нередко приезжавшие сомневались в её благодатных дарах. Или приезжали с желанием посмотреть на некое диво. Тогда матушка начинала «блажить», как бы становясь такой, какой её представляли, — немощной старушкой, не способной ответить на серьёзные вопросы. Когда такие люди появлялись в келии матушки, она говорила:

— Они хотят меня убить!

— Ну вот видите, — удовлетворенно говорили прибывшие тем, кто уговорил их побыват у матушки, — она же ненормальная.

Прикровенным языком блаженных она давала понять, что не всё благополучно вокруг.

— Где мы? — спрашивает она келейницу.

— В храме, матушка.

Матушка, говорившая обычно очень тихо, повторяет вопрос во весь голос так, чтобы было слышно окружающим:

— Где мы?!

— Матушка, ну зачем ты так, — говорит келейница.

— Ты не знаешь моего креста. Так надо...

Глава десятая

КРЕСТ СЕМЕЙНЫЙ

Фёдор

Вспоминая о своей жизни, матушка говорила: «Били меня, как собаку. Да, уж мне и досталось этих колотушек, столько колотушек. Не даром прожила я девяносто четыре года, не даром. Потому что много колотушек видела и до сих пор вижу...»

При всех тяготах её положения и опасности для жизни Анастасия Яковлевна не высказывала ни тени осуждения или ропота, не предпринимала никаких попыток изменить жизнь по своему желанию до тех пор, пока муж сам не оставил семью. Она знала, что это её выбор, её крест, который надобно донести до конца. Поэтому мы видим ровное, терпеливое отношение к истязателю-мужу, страдание, преодолеваемое и осветляемое любовью к Богу и к человеку — ближнему своему.

Матушка сама указала на источник внутренней силы, помогавший ей переносить многие скорби, тяготы жизни в браке: таинство венчания, Божие благословение брачного союза. Поэтому с такой убеждённостью будет матушка говорить о муже: он не виноват, а истинный виновник всякого зла в мире — диавол. С ним-то матушка и вступит в открытую брань, когда придёт час. В беседе с племянницей она как-то сказала:

— И всё равно я больше всех любила Фёдора. Он не виноват в том, что стал таким.

Вторую жену Фёдора — Пашу — матушка любила и жалела. Паша приняла и воспитывала младшего сына Насти — Михаила, у неё подолгу жил и старший сын — Николай. Своих детей у Паши не было, и она относилась к сыновьям мужа, как к родным. Однако жизнь с Фёдором была для неё очень трудной. Фёдор и в новой семье продолжал распутничать.

Во время Великой Отечественной войны Фёдор был водителем на фронте, имел ранение. После войны он оставил Пашу и ушёл к другой женщине. И здесь он продолжал вести такой же образ жизни, с детьми практически не общался и не интересовался их судьбой. Поэтому, когда в 1970-е годы его парализовало, никто из детей или родственников не захотел взять его к себе. Новая жена также не пожелала за ним ухаживать, поэтому пришлось отправить его в инвалидный дом. Матушка приезжала к нему, но Фёдор в это время уже не мог говорить из-за паралича, а только молча плакал, глядя на неё. В этом же инвалидном доме Фёдор Николаевич и скончался в 1970-е годы. В день смерти бывшего мужа матушка была в паломничестве (в Одессе или в Почаеве). Ей дали телеграмму, и матушка заказала о нём панихиду и поминовение в монастыре.

Сыновья

Матушка пережила всех своих сыновей. Судьбы их сложились очень по-разному. Общим было лишь множество тягот и искушений, болезненная и трудная кончина. Как это часто бывает в жизни подвижников, враг мстил старице через самых близких и любимых. Матушке было открыто, что она похоронит всех своих сыновей. После смерти каждого из них матушка прочитывала по сорок Псалтирей. Одной из близких ей духовных дочерей матушка сказала:

— Я должна сначала вымолить детей, а потом и сама отойду.

Первым ушёл из жизни Василий.

Василий

Василий родился в 1926 году и до шестнадцати лет практически не расставался с матерью. Воспитала его Анастасия в вере, которую он сохранил до конца своей краткой жизни. Он был любимым сыном и уж точно из всех троих сыновей самым любящим мать и готовым на жертву ради этой любви.

По виду это был русский богатырь, весёлый, крепкий, мужественный. Василий был свидетелем того, как приходили к матери в 1942 году сотрудники НКВД. Шестнадцатилетним он отправился добровольцем на фронт. Прошёл всю войну до победы. По окончании войны дослуживал пять лет в Прибалтике[42].

Есть сведения, что он, узнав от родных, где находится мать, после окончания войны ездил в Нижний Тагил, чтобы встретиться с ней. К сожалению, нам неизвестно, удалась ли ему эта попытка.

В 1950 году Василий вызволил мать из рязанской психушки и тем самым спас её от верной смерти. В том же году он провёл отпуск у сестры мамы — Ксении — в Москве. Говорил, что скоро вернётся, так как заканчивался срок его службы в армии, но вернуться домой ему было не суждено. То было время жестокого противостояния литовского сопротивления и советской власти. Василий попал в плен к «лесным братьям» всего за месяц до демобилизации. Матушке было открыто, как закончил жизнь Василий: его повесили после ужасных пыток. Конечно, это была мученическая кончина, и недаром матушка говорила, что видела своего сына Василия в раю.

Николай

Старший сын матушки Николай родился 2 августа 1924 года. С 1933 года жил в новой семье отца. В 1941 году поступил в артиллерийское военное училище. Получив офицерское звание, сразу был направлен на фронт. Во всё время войны свой аттестат он высылал младшему брату Михаилу, жившему в Москве. В 1944 году Николай получил тяжёлое ранение под Хольсбергом, долго лечился в госпитале и, получив инвалидность, вернулся в Москву[43].

---

[42] Из личного дела Вишнякова Василия Фёдоровича:
«Прибалтийский военный округ, Калининградская область, город Советск. (1949 г.)
В/ч 20719 “Л”.
91-й гвардейский механизированный полк, 28-я гвардейская механизированная дивизия.
2-й Белорусский фронт, рядовой, шофёр 19-го автополка.
Награждён медалью “За боевые заслуги”, приказ № 0265 от 09.09.1944 г. — “За бои с немецкими захватчиками”».

[43] Из личного дела Вишнякова Николая Фёдоровича:
«Закончил Пензенское артиллерийское училище и направлен в распоряжение командующего артиллерией МВО Прибалтийского военного округа. Назначен командиром 5-й батареи 89-го артиллерийского полка, 62-й стрелковой дивизии.

Закончил курсы садоводов и с тех пор работал в этой области: ездил в командировки, привозил семена и саженцы, выращивал их в питомниках. В 1946 году Николай женился, и в 1949 году родилась дочь Наталья. По возвращении в Москву из рязанской психушки матушка узнала адрес сына и поехала навестить его. Николая дома не оказалось, но она познакомилась с его женой Верой, которая ей очень понравилась.

Одним из следствий фронтовой жизни явилась для Николая тяга к алкоголю, из-за чего в семье начались нелады. Супруги в конце концов разошлись, и Николай переехал к матери. В нескольких минутах ходьбы от её дома находился сарай, в котором раньше хранили дрова, держали козу. Матушка разрешила поселиться в нём двум девушкам, не имевшим жилья. Одна из них, Нина, вскоре стала второй женой Николая. Николай утеплил этот сарай, выложил печь, пристроил террасу так, чтобы там можно было жить и зимой. После пожара, уничтожившего дом, Николай получил квартиру как инвалид Великой Отечественной войны.

Николай был убеждённым атеистом и не разделял взглядов матери. Кроме того, жила в нём детская обида на мать. Он считал, что она бросила его и младшего сына Михаила, оставив их в семье отца.

Переехав в новую квартиру, Николай всё так же отказывался от встречи с матерью, новая жена поддерживала его. Женившись второй раз, Николай перестал пить, но с матерью так и не примирился до конца жизни. Скончался он от инсульта 21 декабря 1988 года.

Матушка за несколько месяцев до смерти сына назвала эту дату. В самый день его смерти она начала читать Псалтирь об упокоении, хотя о кончине сына ей сообщили позже.

На поминках сына для матушки не нашлось места за общим столом, она расположилась где-то на кухне. Да и всё было устроено без любви и внимания к ушедшему. Матушка тогда сказала:

— У меня помянем Колю как полагается.

В церковь его не возили, так как жена была категорически против, и потому Николая отпели заочно. Матушка крепилась, терпеливо переносила неприязнь и все выходки невестки. Только на кладбище у могилы сына сказала:

— Коля, на кого ты меня оставил? На больного Мишу, а ведь и Миша уйдёт вслед за тобой.

Лейтенант, приказ № 0733 от 02.09. 1943 г., командир огневого взвода.

Старший лейтенант, приказ № 0257 от 02.09.1944 г., командир щтабной батареи с 01.1944 г.

Награждён:

— медалью “За отвагу”, 10.09.1943 г., приказ № 13/н 62-й стрелковой дивизии. Орденская книжка 831219;

— орденом “Отечественной войны” II степени, приказ 31-й армии, 3-го Белорусского фронта № 6 от 08.02.1945 г. Номер 275301. Номер документа 835829.

Уволен в отставку по ст. 60 п. “б”, по болезни с 06.1945 г.»

Выписка из наградного листа:

«Вишняков Николай Фёдорович, старший лейтенант, командир батареи 89 арт. полка, 62-й стр. Борисовской Краснознамённой дивизии. Представляется к Ордену Отечественной Войны II степени...

На фронтах Отечественной войны с 08.43 г., ранен 04.02.45 г. в районе г. Хольсберг. В Красной Армии с 1942 г. ...Тов. Вишняков Николай Фёдорович в районе г. Хольсберг своими умелыми действиями по управлению батареей отразил три контратаки противника, с одним орудием выдвинулся вперёд, устанавливая орудие на прямую наводку для уничтожения живой силы противника и его огневых средств.

Его батареей уничтожено: восемь пулемётов, подавлена миномётная батарея противника и уничтожено около 100 солдат и офицеров противника.

Тов. Вишняков Николай Фёдорович достоин правительственной награды — ордена “Отечественной Войны” II степени.

Начальник госпиталя 1754 майор м/сл. /Лаврик/. 7 февраля 1945 г.» (Ф. 33, оп. 687572, д. 566, л. 6).

Когда собрались справлять поминки, на сороковой день после кончины Николая, в дом к матушке неожиданно пришёл священник и отслужил панихиду. Матушка очень обрадовалась и сказала, что это добрый знак. Через год в день смерти сына она устроила настоящие поминки у себя дома. О посмертной судьбе сына матушка говорила, что в раю она не смогла его найти, но однажды увидела обоих умерших сыновей, Николая и Михаила, читающих Евангелие.

Михаил

Вспоминая о пережитых мытарствах в лагерях и психушках, матушка говорила:

— Я знала, что выйду, что я пройду весь этот ад и выйду. Господь не допустит. Но я знала, что и здесь меня ожидает что-то ещё более тяжёлое.

Оглядываясь на жизнь матушки Антонии, можно уверенно говорить о том, что этот ещё более тяжкий крест был дарован ей через её сына Михаила.

Михаил был третьим ребёнком в семье Вишняковых, родился он в 1929 году, когда отец уже сбежал в Москву. Через год Анастасия Яковлевна с детьми приехала в Москву и, не имея жилья и материальных возможностей содержать детей, оставила Михаила и Николая в новой семье мужа в Арбузовском переулке.

Во время Великой Отечественной войны Михаил жил с мачехой в Арбузовском переулке, пока отец и старшие братья воевали на фронте. Михаил закончил школу, отслужил пять лет во флоте, учился в строительном институте и вскоре женился. С мамой он тогда виделся часто, и она оказывала на него доброе влияние.

Все, кто знал Михаила, говорили, что это был очень талантливый человек. Он владел многими музыкальными инструментами: играл на пианино, гитаре, трубе, прекрасно рисовал. Находясь на флоте, Михаил играл в военном оркестре. У него был великолепный тенор. Матушка приучила его ходить в храм, где он пел в хоре и читал. Настоятель даже благословил его заходить в алтарь. Многие восхищались его голосом, речь шла даже о том, что его возьмут в Большой театр.

Но скоро всё переменилось: Михаил устроился работать на стройку и начал выпивать с друзьями. Окружение затягивало его в иную жизнь, так что матушка уже не могла удержать сына, который постепенно отходил от храма, всё реже появлялся на службах. Михаил пил, денег на водку не хватало, и он стал требовать их у матери. Если отказывала — Михаил избивал её. В 1958 году после избиений матушку дважды отвозили в больницу, где врачи констатировали сильное сотрясение мозга, потерю сознания, множество кровоподтёков.

Сын всё более опускался, питьё становилось единственной целью его существования. Когда мать получила квартиру на Авиамоторной, Михаил переселился к ней. В 1967 году жена Михаила Ольга родила двойняшек — Алексея и Ирину. После родов сноха долго болела, и матушка её выхаживала. Сама матушка вспоминала об этом так:

«Привезли сноху, Мишину жену, парализованную, больную, лежала как бревно. Господь указал мне, как ей помочь, — и стала она разговаривать. Родила она Алёшку и Ирку. Кило двести и кило триста — вот какие были маленькие. И я их растила. Наняла нянюшку, хромую, безногую, и она смотрела за ними зиму и лето. У ней ног не было, а были протезы. Но она как-то с ними справлялась. Так и вырастила внуков — до семи лет, а после они уже стали ходить в школу».

Матушка вытягивала не только сноху с детьми, но и сына. На одном из листков матушкиной рукой записано: «Мишу увезли с обширным инфарктом без сознания. Двенадцать часов читала Псалтирь».

Михаил избивал мать постоянно, как только напивался. Удержать его могло лишь присутствие посторонних в доме, поэтому матушка нередко просила своих духовных детей остаться у неё на ночлег. Приведём отрывки из воспоминаний духовных чад старицы о том, как мучилась она с сыном:

«Михаил избивал матушку так, что её увозили полумёртвую. Я подумала однажды:

— Вот я бы этому Мише дала сейчас, защитила бы матушку.

Пришла к матушке на Авиамоторную и только открыла дверь — слышу её голос:

— Мишенька, иди, вот тарелочку супа тебе налила.

Я говорю:

— Матушка, так ведь он же только что...

А она резко прервала меня:

— Цыц! Сядь!»

Не раз бывали моменты, когда сын хотел убить матушку. Вспоминает её племянница:

«Михаил собрался её убить. Если бы в это время его дочь не приехала, то неизвестно, чем бы всё кончилось. Она с женихом своим появилась в самый опасный момент. Как-то её .осенило поехать к бабушке. Наверное, матушка позвала. Матушка сказала сыну:

— Миша, не бери греха на себя, ты же мать убиваешь.

Он схватился тогда за голову:

— Что я делаю, я мать чуть не убил!

А вот ещё один случай вспоминается. Приехала я к матушке и слышу, как Михаил говорит ей:

— Мать, как я от тебя устал. Ты прямо висишь на мне, на моих плечах, как груз какой-то.

На это она ответила:

— А ты не думаешь, Миша, что мама тебя похоронит, что мне тебя, а не тебе меня хоронить. Поэтому дай мне Бог силы, чтоб ты вóронам не остался, Чтоб тебе глаза вóроны не выклевали, чтобы похоронили тебя по-христиански... Ну что же, убивай мать...

И он оцепенел, потом вскочил и убежал...

Приехала я к ней с работы, а матушка сидит на улице, в дом войти не может. Спрашиваю:

— Что ж ты тут сидишь?

— Не хочется, ведь убьёт он меня. Но он может не убить до конца, а я даже молиться не смогу.

— Я сейчас же пойду в дом.

— Ни в коем случае, у него там сидят какие-то мужики. Они пьют — ещё изувечат тебя.

Тогда мы зашли в соседний подъезд, у неё там знакомая была, и я попросила:

— Ради Бога, не пускайте её вечером домой, пусть у вас ночует...

Приехали мы к матушке, а Миша воюет. Она всегда говорила в таких случаях:

— Не уходите, пока он не успокоится.

У них напротив была пустующая квартира. Туда его уведу, чтобы заснул. А один раз пришлось увезти саму матушку в церковь на Белорусской, где она и осталась ночевать. Так Михаил разошёлся, что мы долго не могли его успокоить. Он очень пил. И такой тяжкий крест, но как матушка молилась за сына своего!

...Враг очень искушал Мишу. Один раз сижу дома, вдруг и три часа дня мне так сильно захотелось к матушке, что немедленно всё бросила и поехала. Матушка сидела, калачиком свернувшись у двери, и всё повторяла:

— А, всё-таки ты приехала, всё-таки приехала.

Было ощущение, что она меня ждала. Я ей говорю.

— Матушка, сейчас я тебя покормлю.

А она:

— Запиши молитвы против врага, против нападения.

В это время приходит Миша, на удивление тихий, проходит в комнату и садится там. А матушка снова повторяет.

— Запиши молитвы от врага.

— Сейчас, матушка, только Мишу покормлю.

Не проходит и двух минут, как вышибается дверь и влетают два пьяных амбала под два метра ростом, бросаются на Мишу с криком:

— А-а-а, мы тебя сейчас убьём!

Я их остановила у входа в комнату:

— Ребята, я вас не пропущу!

Я как-то вдруг поняла, что не должна дать в обиду Мишу. А он растерялся, сидит тихонечко. Началось разбирательство, из которого выяснилось, что кого-то ограбили и думали, что это сделал Миша.

Я им объясняла, что у Миши не такой характер, он не может никого ограбить. Но они были неумолимы и по очереди бросались на Мишу. Один бросается, я его пытаюсь оттащить и кричу второму:

— Ну, чего ты стоишь, помоги мне!

И он начинает мне помогать, потом сам звереет и бросается на Мишу. Я пытаюсь оттащить уже его, прошу помочь первого. То одного оттаскиваю, то другого. Всё это продолжается чуть ли не целый час. Матушка всё это время молилась, пыталась их остановить: «Ребята, посмотрите, какая я старенькая», — а они ей: «Ты, мать, сиди!»

Под конец они вдвоём начали бить Мишу, и я упала им в ноги и со слезами молила оставить Мишу в покое:

— Прежде чем разделаться с Мишей, вам надо разделаться со мной и матушкой. Вы потом не сможете жить дальше, будете вспоминать это! Мне вас так жалко!

Обещаю привезти им взамен украденных новые ботинки и часы. И вдруг оба они разворачиваются и говорят:

— Да ладно, встань, мы уходим.

В тот день я еле пришла домой, но сдержала обещание: привезла им в назначенное время новые ботинки и часы. Видно, Господь попустил эту ситуацию, когда сделать ничего нельзя от страха и только с любовью в сердце можно что-то изменить. Матушка знала точно, что всё это произойдёт, и она меня ждала.

Как-то Миша явился домой пьяный. Вошёл в комнату, сел за стол. За ним пришёл в дом ощутимый холод, который как будто парализовал всю мою душу и тело, так что я не могла двинуться от страха. Было ощущение, что это зашёл в комнату не Миша, а сам сатана. Я сделала искусственную улыбку:

— Миша, сейчас я тебя покормлю.

А он:

— Ну что, испугалась!

Тогда я быстро к матушке:

— Пойдём, погуляем.

Она мне кивнула, и мы пошли к её знакомым. Там пьяненькая пара жила в соседнем подъезде в полуразрушенной квартире, у них вообще ничего не было.

— Матушка, мы сейчас напоим тебя кипятком.

Посадили её на единственный в квартире стул, после чего закричали:

— Мы сейчас пойдём разберёмся с Мишей!

Я их, конечно, никуда не пустила. Матушка благословила меня возвращаться домой. Я приглашала её к себе, но она

отказалась. Доехала до дома, звоню, а матушка уже в своей квартире, успокоила, что всё хорошо.

— Ой, я такая богатая, у меня и картошка есть, и хлеб. А у них ничего нет. Уже три дня как не ели, вот я их и накормила...»

Матушка как-то сказала, что однажды после того, как сын избил её, у неё была клиническая смерть.

«Я тогда молилась, — вспоминала матушка, — и просила Пресвятую Богородицу:

— Матерь Божия, сними с меня этот крест.

А Она мне сказала, что не снимет с меня этого креста».

Матушку спрашивали:

— Почему Миша с вами так поступает? И почему вы его жалеете?

— Меня многие об этом спрашивают, — отвечала матушка. — А вы знаете, сколько у меня грехов-то? За это я и несу крест, за свои грехи. Он трудный, мой ребёнок, трудный. Ну, побил, побил, а мне уже и не больно. Синяки прошли, всё нормально, а он же мой ребёнок, он несчастный человек. Но скорбь моя легка — это мне Бог дал такого ребёнка, и за него я получу там блаженство... Ты думаешь, я не рада, что сын меня избил? Я рада... Лучше не волноваться, не придумывать ничего, сказать так: «Господи, принимаю то, что Ты мне даёшь. Значит — так надо, так Тебе угодно. Я с радостью принимаю и благодарю Тебя, Господи». Господь даёт мне страдания, а я получу блаженство. Разве это плохо? В этой жизни отмучаюсь, так тому и быть, а там всё будет хорошо... Он же человек, он же не сам, и так мне его жалко, знаете, как его жалко! Он ведь потом ничего не помнит.

Одна из духовных дочерей матушки спросила её:

— Как же Миша не убил вас такой лапищей?

— А его ангелы за руки держали, — ответила матушка.

И сам Михаил, проспавшись после очередной пьянки, рассказывал:

— Открываю глаза, а возле матушки монах стоит в чёрном. Хочу подойти, машу ему рукой, а он не уходит, стоит.

Матушка знала, что через сына враг на неё нападает и мстит за добрые дела и помощь больным и страждущим людям. Поэтому она часто повторяла:

— Я помогаю людям, и потом Миша нападает на меня. Вот так же на меня муж нападал, а теперь — Миша.

Духовные дети старицы рассказывают, что за каждую обращенную к Богу душу, за каждое чудесное исцеление, за каждое благодатное слово помощи получала она удары от диавола, и чаще всего орудием этой мести становился сын. Как только матушка вымаливала человека — от болезней душевных, телесных, тотчас начинал буянить Михаил. Матушка вспоминает: «Открываю дверь в комнату — а там бесы воочию сидят и пьют с Михаилом».

Рассказывают, как родители привезли к матушке больную эпилепсией девочку.

— Матушка, — обратилась к ней духовная дочь, — ведь опять Миша будет драться.

— Я не могу иначе, это мой крест, я должна помогать больным. Спасать надо ребёнка.

Матушка долго молилась, и девочке стало легче. Но в тот же день сын снова жестоко избил её.

Самого Михаила несколько раз сильно избивали. За какое-то преступление он отсидел в тюрьме полтора года. После освобождения женился, прописал новую жену в Потаповском переулке, но семейной жизни не получилось — он так же пил и дрался, а жил постоянно у матери.

В 1987 году матушка сумела получить квартиру для сына. Вот как это произошло. Пришла она в райисполком, но её не пропустили к председателю. Тогда она выяснила, как он выглядит, дождалась, когда тот выйдет из кабинета, и обратилась к нему с ласковыми словами:

— Родненький, выслушай, голубчик, золотой, помоги или хоть посоветуй, что можно сделать.

Председатель пригласил её в свой кабинет, где матушка начала рассказывать ему всю его жизнь:

— Да ведь у тебя то-то и то-то было...

Кончилось дело тем, что председатель включил её в списки очередников, и сын вскоре получил квартиру в Орехово-Борисово.

Матушка бывала с Михаилом у известной старицы схимонахини Нилы (Колесниковой; 1902-1999) в поселке Фосфоритный Московской области. Летом и осенью они ходили вместе за грибами, жили там по несколько дней. Во время одного из таких походов матушка стала свидетельницей и участницей чудесного события. В лесу она заблудилась и стала читать молитву «Да воскреснет Бог...» и вдруг увидела (далее продолжим повествование словами самой матушки). «Передо мной встал конь белый и прямо копытом землю бьёт. Я подняла глаза и увидела, что конь необыкновенной красоты, посмотрела и узнала Георгия Победоносца, а с ним великомученик Димитрий Солунский. И больше уже не смела поднять глаза. Они сказали: «Раба Божия, иди вот этой стёжкой», — и показали, какой. От испуга выронила корзинку с грибами. Подняла её, но знаю, что поворачиваться нельзя. Когда же вышла на тропку, увидела сына. Он меня искал, аукался, и я к нему подошла».

Духовные чада рассказывают, что несколько раз встречали схимонахиню Нилу в доме матушки на Авиамоторной. Конечно, она просила молитв схимонахини Нилы о сыне, но даже усилия таких молитвенниц не смогли помочь Михаилу он уже сделал свой выбор и не хотел изменить привычный образ жизни.

Матушка не раз повторяла:

— Вот похороню Мишу, а потом только буду умирать.

Незадолго до смерти сына матушка поехала к старцу архимандриту Павлу (Груздеву) в Романов-Борисоглебск (Тутаев). Матушка очень скорбела сердцем, чувствуя, что конец Михаила близок. Отец Павел чувствовал себя неважно и уже не принимал приходящих, но, узнав, что приехала матушка Антония, сказал:

— Приму её, приму.

На вопрос матушки о сыне отец Павел ответил:

— Скоро всё кончится. Он плохой.

Матушка искупалась в источнике на Борисоглебской стороне и уехала на Толгу, куда она к тому времени перебралась из Москвы. Ей уже всё было открыто самой.

Ещё раньше она говорила о сыне:

Как бы он себя ни вёл, это не он ругается, это в него кто-то поселился и ругается. Как бы то ни было, ведь он вперёд матери умрёт, — скорбно! Но молитва материнская из воды морской вынимает. В колодцах таких из преисподней мать может вытащить сына.

2 августа 1994 года неизвестные избили Михаила. Его отвезли на машине «скорой помощи» в отделение нейрохирургии. Врачи сделали всё, что смогли, но спасти его жизнь не удалось. Как сказано было в заключении: «Черепная травма, несовместимая с жизнью». Племянница матушки, врач «скорой помощи», позвонила в монастырь, чтобы передать матушке печальную весть. В это время матушка сидела на берегу Волги вместе с келейницей и вдруг говорит:

— За Мишей уже машина поехала, всё уже! Вон, Мишу несут. Ну что же, ты не видишь... Я-то вижу, а ты не видишь.

И точно, скоро раздался звонок о том, что нужно хоронить Михаила, а без матери этого сделать не могут. Игуменья Варвара сразу дала машину. По пути заехали в Троице-Сергиеву Лавру, была глубокая ночь.

Тело Михаила привезли из морга прямо на Калитниковское кладбище. Матушка с раннего утра ожидала в храме, где регентовала столько лет. Была она внешне спокойна. Место для сына на Калитниковском кладбище было уже давно приготовлено. После погребения Михаила матушка подала племяннице деньги со словами:

— Закажи у себя о Михаиле. Пусть Господь простит его. Я замолю его. Это не он всё делал, не он. Это продолжение *оттуда* идет. Это не он и не Фёдор...

После похорон матушка, прочитав мысли родных и близких, сказала:

— Про меня не думайте, мне другое место уготовано.

Когда Михаил умер, матушка рассказывала, что видела его и знает, в каком состоянии душа сына. Говорила, что ему приходится терпеть за то, что он к матери относился плохо, как с него спрашивают, как он мучается. Сорок дней молилась матушка и читала Псалтирь о нём и повторяла, что ему плохо там.

Вспоминает келейница матушки:

«Однажды матушка говорит:

— Я Мишу видела. Мы вроде на литургию должны собираться, в собор, а ещё лето. Идём на кладбище: три могилки зашевелились, и встаёт из одной Миша, отряхивается, песок и земельку отряхивает с костюма.

— Ну, — говорит, — мать, куда пойдём?

Ну, мы и пошли. Сначала к Алексею (внуку) — у него закрыто. Потом к Лиде (она ухаживала в Москве за матушкой и Михаилом) — и у неё не остались.

— Там плохо, — говорит Миша.

И вот пошли к П. с В. Они нас накормили. Значит, они помолились.

Я спрашиваю Мишу:

— А кто же за тебя молится? Вот П. — он как, молится?

А он махнул рукой и говорит:

— Да этот вообще без понятия.

— Ну а сейчас куда пойдём? — спрашиваю его.

Пошли мы и оказались в храме. Миша говорит:

— А мы сейчас придём. Я, мать, буду сидеть и литургию слушать, ждать».

Проснулась матушка и говорит:

— Возьми на канун яблочек для Миши (а в вазе на столе лежало несколько яблок). Возьми, и пойдём в храм...»

Духовная дочь матушки, инокиня, так вспоминает о том, что понесла матушка в семейной своей жизни:

«Трудно понять человека, живущего духовной жизнью. У матушки было три сына, и всех она похоронила. Может ли понять наш разум то, что пережила матушка? Легко любить детей хороших. Но что может быть тяжелее, когда твой ребёнок бьёт тебя до смерти! Можно ли простить и ещё более любить? Это всё было на моих глазах. Она показала такую любовь на деле. Этого страшного от пьянки человека с искажённым лицом, в ярости похожего на демона, матушка звала ласковым голосом, как будто перед ней стоит маленький, робкий ребёнок:

— Мишенька, Мишенька, сыночек, садись кушать!

Она много молилась о нём и о себе, но явилась Матерь Божия и сказала:

— Этого креста Я с тебя не сниму.

Если бы она ушла от сына, она бы сошла со креста, но монах с креста не сходит, его снимают. Она следовала путём, заповеданным Господом: «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38), и «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф. 11, 28-30).

Глава одиннадцатая

ТОЛГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Среди тех, кому старица помогала и о ком молилась непрестанно, была игуменья Толгского монастыря[44] матушка Варвара. Она ездила к матушке Аполлинарии, спрашивала у неё советов, звонила по телефону в трудных ситуациях. Был момент, когда игуменью хотели перевести из монастыря, и она с тревогой спрашивала матушку, что её ожидает. Матушка отвечала:

— Ты останешься игуменьей, я тебе говорю.

Так и случилось: матушка Варвара и до сего дня управляет монастырём. После этого доверие игуменьи Варвары к старице ещё более упрочилось. Она часто приезжала в Москву по делам и обязательно заходила к матушке Аполлинарии на Авиамоторную, привозила соления, овощи, другие продукты. Увидев в квартире еле живой старый холодильник, игуменья купила и привезла новый. Часто звонила в Москву и сообщала о своих горестях: то коровник сгорел, то обворовали, — и не раз предлагала старице переехать в монастырь на жительство, обещала хорошую келию, говорила, что поможет и в принятии схимы.

Жизнь в Москве и в самом деле становилась для матушки всё более трудной. Одолевала физическая немощь, ей уже было не под силу держать дом, да ещё и ухаживать за больным Михаилом, который всё так же продолжал «буевать». Конечно, духовные дети помогали: стирали, готовили, покупали продукты, убирали квартиру. Когда Михаил бывал пьяным, по очереди дежурили в квартире, чтобы оградить матушку от побоев; нередко сама матушка просила близких остаться:

— Посиди со мной, я хоть немножко посплю.

В связи с этим и духовные дети стали уговаривать матушку поехать в Толгский монастырь, хотя бы на время, ведь игуменья уже приготовила келию. Наконец и сама игуменья Варвара приехала к матушке и сказала: «Келия твоя готова, ждём тебя», — и предложила поехать в монастырь вместе с сыном, отвлечь его от разгульной жизни, обещая, что все сестры будут молиться об исцелении Михаила от недуга пьянства. Матушке уже было трудно самостоятельно ходить, поэтому она решилась на переезд.

Труднее всего было уговорить Михаила поехать с матерью в монастырь, но всё же он отправился с матушкой и прожил в монастыре полтора или два месяца, и даже работал там на послушаниях.

Перед отъездом в Толгский монастырь матушка несколько дней жила на Афонском подворье в Москве. Многие приходили к ней в это время за советом и для беседы. Приехала матушка на Толгу в феврале 1990 года и вскоре после этого приняла схиму.

Сама матушка так вспоминает об этом событии:

«Матушка Варвара меня очень полюбила. Я там у ней была, советы давала, когда спрашивали меня. Но ведь сын больной, его оставлять никак нельзя было. Первый раз приехала, потом уехала, а свою келию закрыла.

---

[44] Толгский монастырь в окрестностях Ярославля был основан епископом Ростовским Прохором (в схиме Трифон; + 1328) на месте чудесного явления иконы Богоматери, прославившейся многими чудесами и знамениями. Икону, ставшую главной святыней монастыря, назвали Толгской, так как её обрели при впадении реки Толги в Волгу. В XIX — начале XX столетия монастырь считался одним из лучших и благоустроенных в России. Весной 1928 г. обитель закрыли, и на её территории разместили детскую колонию. В 1987 г. Толгский монастырь был возвращён Церкви и возобновлён как женский. Сегодня монастырь практически полностью восстановлен. В нём подвизается более ста сестер. Главной святыней обители в настоящее время являются мощи святителя Игнатия (Брянчанинова), находящиеся в главном соборе. На территории обители находится уникальная кедровая роща.

Патриарх Пимен дал мне документ, чтобы я приняла схиму. Призвали такого батюшку, который и дал мне документ, чтобы я приняла схиму. Призвали такого батюшку, который и дал мне схиму…»

Произошло это в 1990 году. В свидетельстве, выданном Свято-Введенским Толгским монастырём, записано:

«По благословению Святейшего Пимена совершено пострижение в схиму с именем Антония в честь преподобного Антония Печерского, празднуемой Православной Церковью десятого июля. Постриг совершил игумен Венедикт (Воробьёв).

24/III — 1990 г. Иг<уменья> Варвара»

«Это миллионная сила вот здесь, в этой схиме, — говорила как-то матушка, указывая на схимническое облачение, — это сколько нужно слёз, сколько молитв, сколько нужно было добрых дел сделать, чтобы это получить... Я не знаю, какими путями, не знаю, Господи... Батюшка мне сказал:

— Ты — Антоний.

— А почему Антоний?

— Ты же уже не по плоти, ты не по плоти. Ты — схимонахиня! А на Небе нет ни мужчин, ни женщин, ты — Антоний! У тебя плотской жизни нет. У тебя всё по духу!

Для нас это очень непонятно, потому что мы все живём по плоти. Духовной жизни мы не знаем. А духовная жизнь приходит только тогда, когда человек поборет свою плоть постом, молитвами. Побои, удары почаще принимай. И всё это: гонения, когда нас выгоняют, когда нас гонят, когда мы получаем такие неприятные сюрпризы от жизни, — всё это — закалка для души. В немощи нашей сила совершается...»

Духовные дети матушки, знавшие её много лет, говорят, что после принятия схимы она заметно изменилась. Раньше она много и часто говорила, наставляла, учила. Мы уже вспоминали, как она собирала вокруг себя толпы людей, проповедуя слово Божие. Теперь главным содержанием её жизни стала молитва. Слово же становится кратким, но очень точным и ёмким. Сколько людей получили благодатную помощь по молитвам старицы-схимницы!

Духовная дочь матушки спросила:

— Как случилось, что я пришла к вере только в зрелом возрасте?

— Я тебя вымолила.

— Значит, я — ваша духовная дочь!

— Да.

— Но ведь я же вас не знала!

— Это не имеет никакого значения. Каждый схимник имеет своё молитвенное поле. И ты попала в это поле.

В эти годы молитва матушки поистине творит чудеса. «Молитвенное поле» её расширяется всё дальше, преображая жизнь многих людей. В воспоминаниях о матушке описано множество

чудесных случаев помощи людям в самых трудных жизненных ситуациях. Мы приведём воспоминания монахини Толгского монастыря о том, как трудилась матушка с людьми в обители:

«В Толгском монастыре я находилась в 1994-1995 годы, .а встретилась с матушкой Антонией в первый день моего появления в обители. Я работала в палисаднике около корпуса, в котором жила матушка. Она окликнула меня каким-то родным голосом так же, как звала меня крёстная в детстве, назвала меня по имени (хотя видела меня впервые) и сказала:

— Ты приходи вечером ко мне.

Я пришла к ней в келию, и с тех пор мы почти не расставались. Пока жила я в Толгском монастыре, каждый вечер заходила к ней. Войдёшь в келию и сразу забываешь, что устала после послушаний, что ещё и вечернее правило читать, и для сна надо время найти, и рано вставать придётся, но уходить не хотелось. У неё в келии как будто энергии в нас прибывало. Хорошо, уютно, тепло, как около матери. Уходили все печали, все заботы. Было как-то спокойно, тихо, надёжно.

Я бы никогда не подумала, что ей уже за девяносто лет, — она как-то очень хорошо сохранилась. Менялось, конечно, лицо, преображалось, когда она что-то рассказывала, а вот внешне удивительно моложавое было лицо, глаза особенные, такие юные, горящие. Я заметила, что у старцев вообще глаза как бы особенно выделяются, через них видится особый дух.

За год ежедневного общения я ни разу не видела, чтобы матушка была в каком-то унынии. Она постоянно пребывала в таком спокойном состоянии, мирном и радостном. Мы-то часто унывали, но вот придёшь к матушке, а у неё как будто солнышко светит. И вот это её внутреннее состояние передаётся, и нам тоже становится радостно. Но, конечно, облик у неё необычный, а самое главное — глаза, необычайно живые и цепкие. Посмотрит она внимательно — и сразу ясно становится, что она видит в человеке что-то одной ей ведомое. Любила в монастырском дворе рассматривать людей, с таким живым участием. И было очевидно: она чувствует, с кем нужно заговорить, кому что следует сказать. Она часто останавливала проходивших и начинала им что-то говорить.

Когда у меня были послушания возле корпуса, где жила матушка, я видела множество людей и даже слышала, что матушка им говорила. Я ещё думала тогда: Как же матушка, бедная, выдерживает по столько часов совсем без отдыха?” Вот келейница принесёт обед, а она отстранит:

— Потом, потом.

Да и ела она очень мало, выборочно, как птичка, а люди шли, шли, шли. Она никому не отказывала, никаких перерывов не делала, не говорила: “Подождите”, или там “Покушаю”, или “Помолюсь сейчас”. Когда читаешь книги духовные про оптинских старцев — ведь они какие-то перерывы делали, какую-то паузу для молитвы или ещё для чего-то. Матушка старалась не задерживать людей, потому что понимала: ехать далеко, не все могут устроиться в гостинице, тем более что уже чинили всякие препоны людям, которые к матушке приезжали. Поэтому многим нужно было сразу, в тот же день, и уезжать. .

Матушка с большим сочувствием относилась к приходившим, принимала всех подряд. Помнится, я думала: “Как же она переключается с одного на другого так быстро?” Теперь, спустя годы, многое из того, что было тогда, вижу другими глазами. Тогда не всё было понятно, не всё осознавалось. Не раз бывало, что через некоторое время приезжали те же люди, которым матушка говорила что-то и предсказывала. Приезжали снова и говорили:

— Матушка, помните, вот то-то и то-то вы говорили, — всё сбылось!

А она, обращаясь ко мне или к келейнице:

— Да? Ты не помнишь, что я им говорила?

Я-то помнила и думала: “Интересно, матушка ведь говорила, почему же не помнит?” Мне это казалось странным, пока не встретила одного старца. Он объяснил: когда старец или старица “в духе”, они предсказывают, они не от себя говорят, потому и не запоминают. То есть Господь говорит через старца, а сам он в этом практически не участвует, не запоминает, что говорит, он в это время как проводник.

А теперь хочется вспомнить несколько случаев очень интересных. Вот один, как матушка направила на жизненный путь одно семейство. Приехали в монастырь муж и жена с ребёнком. У них не было детей, и они решили усыновить ребёнка, но взяли его не через детский дом, а поехали в молдавское горное село. Там жил мальчик, ему не было ещё и двух лет. Наверное, Господь так устроил, чтобы ребёнок не погиб, потому что он жил с совсем древним старичком, который не мог за ним ухаживать, и ему нечем было его кормить.

Они договорились в поселковом совете и взяли этого ребёнка. Но жена, очевидно, не была готова, у неё не было своих детей и не родилось ещё чувство материнства с появлением этого дитя. И вот с каждым годом у неё не только не появлялась привязанность к ребёнку, а лишь росли усталость и раздражение. Когда мальчик пошёл в школу, начались какие-то неприятности. Тогда приёмная мать задумала от него избавиться под благовидным предлогом: отдать в монастырь или ещё куда-то, а потом уговорить мужа или поставить его перед фактом.

А Господь управил так, что по матушкиным молитвам ничего подобного не случилось. Матушка вовремя обличила её и уговорила оставить ребёнка. Эта женщина рассказала мне ночью о своей задумке (Господь как-то смягчил её сердце, и она поделилась со мной своей болью). Утром я отвела её к матушке и сказала:

— Матушка, побеседуйте с этой женщиной, у неё проблемы с ребёнком.

И матушка, как бы уже всё зная, тепло приняла этого ребёнка, назвала по имени, увидев его впервые, и, как родная бабушка, стала расспрашивать, кого он больше любит. Наверное, чистое детское сердце чувствовало, что его больше любит приёмный отец, хотя женщина эта свою неприязнь к мальчику скрывала. Она приписывала всё мужу: мол, это ему тяжело и он хочет избавиться от ребёнка. А при матушке выяснилось, что всё совсем не так, оказалось, что мужчина больше привязался к ребёнку, чем его жена.

Тогда матушка сказала этой женщине:

— Потерпи ещё немножко. У тебя нет своих детей, а вот вырастишь его — и будешь им гордиться, ведь он будет священником. И не торопись с учением, неприятности в школе пройдут. Сейчас веди его в храм, можешь даже не водить в школу.

Дело в том, что не особо благополучных детей иногда отправляли во всякие интернаты, а там уже ничему хорошему они точно не научатся. Вот и посоветовала ей матушка просто водить ребёнка в храм молиться, а он сам дозреет, и повторила, что он будет священником. А так как он просто очень сильная личность, то не может усидеть за партой в школе. В храме же ему будет хорошо. Так решилась судьба этого ребёнка, по крайней мере отец серьёзно сказал:

— Нет, нет, конечно, мы его никуда даже и не собирались отдавать.

Беседуя с матушкой, он узнал, что такие намерения у жены были, но Господь спас этого ребёнка.

Ещё один случай, характерный для матушки. Вывели её в воскресный день из корпуса и посадили на лавочку напротив Введенского собора. Она очень любила там беседовать с людьми. Но тогда народа было не очень много, хотя день был воскресный и солнечный. И вот проходила мимо неё молодая пара. Судя по возрасту, юноша, похоже, только из армии пришёл. И матушка вдруг закричала ему:

— Ну-ка, поди сюда, поди сюда! Ты чевой-то не свою невесту ведёшь, не свою!

Они смутились, но она говорит ему как ни в чём не бывало:

— А ты священником будешь, и не такая невеста тебе нужна.

Тут они оба совсем смутились, а матушка продолжает:

— Ну что, не веришь? Сейчас я тебе скажу всё.

И начала рассказывать юноше о его прошлой жизни, вплоть до того, какие травмы были в армии, а потом операция. Назвала даже болезнь, и всю жизнь с самого детства рассказала. Замечательно было видеть, как менялось его лицо, пока матушка рассказывала. Этот случай, подтверждающий прозорливость матушки, очень яркий.

Ещё мы с келейницей матушки присутствовали при от-читках. Часто приезжала к нам в монастырь одна женщина из Ташкента. Она там работала в воинской части, незамужняя. Собственно, и замуж-то не вышла, потому что одна одержимая злым духом женщина сказала:

— Я изведу всё твоё семейство.

И она говорила, что у неё брат болел и умер, мать сильно болела и впоследствии умерла и отец очень болел. В общем, прямо-таки мор напал на всю семью. Матушка старалась ей помочь духовно, молилась и проводила отчитку. Мы с келейницей не, слышали, какие молитвы матушка читала, потому что она их очень тихо произносила. И вот во время молитвы у этой женщины изменились глаза, стали какие-то нечеловеческие, а как бы собачьи, чёрные такие, круглые, как будто из орбит вылезли. Вспоминается, что ещё в храме заметила, как трудно было стоять с ней рядом, но с виду обычный человек, никаких отклонений не заметно. И на послушаниях у неё было спокойное лицо, обычные глаза, ничего особенного. И вдруг во время матушкиной отчитки она заревела грубым мужским голосом: «О-о-о, эта схимница!» У меня даже мурашки по коже, когда вспоминаю этот крик. А матушка начала что-то спрашивать сидящего в этой бедной женщине беса. Видно было, как плохо этому бесу возле матушки.

Потом эта женщина перевелась в другую воинскую часть, поближе к нашему Толгскому монастырю. Она часто бывала в обители, хотя там на неё и ворчали. Если задерживалась допоздна, то ночевала у нас, а с утра шла на послушание. Очень трудно ей было, но Господь помогал по молитвам матушки.

Была у нас послушница Н. с Украины. Игуменья сразу её взяла, потому что она очень хорошо шила. Никто не знал, что у неё сильная травма позвоночника и ходит она в корсете. Только матушка увидела, почувствовала, как трудно и больно было ей делать земные поклоны. Я не знала ничего о её жизни, но случилось так, что Н. в моём присутствии рассказала матушке, как она пострадала.

Когда она была ещё незамужней, попросили её покумиться — покрестить младенца. Ребёнка окрестили, кум был женатым человеком, вот они породнились по-духовному. Но враг подстроил так, что они полюбили друг друга. Он ушёл из семьи и женился на Н., их даже повенчали. И потом их Господь за этот грех наказал: попала она в автомобильную катастрофу и очень сильно переломалась. У неё был сломан позвоночник, все органы внутренние нарушены, стала она инвалидом, постоянно ходила в корсете.

Тогда она поняла, за что и почему послано ей такое испытание, и решила уехать в монастырь, обманув мужа. Она попросила, чтобы тот съездил к родне, а сама уехала на Толгу. Пришла она к матушке Антонии покаяться, рассказала о своей жизни. Матушка в это время молилась, и вдруг Н. заснула, прямо сидя на лавке. А матушка говорит уже не самой Н., а бесу, который в ней сидит:

— Долго ты в ней сидишь и кто тебя посадил?

И она, вернее бес мужским голосом сказал, что пятнадцать лет в ней сидит, и даже назвал имя женщины, которая его посадила, когда Н. ехала в поезде. Очнулась Н. — матушка её и спросила:

— Не было ли вот такого случая, что ты ехала с мужем в поезде?

Она ответила, что был странный случай, когда ехали они в купейном вагоне и с ними находилась какая-то женщина. Они познакомились, разговорились. Муж вышел, а та женщина стала активно угощать Н. Когда муж вернулся в купе, он не узнал Н., смотрел с удивлением на жену и спрашивал:

— Что с тобой, я тебя не узнаю совершенно, у тебя лицо изменилось.

А потом эта маска как бы прошла, он и успокоился. На лице ничего не написано. Но когда Н. попала к старице или когда попадает человек в какое-то святое место, тут-то болезнь и выявляется».

Был на Толге такой случай. Во время богослужения в храме к матушке подошла девушка, которая хотела остаться в монастыре. Вела она себя немного странно. Подошла к матушке, села на корточки и что-то говорила. Матушка послала её к игуменье Варваре. Она сходила и снова вернулась, подсела. Матушка снова указала на игуменью — девушка ушла. И так три раза. Когда девушка в очередной раз подошла, матушка перекрестила её, и она упала будто замертво на спину, отлетев на большое расстояние. Потом она пришла в себя.

На Толге к матушке часто приходили ребята из детского дома, она любила с ними беседовать. Вспоминают, как матушка подошла к одной из девочек со словами:

— Как же у тебя головка болит! Ты была маленькая, ушибла, с тех пор у тебя головка и болит. Имей крестик, носи крестик — и она перестанет болеть.

Потом, обращаясь к другим детям, продолжала:

— Что же вы, детишки, без крестиков? Любить, любить надо своих товарищей... Я бы хотела, чтобы вы все ходили в крестиках. Чтобы на вас были крестики. Вам говорит столетняя старушка-схимница: ни один человек не погибнет, кто будет носить крестик. А я уже стала очень старой. Еле-еле вас вижу... а всё-таки вижу.

Матушка благословила свою духовную дочь купить для детей крестики и помогать детскому дому: доставать одежду, обувь, продукты, гостинцы. Некрещёных вскоре окрестили, и матушка сама надевала на них крестики, выбирая и приговаривая:

— А вот это крестик твой...

Видела она и характер приходивших детей:

— Вот ты слушайся, что же ты не слушаешься? А эта девочка боевая, боевая.

В монастыре к матушке относились с вниманием и заботой. Игуменья следила, чтобы в келии было тепло. Вспоминают, как игуменья просила накинуть матушке на плечи платок, чтобы та не простудилась. Интересовалась, возили ли гулять, вовремя ли покормили, и обязательно спрашивала, была ли матушка в кедровнике, где явилась Толгская икона Божией Матери (матушка очень любила это место). Келия была большая, уютная и светлая, имелся холодильник и даже местный телефон, если вдруг нужна будет медицинская помощь или какая-нибудь иная нужда. На службе матушке после литии первой подносили освящённый хлеб, после литургии — антидор, просфору и запивку. Игуменья выделила комнату при храме, где матушка Антония могла принимать сестёр, желавших с ней побеседовать.

Несколько раз матушке приходилось возвращаться в Москву из-за болезни сына. Во все дни, когда она находилась в Москве, игуменья присылала к ней своих людей, чтобы привезти продукты и помочь, если понадобится.

Находясь в монастыре, матушка продолжала принимать множество людей, уже не только случайно приехавших, но и специально прибывших за советом и благословением к старице. Духовные дети записали тогда на видеоплёнку несколько бесед матушки, благодаря чему есть возможность не только услышать её голос, но и увидеть, как она общается с людьми.

Некоторым сестрам не нравилось, что в корпусе, где жила матушка, постоянно ходят и ожидают приёма посторонние. Игуменья выслушивала их жалобы, но долгое время ничего не говорила матушке. И всё же отношение к старице менялось. Начались препятствия для устройства в обители тем, кто прибыл специально для беседы с матушкой. Причиной тому было, возможно, то, что матушка не одобряла строгости к сестрам, из-за чего некоторые из них вынуждены были покидать стены обители.

Однажды сестры монастыря собрались в Москву, чтобы сходить к блаженной Матронушке на Даниловское кладбище, Келейница матушки спросила:

— Матушка, благословите, можно я к Матронушке с сестрами поеду?

— Чудак-человек, — ответила старица, — здесь своя Матронушка сидит, а она к Матронушке едет.

Обратимся снова к воспоминаниям монахини Толгского монастыря — духовной дочери старицы — о жизни обители и обстоятельствах, которые привели к уходу матушки Антонии из обители.

«О том, как матушку воспринимали в монастыре, — это разговор особый. Здесь была духовная ревность. Часть сестер сторонились матушки Антонии, считая её просто старой монахиней, а не старицей. Иные всё же подходили под благословение открыто по праздникам.

Матушка старалась не пропускать ни одной литургии, хотя игуменья благословляла её по немощи бывать на службе лишь по праздничным и воскресным дням. Но матушка считала, что молитва в храме сильнее, и стремилась на каждую службу.

Матушка постоянно молилась за женщин, которые делали аборты, и к ней приходили многие совершившие этот грех. Кое-кто в монастыре считал, что многие скорби и болезни у сестер оттого, что схимница принимает народ и здесь большой наплыв людей нечистых.

Я впервые услышала, как некоторые заговорили с таким пренебрежением: "Мирские!" А я говорила им по простоте душевной: "Сестры, а вы-то откуда? Из мира же пришли. В миру ваши родственники остались, самые близкие, ваши матери".

Матушка Антония, конечно, очень переживала за сестер, которым приходилось уходить из монастыря, молилась за них. Конечно, сейчас в монастыре молодые сестры. Но жаль, что-то изменилось. Недаром паломники, которые много лет ездят на Толгу, говорят:

— То, что было, благодать, монастырь, святыни, конечно, осталось. Но уже нет того единства, тепла, как прежде, при матушке Антонии.

Пришёл и мой черёд уходить из обители. Пришла я прощаться к матушке Антонии, а она говорит:

— Хочешь, я за тебя попрошу?

Но я отказалась, подумала: может, воля Божия есть в этом? Страшно было уезжать, но я смирилась...»

Конечно, сама матушка Антония видела, как изменилось отношение к ней со стороны сестер, сколько было недовольства. Но она молилась, чтобы всё устроилось и никаких последствий не было. А вскоре Господь послал ей великое утешение — две паломнические поездки на Святую Землю. Приезжала в монастырь из Санкт-Петербурга женщина, которая очень привязалась к матушке и предложила ей оплатить путёвку и сопроводить в паломничество. Вторую поездку матушки на Святую Землю организовала другая женщина — из Москвы; у неё было что-то очень трудное с мужем, но по молитвам и совету старицы всё разрешилось. В знак благодарности она свозила матушку в паломничество. Это было очень нелегко, так как после возвращения из первой поездки у матушки отказали ноги, и с тех пор её нужно было возить на коляске.

Матушка говорила, что с юных лет полюбила Святой Град Иерусалим, и Господь сподобил её на склоне лет дважды побывать там — в 1995 и 1996 годах. Оба раза матушка ездила в Иерусалим на Страстной неделе и встречала там Пасху, присутствовала при схождении благодатного огня в Великую Субботу. После этих паломничеств матушка возвращалась особенно вдохновенной и радостной.

После второй поездки в Иерусалим матушка заболела и два месяца оставалась в Москве у духовных детей. За ней нужен был постоянный уход, но в Москве не нашлось дома, в котором можно было бы устроить матушку. Келейница предложила ей поселиться в другом монастыре, поближе к духовным детям, которые могли бы чаще приезжать и заботиться о старице.

Матушку отвезли в Новоспасский монастырь, чтобы посоветоваться с архимандритом Гурием. Он и благословил матушку перебраться в Малоярославецкий Никольский монастырь. Келейница съездила на Толгу, объяснила игуменье ситуацию, и та сказала, что не возражает, чтобы матушка поселилась в Никольском монастыре. Впоследствии игуменья Варвара приезжала в Малоярославец, чтобы увидеть, как матушка устроилась, беседовала с ней.

Летом 1996 года матушка отправилась в Малоярославец. Начался последний период земной жизни старицы, последний тяжкий крест, который она стойко донесла до конца. Матушке было открыто, что в Никольском монастыре ожидают её новые скорби, но она всё же решилась, сказав перед отъездом:

— Не место спасает человека, но место даёт много для человека, для доброделания и молитвы...

Один из близких ей священников говорил, что матушка Антония — «не монастырская, а всенародная старица», поэтому в монастыре ей будет труднее духовно окормлять и принимать людей. Так и случилось — сначала на Толге, а затем и в Малоярославце. Постоянные вопросы приезжавших, где можно увидеть матушку, очереди жаждавших побеседовать с ней нарушали спокойное течение монастырской жизни. Не всем это нравилось, иных раздражало и смущало, вызывало недоверие. Но матушка Антония свой выбор сделала, а терпения ей было не занимать...

Глава двенадцатая

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ.
КОНЧИНА МАТУШКИ

В августе 1996 года схимонахиня Антония прибыла в Малоярославец[45] и поселилась в Никольском Черноостровском монастыре[46]. Как и говорил отец Гурий, встретили матушку доброжелательно. Игуменья Николая дала светлую, солнечную келию, изолированную от общего коридора, в отдельном крыле сестринского корпуса. Благословила игуменья жить вместе с матушкой и её келейницу. На удивление келейницы, первое слово, которое произнесла матушка, приехав в обитель, было:

— Тюрьма!

[45] Малоярославец — один из древнейших городов нашей Отчизны. Расположен в северо-восточной части Калужской губернии в 60 километрах от Калуги и в 120 километрах от Москвы. Основателем города был князь Владимир Андреевич, прозванный Храбрым за бесстрашие и воинскую доблесть. Во время Куликовской битвы он командовал запасным полком, который решил исход битвы в пользу русского воинства. По духовной грамоте 1402 г. князь Владимир Андреевич завещал город своему сыну и в честь него назвал город Ярославом. Позднее, перейдя под власть Московских князей, город получил имя Малый Ярославец, в отличие от большого Ярославля на Волге. Здесь решилась судьба Отечественной войны 1812 г. Малоярославец стал «пределом нападения, началом бегства и гибели врага».

[46] Никольский Черноостровский монастырь в городе Малоярославце Калужской губернии основан в конце XV века. История монастыря неразрывно связана с Оптиной пустынью. После запустения обители в XVIII веке Оптина пустынь дала первых иноков и строителей монастыря. Их трудами Никольский монастырь стал одним из самых благоустроенных в епархии. В числе настоятелей обители был Оптинский старец преподобный Антоний (+ 1865). Здесь подвизался и другой известный воспитанник Оптиной пустыни — старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры иеросхимонах Александр. В 1812 г. монастырь сильно пострадал во время одного из главных сражений Отечественной войны — битвы за Малоярославец. Впоследствии император Николай I запретил ремонтировать изъязвленные ядрами и картечью стены и врата обители, а к столетию сражения на вратах появилась надпись: «Язвы 1812 года». После Октябрьского переворота 1917 г. монастырь был разграблен, оставшиеся монахи ушли из обители. Последний настоятель её архимандрит Илия был погребён на погосте села Карижа неподалеку от монастыря. В советское время здесь были музей, техникум, клуб, строительная организация, здания заселили жильцами. В 1991 г. монастырь возвратили Церкви. К тому времени он представлял собой зрелище ужасающего разорения. Монастырь возродился как женский. В октябре 1992 г. прибыли первые сестры. За короткий срок обитель обрела подлинное благолепие, восстановлено большинство построек, устроена купальня над чудотворным источником святителя Николая.

Слова матушки в точности исполнились, но несколько позже. А поначалу всё устроилось как нельзя лучше. В течение полутора лет приезжавшие к матушке могли по благословению игуменьи или благочинной посещать и беседовать со старицей в её келии. Никаких препятствий для общения поначалу не было. Правда, матушка очень переживала о том, как поют в монастыре, говоря, что ей такое испытание Господь послал под конец жизни.

Вспоминают, что в момент, когда появилась матушка, в монастыре было очень тяжёлое финансовое положение, оскудение необычайное, не на что было восстанавливать храмы и здания. Но, как только матушка поселилась здесь, множество духовных чад её стали приезжать со всех концов России, Украины, и деньги буквально потекли. Появились благотворители, помогающие в восстановлении обители и обеспечении её всем необходимым, так что трудами игуменьи и сестёр удалось устроить внешнюю жизнь монастыря: восстановить храмы, келейные корпуса, трапезную, хозяйственные постройки.

Когда игуменья заболела и её увезли в Москву на операцию, матушка Антония специально отправилась к своим московским духовным чадам, чтобы молиться о её здравии.

Она говорила:

— Состояние у матушки игуменьи тяжёлое.

Матушка едва ли не каждый день звонила, выясняя самочувствие игуменьи, причем всегда точно знала, когда бывали у неё приступы, и особенно молилась в эти моменты. Она говорила тогда, что на игуменью идут сильные вражьи нападения, оттого она и болеет, поэтому было бы неплохо, если бы кто-нибудь пошёл за неё в затвор. К счастью, операция прошла успешно, игуменья подлечилась, и матушка Антония вернулась в монастырь.

Многих из тех, кто приезжал к ней в Малоярославец, матушка отправляла купаться на источник святителя Николая при монастыре. Перед погружением в источник матушка советовала прочитать молитву: «Святый угодник Божий, Николай Чудотворец, уврачуй мои недуги душевные и телесные твоим живоносным источником, очисти меня, грешного раба Божия (грешную рабу Божию) имярек, от всех недугов, страстей и напастей. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Затем необходимо троекратно погрузиться в воду, крестясь. После купания также предлагала молитву: «Святый угодник Божий, Николай Чудотворец, благодарю за твой живоносный источник, за то, что ты очистил душу мою и тело, грешного раба Божия (грешной рабы Божией) имярек, от всех недугов».

Об одном из таких погружений вспоминает духовная дочь матушки. Обратилась она к старице со своими скорбями:

— Матушка, что делать, вот тут плохо, и там плохо, кругом беда...

Матушка перекрестила со словами:

— В источник, искупаться. За сына М,, за мужа-пьяницу, за того-то и того-то, всего одиннадцать раз погрузиться!

— Матушка, холодно, снег, мороз, — я не выдержу!

— А я тебя благословлю!

— Матушка, у меня же почки больные, можно мне полить на себя из бутылочки?

Матушка снова перекрестила её:

— Благословляю за каждого искупаться с головой!

Как вспоминает сама «пострадавшая»: «Бултыхнулась одиннадцать раз с головой — и никаких последствий, плохих для здоровья, а в семье действительно стало лучше».

Так часто бывало: погружаясь в источник по слову матушки, духовные чада помогали своим домашним в исцелении от болезней. Да и многих из тех, кто желал сам исцелиться от болезни или нуждался в помощи Божией в делах, матушка благословляла погружаться в источник. Сама девяностолетняя старица в праздник Крещения Господня четырежды (в честь Святой Троицы и святителя Николая) погружалась с головой в ледяную январскую воду, конечно же с помощью духовных своих дочерей. Сколько чудес и случаев благодатной помощи связано с этим источником!

Одна женщина приехала к матушке с просьбой помолиться, чтобы Господь даровал ей ребёночка. Матушка предложила ей искупаться в источнике и заказывать молебны святителю Николаю. Женщина тут же при двадцатишестиградусном морозе погрузилась в источник, пробив пяткой лёд. В том же году она родила девочку.

Те, кто погружался в эту купель по благословению старицы, получали исцеление от болезней, причём в случаях, когда медицина уже не могла помочь. Исцелялись даже наркоманы. Вспоминают, как в день своей смерти матушка благословила приехавших погрузиться в источник с головой. Один из приехавших тогда исцелился от хронического воспаления уха.

Но бывало и иначе. У одной женщины муж попал под машину. Матушка благословила её искупаться в источнике за мужа, чтобы ходил он нормально. Пришла она вместе с другими женщинами на источник. Пропели нужные тропари по благословению матушки, прочитали молитвы. Она разделась и, опустив ногу в источник, сказала:

— Ух, какая ледяная вода, пусть хромает!

Так муж и остался хромым.

И ныне источник святителя Николая источает благодатную силу, помогая людям в исцелении от болезней, утешая в скорбях. Духовные чада матушки, приезжая на могилку к старице, обязательно погружаются с головой в эту благодатную купель, которая хранит и частичку матушкиной молитвы.

Зимой 1998 года в монастырь приехала на несколько дней духовная дочь матушки Валентина. Попросила она у матушки благословения пойти в храм на пятисотницу вместе с сестрами обители. Старица ответила так: «Все больные», — и благословила. Валентина и келейница не поняли слов матушки, но на следующий день около двадцати сестер заболели гриппом, в монастыре установили карантин и даже перестали принимать паломников. Келейница вернулась из храма, как она выразилась, «еле живая» и объявила, что тоже заболела. Матушка сказала ей: «Не поддавайся, не поддавайся! Читай «Да воскреснет Бог», — и стала крестить её и молиться. Но у келейницы уже поднялась температура, она легла и уснула, а матушка тем временем продолжала молиться. Через час келейница проснулась совершенно здоровой: температуры и слабости как не бывало.

Но вот пришли последние испытания в многоскорбной жизни старицы. С 12 января 1998 года к ней перестали допускать приезжавших отовсюду духовных чад, запретили также передавать записки с вопросами. Те, кто хотел увидеть матушку, могли это сделать только во время

богослужения в храме, но в эти часы строго следили за тем, чтобы никто к ней не подходил и не разговаривал. Поводом к таким запретам стало утверждение, что схимонахиня Антония якобы не имеет благословения священноначалия на то, чтобы принимать людей. Матушка смиренно переносила и наветы, и неприязнь окружающих, и разлучение с любимыми духовными детьми.

Ещё с Толги матушка не могла самостоятельно передвигаться, поэтому келейница возила её на службу и на трапезу в коляске. Приходивших в келию она обычно принимала сидя в своей кровати. После запретов оставалось две возможности спросить о чём-либо у старицы: либо дождаться окончания службы и побеседовать с ней в храме, либо улучить момент, когда её перевозят на коляске в храм или из храма в келию. За это короткое время можно было передать записку с вопросами. Матушке приходилось, согнувшись в инвалидной коляске в течение долгих часов, беседовать с приходившими к ней. Она оставалась после богослужения в храме, без трапезы, без отдыха. Одновременно в храме совершались требы, читали Псалтирь, проводились занятия воскресной школы. Затем начиналась уборка, шум, духота. Каждый старался говорить с матушкой негромко, чтобы не мешать окружающим, из-за чего ей приходилось напрягаться, чтобы расслышать и вникнуть в то, о чём говорил очередной посетитель. Разрешалось подходить к матушке и на улице, но здесь её одолевал мучительный кашель, так что долго выдерживать уличные беседы она не могла.

Духом провидя приезд к ней духовных чад и тех, кто особенно нуждался в совете и помощи, матушка сама встречала пришедших во дворе, оставаясь в инвалидной коляске на холодном ветру и при непогоде. Это была её последняя Голгофа. Она трудилась, исполняя свой долг, своё послушание Богу и людям до последнего мгновения жизни. Но даже в этих условиях матушка благословляла направлять к ней новых людей, у которых была нужда побеседовать и решить наболевшие вопросы.

Духовные дети забили тревогу: ведь многие из них приезжали из дальних мест и не имели возможности ждать, когда удастся передать записку или просить о своих нуждах на ходу. Решили обратиться в Патриархию или даже к Патриарху Алексию II. Узнав об этом, матушка сказала:

— Ни в коем случае!

Тогда духовные чада поехали к старцам с просьбой о помощи и за советом. Отец Николай Гурьянов на вопрос, как помочь матушке, ответил:

— Псалтирь читать.

Отец Кирилл (Павлов) ответил так:

— Терпеть, терпеть, терпеть, скоро всё уладится.

И действительно, уладилось, так как матушка вскоре после этого разговора отошла ко Господу. Тогда и Псалтирь о её упокоении стали все читать, так что слова старцев точны.

В июле 1998 года матушку перевели из уютной, просторной и светлой келии в другую — тёмную, узкую, сырую, куда в течение дня не заглядывало солнце; одно её окно загораживал забор, а другое выходило в загон для сторожевого пса, который постоянно лаял и выл, иногда целыми ночами.

Вспоминает одна из близких матушки:

«Под окнами келии собака воет, нет покоя целый день, а матушка сидит, задыхается, глаза у неё болезненные, смерть в них. Как врач, я столько раз смотрела смерти в глаза, и потому смерть я

не пропущу. Поразило меня отношение к матушке. Когда вспоминаешь об этом, думаешь, что, наверное, Русь не зря несёт свой крест. Вот так и прежде, бывало, к праведникам относились, и крест мы несём сегодня за дело.

Господь Сам управит всё и рассудит. Но ведь в монастыре должны знать, как относиться к таким людям. Матушка прошла круги ада, прожила такую трудную жизнь, сохранила любовь к людям, она же людей очень любила. Не раз спрашивала я матушку, почему к ней так относятся в монастыре. Она останавливала меня, успокаивала: погладит по руке и переведёт разговор на другую тему. Матушку не причастили на Пасху. И мы с ней под крылечком прятались и там славили Христа...»

* * *

Незадолго до смерти старицы духовные чада предложили купить землю на том месте, где матушка благословит, чтобы к ней можно было приезжать на могилку без препятствий. На это матушка ответила:

— Придёт время, и я буду нужна здесь сестрам, а вы ко мне приезжать будете, как и теперь.

Однажды матушка сказала:

— Я три раза была на том свете, четвёртого раза мне такого не будет, уйду навсегда. Возвращали меня Ангелы, потому что я ещё не всё сделала.

Вспоминают ещё, как матушку спросили:

— Переведут ли вас в лучшую келию, разрешат ли людям приходить к вам?

Матушка ответила:

— Всё будет хорошо, переведут, разрешат.

— Когда? — радостно спросили её.

— Через два месяца.

Ровно через два месяца после этого разговора матушка отошла ко Господу.

При переезде в новую келию матушка не благословила распаковывать вещи. А через несколько дней после кончины старицы келейницу перевели в старую келию, и ей не пришлось собирать вещи, — так матушка облегчила ей переезд.

В день празднования Калужской иконы Божией Матери (15 сентября), на Никольском храме сломало крест. В этот же день была память преподобных Антония и Феодосия Печерских. Говорят, что матушка попросила остановить коляску и долго-долго смотрела на верх этого храма.

Последние сорок дней земной своей жизни матушка практически ничего не вкушала. Причащалась чаще, чем обычно, а незадолго перед смертью игуменья благословила причащать матушку каждый день, так как самочувствие её резко ухудшилось.

8 октября (это был день памяти преподобного Сергия Радонежского) после службы в храме и причащения матушку привезли в келию. Чувствовала она себя очень плохо. Келейница спросила:

— Матушка, ты ещё поживёшь?

— Поживу, поживу, — ответила старица и тихо-тихо добавила: — Три дня.

Наступил последний день земной жизни матушки Антонии — воскресенье 11 октября 1998 года. В этот день матушка благословила отвезти её в храм Корсунской иконы Божией Матери, где совершалось богослужение. Матушка исповедалась и ожидала причащения. У солеи в коляске находилась другая схимница — матушка Ксения, и ещё три-четыре монахини.

После освящения Святых Даров батюшка долго исповедовал прихожан и паломников. Исповедь продолжалась до двух часов дня. Матушка Антония, знавшая, что идут последние часы, отпущенные ей в жизни, терпеливо ждала. Схимонахиня Ксения и другие монахини не выдержали долгого ожидания и ушли из храма. У матушки была высокая температура, она сидела в коляске, согнувшись почти пополам, и чуть слышно сказала келейнице:

— Поедем домой.

— Матушка, ещё причастия не было, батюшка исповедует, ты же хотела причаститься. Будешь причащаться?

— Буду.

— Тогда останемся, подождём?

Матушка наклонила голову в знак согласия.

Духовные чада, приехавшие в тот день, приподняли матушку, чтобы она немного постояла, распрямив ноги, но сил на это у неё уже не было. Потом она начала молиться тонким-тонким голосом:

— Прости меня, Господи, прости меня, Господи...

Она крестилась, глядя на алтарь, затем на иконы и, наконец, на распятие, перед которым стояла коляска.

Исповедь закончилась, и священник ушёл в алтарь. Келейница подвезла коляску к солее, но вместо причастия батюшка стал читать проповедь, которая длилась ещё полчаса. Келейница стояла рядом и держала матушку за руку, чтобы она не упала.

Наконец томительное ожидание кончилось, священник причастил матушку первой. После причастия она сидела уже прямо. Подвели к ней больных детей, и она их благословила с каким-то особым вниманием. Подошёл к ней и постоянный прихожанин храма, житель Малоярославца с маленьким сыном. Матушка предсказала рождение ребёнка, когда отец ещё не знал о том, что у него появится наследник. Матушка сказала тогда:

— Будет у тебя сын, будет!

И вот счастливый отец с младенцем подошёл к матушке в тот памятный день и получил благословение схимницы.

Поговорила она и с родителями больной девочки и не благословила их делать ещё одну операцию (пятую или шестую), велела не мучить ребёнка. Затем к ней подошли под благословение те, кто приехал навестить матушку, ещё не зная, что прощаются с любимой

своей духовной матерью. Всех приехавших она благословила окунуться в источник святителя Николая.

— С головой, матушка? — спросили её.

— Да.

Келейница увезла матушку, а прибывшие ожидали ответы на переданные записки. В келии матушке стало совсем плохо: она сидела на кровати, прислонившись к стене, и тяжело дышала. Предложили вызвать «скорую помощь». Матушка согласилась. Тогда келейница спросила:

— Матушка, а ты благословишь делать тебе укол, если прибудет «скорая»?

— Нет.

Видя, что матушке становится всё хуже, келейница стала помазывать её освященным маслом, привезённым из святых мест. Затем положила ей на главу варежку, освященную на мощах святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

Как сказали впоследствии врачи, почти сразу после причащения и прощания с духовными детьми у матушки начался предсмертный отёк лёгких. Было около девяти часов вечера 11 октября 1998 года, когда старица схимонахиня Антония угасла — тихо, как свеча, догоревшая на божнице.

В ночь с 11 на 12 октября монахине Никольского монастыря во сне был голос: «Твоя подруга умерла». И увидела эта монахиня матушку Антонию в красивом кирпичном доме и снова услышала голос: «Иди, посмотри, что она в этой жизни для себя приготовила». Тогда открылся ей удивительной красоты сад и большой дом салатного цвета. Возле дома стояли в ряд двенадцать деревьев, да таких, что не обхватишь руками. У дома находилась беседка, вокруг которой росло множество цветов, в основном красного цвета. Монахиня вошла в беседку и из неё увидела матушку Антонию, стоящую среди моря цветов на поляне.

Сразу же после кончины матушки тело её положили в храме Всех Святых и начали чтение Псалтири по усопшей. На следующий день ожидали приезда в монастырь болгарского Патриарха Максима. Матушка знала его, когда будущий Патриарх был настоятелем Болгарского подворья в Москве. На время пребывания гостя в обители тело матушки положили на стол в библиотеке. Прямо нал головой почившей сгрудились тома «Житий святых» святителя Димитрия Ростовского, словно передавая матушке напутствие святых из земной жизни в жизнь вечную. Келейника матушки и ещё одна инокиня читали в библиотеке Псалтирь нал усопшей.

Когда Патриарх Максим и владыка Калужский Климент уехали, тело матушки положили во гроб и поставили в храме Корсунской иконы Божией Матери. Затем отслужили литию, после чего началось чтение Псалтири, продолжавшееся всю ночь.

Келейница матушки позвонила от игуменьи в Москву, сказав, что отпевание состоится 13 октября. Утром приехало более шестидесяти человек — близких, родственников и духовных чад старицы. Отпевали матушку Антонию после литургии в храме Корсунской иконы Божией Матери. Было очень много цветов, огромные букеты роз, хризантем. После отпевания сестры обители взяли гроб с телом матушки на руки и понесли его в храм святителя Николая, где отслужили литию. Затем процессия направилась в храм Всех Святых — и там отслужили литию. Сестры донесли гроб до монастырских врат, затем его приняли мужчины и понесли к небольшому кладбищу, расположенному за монастырской оградой.

Многие старались подставить плечо или хотя бы последний раз прикоснуться ко гробу... Одна из духовных чад матушки, приехавшая с больными руками, прикоснулась ко гробу — и исцелилась от боли.

С утра моросил дождь, но, когда над могилой старицы появился холмик, выглянуло солнце. Как вспоминают близкие матушки, в тот день не было чувства горя или утраты, только покой в душе и светло на сердце. Была полная уверенность, что матушка не оставит никого из тех, кто любит её, без своей помощи и предстательства пред Богом. После погребения игуменья пригласила всех прибывших на поминальную трапезу.

Вспоминают, как матушка, провидя свою кончину, сказала однажды:

— Меня будет отпевать отец Геннадий.

Так и случилось — среди отпевавших её священников был иерей Геннадий, который сказал в конце службы замечательное слово о старице. Он говорил о том, что через день после погребения матушки Церковь совершает память преподобной Анны Кашинской — русской терпеливицы. Он напомнил о её крестном пути, полном великих скорбей и испытаний. И невольно возникает мысль о духовной близости этих подвижниц, жизнь которых разделяет шесть столетий русской истории. Обе они претерпели тяжкие страдания, имели семью, похоронили всех своих любимых и близких и завершили жизненный путь принятием схимы во всецелом служении Богу.

В день погребения старицы один из близких её позвонил по «вертушке» (АТС-2) Патриарху Алексию II и сообщил о кончине матушки. Святейший просил передать духовным чадам её, что будет молиться об упокоении старицы сорок дней и уже на следующий день — в праздник Покрова Пресвятой Богородицы — помянет её в храме Василия Блаженного.

Матушка заранее готовила самых близких своих духовных детей к расставанию на земле, говорила, что смерти нет и она никогда не оставит своих детей сиротами. Она говорила:

— Что бы с вами ни случилось, какие бы беды ни были на свете, но у вас — я...

Своей духовной дочери матушка сказала незадолго до кончины:

— Будет трудно — позови! Позови!

Ещё в 1988 году, когда у матушки резко ухудшилось здоровье, она написала своей рукой прощальное письмо духовным детям:

«1988 г. Успенский пост. Трудно доживать век, когда приходит конец. Простите меня, все дорогие дети, любимые мои дочери и все верующие. Иду в новый мир. Я и там вас не забуду.

Родители мои: Иаков, Мария, сын воин Василий.

Писала августа 15 числа 1988 г.

Молите за меня. Близок конец.

Аполлинария.

Именины мои 5/18 января.

Навечерие Богоявления. Крещенский сочельник».

В том же году на Успение Пресвятой Богородицы (28 августа) матушка написала ещё одно краткое письмо:

«Простите меня, дорогие сестры и братья. Посетила я храм с 3 лет до 90. Не забыла Тебя, Господи. Но за мои грехи прости меня, Господи, их нет числа.

Поминайте меня и не забывайте меня, мои дорогие дочери, и я Вас и в новом мире не забуду.

Руку писанья отдай в церковь, когда меня будут отпевать.

Монахиня Аполлинария».

К письму матушка приложила поминальную записку об упокоении самых близких ей людей, в которой предсказала точную дату смерти своего сына Николая, написав: «Новопрест. Николая, кончина его 21 декабря 19...».

А однажды (было это ещё в 1994 году на Толге) она произнесла собравшимся в келии духовным детям слова, которые можно назвать её духовным завещанием:

«И вот я вас благословляю (матушка осенила всех стоящих крестным знамением), что вас ни горе, ничто не возьмёт никогда, только вы помните — *не теряйте веру*. Только одно прошу — *не теряйте веру!* И о чём вы ни попросите меня, попросите Матерь Божию, попросите угодника любого — всё вам будет хорошо. Вспомните меня тогда: у вас всё будет хорошо!»

Матушка отошла ко Господу в день памяти Собора преподобных отцев Киево-Печерских, в Ближних пещерах (преподобного Антония) почивающих. Среди них и небесный покровитель матушки — преподобный Атоний Печерский, и преподобный Кукша — небесный покровитель преподобного Кукши Одесского, духовного отца старицы.

* * *

День смерти каждого человека не случаен, и особенно — день кончины подвижника, послужившего Богу всей жизнью своей. Кончина матушки Антонии не просто в день Ангела своего, но в тот день, когда празднуется Собор отцев Киево-Печерской Лавры, — знак особой милости и благословения тех, кого так любила и почитала старица.

Не случайно и имя, которое носит каждый человек, и особенно Божий избранник. В имени часто сокрыт ключ к пониманию духовного подвига человека. Принимая монашеский постриг по благословению духовного отца или старца, человек получает новое имя, чтобы исполнить новое своё призвание, связанное с этим именем. «По имени твоему да будет житие твое» — эти слова, обращённые к новопостриженному, раскрывают смысл того пути, которым предстоит пройти иноку или инокине.

Первое имя, полученное матушкой при крещении, — Анастасия, в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы (+ 304 г.; память 22 декабря/4 января), пострадавшей за Христа во время правления римского императора Диоклетиана (284-305 гг.). Родилась она в Риме, в знатной семье сенатора Претекстата. Отец её был язычником, мать — тайной христианкой. Она и поручила воспитание дочери известному своей учёностью христианскому наставнику Христогону. После смерти матери против желания дочери отец выдал её замуж за язычника Помплия. Чтобы не нарушить данный ею обет девства, Анастасия

ссылалась на неизлечимую болезнь и сохраняла чистоту. Сама же в одежде нищей посещала места заключения христиан: умывала их, кормила, перевязывала раны, утешала. Узнав о занятиях жены, Помплий жестоко избил Анастасию и запер, поставив у дверей стражу.

Однако вскоре, по пророчеству Христогона, муж её погиб, и Анастасия употребила всё полученное наследство для помощи христианам, а также больным и бедным. Анастасия странствовала по многим городам империи, чтобы служить, где только было возможно, заключённым в темницах христианам. Она получила от Господа дар врачевания ран и болезней.

Дважды святую заключали в темницу, шестьдесят дней морили голодом, но не смогли сломить её мужества. Скончалась Анастасия мученически: её сожгли на костре, однако тело святой осталось невредимым. Похоронила её благочестивая христианка именем Аполлинария (!), которая впоследствии воздвигла над гробом великомученицы великолепный храм.

В житии святой великомученицы Анастасии есть немало общего с жизнью матушки Антонии. Обе они были биты мужьями своими, которые запирали их на замок. Обе пережили своих мучителей, обе находились в заключении, приняли многие озлобления и мучения от гонителей христианской веры, обе явили своей жизнью великое мужество, усердно помогали страждущим и больным, стали целительницами многих недугов душевных и телесных. Когда читаешь акафист святой великомученице Анастасии[47], видишь, что многие слова кондаков и особенно возглашений, икосов относятся и к жизни матушки Антонии:

«Множицею биена бывши от невернаго мужа» (икос 3).

«Бурю ярости своея воздвиже на тя нечестивый мучитель муж твой... Мы же, воспоминающе озлобления от него и страдания твоя, поем укрепившему тя Господу. Аллилуиа» (кондак 4).

«Радуйся, озлобления за Христа приявшая» (икос 3).

«Радуйся, терпением своим адаманту крепкому уподобившаяся» (икос 3).

«Радуйся, претерпевшая тесноту Царствия ради Небеснаго» (икос 5).

«Радуйся, скорбьми твоими к Богу приблизившаяся» (икос 5).

«Радуйся, молитвами твоими избавляющая нас от уз греховных» (икос 5).

«Радуйся, ходатайством своим освобождающая нас от искушений» (икос 5).

«Радуйся, усердная помощнице страждущим» (икос 6).

«Радуйся, огнем любви к Богу всецело возгоревшая» (икос 6).

«Радуйся, мужеством твоим врага спасения до конца низложившая» (икос 6).

«Радуйся, последовательнице стопам Христовым» (икос 7).

«Радуйся, врачевание больным низпосылающая» (икос 7).

«Радуйся, за любовь твою к ближним велие дерзновение стяжавшая» (икос 8).

[47] Этот акафист составила Авдотья Павловна Глинка (1797-1863), первая из русских женщин, сумевшая овладеть этим труднейшим жанром духовной поэзии. Она же составила и издала «Житие святой великомученицы Анастасии Узорешительницы» (М., 1863). Её другая книга — «Земная жизнь Пресвятой Богородицы» — стала одной из любимейших православным русским народом.

«Радуйся, болезни душевныя и телесныя скоро исцеляющая» (икос 12).

Имя матушки, данное при крещении, — Анастасия — означает в переводе с греческого «воскресение». Знаменательно, что именно в воскресный день отошла старица ко Господу. Матушка Антония очень любила акафист святой мученице Анастасии и благословляла духовных чад читать его перед тем, как прийти к ней.

Второе имя, Аполлинария, матушка получила по пострижении в мантию в честь преподобной Аполлинарии — святой пятого столетия христианской истории (память её 5/18 января). Была она дочерью римского проконсула Анфемия, который был фактически правителем Восточной части Римской империи при малолетнем императоре Феодосии. С юных лет она полюбила церковные службы и молитвы. Когда же подросла, то отказалась выходить замуж и умолила родителей отпустить её в паломничество по святым местам Востока. Посетив Иерусалим, Аполлинария направилась в Александрию. Там она отпустила всех своих спутников, раздала имеющиеся у неё средства церквам и монастырям и поселилась в пустынном месте. Через несколько лет подвига она облачилась в мужскую монашескую одежду и пришла в скит, назвавшись Дорофеем. Господь даровал ей благодать исцелений недугов, и здесь же закончила святая свой жизненный путь, совершив много чудес, в том числе изгнание беса из своей родной сестры. Лишь после смерти подвижницы братия узнали, что старец Дорофей, подвизавшийся столько лет в скиту, — женщина. Погребли её с почестями в храме. От мощей преподобной совершалось множество исцелений.

Это новое монашеское имя означало поворот в жизни матушки, которая, как и её небесная покровительница, горела такой же любовью к Богу и желала посвятить служению Ему всю оставшуюся жизнь. Преподобная Аполлинария скрыла своё женское естество под мужской монашеской одеждой и достигла своими подвигами такой благодатной силы, что превзошла многих отцов-подвижников. Вспомним, как матушка в беседе называла себя не «Антония», а «Антоний», т. е. в мужском роде. Это не случайная оговорка. Ибо матушка Антония явила своей жизнью, терпением и любовью такое духовное мужество, которое более пристало мужской половине человечества.

И, наконец, Антония. Это имя матушка получила по принятии схимы в честь преподобного Антония Печерского (память 10/23 июля, 2/15 сентября и 28 сентября/11 октября) — отца русского монашества. В жизнеописании старицы уже не раз говорилось о том, как любила матушка Киево-Печерскую Лавру, как чтила преподобных отцов из Лаврских пещер, как защищала святыни Лавры, не щадя своей жизни. Имя Антоний очень точно выражает то, что совершила матушка подвигом своей жизни. В переводе с греческого это имя означает «приобретение взамен», т. е. приобретение вечной жизни взамен смерти, царящей в падшем человечестве. В этом слове заключён ещё один глубокий смысл: приобретение Царства Небесного взамен падшего ангела, так как, по учению Церкви Божией, каждый, принимающий монашеский равноангельский чин, должен заступить на место одного из падших ангелов.

Оттого столь велика злоба диавола и слуг его к монашествующим, и на примере жизни схимонахини Антонии видно, сколько ударов и нападений пришлось ей перенести от ненавистника рода человеческого. Но матушка по благодати Божией победила, донесла свои кресты до конца, всё перенесла, всё перетерпела, и верим, что Господь увенчал её и водворил в Царстве Небесном среди чад Своих, сохранивших верность Творцу и Богу до последнего мгновения жизни.

СОВЕТЫ, НАСТАВЛЕНИЯ, ПИСЬМА СХИМОНАХИНИ АНТОНИИ

Многим из приходивших к ней матушка советовала:

— Чтобы в каждом доме были иконы Божией Матери «Нерушимая Стена» и Калужская!

«Просите Всевышнего, не забывайте Его день и ночь. Лучше всего молиться рано утром или ночью. Самое спокойное время. Проснись, встань, умойся и разговаривай с Богом, всё Ему рассказывай. Господь любит, чтобы Ему всё рассказывали. И Он найдёт пути, избавит тебя и поможет. Если же Господь даёт страдание, даёт и терпение и укрепляет Духом Святым. И если трудное даст Господь, надо радоваться!»

«С полуночи до трёх часов святое небо открыто. Очень ценная молитва в эти часы. После полуночи хорошо класть три великих поклона с молитвами к Спасителю, Матери Божией и Ангелу Хранителю».

Матушка благословляла своих духовных чад постоянно учить на память молитвы, псалмы и тропари. На вопрос, как выучить, если память плохая, ответила:

— А ты учи по три слова: сегодня три слова запомни, завтра ещё три. И вот так по три-четыре слова учите.

В первую очередь благословляла выучить молитвы «Отче наш», «Богородице Дево...» и Символ веры, затем 50-й псалом: «Это великая молитва», — говорила матушка.

«Прежде чем поминать родных, нужно помолиться о слепых, немых, глухих, увечных, страждущих, голодных, бездомных. Затем попросить Господа о тех, за кого некому помолиться. И лишь после того поминать родных своих и близких. Надо молиться за себя, за умерших и за тех, кто должен прийти на белый свет. А мы и за себя-то не умеем молиться!»

«Без Церкви никуда, всегда молитесь Божией Матери. Деток научайте сначала Богородичной молитве, так как Царица Небесная всегда с детьми».

Спросили у матушки, как молиться, если болят ноги. В ответ она рассказала свой сон:

«Подошла я к реке, а как перейти? Хотела перепрыгнуть, но никак не могла решиться. И вдруг услышала голос:

— Ну, давай со скамейки...

Это мне сказано было потому, что из-за болезни ног я молилась сидя. Но, конечно, нужно молиться стоя».

Матушка советовала не забывать краткого молитвенного правила, данного преподобным Серафимом Саровским, и постоянно читать молитву:

«Господи, дай мне душевный мир и телесное здравие. Господи, просвети мой ум, успокой мое сердце, помоги мне в жизни, избавь меня от лукавого. Аминь».

Эта короткая молитва очень помогала тем, кто её постоянно читал, оказывала прямо-таки чудодейственную помощь для укрепления человека в духовной жизни, и особенно во время духовной брани.

«Всё, всё, буквально всё, что мы делаем, должны совершать с молитвой. Зажигая лампаду, молимся:

— Господи, возжги угасший светильник души моей и духом добродетели просвети меня, создание Твое, яко Благ Человеколюбец. Аминь».

«Если кто-то не был в церкви на богослужении, хорошо читать сорок раз “Отче наш ».

Утром матушка советовала пить натощак святую воду, также по всякой нужде, хотя бы и поел (когда внезапно заболеешь, разгневаешься и т. д.). Но в этом случае только не крещенскую воду.

«При теперешней жизни, чтобы уцелеть благополучно обязательно следует носить крестильный крест, или крест монастыря, или крест-мощевик. Вместо мощей можно положить в крест ладан монастырский, ладан афонский, пояс с молитвой “Живый в помощи Вышняго”».

«Для спасения и мирности души обязательно носить крест и целовать его с молитвой, которую дал схиигумен Савва: “Господи, пролей каплю святейшей Твоей Крови в мое сердце иссохшее от страстей и грехов, от нечистот душевных и телесных. Аминь”. И этот крест надо целовать за членов своей семьи и даже за своих врагов».

«Если болеют дети, надо читать 90-й псалом и Отче наш” по семь раз. Если что-то серьёзное, читать надо по двенадцать раз».

«Если несчастье случилось с человеком, надо читать 90 и псалом Живый в помощи”, с языка не выпускать, за этого человека читать, всех подключать, всех своих близких, знакомых, чтобы именно за него читать “Живый в помощи”, чтобы только спасти его...»

«Мать, жена-мироносица в семье, должна вносить в семью мир, согласие, тишину. Мужу не перечь на маковое зерно. До дела, как до неба, и время нужно или расходы, а в семье уже сыр-бор. Сказано пусть и не так, как тебе хочется, а так должно быть в благочестивой семье. И если мир, *святой* мир нарушен в семье, хотя постись, молись, хоть лоб разбей — всё без толку. Бог — это любовь, мир, добро, истина, правда».

«В доме должен быть святой угол: для святых икон, святой воды, просфор, а располагать иконы по сервантам, стенкам негоже. Может ли быть храм без алтаря или дом без крыши? — Так и семья не должна жить без святого угла.

Во время молитвы или в праздничные дни должна гореть лампада и хорошо зажигать свечу. На дома, где это исполняют, ложится Божия благодать. Большая семья — много неурядиц. Изгонять врага надо из дома, как наставляет схиигумен Савва. Очень сильная молитва:

“Именем Господа Иисуса Христа и Его страданий за род человеческий изыди, враг рода человеческого, из сего дома на 24 часа. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь”, и крестить на четыре стороны».

«Если неспокойные дети, болезненные, то над спящими надо почитать сорок раз молитву "Богородице Дево, радуйся” и три воскресенья подряд причастить детей Святых Христовых Таин. И молитвы матери за детей самые сильные, обязательно надо молиться за своего ребёнка особо».

«Ложась спать, непременно надобно всё убрать со стола: стол — престол, положить на него Евангелие и сверху крест, чтобы Божия благодать осеняла квартиру (дом). Хорошо, чтобы перед святыми образами постоянно горела лампадка».

«Всякое дело надо начинать по уму, с рассуждением, тогда не будет плохих последствий. Каким угодникам молиться в каком деле? Каким образом начать?

Первое — взять благословение у священника на начало этого дела.

Второе — подать на литургии записочку о здравии участвующих в деле.

Третье — отслужить молебны: Спасителю; Матери Божией; Ангелу Хранителю или Архангелу Михаилу; святителю Николаю Чудотворцу и святителю Спиридону Тримифунтскому (им дано от Бога благословение помогать во всех трудных делах); мученику Иоанну Воину, или великомученику Георгию Победоносцу, или мученику Трифону (каждый из них в силе помочь делу и устранить все помехи); святому, чьё имя носишь.

Четвёртое — поститься и самому молиться.

Идти на серьёзное дело натощак, только просфору со святой водой принимать и Иисусову молитву творить, и молитву, которая на сердце ляжет».

«В Великий Четверг ставьте на стол, как было на Тайной Вечере: хлебушек, соль, красное вино, свечи. Так и вы делайте. Пусть всё это стоит до Пасхи. Куличик, яйца, соль, свечи — всю Пасху на столе. Вы встречаете Господа Иисуса Христа. Он же воскрес! — И надо поставить всё так, как Господь благословил на Тайной Вечере».

Матушка считала, что пасхальные свечи дают особую благодать и помощь, особенно в исцелении больных. Она говорила:

— Когда посещаешь больного человека, прочитай молитву за болящего или акафист и обязательно зажги пасхальную (красную) свечу.

Очень важный и своевременный для наших дней совет старицы, как оградиться в случае опасности, тяжёлой болезни, в сильной скорби или искушении. Необходимо зажечь пасхальную (или иерусалимскую) свечу, и кто-то из близких должен обходить вокруг скорбящего или болящего с горящей свечой, произнося слова пасхального тропаря: «Христос Воскресе из мертвых...», и прибавлять молитву: «Христе, Воскресый из мертвых, воскреси от недуга раба

Божия (имярек). Аминь» — и так трижды. Если один в доме, троекратно обнести себя с той же молитвой.

Если не ладится с каким-то аппаратом, прибором (автомобиль, холодильник, швейная машинка и т. п.), матушка советовала читать Пасхальные часы и после этого обратиться к Господу с прошением об исполнении того, что нужно в данный момент человеку.

«А и умереть не просто, умереть нужно уметь!..»

«Господь Своих людей никогда не отдаст».

«Вы уже чувствуете себя слабыми, жизнь такая тяжёлая сейчас, каждый год надо как-то прожить, а старость — она своё берёт, а потом: “Земля еси и в землю отыдеши”. Если бы нам не умирать — тогда другое дело, а поскольку всем нам придётся умирать, то человек должен думать, как жить. Вот так и выбирайте себе путь, пока вы ещё на ногах, а когда вас уже будут водить за руки — тогда всё!»

«Если человек будет думать постоянно о смерти, то он никогда не собьётся. Что ни день, то к смерти ближе. Когда-то работали, трудились на свете, а потом почернеют – и в землю. Я давно об этом думала, ещё смолоду: вот руки работали — и вдруг они превратятся в землю, в прах земной. Думала я: как-то надо умирать, а “смерть грешника люта”, а почему? Потому что очень греховную жизнь вёл. Покаяние — это самое главное».

«Будь лёгкой, отдай все грехи Богу. Все болезни, все печали, все заботы отдай Богу. И будь лёгкой, освободись. Богу известно о тебе. Он уже решил, что тебе надо, какая у тебя судьба и каков твой жизненный путь. Зачем волноваться, страдать, зачем голову забивать? Ни в коем случае. Жить нужно так: как будет, так и будет, — как Бог даст.

Каждому человеку дано в жизни сыграть свою роль: сыграет — и уходит в жизнь вечную. О чём расстраиваться? Мы же тут не вечные, мы же тут в гостях. А уйдём домой в своё время, все уйдём домой. Господь на земле никого не оставит, всех заберёт к Себе. Душа ведь не умирает. Тело — это костюм, это храм души. Душа отлетает и идёт к Богу. А тело закопают в землю — и всё.

Конечно, при жизни нужно молиться, чтобы здоровье было для жизни. Чтобы успеть заработать что-то для будущей жизни. И что здесь заработаешь, то там и получишь. Заработала себе душа жизнь хорошую — и хорошо ей будет. Там душа довольна и живёт в раю, все братья и сестры. Мы и на земле должны так жить — братьями и сестрами. Вот вы приехали ко мне: вы — мои братья и сестры. Теперь мы знаемся с вами... Запомните сами и передайте другим: как вы относитесь здесь к другим, точно так же *там* будут относиться к вам».

«И, конечно, таинства, и обязательно соборование. Родители меня по всему этому натаскали. Стояла я на крыльце, у нас два храма было и колокола так: “Динь-динь, динь-динь”. А я маме говорю:

— Ну почему, мам, колокола не так звонят, ведь они неправильно звонят, они должны: “Бам-бам-бам”.

— Эх, ты, дочка, ты ещё маленькая, не понимаешь. Это несут соборованного человека.

— Скажи мне, что это такое?

— Соборованный человек — у него грехов уже никаких не остаётся, он пособорован. Соборование бывает постом; вот, говорят: сегодня собор будет в таком-то храме, все соберутся, вычитывается вся житейская полоса наша и вся греховная жизнь. Когда пособоруют, это называется одежда спасения, и все грехи, которые ты делала с юных лет, — все перекрываются.

И ещё мама говорила, что несоборованного человека окаянные по грязи тащат, а соборованного — его уже встречают Небесные Силы, потому что он как будто обновлённый уже, и он идёт к Богу — душа его, а душа — живая. Всё умрёт, а душа никогда не умрёт, душа — вечный житель. Это венец Таинств, завершение всех семи Таинств Церкви».

«Поминая усопших, прочитать сперва молитву: “Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих, новопреставленных в сей день, в сей час, в сей момент от сего мира отшедших в надежде воскресения: в огне сгоревших, в воде утопших, в пути замерзших, от глада, без покаяния и Причастия умерших и за православную веру живот свой положивших, сирот, нищих”. Хорошо приносить в храм кагор для причащения, указывая имена тех, за кого помолиться, давать муку на просфоры. Желательно положить на канун хлебную выпечку, сколько человек может. Хорошо класть на канун и яички. Можно положить сахар, конфеты. Хорошо поставить хотя бы немного подсолнечного масла в день памяти усопшего и за новопреставленного. На канун желательно ставить три свечи: первая — за всех усопших православных христиан, вторая свеча — за всех, кого некому поминать, и третья — за своих родственников. Полезно для души подавать в храме на поминовение кроме своих родственников также и за родителей святых угодников Божиих».

Матушка говорила, что плакать нужно только о грехах, а не о бедах и напастях:

— Убиваться? Плакать? Ещё чего не хватало.

Когда умерла сестра Ксения, матушка говорила её дочери.

— Не плакать, не плакать, грех большой! Не плакать!

Хотя, как вспоминает племянница, «у самой матушки скулы сводило от горя».

Матушка говорила:

— Не спеши человека обрадовать бедой, а то несутся, раскрывают дверь: «Танька, твоего отца лошадь сбила!» Можно и по-другому сказать те же слова, потихоньку, осторожно. Нужно беречь людей, а то ведь убить можно человека вестью.

Здесь можно вспомнить случай, рассказанный племянницей матушки:

«Мы ездили на Москву-реку в Щукино купаться. Однажды мои подруги решили пошутить: взяли пояс от моего платья и вот так крутят. Мама побелела, потому что знала, что я уехала купаться. А подружки молчат, головы опустили и крутят пояс моего платья.

Если бы не матушка, то не знаю, что бы там было. Матушка тут же подошла к ним, взяла пояс и говорит.

— Ну-ка, приведите её сюда от тех деревьев.

А я была далеко, и она никак не могла меня видеть. После этого громко сказала:

— Няня[48], идём, сейчас ужинать будем.

И мама, успокоившись, ушла. А потом матушка вышла к этим девчонкам:

— Что же вы делаете? Ведь вы могли убить человека!

— Да мы просто пошутить хотели, тётя Настя.

Матушка подобных «шуток» не признавала. Она жалела людей. Сама горя видела много и старалась утешить, успокоить...»

Для защиты от воров матушка советовала обойти вокруг дома или усадьбы, читая молитвы «Верую» — три раза и «Да воскреснет Бог» — один раз.

Советовала в каждом доме иметь колокольчик. Колокольный звон в помещении очищает воздух, просветляет мысли, улучшает душевное состояние.

«Если что-то пропало и не можете найти, надо читать “Верую” три раза. Если что-нибудь крупное не находите, то читать “Верую” двенадцать раз».

«Если большие скорби у человека или нападения вражьи, надо заказать обедни в трёх храмах одновременно, а в одном из них стоять и молиться».

Вспоминают такой случай: у близких матушки пропал кто-то из родни. Она сказала:

— Закажите три обедни в трёх храмах.

И в тот же день, когда они это сделали, пришло известие о пропавшем человеке.

В трудных жизненных ситуациях советовала заказывать молебны Спасителю, Божией Матери, святым (чаще всего — святителю Николаю, великомученику Георгию), читать им акафисты.

Матушка многих благословляла каждый день читать пятнадцатую главу Евангелия от Иоанна: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь...». Перед началом и окончанием чтения произносить молитву: «Спаси, Господи, и помилуй раба твоего (имярек) словесами Божественнаго Евангелия, чтомыми о спасении раба сего. Попали, Господи, терние всех его согрешений, и да вселится в него благодать Твоя, опаляющая, очищающая, освящающая всего человека. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

«Когда бывают нечистые помыслы, уныние, тоска, — много раз читать молитву «Богородице Дево, радуйся». Господь непременно ради молитв Божией Матери даст мир душе».

[48] Матушка называла старшую сестру Ксению няней, так она нянчила младшую сестрёнку в детстве.

«Не обращай внимания на то, что делается неладного в церкви, наберись терпения. Найди себе духовного отца, который поймёт тебя. Это сразу заметно. Ты сразу почувствуешь, как он тебя слушает, как он вопросы задаёт, как он исповедь принимает. Духовному отцу можно на исповеди рассказывать всё, буквально до подробностей».

«Закрой свой рот получше, на семь замков, как говорят святые отцы, знай свое дело: твори Иисусову молитву, сколько она добра приносит в жизни. Молчание — это Ангельская молитва. Она не сравнится с нашей человеческой молитвой. Помалкивай больше и прислушивайся побольше, потому что от неё (Ангельской молитвы) помощь во всём! Язык мой — враг мой, оно так и есть. Сколько зла и расстройства приносит он в жизни».

«Если мы осуждаем ближнего за какой-то грех, значит, он в нас ещё живёт. Если человек не осуждает, значит, этот грех не касается его. Когда душа чистая, она никогда не станет осуждать. Потому что “не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1)».

Ниже мы приводим ответ матушки женатому мужчине с ребёнком, который хотел оставить семью и уйти в монастырь, чувствуя тягу к монашеству:

— Вот смотри, ты оставишь всё, ты никому не нужен. Ложись — вот подушка-подружка, и всё — ложись один, вставай один. На работу тебя будут посылать. Это такая на душе тягость ужасная! Ты отрёкся от мира. Мир чем прекрасен? Тем, что ты вольный, а здесь — послушания. Говорят: «Иди на грядки». Это день и ночь грядки, а зимой другая какая-нибудь работа. Ведь любишь детей, любишь семью, а надо всё оставить — сумеешь? Сумеешь ли? Но это самый тяжкий крест, когда оставишь детей...

«Чтобы не было гордыни и прелести у православных людей, надо общаться, разговаривать между собой. Друг у друга учитесь. Между людьми происходит маленькое землетрясение. Но «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20), — говорит Господь. Прелесть и гордыня отходят».

О чтении духовном

«Слово Божие — пища для души и тела. В обязанности христианина: не лягу спать, если не прочитаю: одну главу Евангелия; две главы Посланий, начиная с Деяний Апостолов и кончая Откровением святого Иоанна Богослова; несколько псалмов из Псалтири. И так постепенно будет прочитываться весь Новый Завет и Псалтирь, что и нужно.

Как же можно жить по Евангелию, не читая его? Когда мы молимся, мы беседуем с Богом, а когда читаем Евангелие, то Господь беседует с нами, открывая Свою волю, как нужно жить и спасаться. Итак, надо сделать три закладки и читать подряд, а когда прочитаем всё — снова начинать, и так всю жизнь».

ПИСЬМА МАТУШКИ К ДУХОВНЫМ ДЕТЯМ

Письмо матушки к Надежде Васильевне М.

8 февраля 1984 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Надежда Васильевна и милая моя Н. Получила ваше письмо и очень рада, что у Вас в доме народился младенец.

Какие вы счастливые. Когда я была у вас, я его видела (малыша), за дверкой он бегал. Он вам Богом данный. Он остался жив, хорошо, что вы его не убили.

Надежда Васильевна, как он Н. годится. Когда она увидит его двадцатилетним, тогда вспомнит меня: юный красавец, ее сын будет отрада её душе. Он незаметно будет расти. Дай, Господи, Н. доброго здоровья, счастья, радости в её жизни.

Господи, услышь мою молитву! Будет ей счастье от Бога, Сама Царица Небесная благословила её быть матерью этого красавца младенца.

Во-первых, когда женщина родит, то вся обновляется, не будет нервная, но только окрестите, пожалуйста. Когда младенец в доме, то никакое горе в дом не войдёт, потому что с ним Ангел Господень. Не бойся, Н., ничего, к тебе идёт счастье. Она не одна будет растить его, но с Богом. Ему своя судьба, этому младенцу.

Когда нарождается младенец, то в это время и дар Господь дает ему. Милая моя Н., сколько у тебя было в голове дум: или убить его, или пустить на свет. Но молитва милосердия спасла плод твой. Посмотрите на М., у Ю. какой мальчик Д,, ведь сердце радуется на этих малышей. Дай Бог вам здоровья и любви. Я им желаю небесной красоты от Сиона, *Благолепие* красоты его, что они слушают гласа Господня. Так, милая Надежда Васильевна, и тебе желаю, чтоб ты была в почете у своих деток и была бы у внучат милой бабушкой.

Поняла меня или нет?! Прошу понять меня.

Н., окрести младенца своего, и возьми молитву, и приими Святые Тайны, и чтоб у младенца был крест, и, когда будешь пеленать ребёнка, крести его. Сшей ему свивален крестом, свивай его, чтоб не были ножки кривые, пеленай его крепче, мама твоя знает, как сшить свивален, чтоб его пеленать.

Милая Надежда Васильевна, смотри, не ругай Н., так Богу угодно было, без Божьего повеления волос с головы не упадёт, только возьми молитву обязательно. В. или мать твоя, они знают всё. Только не тужи ни о чём. Ходи за мальчиком хорошо, не давай ему плакать. На пупочек клади пять копеек, заверни в тряпочку пятачок и обвяжи бинтиком животик, чтобы пятачок не свалился, а то иногда растёт пупочек, и можешь пальчиком придерживать пупочек и положить тогда пятачок.

Милая моя Надежда Васильевна, помогай Н. Пожалуйста, я тебя прошу, ведь здесь временная жизнь, а там вечность.

Да, Надежда Васильевна, у В. ненадёжный П. В. скоро останется одна. Мне жаль В., как она мучается от болезни.

Ну, вот и поговорила с Вами, мои дорогие, всем привет — В., Л., 3., И. и сыну своему, всем привет. Спаси вас Господи.

Ваша духовная мать

Письмо ваше получила, спаси вас, Господи.

Письма матушки Аполлинарии
к духовной дочери Зинаиде

23 июля 1980 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Милая Зина, прости меня, что я тебе не отвечала долго. Но выбрала время, вот отвечаю на твое письмо. Вот какая мудрёная земная жизнь. Много думать не надо. Господь не мир принёс, а меч — разделить семейных. Свекровь против снохи, а муж против жены. Вот подумай и скажи: ты идёшь в храм, а муж — в кино, и не обращает никакого внимания на жену. Ведь раньше была одна дорога у людей. А сейчас забыли Бога и не думают, что им умирать! Терпеть до конца нам. Враг христиан опять мучает. Претерпевший до конца спасется. Недолго ему быть. Время близко!

Милая Зина, передай привет всем сестрам. Я опять пошла служить в свой храм. Опять на своё место регентом. У меня хор — 25 человек. Работаю или служу через день. Но далеко ездить. Здоровье очень слабое, кашель забил. Вас не забываю. Не думала пойти служить, а Господь благословил. Немного пройдёт времени, буду писать опять вам письмо. А сейчас очень некогда, большая забота у меня. Готовлюсь к празднику Введения во Храм Пресвятой Богородицы и престол. Не обижайтесь на меня, мои дорогие.

Желаю вам дружбы, согласия. И пусть Матерь Божия введёт твоего С. в разум. До свидания,

ваша сестра Аполлинария

1 декабря 1980 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, шлю я тебе благословение и желаю тебе большого счастья и здоровья, моё незабываемое дитя. Прости меня, что долго тебе я не писала. Я была на даче и очень далеко, оттуда не напишешь, кругом лес дремучий. Как ты живёшь, моя умница, любимая моя? Я никогда тебя не забуду, где бы я ни была. Я за вас отслужила обедню и прочитала заздравную Псалтирь, чтобы вам в жизни было легко, и желаю крепкого здоровья.

К нам в Москву наехали 160 держав. Такая благородная публика, и могут говорить по-русски, и одеты так шикарно. Но дождик не даёт им разгуляться. Везде гремит музыка, обеды для них шикарные. Ликуют вместе с ними и наши герои. Вот, может тебе не интересно, что я пишу? Ну, я думаю, что это письмо не последнее.

Милая Зина, дорогая моя, возьми свой платочек у Вали. Как жаль, что я забыла его. Просто я торопилась. И вот сейчас передо мной книга «Страдания святых». А сейчас власти нас не мучают, а от детей страдаем — пьют вино и обижают матерей! Это полное гонение от лукавого. Как он ненавидит верующих. Но в книге пишется: за один час страдания — триста лет блаженства, от кого бы ты ни пострадала!

А теперь передай всем сестрам, кого я знаю, моё благословение. Да хранит вас Господь.

Мать Аполлинария

19 июля 1981 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо, прослезилась. Не могла больше молчать. В 10 часов пришла из храма усталая, но буду писать. А завтра идти опять утром рано, 22-е по-старому, а по-новому 4-е июля.

Пишу, милая Зина, разве я могу вас забыть? На век мой не забуду вас. Ох, сколько страдания у верующих. Ведь у всех скорби. Вот, слушай: имей твёрдую надежду на Бога. Возводится к Нему и просвещается сиянием вечного света. Не каждому даются такие скорби, как у тебя. Здесь временное, а там — Вечность!

Милая Зина, ты знаешь, за кого терпишь! Великая тебе награда на Небесах. Вместо боя увидишь Христа. И скажет. «Отведите эту страдалицу в Мой покой, где небесные Ангелы будут петь райские великие напевы!» Окружат тебя мученики, которые пролили кровь за Христа. И ты будешь с ними вместе. За один час страдания — 300 лет блаженства!

Господь наш Иисус Христос говорил: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23. 34). Так и ты. Твой С. не знает, что творит. Какой же он несчастный человек! Но ты ему всё прощай. Он уже на земле горит в пламени неугасимом, и червь гложет его душу. Если б он знал свою участь, он бы тебя никогда не обидел. Зина, ведь мир во зле лежит. Сколько убивают жён, матерей? Но пусть эти скорби идут от Бога, но не от человека. Господь даёт тебе терпение. Но я скажу тебе прямо, что ты любишь своего мужа наравне с Богом. Положи на сердце Христа, чтобы так не любить мужа. Понятно тебе? Поэтому у тебя идёт борьба с дьяволом. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37), — сказал Христос. Двум господам не можем служить, кого-нибудь откинем, — пойми хорошо и разберись. Мир душевный приобретается скорбями. Да пусть мир будет Господень с тобой!

Но не долго будет такая жизнь у тебя. Скоро всё изменится, не грусти.

Вот, кончаю своё письмо. Передай всем моим дорогим сестрам, кого я знаю. Отпуск мне будет в сентябре. Ещё работать долго, но я устала. Благослови тебя Царица Небесная!

Мать Аполлинария

21 июля 1982 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогие Зина и С. Шлю я вам большой привет. Желаю вам в дом счастье. Как вы там живете, мои дорогие? Я очень полюбила вас, вашу простоту. Я посмотрела на работу С. и его старание. Зина, уважай его. Он у тебя прекрасный человек, слушай его. Всё Господь устроит. И не забывай больную тётю. Дай Господи тебе здоровья. Хоть иногда пойдёшь в храм, проси неотступно Матерь Божию, она всё устроит. Я в настоящее время нахожусь в деревне на Дону, где я родилась. Всё прекрасно: лес, луг вокруг Дона. За грибами хожу. Моя дорогая, писать много не могу, очень занята делами. В Москву приеду — напишу вам откровение. А сейчас желаю вам в дом мир, тишину, здоровье и счастье!

Ваша мать духовная

27 декабря 1982 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо, за которое тебя благодарю. Милая моя Зиночка, смотрела я на фото, и горько мне стало. Я очень плакала. Эти лица скорбные. В это время зашла ко мне знакомая, умоляла меня читать Псалтирь. У неё внезапно умер молодой сын. А я ей не отвечаю ни слова. Она смотрит на меня и на фото. Она говорит: кто это? Я говорю: «Это мои дочери духовные. Они сперва все в молодости любили мир и то, что в миру. А теперь избрали себе терновый путь. И вот они идут, печальные и больные. Ищут себе врача, кто бы им помог?»

«Приди ко Мне, мой сын усталый. Приди, печальный и больной. Приди, все язвы будут вскрыты. Приди, Я дам тебе покой! Приди из мрака заблужденья. Приди с раскаянной слезой. Приди, все язвы твои вскрою. Приди, Я дам тебе покой!»[49].

Я ей говорю: «Видишь этих людей, как они устали под тяжким Крестом? Как тяжело нести Крест Христов?» Куда девалась ваша красота? Неужели Небеса вас так сильно изменили? Но ты, милая Зина, ещё не увяла! У тебя духовная красота сияет! Ведь я тебе писала: за один час страдания триста лет блаженства. И ты получишь! Ты говоришь: «Мало я молюсь», но ты в сердце имеешь Бога. Ты без Него никуда. А это и есть молитва. К Богу один шаг земной — тысяча верст к Богу пройдёшь. Пойми! Иди, в дороге читай «Богородицу». Потом этот путь будет бесконечно усеян цветами. Это будет дорога твоя, это твой путь, когда пойдёшь к Богу на поклонение, милая Зина. Это временно, а там Вечность нас ожидает. Внушай людям веру. Если хоть одного человека обратишь к Богу, ведь знаешь, что за это будет? Приведёшь человека ко Христу, какая радость тебе будет, дорогая моя дочь! Я так рада, что ты у меня такая умница, понимаешь духовную жизнь! В одно время я зашла в алтарь, то есть за престол. И там развернула «Поминание» из Одессы, где вы все написаны, и стала вас поминать о здравии. И думаю: «А что ж они делают в это время, когда я за вас молюсь?» Но вас у меня много записано. И так стало на душе легко, как будто я у вас побыла и со всеми с вами я виделась. Так душа моя подсказала. В этом году я, наверное, к вам не приеду. Отпуска мне нет и не дают. У нас в будние дни очень мало народа бывает, человек сорок, не больше. А в праздник руки не просунешь! Храм у нас очень большой. Я ещё руковожу хором, и Апостол читаю, и шестопсалмие читаю. У нас сперва утреня, потом литургия, потом молебен, потом панихида, потом отпевание. И я настолько устаю. До трёх часов дня служим, замены нет.

Ну, всё. Благослови тебя Господи, моя дорогая Зина.

5 февраля 1983г.

---

[49] Дубинин М. Приди ко Мне // Русская духовная поэзия,- М., 1996.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо, но не огорчилась. Пьянке приходит конец, потому что больше нет возможности жить с пьяницами. Всех их убирают. Москву так чистят, что нет возможности. От магазина сразу берут двадцать человек и в машину. Вот настала в Москве жизнь. И очень много выслали из Москвы сейчас. Не только ругаться, а надо жить в мире. И до вас это, право, дойдёт, милая моя дочь. Голубушка моя, я очень скорблю о вас. Но ты не должна огорчаться. Из дома не должна уходить. Если тётя совсем лишена ума, то на время положи в больницу, а там будет видно. Но пока не клади в интернат, воздержись. Господи, Отец Небесный, помоги своей овечке всё пережить! Ведь мы не знаем, что грядущий день готовит, вообще часы, минуты. Страшно жить на свете! Ведь ты всё знаешь. Земное мытарство — ты его проходишь. Но час близок, Зина, молись. Враг на тебя восстал. Крепись, моя милая Зина. Скоро у тебя всё кончится. Я желаю твоему С. здоровья. Я боюсь за него, что он будет слепой. Вот тогда будет горе большое. Но молись. Он сам себе не рад, что он делает.

До свидания, моя любимая дочь. Желаю счастья.

29 декабря 1983 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая, незабываемая Зина, с Новым годом и с новым здоровьем! И с Рождеством Христовым! И поздравь своего мужа, А.-мученика. Он не живёт, а только мучается. Мира в семье нет. Это очень горько. Тебе этого не понять — мужской натуры. Левая сторона и правая — две руки. Но человеку нужны обе руки. В доме вы оба нужны. Осталось жить так мало, но мы этого не понимаем. Нас ждёт другой мир. Я тебе сколько писала, один час — триста лет блаженства. Но мы не хотим пострадать даже двадцать минут. Ты терпишь, знаешь, за что. И за это получишь награду. А они не понимают этого. Когда Илья Пророк предсказал, что три года и шесть месяцев не будет дождя, его хотели убить за это. Так и сейчас. Готовы нас проглотить. Люди не знают путей Божиих. Мы здесь проходим мытарства. Им кажется, что мы их замучили во всех отношениях. Господи, помоги нам! Зина, читай сорок раз «Богородицу», но из дома никуда не уходи. Живи дома. За тётушкой ухаживай и не ропщи, что как ты плохо живёшь. Ты здесь в гостях! Если есть средства, служи чаще молебен «Всем Святым». Они о нас молятся.

До свидания, милая Зина.

29 января 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо и очень тебя благодарю. Всем от меня привет, моим дорогим дочерям, ведь я люблю вас. Я вас имею двенадцать дочерей, самых любимых. Ты пишешь о своём муже, что он болен. Дорогая моя Зина, Бог поругаем не бывает. Придётся твоему С. расплатиться за всё. Это не так просто у жены на глазах делать грех. Всё взыщется! Насчет И.: не отгоняй его, он сам не знает своей судьбы, он ещё молод, он не созрел к вере. Но

он вернётся ко Господу с раскаянной слезой. Ты его не ругай. У него душа рвётся к Богу. Он много испытал людей, вот и вернулся к жене. Но там ему не жить. Зина, всё ещё на пути встретишь — и хорошее и плохое, ведь это жизнь. Всё надо пройти. Это земное мытарство! Дочь моя милая, пишу о В. Она разучилась писать мне письма. Ну, что делать? Свой ум не дашь! Она забыла, сколько мне лет, на меня имеет обиду. Мне на девятый десяток, и я ещё, Богом хранимая, благодарю Господа за Его ко мне милости. Семьдесят лет труд и болезнь. А посылки шлю напоследок своей жизни. Ведь чем благодарить вас? Моя дорогая Зина, приедешь ко мне и похоронишь меня, скажешь, вот наша мать духовная отмучилась! Зина, ты помнишь Т., которая с нами ездила в Почаеве на горку? Она сейчас живет у меня, хочет устроиться в Москве. Вот об одном буду просить тебя: всем прощай обиды! Ты уже наставница духовная, пойми: Кому ты служишь, и Кто перед тобой, и Кому ты отдаёшь своё сердце, и к Кому ты пойдёшь, и Кому за каждый день отдаёшь отчёт? Почему я вам велела читать «Христос Воскресе»? Потому что вы все грехи покроете Его именем!

Хорошо разбери моё письмо и вложи в свой ум. Голубка моя небесная! Обнеси свой дом со всех сторон крестом и молитвой. Ты не знаешь, что родит следующий день! Тело наше — дом, который надо беречь. И не делать в нём неподобные вещи. Не зажигай в нём огня ненужного. Это есть — гордость! Тело наше — прах, а душа за всё будет отвечать!

Представь себе, когда злишься и бываешь сердитая, кому это нужно? Это нужно только сатане! Записать, что в твоём доме творится, для отчета. Наше тело — оно мёртвое. Возьми руку, спроси её что-нибудь? Она тебе ничего не ответит! Вот, Зина, пойми меня как мать духовную. Желаю тебе, пока живёшь в своём доме, будь умница!

Целую,

мать.

Дом — это наше тело! Ещё раз прошу, пойми меня. С. твой — временный жилец. Его скоро не будет — будешь одна.

1 октября

+

Дорогая Зина!

Получила всё: письмо и открытки, за что благодарю вас, мои дорогие. Я вас всех обнимаю и целую: Зину, Валю, Леонида и всех сестер и дорогого твоего мужа А. Я вас благословляю всех. Зина, ведь какая я старая, плохая, но вы, мои дорогие, милые птенцы, Голуби Небесные, нет слов сказать для вас. Господи, облачи вас в ризу спасения и вечной славы! Я помню, как ты меня в пещерку тянула, я ведь совсем застряла. Но ты, моя дорогая, изо всей силы тянула меня. Ведь на тебя только надеялась, ради тебя была в пещерке, дай, Господи, тебе счастья за меня и здоровья, моя милая. Если б ты знала, как я тобой довольна. Храни тебя Господь во всех путях твоих!

Вот сообщаю, я приехала, многие пришли ко мне. Я одной даю подушечку и говорю ей: «Положи её под голову!» — и дала ей водички и масла. А на пятый день она умерла. Внезапно, 55-ти лет. Легла и не встала. И ей эту подушечку положили под голову. Как она меня ждала! Говорила, ну почему она не едет, милая наша матушка? Вот и дождалась. Научила читать «Христос Воскресе». Сколько она прочитала, мне не известно.

Я очень рада твоему письму. Я за вас служила обедню в своем храме. Но мне очень уже ездить тяжело. Метро и автобусом я езжу в Богоявленский собор — один транспорт. Всё, что я всем оставила, — молитвы, может, напоследок. Я себя чувствую неважно. Мне сказали, тебе только в Одессе жить — климат хороший, тёплый. А я приехала, — а тут холодно. Сразу стали ноги ломить, нет сил.

До свидания.

Ваша мать духовная

Без даты

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо, за что и благодарю. Получила в 10 часов вечера. Пришла со службы, в субботу пели 4-й глас, тропарь «Светлую воскресения...». Эта суббота — Сергиев день, милая моя и дорогая страдалица Зиночка. Один час страдания — 300 лет блаженства. Ты гонима за Христа. Слёзно молись Богу Спасителю, чтобы его обратил Господь к вере. Я тебе писала всё, ты должна понять меня. Ведь это попущение Божие, Господь попускает тебя мучить. Если ты будешь просить со слезами — просящему даётся! Всё проси так: «Господи! Ты принял крестную смерть. Я гонима за тебя. Так обрати же моего гонителя к Себе. Пожалей меня бедную, грешную мою душу, и спаси нас». Всегда смотри на небо, откуда идёт помощь Божия.

Милая Зина, передай привет всем сестрам, кого я знаю: Анне, Вале, Тане, — одним словом всем! Спаси тебя Господи, далёкая ты моя. Как я хочу с вами беседовать! Но не ровняй никого с Богом. Люби Его всем сердцем. У тебя будет большая перемена в жизни. Уповай на милость Божию. Господь тебя не бросит. Ты говоришь, что лампада не горит? У тебя свой храм Христов в сердце и у тебя всегда горит лампада! Помни мои слова.

Ваша мать Аполлинария

9 февраля

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина, получила твоё письмо, за что и благодарю. Получила в 10 часов вечера. Пришла со службы, в субботу пели 4-й глас, тропарь «Светлую воскресения...». Эта суббота — Сергиев день, милая моя и дорогая страдалица Зиночка. Один час страдания — 300 лет блаженства. Ты гонима за Христа. Слёзно молись Богу Спасителю, чтобы его обратил Господь к вере. Я тебе писала всё, ты должна понять меня. Ведь это попущение Божие, Господь попускает тебя мучить. Если ты будешь просить со слезами — просящему даётся! Всё проси так: «Господи! Ты принял крестную смерть. Я гонима за тебя. Так обрати же моего гонителя к Себе. Пожалей меня бедную, грешную мою душу, и спаси нас». Всегда смотри на небо, откуда идёт помощь Божия.

Дорогая Зина, получила твоё письмо и очень тебя благодарю. Да, я очень мало стала писать всем, потому что далеко живу от храма. Как выйду из дома, сперва пешком, потом метро, потом

автобус, потом по кладбищу, и так устаю, что приду домой и лягу. И не могу встать. Вот как устаю. До трёх часов в храме, да дорога, так весь день и проходит. Два дня в неделю имею отдых. А ведь я очень слабая и больная. Но хоть напоследок своих дней послужу. А тут надо и помолиться Господу. И вот исчезают дни, как тень уходят. И я считаю, что я уже там, в далеких пределах. Как говорится: сегодня я с вами, а завтра отхожу от вас! А ведь вы все мои дети, жаль мне вас. Не могу вам передать всё, что я знаю. Ведь всё умрет. Милая моя Зина, мы все плывём постепенно к своей цели. Спим, или сидим, или идём, или служим, ругаемся или молимся, а мы всё дальше от берега плывём. Сперва видим поля, усеянные цветами. Посмотрели и ушли. Вдруг кончились цветы, проходим поля. Затем видим овраги, ямы, неприятное, а там видим гадов. И опять плывём незаметно. Потом видим храм. Уходим из него. И опять суета, томление духа, и мы опять в дороге, и опять плывём, избегаем зла. Разбери, сколько перемен в жизни, и всё проходит, и всё остается позади. А корабль наш всё несётся к своей цели. Сердце наше окружено телом, как охраной. Но всё же до него добирается враг и ранит его. Не даёт ему спокойно жить. Да попробуй, поживи спокойно. Нет, не даёт. Всё его тревожит. Кто поймёт правильный путь земной? Разве мы здесь вечные? Нет! Мы уходим в другой мир безвозвратно. Никогда больше сюда не придём. А что будет нам в новом мире, мы не знаем. Заявил муж своей жене развод, но не подумал он, что сказал. Нет, это не он, это не его слова. Это наваждение *диавола*! Проси: «Небесный воин, Архангел Рафаил! Тебе даден дар исцелять неисцелимых! Исцели язвы души его!» Иногда у человека умирает ум. А помыслы лукавые живут. Вот твоя жизнь какова: тяжела и горька. А твой корабль всё плывет к одной цели. Но терпи. Там увидишь вместо гадов покой, чистое поле, усеянное цветами. Вспомнишь меня и там, дорогая моя дочь Зиночка, Милая, дай тебе Господи перенести всю злобу вражью. Ведь он тебя хочет поглотить за Христа, ведь ты истинно веришь во Христа. А враг не любит, кто верит Господу истинно. Ограждай себя всегда крестом и за него (мужа) молись, чтоб он не пропал. Всегда говори: «Господь с тобою; что ты говоришь» — и призывай на помощь своего Ангела. Ставь за С. свечу его Ангелу, освящай его. Да спасёт его Господь. А то они погибают, у которых ум помер.

Опиши, что с А., у которой большие волосы? Передай привет моим дорогим дочкам духовным. Благослови вас Господи.

Ваша мать Аполлинария

Спаси вас Господи.

4 ноября

+

Казанская Матерь Божия, спаси нас!

Дорогая Зина, как ты живёшь, моя любимая? Пишу о себе: таю, как свеча, не знаю, что будет дальше? Если умру, вам сообщат. Прошу, не забудь тогда меня. А может, и никого нас не будет. Видишь, какая жизнь настала? Боимся, каждый день угрозы. Зина, молись, чтобы не было катастрофы. «Горе, горе, горе живущим на Земле!» (Откр. 8, 13). Шлю тебе молитвы за аборты. Может, кто умолит своих деток. Жизнь короткая настала, спасайся, кто как может! Передай всем сестрам привет. Но, если буду жива, приеду в Одессу, может в последний раз!

До свидания, моя дорогая Зина.

Мать

18 августа

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина. Получила твоё письмо, за которое тебя сердечно благодарю. Я не огорчилась, что у тебя такая в семье неприятность. Ты ни в чем не виновата, если враг вошел в твоего супруга, чтобы погубить тебя. Ненавистник всей нашей породы, он готов поглотить нас за веру Христову. Ведь двум господам не служат. Чем больше приближение к Богу, тем больше будет нападать. Господь принёс в мир меч, а не мир! Жена идет в церковь, а муж идет на собрание партийное. Где же будет мир, откуда? Рак, лебедь и щука! Лебедь к небу, щука на дно, а рак под камень. Вот сейчас не одна дорога у людей. Хорошо подумай об этом. Бери всегда благословение, сама знаешь у кого. Разрешит — читай, а не разрешит, то не читай... А одно нужно понять: от битой коровки молока нет! Здесь временно, а там — вечность! Господь сказал: «Не бойся, христианская душа, Я всегда с тобой!» Я не нашла в тебе вины никакой, дорогая моя Зина. Милая моя дитя, дай Господи тебе здоровье! Пусть изольёт на тебя Христос бальзам, как на мученицу Варвару! Да возрадуется твоя душа приближением Господа! Что б с тобой ни случилось, всегда проси у Господа защиты. Он твой Создатель, Он твой Искупитель, ты — Его дитя! Желаю тебе, чтоб всё перенести в жизни. Там наша доля и Вечность! Всё здесь временно: и мать, и дети, и муж. Всё отойдёт. А сейчас только для покаяния мир оставлен Богом. На обижающих Господь может пролить Небесное утешение. У нас есть заклинание духовное против змея-дьявола — имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная! Говорит он заклинание сие, и не только гонит дракона из норы его и ввергает в огонь, но даже исцеляет от нанесённых им ран. Имя Иисуса Христа страшно для демонов!

Прочитай со вниманием это письмо. Теперь пишу, прости, что долго тебе не отвечала. Я была на даче. И вот, увидела твоё письмо в первый Спас. Видишь, как долго жила в дремучем лесу? Там такая глушь, никого нет. И письма туда не доходят. И вот теперь я дома, то есть в Москве. Милая моя Зина. Ведь я так люблю тебя, ведь ты такая милая, не нагрубная дитя. Я твоё фото буду беречь, как будто ты со мной и твоя семья. Лежит фото у меня на столе. Я смотрю на кошечку и на умную твою защитницу. Ведь какая славная собачка!

Ну, вот поговорила я с тобой от души, а теперь целую.

Мать

21 октября, ноября

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Зина. Получила твоё письмо, за которое сердечно благодарю. Из твоего письма узнаю, что мир побеждает святыню. Милая Зина, одно только нужно: кротость, терпение и мудрость. А иногда бывает так: приходит лукавый в образе человека, и не поймёшь, кто он? Даже и муж. Разве узнаешь, что на нём нет креста. А он так обольстит, что и не подумаешь. Но если человек не захочет грешить, враг его не заставит насильно принять на себя грех. «Упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (Еф. 2, 15-16).

Милая Зина. В нас два духа, и, сказать, — два друга — тело и душа. Плоть гниет, требует всё земное, а душа стремится к Богу, ей ничего не надо земного. Вот заставит тело и душу примирит. Но кому это будет дано. Это очень трудно. Отцы святые побеждали плоть. Плоть была в подчинении заповедей. Только я скажу, когда мы покинем мир, то увидим, каких мы благ лишены были. Сколько вражды в мире! Суета сует! Самое главное — беги от зла! Беги куда глаза глядят! Нам надо совсем кроткими быть и не приобщаться чужим грехам. Отходи ото всех. Всех солнце не обогреет! А мы ещё далеки от спасения.

Приобретай побольше сестер. Вкладывай в уши неверным, проповедуй больше Христа. Обрати ко Христу хоть двух человек и увидишь райские селения. Небесные врата не закроются от тебя вовек,, если ты приведёшь ко Христу двух человек.

Милая Зина. Спасибо тебе за память, любимая моя. Хоть ты и далёкая, но душа моя с тобой. Ты живёшь в моем сердце! Зина, я у себя посмотрю в тетрадях, что-нибудь тебе вышлю, какое-нибудь писание. Летом обязательно приеду к тебе. Не к тебе лично, но ко всем вам. Передай привет всем, кого знаю. Мне хочется узнать, служит ли в монастыре батюшка Арсентий и живы ли Серафим схимник и Адам?

Милая Зина. На твоё письмо я тебе ещё дам ответ. Спешить не буду. Я должна попросить Всевышнего о твоей жизни. А потом напишу тебе письмо. Молись Семистрельной Божией Матери. Это означает много страдающую Божию Матерь. Она в скорбях защитница наша!

Ну, вот и поговорила.

Мать Аполлинария

Письма матушки Аполлинарии к духовной дочери Ларисе

13 ноября 1983 г.

На конверте: *«Это письмо прочти сестрам, пусть подумают о своём спасении. Матушка»*

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, даю вам ответ на ваше письмо, что вы меня знаете очень хорошо, милые мои дети. Вы мне все дороги, храни вас Господь! Вы пишете, чтоб я приехала. Да, жива буду, приеду обязательно. Милая духовная дочь Лариса! Я желаю тебе, чтобы ты от меня научилась духовной жизни. Ведь вы ещё молодые, вам это нужно, необходимо знать. Здесь временно, а там — вечность! Надо уметь прожить данный нам век. Сколько ни живи, а домой собирайся навсегда! Но что понесём с собой? Если греха не делали, то мысли были неспокойные, грязные. А туда ничто не войдёт загрязнённое. Сейчас век атома. Очень мы все злые. Ведь никому не уступим ни в одном слове — ни старому, ни малому.

Тайны Христовы, или Причастие, надо два раза в месяц обязательно принять. Жизнь ненадёжная — встанем или нет?

Семь Таинств: 1 — Крещение; 2 — Миропомазание; 3 — Исповедь; 4 —Причащение; 5 — Соборование; 6 — Венец. А седьмое — это священство. И все семь называются Таинства, и в том числе — монашество. Вот эти Таинства надо пройти обязательно. Если какого Таинства нет, то очень плохо будет душе — мытарства не пройдёт!

Милая Лариса, спроси себя: «Скажи, душа моя, как ты веруешь в Создателя, Господа нашего Иисуса Христа?» В тепле находится душа или в холоде? В каждом доме гнев и зло. Разве мы любим друг друга? Мы ненавидим. Нам очень тесно жить. А раньше восемь, или девять, или двенадцать человек жили в одной избушке и дружили, мир был. На что мы надеемся?

А дни проходят незаметно! Если сосчитать, сколько наше сердце было злое, — это нельзя описать. Где покой? Его нет! Если наш светильник гаснет, где взять масла зажечь, чтоб он теплился? Как мы далеки от спасения. Очень трудно заставить себя молиться. Делай да и молись. Молитва со слезами омывает душу. Но где его взять — это орошение? Когда не поливаешь огород — засуха, то откуда будет урожай? Так и наша душа — она засохла ведь. За один час страданья — триста лет блаженства!

Милая Лариса, у меня в храме пропала палочка, и я её нигде не нашла. Пропала. Одна старушка мне говорит: «А ты отдай её Богу! Скажи: «Возьми, Господи, мою палочку в жизнь вечную! Она тебе там сгодится!» Сперва я не поняла, а потом догадалась. Там тоже на что-то надо опираться, и она мне пригодится. Всё туда надо отсылать. Там нам вечно жить.

Пойми, милая Лариса, раньше пускали ночевать, а сейчас боятся, что обкрадут. Хоть на снегу ночуй, а в дом не пустят. Закроют на замок, да и всё. Будут люди, и их много будет, они назовутся «Небесные Голубки». Будут им завидовать, полезно нам до них дойти. Господь их встретит. Наша В. верует, это хорошо. Но вот суета кругом. Мне её жаль. Только станет на молитву, а там внук плачет. Очень трудно спастись, а «лукавый» от нас не отходит. Вот кончится день, и вечером сочти: что делала, сколько греха положила за один день? Если ты не ругаешься «чёрным» словом, то люди вокруг тебя ругаются, а ты, слушая всю гадость, читай сорок раз в день «Богородицу», обязательно Иисусову молитву читай, не отвлекайся ни на что, клади в копилку, что можешь, — это духовная благодать. Потом всё получишь втрое! Ты молодец у меня, догадалась прислать мне письмо. Только читай со вниманием и разбери всё, что я пишу, несколько раз прочти. Готова ты на такой подвиг или нет? Не со всяким человеком вращайся, сократи беседы неполезные, много не думай ни о чём. Господь всё устроит тебе, если ты будешь к Нему тёплой. Оставайся Богом хранимая.

Мать

28 марта 1984 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, получила твоё письмо, за которое тебя благодарю. Во-первых, пишу, что я обещала, я выполнила. Но напиши мне хоть десять слов, моя дорогая... Будь хранима Богом! Ты изо всех моих дочерей проявила любовь ко мне. Спасибо тебе, моя любимая. Я так тебя полюбила, что не могу тебе описать... Простая твоя душа, детская. Не забудь только одно: что ты сделала — всё для себя. Это всё твоё в будущей жизни. Вот как я тебя оценила. Изо всех простая твоя душа. Ещё раз прошу Царицу Небесную за тебя: «Матерь Божия, сохрани рабу Божию во всех путях её, и прости её за земную жизнь греховную, что она согрешила пред Тобою за прошлые годы!» Вот я чего тебе желаю, моя любимая. Ты обогнала всех моих дочерей. Они всё забыли, дай им Бог здоровья!

Теперь пишу о себе. Меня обокрали. Все вещи унесли хорошие. Миша лежит в больнице. Сердце отказало — инфаркт. Обокрала его любимая. У нас сейчас большое горе. Враг не дремлет. Делает свои козни для меня. Скажи В., если умрёт Михаил, я вам сообщу. Но я сейчас

плохо вижу от слёз. Я совсем слепну. Сердцу не прикажешь. Всем привет моим дочкам. Не пишет моя рука. Горько мне. Когда я проводила тебя, я сильно плакала, как будто я с тобой жила всю жизнь. До свидания.

Шлю тебе молитву и стих. Молись, проси Бога. Жить нам мало осталось. Здесь временно, а там — вечность. Если сумеешь, то напиши другим сестрам стих. Пусть поют этот стих и читают молитвы. Всё, что сделаем в земной жизни, то всё будет перед нами.

Вере передай большой привет. Может, напишу ей письмо. Мне сейчас тяжело. Даже не могу высказать. Ну всё. До свидания, моя любимая Лариса. Осторожно перепиши и отдай Вале, чтоб осторожно было, но перепиши всё. Получишь себе благодать. До свидания.

1 мая 1984 г.

+

Вознесение!

Пишу письмо. Получила от тебя письмо и даю ответ. Очень я огорчилась на твою жизнь. Ведь у всех у нас горе, нет радости ни у кого, кто б порадовал меня своей жизнью. Как горько читать письма, когда у вас на душе печаль! Милая Лариса, когда ты была у меня, я на тебя радовалась. Какая ты у меня прекрасная, моя дорогая Лариса. Как тайно посещает нас неудача. Ведь не привязаны, а визжим! Как цепями прикованы, и не оторваться. Прах наш мучается, но душа радуется. Всё по грехам дается нам, грешным, Лариса.

Передай привет В. Она должна куда-нибудь выехать ото всех грехов. Пусть она отдохнёт, всё равно не угодит никому. Но муж ещё помучает В. Он ещё сильный. Живёт за счет силы своей.

Милая Лариса, я тебе послала посылку апельсин. Как получишь, хоть в два слова дай ответ, что получила. Л., узнай, можно купить «курсовку» или нет, и напиши, сколько жары у вас.

До свидания, моя любимая.

2 мая 1984 г.

+

Христос Воскресе, дорогая Лариса!

Получила твоё письмо, за которое благодарю. Ты, Голубка Небесная, ты успокоила меня. Я теперь хоть спокойно усну.

Любите Бога, любите ближних, как самих себя... К истине нелицемерно идти по пути Господнему. Несказанная награда от Господа за правду. Покрывается лес зеленью, пришло лето. Вот ждали и ждём отрады от Господа распятого. То будет вечность и без конца блаженства. Дай, Господи, тебе получить блаженство и здесь, и в будущей жизни. Я, Лариса, так полюбила тебя, моя милая, как кровную дочь!

Да, пару слов о Вале — очень простая и милая, добрая. Дай ей, Господи, здоровья! Она не сердитая, славная дочь, но как там у неё, я б хотела знать. Я ведь её люблю. Передай ей привет... В. не надо забывать, ведь она мученица. Лариса, не забывай её. Она не имеет отрады в жизни. Вот что делают наши дети. Если б у неё отнять эту скорбь. Но она у неё тройная. Милая

Лариса, я приеду, обязательно приеду. До монастыря, может, добуду «курсовку». Милая дочь, узнай, можно ли достать «курсовку». Напиши пару слов или узнай у Веры. Напиши мне. А если нет, то я буду лично ходить[50], как и раньше.

До свидания, моя дорогая Лариса. Всем сестрам привет.

Ваша мать духовная м. Аполлинария

16 июня 1984 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, я посылаю тебе посылку. Ты её сбереги. Я не могу иметь при себе тяжёлые вещи. Я выезжаю 19 числа в 7 часов вечера. Еду в Одессу. Пожалуйста, сбереги апельсины, потому что я, может, буду заказывать обедню и положу на канун. А мне очень тяжёлого носить нельзя. И я решила выслать тебе посылку. У тебя, я знаю, всё будет целое. И я приеду — у меня будут апельсины. Да ведь наступает пост. Бог даст, увидимся. Дорогая Лариса, выполни, больше некому доверить, а на тебя надеюсь. Долго решалась выехать и наконец собралась. Если сможешь, встречай: 23 поезд, 4 вагон. Высчитай, когда он будет. Выезжаю 19 числа, в 7 ч. вечера.

Мать

11 сентября 1984 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая моя, милая Лариса, незабываемая дочь. Сколько в тебе доброго, моя милая умница. Я доехала так легко, что очнулась дома. Во-первых, пишу за подарок Михаилу. Так был рад, что даже навернулись слёзы: «Вот, мол, мать, какая добрая и верующая! Ведь надо меня вспомнить ей? Ведь ни одна твоя дочь не вспомнила меня, а она как родная моя сестра. Дай ей Бог счастья за память обо мне». Очень доволен. Милая Лариса, когда я приехала, квартира была открыта. Да что ж такое? Мне говорят: Михаил дома. Он взял, расколол окно и влез. А потом вставил. Это во-первых. А потом устроился работать рядом. Вот я и начала делать уборку. Вот три дня прошло, а я ещё не всё убрала.

Ещё опишу: по дороге со мной ехал мальчик. Как же он на меня смотрел! Откуда он взялся — не знаю, и у него нечего было поесть. Я с ним делилась. И мы ехали до Москвы. Это, видимо, аборты. Вот такой был. Голодный. Всю дорогу молчал Так ничего мне и не сказал, только смотрел на меня и благодарил глазами.

Скажи всем спасибо. Я, когда вас проводила глазами, горько заплакала в вагоне. Правильно, что вы наречённые мои дочери. Когда переедешь в комнату, освяти водой и сама помолись. Стол накрой белым, положи Евангелие, налей святой воды и поставь крестик, ты уже знаешь, как!

---

[50] Лечить ноги.

Любе передай привет, Вале, Петровичу привет, всем сестрам, Валентину, его брату Леониду, Анне, и также Вере. Да благословит вас сама Почаевская Матерь Божия!

Всем вам здоровья.

Мать

25 сентября 1984 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, получила твоё письмо, как будто с тобой увиделась. Милая, дорогая, умница, неоценённый человек. Ведь твой И., он не знает твою душу, какая она божественная, высокая, духовная. Нет слов. Умница, справедливая, райский ребенок. Я хотела бы видеть тебя в Райских селениях. Везде и всюду будь счастливая в земной жизни. Господи, услыши мою молитву!

Я буду тебя просить вот о чём. Одна женщина приходила ко мне. Зовут её Дарья. Вот её адрес. Написала я ей три письма, но от неё ни слуху ни духу. Надо писать почтовые номера, а то не принимают, отсылают назад. И ещё просьба: позвони по телефону 3. Она забыла думать о детях. Скажи ей по телефону, пусть она напишет мне письмо, чтобы ей молиться за детей. У неё семь человек. Я её просила хоть за одного помолиться. Но три письма послала, а ответа нет. Пусть она сходит, возьмёт молитву за детей. Милая дочь, постарайся, выполни, моя любимая.

Я сходила в свой храм. Пришла, регента не было. Я руководила хором. За вас служила обедню заказную, за двенадцать духовных дочерей. Вале буду писать, если Люба поедет, пусть только не везёт арбузов. В Москве винограда и арбузов много навезли. А то Люба замучается, а тут полно.

Пишу тебе, моя любимая. Попроси Любу сшить мне два платья, если у неё будет время. Я ей вышлю материала на два платья. Напиши, если она сможет сшить, я ей заплачу хорошо. И так, как она сшила тебе. Ты стояла в этом платье как игрушечка. Ведь так хорошо оно на тебе сидело, мне очень понравилось. А она, если возьмётся, то пусть сошьёт на себя. Она высокая, как и я. Прошу, пожалуйста, попроси её. Может, и я в чём сгожусь ещё.

Пишу об одном. Когда пойдёшь в свою келию, не забудь, неси наперёд буханку хлеба, не забудь и соль, и ещё иконочку, чтоб ты была всегда сыта, моя дорогая. И ты никогда не будешь болеть. Моё тебе *благословение*! Сделай себе уголок, чтоб твоя душа всегда радовалась.

Где б я ни была, но тебя, моя милая, не забуду ни ночь, ни день. Пусть тебе будет благодать от Сиона, благолепие красоты его. Этот Сион — Царство Самого Христа.

Вот я проснулась в 4 часа утра. Из облака появился свет. Я думала — месяц. Но не знаю, что такое долго светило. То закроется, то опять явится.

Наверное, этот год не пережить. Я очень слабая стала. Но если умру, то чтоб ты была у моего гроба. Я тебе откажу хорошие иконы, чтоб они у тебя были. Моя дорогая, нет слов для тебя. Всем моим дочерям привет. До свидания.

Мать

Прости, что плохо написала.

30 января 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Милая моя дочь духовная Лариса, я послала тебе немного апельсин. Не знаю, получишь или нет. Напиши, пожалуйста, а то я отсылаю посылки, а ответа нет. Валя написала мне письмо и очень хвалит Михаила, а я дивлюсь. Не знают человека и хвалят его. Мне кажется, нет такой скорби, какая у меня от него. Никто не знает. Он Любе наговорил, что пошлёт посылку. Где он возьмёт? Он всё пропивает. И чтоб я с ним поехала в Одессу? Я уже раз с ним ездила, да еле-еле проводила домой. Она пишет своё горе от В. и мужа. Что тут думать, когда все спились. Милая моя дочь! Прости меня. Нет терпения с пьянюками, да последнее время живём. Так жить нельзя! Что-то будет над Москвой. Великий город — Москва. Она утонет в бездне блуда!

Вот какие дела. Я себя чувствую очень плохо. Если будет плохо совсем, то дам телеграмму. Приезжай, дорогу тебе оплачу. Да ведь никто не знает, как я живу! Очень круто вертит мной жизнь. Прости меня, что я с тобой поделилась. Сейчас у каждого человека-христианина жизнь одинаковая: скорби, тяжесть души. Но не надо унывать, надо молиться, чтобы не умереть нечаянно. Скорби ведут на Небо. Я уж о том скорблю, что дети не ходят в храм, забыли Бога. Вот моя скорбь. Где они будут? Ведь страх Божий, — вот это горе. Не могу тебе описать. Веровать, а потом забыть? Они ходили в храм, а теперь демону служат.

Плохо пишу, разбери моё письмо. Вот пишу тебе письмо, 12 часов вечера.

Мать духовная

До свидания.

11 февраля 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Милая моя Лариса, получила твоё письмо и очень рада. Как будто я с тобой всегда, умница ты моя, дочь моя, не духовная, а родная. Я прошу тебя, пожалуйста, возьми с собой Валю и приезжайте в Москву ко мне на весь пост. Две комнаты, магазины рядом, церковь рядом, никуда не ехать, две минуты ходьбы. Врачи рядом. Отвлекись немного от И. Поживите с Валей у меня до Пасхи. А Пасху проводим, поедем в Одессу. Денег я на дорогу вышлю. С собой ничего не берите, у меня для вас хватит всего.

Сегодня 10-е, воскресенье. Пели «Покаяни...» и канон, «На реках Вавилонских...». Милая моя и дорогая Лариса, на что всё земное, нам уходить отсюда. И когда запели «На реках Вавилонских...», то я упала в землю и рыдала, как дитя. Какая я плохая, грешная, недостойная ничему. Душа моя рвётся на части. Зачем я так грешила? Ничего не надо. Приезжай с Валей. Хоть она больная, всё равно вези её сюда, пора ей вырваться из тюрьмы. Она живет в тюрьме с В. и с П. Пусть она их оставит и уедет, ничего не жалеет, ведь она мученица. Я ей помогу, она увидит у меня свет. Пока я жива, пусть едет и не разгадывает, хватит с ними страдать, пусть поживут одни. Передай ей и бери её прямо силой. Скажи: «Просит матушка и благословила, не

раздумывай!» Я вас буду лечить. Книги есть всякие, только читай. Вот умрёт Валя, как-то будут они жить без неё? Вот и надо её отпустить.

Дорогая Лариса, а тебя прошу, я тебя здесь вылечу. Покажу профессору, и я знаю — от меня поедешь здоровая! Поверь мне. Но когда поедешь, сходи на могилу, проведай отца Кукшу и на канун поставь свечу. А то он меня упрекнул во сне, что я ему не поставила на канун свечку и вам не внушила. Приедешь, всё расскажу.

Родная, приезжайте ради Бога! Уж не так я вас прошу, — Матерь Божия мне внушила! Ну, всё, моя дорогая.

Мать духовная Аполлинария

4 июля 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, получила твоё письмо в деревне, за что большое спасибо. Милая моя и дорогая дочь, благодарю тебя за всё. Даже слов не нахожу, как сказать. Только пойми меня, моё сердце. Дай тебе Господи здоровья, терпения во всём, моя дорогая. Да, а я стала совсем старая. Но ничего, креплюсь. В деревне хорошо. Но дожди залили. Нет ни одной минуты солнышка. Очень хорошо отдыхать в деревне, но дожди всё берут. Сидим в избе. Ливни. В лес нельзя идти — грязь. Только 3-го июля вышла на берег к Дону, читала книгу. Даже не могу выйти никуда. Как приехала, идут дожди. Трава, лес рядом. Пошли грибы в лесу. Но в лес нельзя ходить. Говорят, там живут бандиты. Страшно ходить одной в лес. Ты пишешь, такие случаи, они везде. Вот эти бандиты, их везде полно. Такая жизнь пришла: раз Бога нет, так беззаконие идёт. Ведь книги пишут старинные: восстанет народ на народ. Прольют люди неповинную кровь... Как матери переживают? У детей нет жалости к матерям. Что же делать, мы того заслужили! <...>

10 июля 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, пишу тебе с Дона. Я здесь отдыхаю очень хорошо. Дон под окном, луга, лес. Ведь это рай земной, милая Лариса. Шёл сильный дождик, а то не было дождя. То была здесь засуха, а теперь дождь смочил землю, и всё ожило. Ведь всё так богато, сердце радуется, какая природа. Но нет храма. В двадцати пяти километрах есть храм, туда ходит автобус. И если поехать, то надо на ночь. А я старый человек, не могу. Ну, приеду в Москву, тогда схожу в храм. Милая моя Лариса, как ты живёшь и как твоё здоровье? Я скучаю о тебе. Мы с тобой провели Пасху как во сне... Я пока поживу в деревне. Может, будут грибы. Дождик прошел, должны быть грибы. Милая моя, если будет Богу угодно, то мы с тобой встретимся. А пока до свидания.

Мать

26 июля 1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Милая дочь Лариса, я в Киеве. 27-го числа еду в Почаев. Как Господь даёт, родная моя. Как раз ехать, и в этот день получила твоё письмо, моя голубушка. Как будто с тобой наговорилась. И так была рада. Ты моя умница. Дай Господи тебе здоровья! Может, скоро увижу вас. Не могу сказать сколько я буду по белу свету летать. Я тебя известила, Зину, Валю. Вам написала, где я нахожусь пока. Ну всё. Жди письмо из Почаева.

Мать

1985 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Милая Лариса, получила твоё письмо. Очень благодарю. Как будто я всегда с тобой и благодарю Господа, что мне послал такую дочь настоящую, верную. Лариса, если Валя не может ехать, езжай одна. Но прошу тебя, зайди в санаторий узнай, как живет Вера и где она работает. Ни слуху от неё нет. Я ей послала письмо, но не знаю, ответит она или нет. Милая моя, пишешь о Вале. Там одна неприятность. Она писала, что В. взяли на работу, а по всему значит — нет. Это крест до гроба. Нет такой скорби, как у Вали. Не привязана, а стонет, её надо понять, это её крест третий.

Я почему настаиваю, чтобы ты приехала. Я очень плохая и не думаю дальше жить. Наверное, уберусь в нынешнее лето. Милая дочь, кому наказать? Все заняты, у всех дела и скорби. За кого ни возьмись, у всех горе. Сейчас в Москве ночью 14 градусов мороза, а днём 2 градуса тепла, но снег ещё в рост человека. Как я думала, так не получается. Конечно, Вале ехать в такую дорогу опасно, но тебе суждено ко мне приехать. Сама Царица Небесная открывает тебе путь. Ты не бойся ехать ко мне, у тебя всё будет хорошо. Дай, Господи, чтоб я тебя увидела. С собой ничего не бери. Никакой одежды, ни платьев, ни смены. Тут всего полно: и обуви, и одежды, всего хватит, милая моя дочь. Ты видишь, какое время. Может, один миг — и не будет земного шара. Всё прах и пепел. Но кому открыть душу? Некому! Ведь ты умная дочь, ты меня понимаешь. Я хоть тебе всё передам. Все мысли, опыт жизненный. Может, тебе будет отрадой. <...> Сейчас время не для брани, а для спасения. Народ валится, как грибы. Не успеваем хоронить. Раньше наживали, а сейчас не надо ничего. Разве вы не понимаете, к чему всё идет? Не ныне, так завтра будет катастрофа всемирная. Надо её ожидать. Дай, Господи, не увидеть такую страсть. Ведь все понимают эту жизнь. Милая моя дочь. Не раздумывай, моя милая, ехать ко мне или нет. Не пожалеешь. Может, мне Господь поможет ещё раз доехать до Почаева. Но я стала очень слаба. Не знаю, как Матерь Божия дозволит? 21-го числа приняла собор. Очень хорошо. Каждую неделю имею причастие. А там что Бог даст, не знаю. Молюсь за вас за всех. Моя дорогая Лариса, есть такая книга, которую ты никогда не читала. Будешь дивиться. Ты говоришь, «приеду ненадолго». Нет, надолго! Не торопись от меня ехать, вразуми себя и тогда поедешь. Когда поедешь, зайди к Л. Если она не будет шить, то ты возьми у неё материал.

Ну, желаю тебе наилучшего. Всем привет, моя любимая.

Мать

17 ноября 1985 г.

+

Дорогая Лариса, получила письмо, но с этими похоронами забыла всё. Похоронила больную. Милая моя дочь, умница моя. Помнишь, я тебе говорила про старца Иакова слепого. «Дедушка Яша, скажи мне что-нибудь. У меня плохая доля?» А он отвечал: «Терпеть, сколько можно, терпеть!» Он повторял: «Терпеть!» Вот и я тебе скажу: «Терпеть!» Убежишь куда-нибудь, а крест за тобой. От судьбы никуда не денешься. Смотри на В. Какую скорбь несёт. Во-первых — задыхается. Сын какой плохой. Муж — не муж, дочь одинокая, сын обижает. Тройной крест несет, но всё идёт, идёт. И крест несёт. Ох, как ей тяжело. А куда денешься? За один час страдания — триста лет блаженства. А как смерть приходит, её никто не ждёт. Вот умирала моя знакомая. До последней минуты была в сознании. И умирая, читала молитвы. Уже вся застыла, одна голова живая, но в памяти, и указала: «Не мешайте мне!» Это было на моих глазах. Вот какая у неё вера сильная. Не боялась смерти. Я её похоронила у церкви в свою могилу[51]. Никакого совета ни с кем не имей. Господь знает всё, только не бойся <...> Придёт время, упадёт с тебя печать страсти. Не бойся, терпи. Всё терпи <...> Наберись терпения, читай «Христос Воскресе...» Я тебе вышлю посылок обязательно. Только пришли письмо. И фамилию Л. Я ей тоже вышлю посылок.

Но я тебе одно скажу: на тебя восстал «лукавый». Ты его не бойся! Устройся работать в больницу. Там врачи. Сутки отработаешь, двое суток дома. Никуда не езди. Сиди дома. Господь всё знает. Великомученица Варвара тебе поможет. «Радуйся, Варваро, невесто Христова прекрасная!»

Храни тебя Господь, милая дочь Лариса.

Мать

Огромный привет Л. Пусть к Пасхе сошьёт, и ладно будет.

28 апреля 1986 г.

+

Благослови, Господи!

Лариса, тебе ли на меня обижаться? Не по закону пошла, простит тебя Господь за твою несправедливость или за твоё духовное незнание. Лариса, мы — песчинки на свете. И осудить духовного человека ни за что не надо было. Я не хочу, чтоб через меня ты несла грех. Ты у меня была первая изо всех и потерялась. В глуши ночной я тебя никак не найду. Где ты, моя овечка, откликнись с раскаянной душой.

Христос Воскресе!

10 мая 1986 г.

+

Дорогая Лариса!

[51] Речь идёт об Подгородецкой А. Ф. (см. главу 7).

Получила твоё письмо и очень огорчилась. Там, пока тебя не было, небось сто проклятьев было. Надо всё освятить святой водой и не спешить. Всё делать надо было с Богом, а ты забыла. Там тебе столько насажали всякой нечисти. Ты должна понять. Ты поехала чистая, но свою чистоту забыла. Забыла самое главное: во всех углах прочитать четыре молитвы, положить двенадцать поклонов земных, погасить лукавые дела. Дома можно делать земные поклоны... Сделай сейчас. Раз ты не сумела это сделать, когда приехала, то сделай сейчас. <...> Прочти четыре молитвы: «Да воскреснет Бог», «Живый в помощи», «Помилуй мя, Боже» и «Верую». Почему ты не догадалась? Как жаль, что сгубила пасхальную чистоту. Допустила нечистого до себя. Ну, храни тебя Господь, милая моя Лариса.

Без даты

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Лариса, милая моя. Живу по-старому. Вещи не нашла, всё пропало. Ну, что делать? Значит, моя такая судьба! Всем привет. Пошлю телеграмму, когда выеду. Думаю после Троицы выехать, милая моя, любимая Лариса. Поеду сразу в монастырь. Мне хочется с вами встретиться. Деньги все отдала в монастырь.

Ну всё, до свидания. Целую вас всех.

Это тебе к Троице гостинец.

28 января

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая дочь, как ты живёшь? Я хочу знать, что с тобой случилось? Напиши письмо. Милая моя, не обижайся на меня. Я теперь... очень больная. Я наказана Богом, но благодарю Его милость, что наказана. Так мне надо, моя милая Лариса. Ведь я тебя люблю. <...> Лариса, напиши мне письмо. Как живут мои дочери? Никто не стал писать. Моя болезнь всех разлучила со мной. Когда подходит смерть, то никого нет округ тебя. Ты так одинока! Если увидишь А.,

передай ей от меня большой привет. И вообще всем шлю своё благословение. Я вас не забываю. На Рождество возили меня, и на Крещение была в соборе. Дай вам, Господи, здоровья. Дорогая моя дочь, не обижайся. Писать трудно, у меня малокровие. Ну, всё.

Мать

5 марта

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая моя Лариса, вот уже начинают таять сугробы. Повысилась температура 5° и 4° мороза. У нас сразу делается тепло. Я вас с В. жду обязательно. С собой ничего не берите, ведь у меня

всё есть на эту погоду, и скоро будет тепло. Милая Лариса, ведь ты только подумай, всё равно жизнь идёт. Мы здесь хоть вдоволь наговоримся обо всём. А я уже стала не такая. Всё идёт к концу. Здесь примешь собор, причастие, всю святыню справишь. Ты не думай ни о чём. Я для тебя всё сделаю, моя дорогая. Умница моя. Ни одной нет такой. Ты — голубь Небесный. Справедливая голубка.

Ещё скажу, почему Вера молчит? Наверное, мной недовольна. Ведь ей легче написать, чем мне. Лариса, опиши всё, что узнаешь насчёт Вали. Сходи к ней. Как её здоровье, может, наш воздух будет лучше? Сейчас такая погода хорошая, всё просохнет и будет тепло. Всем передай привет. Но если Валя не может приехать, предложи Зое — Валиной сестре. Но ты обязательно приезжай хоть одна. А если какая сестра захочет приехать, то вези. Но я б желала Валю. Может, напоследок моей жизни я вас так зову. Я хотела вас обнять, прижать к своему сердцу. Милая моя и дорогая Лариса, пойми меня, какая к тебе любовь. Недаром пришёл ко мне отец Кукша. Вот слушай: вы не поняли, что такое канун. Это где кладут хлеб, яблоки, все приношения. Канун — это место, где ставят свечи, кладут записки. Это общее поминовение… До свидания. Целую.

Мать

Без даты

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая дочь Лариса, Христос Воскресе. Милая моя, как ты живёшь, моя умница? Если поедешь в Москву, заезжай ко мне. И как ты там живёшь, как у тебя здоровье? Я стала ходить в церковь, слава Богу, и думаю ехать в Почаев, если будет всё хорошо. Старший сын в больнице, операция 15 апреля будет. Михаил всё тот же. <...> У нас был владыка Иов, такой прекрасный человек. С таким талантом и его убрали. Вот всё, что я тебе описала. До свидания.

Мать

29 июня 1986 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Лариса, зачем серчаешь так долго на мать? Ты же у меня умная. Кто тебе внушил потерять меня? Ведь мы здесь гостим. Мы прах и пепел, а там — Вечность! Поверь мне, что всё же я приеду в последний раз. Посмотрю на вас, на всех дочерей, которых я избрала. Меня стали осуждать бабой неграмотной, непросвещённой. Где в законе писано, чтоб судить монаха? Не дано никому! Я приеду к Зине, и я вас увижу всех. Моё сердце к вам горит, ведь я люблю тебя

Лариса, ты очень справедливая. Теперь о поездке. Я не хотела ехать и вот надумала: хоть на две недели, но поеду! Последний раз. Больше мне не придётся, старость пришла. А после поездки — как Бог велит жить. Лариса, будь умницей, перестань гневаться на меня. Видишь, какая жизнь настала? Понемногу нас истребляют, вот она какая война идёт! Ходи чаще в церковь, не забывай ближних, будь умница. Ведь этот пост был последний. Он будет, только не такой, как раньше. Будет чистое поле. Пойми земную жизнь!

Ну, вот и поговорила с тобой. До свидания.

Мать

Без даты

+

Христос Воскресе!

Дорогая дочь Лариса, пишу в день Мироносиц. 3-я неделя, как я хотела последний раз к вам приехать. Но сейчас к вам ехать нельзя. Душа плачет. В Москву столько привезли больных, что ни в одной больнице нет места. У нас на западе каждый день проверка воздуха[52], и мы недалеки от этого горя. Как я с вами беседовала всегда на могиле отца Кукши, вспомни мои слова, как я говорила всем: молитесь за аборты, а то некогда будет молиться, кайтеся в своих грехах! Сколько я с народом беседовала. Это всё было от Бога! Учила, как молиться. В Киев, в Почаев, в Одессу нельзя ехать. Вот, Лариса, дожили! Сейчас надо молить Бога, а то настанет время, не сможешь даже сказать слова. Облучение, гнойные раны, и человек страдает, но не умирает. А вот теперь вспомни меня. Я вас учила молебнам, но вы всё забыли. Скажи моим дочерям, чтоб они не унывали, но со слезами молились, просили Бога, чтоб миновал нас этот ужас. Спаси вас, Господи, всех двенадцать дочерей! Как мне хотелось видеть вас напоследок! Всех люблю, за всех молюсь. Жаль, что вы меня плохо поняли. До свидания.

Духовная мать

Письмо матушки к сыну

†

Добрый день, Миша.

Как ты живёшь? Кто за тобой ухаживает? Если А. приедет в монастырь следующий раз, то, может быть, я приеду с ней в Москву. Миша, прошу тебя, поменьше выпивай. Вот это меня только мучает. Ещё пишу тебе новость. Меня берут в старый Иерусалим. Я так думаю — поехать и там умереть Я всё же очень счастливая. Находятся люди очень богатые которые хотят взять меня в старый Иерусалим. А там как Богу будет угодно. Желаю, Миша, тебе счастья и здоровья. Ты всё ждал, что я вот-вот умру, а я всё живу и живу. А ещё думаю ехать в старый Иерусалим. Но как будет Богу угодно. За всё тебе большое спасибо, за то, что ты всё берегёшь. Дай тебе, Боже, доброго здоровья. Т. твоей передай привет Дай ей. Господи, счастья и здоровья. П. собирался ко мне при ехать, но до сих пор его нет. Если его увидишь, скажи, чтобы он приехал ко мне. Я его жду.

Желаю тебе здоровья. Миша, береги себя. Какое будет изменение, я тебе напишу.

До свидания.

(подпись матушки)

Письмо матушки к духовной дочери Лидии

[52] После Чернобыльской катастрофы.

1994 г.

+

Добрый день, Лида!

Пишут тебе Н. и матушка. Скучаем о тебе. У нас были С., В и П — брат твой. Мы очень были рады, что они приезжали. Теперь ждём вас, когда вы к нам приедете. Разговаривали с Анной, племянницей, по телефону.

Я немножко успокоилась, а то очень беспокоилась о сыновьях и племяннице. Сейчас жду Пасхи. А сегодня был незнакомый человек, М. звать. Обещал всегда нас проведывать. Даже не знаю, откуда он появился. Господь не бросает меня. Я этого человека никогда в глаза не видала. Но я очень довольна, что Господь так сделал. За всё благодарю Бога. Господь меня не оставляет. Так что я всегда довольна бываю.

Жду паспорт. Может, поеду в старый Иерусалим. А ты, Лида, позвони им. Пусть везут паспорт. Уже декабрь месяц. Нужно оформлять документы. Если сами не могут приехать, пусть передадут через кого-нибудь из моих знакомых, кто сюда соберётся. Ведь паспорт нужен на две недели, пока будут оформлять документы. Скоро должна приехать (на Рождество) та женщина, которая берёт меня в Иерусалим. Она просила, чтобы документы были готовы. Передай им, пожалуйста, Лида, о себе извести, как ты живёшь? И где наша С.? Как А. живёт с детьми? Ждём вас в гости, скучаем. Ну, вот пока и всё. До свидания. Пожалуйста, Лида, побеспокойся за меня о паспорте. Он очень нужен.

Дорогая Лида, скучаю.

(подпись матушки)

Письмо матушки к духовной дочери Людмиле

3 января 1989 г.

+

Благослови, Господи, на всякое время!

Дорогая Людмила, дочь моя духовная. Ты пишешь мне о своей судьбе[53]. Я сейчас похоронила сына и другой на исходе — тоже заболел. Если бы знала со своим другом[54], что нас ожидает: это обязательно придёт — новая жизнь и новая судьба. Не верит в то, что не видимо, но оно будет. Если бы твой супруг знал новую жизнь, которая и его ожидает! Будет тужить и печалиться, но будет поздно. То, что на себе имеет тело, — это прах земной. Он будет рад прийти на землю, но никогда он на землю не придёт. Разлука с этим миром навечно. И если он не поймёт, что ему умирать, то очень плохо. Невидимой жизнью придётся жить, а видимая жизнь исчезнет. Там вы никогда не встретитесь, будете чужие люди. Вожди, воины, благородные люди — все там, все там. Однако вера в Бога жила и живёт, и никто не доказал, что Его нет. А все стремятся похоронить человека по-христиански. Одно я вам скажу, самое главное, поверь: в настоящее время вы чужие, а там тем более будете чужими. Если бы у вас была одна дорога жизненная, то и там была бы общая дорога. Отойдёте вы от друг друга, не познаете места своего. Отойдёт любовь, жалость, ничего от этого вам не познать в будущей жизни. Закостенелые безбожники никогда не увидят Христа. Тьма их ожидает вечная. Жизнь в

[53] Людмила жаловалась на трудности в отношениях с мужем.
[54] Другом матушка называет мужа Людмилы, потому что они были не венчаны.

настоящее время недолгая, это говорят пророки и апостолы. Вероломному человеку здесь нет жизни, и там не будет. Люда, прошу тебя, проси Матерь Божию, Она тебе поможет. Мы не видим Ее, но Она помогает. Хорошо бы ещё увидеться с тобой, но возможности нет.

Твоя духовная мать

Поздравляю с Рождеством Христовым.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАТУШКЕ АНТОНИИ

Из воспоминаний игумена Дамаскина

Схимница Антония и Крыпецкий монастырь[55]

Чудо сопровождает Россию на протяжении всех веков её существования. Впадала она в беснование смуты, забывая молитву, — но немедленно спасал её Господь, стоило только в покаянии обратиться к Нему.

Ныне Господь показывает возможности возрождения страны на малых примерах. Один из них — полнящаяся чудом современная история Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря.

Эта известнейшая ранее обитель Псковской епархии, находящаяся в 25 км от Пскова, основана в 1455 году преподобным Саввой Крыпецким (афонским монахом, родом из Сербии) — его мощи находятся в монастыре. Здесь подвизались также преподобный Нил Столбенский (основатель Ниловой пустыни на Селигере); преподобный Никандр, Псковский чудотворец; блаженный Корнилий[56], преставившийся в 1903 году, — его канонизация состоялась в обители 10 января 2000 года (о чудесном обретении его мощей будет сказано чуть позже). По его пророчеству ждёт Россию разорение, но затем восстанет она, равно как и его обитель.

С приходом большевиков так и случилось. В 1918 году монастырь подвергся поруганиям и в 1923 году был закрыт. Возвращён Православной Церкви в 1990 году в совершенно разрушенном состоянии. Руины среди болот, отсутствие дороги, нет крыши над головой... С чего начать?

По Божией воле я стал игуменом монастыря. Собралось около двадцати подвижников, не испугавшихся голода, зимней стужи в отсутствии пристанища... О монастыре давно забыли; современные православные люди ничего не знали о некогда известной святой обители.

Много молились мы у мощей преподобного Саввы Кры-пецкого о помощи. Просили молитв и у современных старцев: у отца Николая Гурьянова, архимандрита Иоанна (Крес-тьянкина) и других, — пошли им, Господи, многая лета, духовных сил и здравия! Верим, что их молитвы, присоединившись к молитвам преподобного Саввы и, прежде всего, самого блаженного Корнилия и других святых покровителей монастыря, стали залогом возрождения обители из руин.

В этом молитвенном согласии слышен и благомощный молитвенный голос старицы схимонахини Антонии, почившей в 1998 году, — вечная ей память! О её молитвенной помощи я хочу рассказать.

Божиим промыслом в феврале 1995 года к нам в монастырь приехала её духовная дочь. Заплакала, видя наше бедственное положение: оставалось у нас тогда совсем мало гороха для

[55] Из газеты «Русь Державная», № 1 (68), 2000 г.
[56] А также старец иеросхимонах Сампсон (Сиверс; 1898-1979).

еды, трапезничали под открытым небом, в мороз ложки примерзали к губам, тёплой одежды и обуви не было. Софья Алексеевна предложила:

— Батюшка, благословите, я попрошу свою духовную мать помолиться о монастыре. Схимонахиня Антония — насельница Толгского монастыря. По её молитвам пойдет большая помощь монастырю, и он быстро возродится.

Я благословил. Старица серьёзно и внимательно слушала рассказ о нашей обители. Духовно провидя, сколь важно для возрождения России, чтобы Крыпецкий монастырь стал ещё одной твердыней страны (в соответствии с предсказанием блаженного Корнилия), она, перекрестив Софью Алексеевну, преподала ей своё крепкое старческое благословение:

— Благословляю тебя на сбор пожертвований монастырю, будешь стоять с ящиком, и буду я тебе помощницей!

С тех пор о монастыре узнали в Москве и в других городах. Очень быстро пошла помощь: стали появляться новые люди, привозили крупу, муку, одежду. Было организовано паломничество с заездом в наш монастырь. Особенно это стало явно, когда обрели святые мощи блаженного монаха Корнилия 22 июля 1997 года.

Знаю, что многие духовные чада матушки принимали и принимают посильное участие в сборе пожертвований для монастыря, в котором воссылаются молитвы о вечном поминовении жертвователей, читается неусыпаемая Псалтирь. Многие из них сподобились побывать в нашем монастыре, погружались в цельбоносные воды озера, образовавшегося на месте колодца, вырытого руками святого Саввы.

Через год схимница благословила нас покупать колокола. Я не верил, что это осуществимо в ближайшее время, и сказал Софье Алексеевне:

— Будешь десять лет собирать!

Она же вновь едет к старице. Как потом она рассказала мне, матушка заулыбалась, лицо её просияло, и она благословила её на быстрый сбор:

— Соберёшь, соберёшь!

Так и получилось: 25 декабря 1996 года я дал благословение Софье Алексеевне собирать на колокола, а уже на пасхальной заутрене 1997 года их чудесный звон ликующе раз носился по всем окрестностям. Приобретены они были чудесным образом в четыре раза дешевле. Я был очень удивлён тем, что все так быстро произошло.

Вот ещё удивительный случай, подтверждающий силу матушкиной молитвы. Монастырь семь лет был без света. Наконец поставили столбы, провели провода, но обещали включить в случае оплаты трансформатора, а это — шестьдесят пять миллионов рублей. Я скорбел, ибо о такой сумме трудно было и помыслить (как-то забылось, что Господь чудесным образом послал нам колокола).

В Москве я рассказал собравшимся у Софьи Алексеевны о нашей нужде. Она поехала к схимнице, которая в то время была уже в Черноостровском Никольском монастыре в Малоярославце. Наша молитвенница на этот раз долго молчала, молилась. Потом сказала:

— Купят трансформатор, будет у них свет.

По её молитвам Господь послал нам человека, которому Он положил на сердце помочь монастырю, — высококвалифицированного врача Анатолия Алексеевича. Бывал он в служебных командировках в Швейцарии. Узнав о нужде монастыря, сказал, что если Господь сподобит его ещё раз поехать, то все заработанные там деньги отдаст на приобретение трансформатора. Вскоре по молитвам матушки он поехал в Швейцарию и чудным образом доставил нужную нам сумму.

Поистине, неисповедимы пути Господни! Символично, что в далёкой Швейцарии Анатолий Алексеевич жил у святого источника в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова (в его честь — и наш монастырь). И там нашёл отклик в душах простых людей, которые с большой радостью жертвовали на наш монастырь.

Для включения света потребовалось и большое количество электрического кабеля, а это ещё двадцать пять миллионов рублей. «Помогу, помогу», — ответила матушка на просьбу о её молитве и благословила покупку. И вновь по молитвам старицы очень скоро помощь пришла через Анатолия Алексеевича, который на этот раз привёз большую часть необходимой суммы после неожиданной командировки на Кавказ.

Знаю, что схимонахиня Антония молилась Господу об открытии места захоронения блаженного Корнилия и обретении его святых мощей. Верю, что её молитва влилась в единый духовный поток с молитвами многих ныне здравствующих подвижников и прошениями небесных покровителей нашего монастыря.

За год до открытия мощей приезжал к нам осенью 1996 года Высокопреосвященнейший архиепископ Евсевий и говорил:

— Вот пишут, мощи Корнилия положили неправильно, надо бы проверить, так как есть пророчество, что после исправления ошибки судьба России переменится к лучшему. Нужно бы поискать мощи.

Отвечаю:

— Благословите, Владыко.

После очень мокрой осени резко всё замёрзло, — зимой не будешь копать. И весна выдалась дождливой, а благословение же надо исполнить. За труды Владыко благословляет меня на Святую Землю в Иерусалим, в паломническую поездку. Когда вернулся я через три недели со Святой Земли, сразу же начали копать в районе оградки, где можно было предполагать местонахождение мощей. Четыре человека трудились. Двоих сразу же скрутила болезнь. Остались копать два Владимира, прокопали 2,8 х 1,5 метра и вглубь 1,5 метра, — но ничего не было видно.

В этот день — 22 июля 1997 года — было необычайное солнце, вокруг радуга круглая, я такой никогда не видел[57]. Июль — месяц жаркий. Долго не было дождя. Вдруг повеяло благоуханием. Тогда я сказал:

— Давайте переместимся немного вперёд.

Поскольку день клонился к закату, решено было перенести работу на следующий день 23 июля[58]. Едва копнули в новом месте, показалась головка, жёлтенькая такая. Над самим телом

[57] Это редчайшее явление как бы в виде многоцветного ореола вокруг солнца носит название гало. Интересно, что оно сопровождало также перенесение мощей святого Павла Таганрогского, прославленного в лике местночтимых святых Ростовской епархии 22 июня 1998 года. (*Прим. ред.*)
[58] 23 июля — именины матушки Антонии — память преподобного Антония Печерского.

располагался пенёк с корнями, которые его прикрывали; а где лежала голова — там была тропинка, по ней люди ходили. Пенёк с корнями мы вытащили и раздавали людям.

Выкопали мощи, — недоумеваем: что делать дальше? Сначала думали перезахоронить. Неожиданно хлынул ливень, все косточки промыл. Так Господь вразумил нас, что косточки надо поднимать, просушивать. Подняли их, положили на белое полотно (высохли они моментально). Положив в гробик, с колокольным звоном, с кадилом понесли в храм. И такое пошло обильное благоухание! А на дворе после дождя ярко сияет солнце; видны двойные радуги на востоке. Обитель была в радуге. В шести километрах от монастыря люди тоже видели это необыкновенное явление и говорили: «Что-то особенное произошло в монастыре». Всё вокруг ликовало й радовалось — и люди, и природа.

Через год после обретения святых мощей блаженного Корнилия[59], 11 октября 1998 года, схимонахиня Антония отошла ко Господу. Удивительно схожи их духовные пути, — видимо, потому так близка стала матушка Антония нашему монастырю. Помощь матушки ощущается и после её кончины.

Я сожалею, что при жизни старицы Антонии не успел съездить в Свято-Никольский монастырь, чтобы поблагодарить матушку за её молитвенную помощь: несколько раз собирался, но не получилось из-за множества дел, а когда уже была договорённость, к ней, к сожалению, перестали пускать.

Матушку поминают у нас непрестанно. И она молится, ходатайствует перед Богом за нас. Я так верую, так чувствую и укрепляюсь этой мыслью. Радостно знать, что и к началу третьего тысячелетия не оскудевает Русская земля угодниками Божиими, что осуществляется милостью Божией живая связь времён.

Трудна задача возрождения России в условиях её всеохватного кризиса, в основании которого лежит кризис веры. Но да будем помнить ободряющие слова Господа: «Человекам это невозможно, Богу же всё возможно» (Мф. 19, 26). Надеюсь, что и эти воспоминания о случаях чудесной помощи схимонахини Антонии в возрождении Крыпецкой обители послужат укреплению веры в нашей стране.

Из воспоминаний иерея А.

Впервые о матушке Антонии мы с женой услышали в январе 1998 года и очень заинтересовались её высоко духовной жизнью. В марте, по благословению духовника, мы поехали в Малоярославец, в монастырь к матушке, но лично с ней поговорить не удалось.

Свою просьбу мы передали через келейницу. Просили матушку помолиться о даровании нам чада. За шесть лет супружества жена долго лечилась, ей сделали две операции, но всё безрезультатно. Летом того же года положение усугубилось, и после очередной операции удалили опухоль. Мы уже совсем отчаялись и хотели ещё раз ехать к матушке просить её молитв.

В октябре узнали о смерти матушки. Чуть позже духовная дочь схимонахини Антонии передала нам икону Рождества Христова — это было её благословение нашей семье.

В начале Рождественского поста появилась слабая надежда на то, что будет ребёнок. После праздника Рождества Христова в этом не было никакого сомнения. Врач подтвердил, что

[59] Память преподобного Корнилия Крыпецкого празднуется дважды в году: 28 декабря / 10 января и 9/22 июля.

матушка моя «непраздна», а летом 1999 года, в августе, у нас родился мальчик, которого назвали Илией.

В нашем доме икона «Рождество Христово» — благословение матушки — водружена на почётное место.

Из воспоминаний иерея Д.

О матушке я слышал из нескольких уст. Пользуясь возможностью, мы решили поехать в Никольский монастырь. Милостью Божией мы довольно-таки просто к ней попали. Келейница вывезла её на колясочке. Она уже была такая старенькая и слабенькая, кашляла. Потом мы подступили к ней и просили уделить некоторое время для нас. Со мной были трое маленьких ребятишек, и матушка наблюдала за ними. Это было в первых числах сентября 1998 года. Тогда люди задумывались о предстоящей осени, и многих тревожило неустойчивое, нестабильное положение в стране, боялись голода. Так как люди спрашивали меня, совсем ещё неопытного священника, то я решил обратиться к матушке. Чтобы из таких святых уст получить ответ. Я спросил у неё, и матушка сказала:

— Голода не будет.

Я у неё несколько раз переспросил, но она повторила, что голода не будет. Конечно, по-человечески это было радостно слышать. Меня интересовали и другие вопросы, и, как молодому священнику, мне хотелось услышать добрый пастырский совет из уст матушки. Я спросил:

— Скажите мне что-нибудь самое важное, как мне жить, как мне быть в данной ситуации. Чем я могу быть полезен?

Матушка посмотрела на меня и тихо-тихо (тихо, потому что кашляла) сказала два очень кратких, но удивительно ярких слова:

— Люби людей.

Эти слова были сказаны с таким чувством, с таким пониманием, что запали мне в душу на всю жизнь. Когда мне тяжело, когда устаёшь, когда теряешь внутреннее равновесие, то вспоминаешь эти слова. Когда вспомнишь, то появляются силы, и я возвращаюсь на исходную точку.

Мы часто посещаем святые места, прикладываемся к мощам или едем к людям святой жизни, не только чтобы узнать что-то новое, но и прикоснуться к духу подвижничества, святости, ревности о Боге. И, конечно, чтобы самим почерпнуть духовный опыт в этом непростом мире. Когда мы уезжали обратно, матушка нас благословила. На душе было так легко и радостно, хотелось трудиться и, не побоюсь такого слова, *подвизаться* в этой жизни.

И чувствовалось, что в этой немощной старице за внешней храминой таится чистая, прекрасная и возвышенная человеческая душа, сильная личность, освящённая благодатью Святого Духа. А когда читаешь её имя в помяннике, посещает чувство, немножко несходное с молитвой об упокоении. Вспоминая её светлый образ, как будто прикасаешься к чему-то удивительному и прекрасному.

То, что происходит в этом времени, конечно, весьма ограничено, мы можем прикоснуться только к внешней стороне, всё сокровенное остаётся внутри. После встречи со схимонахиней

Антонией в жизни чувствуется молитвенная помощь и благодатное заступление светлого и мудрого человека.

Моя старшая дочь обладает очень жизнерадостным, темпераментным характером, так что у нас появляются определенные трудности с тем, чтобы этот нрав обуздать. А так как детей было трое — две девочки по три с половиной годика и одна полутора лет, через самое непродолжительное время на пятачке возле матушкиной колясочки образовалась такая шумная карусель. Моя супруга приступила к матушке и спросила:

— Матушка, как мне с Дарьей быть, как с ней сладить?

Матушка сказала:

— Читай «Да воскреснет Бог», как молитву за детей.

Посмотрела на меня и сказала такие радостные для всякого родительского сердца слова:

— Она будет хорошая.

И когда Даша нашалит и получает должное наказание, эти слова вселяют веру, что по молитвам матушки она будет добрым верующим человеком.

Из воспоминаний иерея П.

Я служил алтарником в одном из московских храмов, и мне хотелось найти опытного наставника в духовной жизни, поэтому любые сведения о старцах, о старицах были для меня очень важны. Прихожане нашего храма рассказали, что в Малоярославце есть такая старица, что она помогла исцелить ребёнка от очень тяжелой болезни. После этого я загорелся желанием съездить к ней. Прошло немного времени, и снова одна из прихожанок храма рассказала, насколько сильное впечатление произвела на неё встреча со схимонахиней Антонией. Желание съездить к старице пересилило все мои прочие заботы, так что на следующий день я на самой ранней электричке поехал в Малоярославец. В душе была тревога, ожидание чего-то важного, но были и сомнения: «Нужна ли мне эта поездка?»

Когда я приехал в Малоярославец, было ощущение, что кто-то за руку меня вёл к матушке. Я зашёл в корпус, где живут сестры, и просто постучался в дверь, которая оказалась открытой, по какому-то неведомому для меня чувству прошёл подальше в коридорчик и обнаружил ещё две двери. На одной из них была приколота какая-то иконка и слова Иисусовой молитвы написаны. Я остановился у этой двери и стоял так в течение пятнадцати или двадцати минут. Потом прочитал Иисусову молитву, постучался, дверь оказалась незапертой, — я вошёл туда и увидел старенькую монахиню, сидящую на кровати. Она встретила меня очень тепло, пригласила сесть поближе, чтобы удобнее было с ней разговаривать. Я встал перед ней на колени, душа успокоилась, появилось чувство радости, надежды, и решил спросить о главном: нужно ли мне становиться священником или лучше посвятить себя служению людям на другом поприще? В тот момент меня волновало и то, что я, уже имея солидный возраст, никак не мог определиться: жениться или идти по монашескому пути. И когда я доверчиво склонился перед матушкой, она мне сказала:

— У тебя невеста в храме.

В нашем храме работала девушка, и в своё время мне приходилось учить её церковно-славянскому языку. У нас завязались добрые, братские, светлые отношения, и, когда матушка

сказала, что у меня невеста в храме, я был в полной уверенности, что это та самая девушка. Кроме этого, матушка именно в первую встречу меня спросила:

— Кем ты хочешь стать?

И, не дождавшись ответа, сказала:

— Диаконом хочешь быть?

Я ответил, как у меня было на душе:

— Хочу.

— А хочешь ли быть священником?

Я сказал:

— Да, хочу быть священником.

Она мне сказала:

— Будешь диаконом и будешь священником.

Это были для меня главные вопросы, которые разрешились сразу после первой встречи со схимонахиней Антонией, и я уехал от неё с радостью и уверенностью, что мне надо жениться.

Я сделал предложение той девушке, но как раз накануне она получила ответ от схимонахини Антонии:

— Ты оставайся такой, какая ты есть.

Она мне рассказала потом, что почувствовала, будто у неё крылья выросли, потому что ей не нужно выходить замуж и она может служить Богу и людям в чистоте и целомудрии. Женитьба моя не состоялась.

В то время я учился в Свято-Тихоновском Богословском институте и по разным поводам ездил к схимонахине Антонии, получал от неё духовные наставления, помощь в бедах и трудностях. Конкретные вопросы у меня уже потерялись из памяти, но один случай запомнился.

Когда я приехал к ней летом 1996 года, она мне сказала после долгой беседы:

— Ты сегодня в Москву не езди, у тебя беда может случиться. Ты сегодня оставайся здесь ночевать.

Было всего пять часов вечера, поэтому я говорю:

— Матушка, ещё много электричек, я успею приехать в Москву засветло.

Она повторила:

— Ты не езди.

— Где же мне ночевать?

— Господь Сам всё управит, — ответила матушка.

Я послушался её, решил не ехать, зашёл к игуменье попроситься на ночлег, но она мне сказала, что паломников мужчин в монастыре не оставляют, и посоветовала обратиться к прихожанам, может, кто-то примет. Время было позднее, потому что я долго разговаривал с матушкой, потом долго искал квартиру, расспрашивал, где здесь живут верующие люди. Наконец, мне указали дом, где жил священник. Я подошел к калитке, постучался и, когда вышел батюшка, сказал ему:

— Меня схимонахиня Антония благословила переночевать здесь. Можете ли вы меня пустить? Я готов даже в сарае переночевать.

Он мне ответил:

— У меня гости, и я тебе ничем помочь не могу.

А незадолго до этого матушка Антония сказала:

— Когда ты будешь священником, ты всех в свой дом приглашай, всех, кто бы к тебе ни пришел. Если негде людям переночевать, как бы у тебя ни было плохо, ты всех пускай домой, чтобы у тебя все ночевали в доме.

И вот мне послан был такой урок. Я не знал, что делать, раз мне батюшка отказал, и уже в сильном расстройстве стал искать себе место на улице, где бы мне приткнуться. Постучался ещё в несколько домов, но никто меня не пускал. Я подумал: «Как так? Матушка же благословила меня остаться». Она, наверно, от беды какой-то меня спасала в поезде, потому что были случаи, что меня грабили в поезде. С этими думами я пошёл обратно, решив заночевать у ворот монастыря. Подойдя к обители, обратил внимание на маленькое здание при входе, там когда-то была сторожка. В своё время я работал в этом монастыре, делал то, что мне поручали. Какое-то внутреннее чутьё подсказало, что нужно в эту дверь постучаться. Мне открыли двери: двое мужчин очень радушно меня встретили, предложили место для ночлега, приготовили еду, накормили, напоили, не стали донимать меня расспросами, кто я и откуда.

Тогда я понял, насколько важно благословение матушки, что оно имеет великую силу. Даже если человек откажет, то Господь не оставит! И по молитвам матушки Господь всё устроил чудесным образом. Несмотря на то что проспал я всего несколько часов, вышел оттуда в бодром, хорошем состоянии духа, взял у матушки благословение на дорогу и приехал в Москву в большой радости и с уверенностью, что молитвы схимонахини помогают во многих житейских и любых делах.

После моих нескольких посещений матушка сказала:

— Ты моё духовное чадо, ты мой ребёнок. Приезжай ко мне, когда захочешь, в любое время. Когда тебе будет трудно, приезжай ко мне, я буду молиться за тебя, я тебе помогу.

Осенью 1996 года я был в Санаксарском монастыре и подошёл к старцу отцу Иерониму. Он меня только обнял и сказал:

— Батюшка, батюшка.

Я уверился в том, что когда-то Господь сподобит меня священства и что скоро в моей жизни будут перемены. И действительно, получилось так, что осенью 1996 года состоялась встреча с моей будущей супругой, и именно в том храме, о котором говорила мне схимонахиня Антония.

Я решил взять благословение на брак у матушки Антонии. Поехали с надеждой на то, что матушка нас благословит.

Когда мы приехали к схимонахине Антонии, я был поражён, как она встретила мою невесту. Она стала на неё кричать:

— Ты кто такая? Зачем сюда приехала? Что тебе надо?

Когда я к ней приезжал, она встречала меня, как родного сына. Мы беседовали часами, пока не приходил очередной посетитель. Но тут я впервые увидел, что она может так сурово принимать людей. Она поставила мою избранницу на колени перед образами и стала требовать от неё ответа:

— Любишь ли ты его?

В этих её словах я почувствовал, что решается всё в моей жизни. Девушка была в растерянности и не могла понять, почему матушка к ней относится так строго, но сказала, что любит и согласна выйти за меня замуж. И тогда схимонахиня Антония благословила нас иконой Божией Матери «Скоропослушница», пожелала счастья и почему-то стала настаивать на том, чтобы мы повенчались, несколько раз повторила, чтобы мы повенчались. Я подумал: «Почему она об этом столько раз говорит?» Для меня это было само собой разумеющимся. Но случилось так, что обвенчались, мы действительно не сразу. Мне очень хотелось уехать на Урал, к родителям, принять священство и служить там, чтобы помогать людям, рядом с которыми прошло моё детство, с которыми я общался в пору моей духовной юности. С этими чувствами я приехал со своей супругой к матушке, чтобы она благословила нас. К моему удивлению, матушка не благословила нас ехать на Урал. Она спросила:

— Где вы будете жить?

Я ответил, что у меня там живут родители и мы снимем квартиру.

Но именно по этой причине она нас отговаривала и советовала оставаться в Московской области.

Однако у меня был настолько сильный порыв служить людям на родине, что она согласилась, и нехотя нас благословила. Поехали мы с чувством неопределенности: действительно, где мы будем жить?

Когда мы приехали на Урал, Господь всё устроил чудесным образом: мы наконец повенчались. Вскоре меня рукоположили во диакона, а через неделю во иерея и направили на приход. После этого, в точности по словам схимонахини Антонии, мы стали скитаться с одного места на другое, нигде у нас не было жилья. Мы жили и на квартирах, и в церковном подвале. Когда у нас родилась девочка, нужно было решать: либо будем продолжать скитаться, либо всё-таки переедем в Московскую область, потому что первое, что нам сказала матушка: «Ваше место служения в Московской области».

После полутора лет служения на Урале я приехал к епископу Афанасию просить благословение на перевод в Московскую епархию, хотя многие говорили мне, что получить его очень нелегко.

Но владыка меня благословил, и я считаю, что это случилось по молитвам схимонахини Антонии. Видя нашу немощь в перенесении жизненных неустройств, она помогла нам сделать перевод. После приезда в Москву мы отправились к ней на могилку, просили её молитв, чтобы она помогла нам определиться, где служить, что делать дальше. Очень скоро пришло мне назначение на один из приходов Московской области во вновь построенный храм. Милостью

Своей Господь сподобил меня уже несколько раз возить на могилку к матушке Антонии прихожан храма. Люди, побывавшие на могилке у старицы, получали духовное утешение, и наверняка что-то в жизни у них менялось к лучшему.

Из воспоминаний иеромонаха Евлогия

С матушкой я встретился в 1995 году. Мне посоветовали поехать в Толгский монастырь и побеседовать с матушкой Антонией. На Толгу я прибыл в августе, в день празднования Толгской иконы Божией Матери. После праздника на второй день я зашёл к матушке Антонии. Встретила она меня ласково. Мы с ней как-то сразу поняли друг друга, породному с ней разговаривали, нашли общий язык. Я был тогда уже иеромонахом, и матушка меня обличала:

— Батюшка, ты мало молишься!

Приехавшая вместе со мной монахиня стала возражать, а матушка говорит ей:

— Молчи, ты ничего не знаешь! — и повторила, обращаясь ко мне: — Ты мало молишься, тебе нужно молиться за весь мир!

Я ей тогда ответил, как бы с усмешкой:

— Как же, матушка, за весь мир, как бы за свои грехи молиться?

Говорила матушка, что надо постоянно читать Иисусову молитву. Служил я тогда каждый день, и матушка это очень одобряла, говорила, что надо как можно чаще служить литургию.

Потом говорю ей:

— Матушка, скорблю о том, что в Москве служу, суетно очень, мне бы хотелось уединённой жизни.

А она мне ответила:

— А ты будешь жить в лесу!

— В каком ещё лесу?

— Да, будешь жить один в лесу, на острове!

— Как же, матушка, один, а как я служить там буду?

— А потом братия к тебе соберутся, потом будешь не один.

Вот так она меня тогда обнадёжила. И всё это сейчас, через столько лет, исполнилось. Сейчас вокруг нас лес. Поначалу я приехал один на остров Анзер, а теперь уже и братия собралась, каждый день служим, литургию совершаем. Приехал я сюда в 1999 году, а сейчас нас много уже собралось.

Мне запомнился её облик: с одной стороны, она была такая строгая, брови нахмурила: «Тебе нужно за весь мир молиться, мало молишься», а с другой — какая-то светящаяся, благодатная...

Из воспоминаний протоиерея Николая К.

В первый раз я поехал в Москву к матушке Антонии с двумя прихожанками в 1989 году. Когда я переступил порог её келии, то матушка Антония, не знавшая меня и до этого ни разу не видевшая, назвала меня по имени, которое я действительно ношу, сказав:

— Отче Никола приехал ко мне, отче Никола приехал.

Я был удивлён её прозорливостью, ведь я зашёл в гражданской одежде. Матушка меня приняла очень добродушно и ласково. Беседовала со мной, давала мне наставления, как себя вести правильно в жизни. У меня было такое ощущение, будто я с матушкой давно знаком, никакой напряженности, никакой натянутости не ощущалось, всё просто, душевно. Матушка попросила меня рассказать сон, в котором мне было предсказано, что я должен умереть. Я ещё больше удивился, откуда она и это знает. Я всё ей рассказал, тогда она и говорит:

— Тебя Господь помиловал и продолжил твою жизнь для покаяния.

Так и было в действительности. Сделали мне операцию, после которой я был на грани смерти, но Господь помиловал меня. По милости Божией я поправился и стал священником. Матушка открыла моё прошлое и будущее и сказала:

— Будешь служить и несколько храмов отремонтируешь. Но не гордись и не тщеславься.

Ещё при жизни земной Господь наделил матушку Антонию даром прозорливости за её подвижническую жизнь, за её любовь к Богу. Она много пострадала в сталинское время, терпела и Господу молилась не только за себя, но и за всех людей православных. Когда я прощался, матушка попросила меня во второй мой приезд причастить её, и эту просьбу мне удалось выполнить, но сейчас сожалею, что мало её посещал.

Прошу прощения у матушки Антонии и у всех близких ей. Оставайтесь с Богом.

Из воспоминаний монахини Анастасии

Едва ли доступно земному мудрованию давать оценку тем лицам, которые уже вне суда земного. Но без внимания к их жизненному пути, к тому, что проделано ими в жизни, понять их духовную жизнь едва ли возможно.

Матушка схимонахиня Антония стоит в ряду подвижников, сохранивших твёрдое исповедание веры, верность Православной Церкви. Наша земная жизнь течёт по воле Божией, и счастливы мы, когда Господь посылает на землю избранников Своих, с которыми мы испытываем духовно-нравственное родство и которые освещают нашу жизнь. Таким светильником для меня была матушка Антония.

Однажды я приехала к матушке в подмосковную Салтыковку. Она занемогла, тихонечко сидела в коляске в дальнем углу комнаты, молилась. Увидев меня, сказала:

— Много добрых дел. Скоро уйдёшь из жизни. Собирайся, этим годом уйдёшь!

Вы можете представить моё состояние? Когда касается тебя, вся духовность, разум моментально вылетают, и нападает ужас. Я подумала: «Тело — пусть умрёт, душа живёт вечно!» Я посмотрела на матушку, в глазах её была любовь, вся она была в духе, смотрела вдаль...

Потом я не раз бывала у неё. И била она меня, и ругала, и жалела! Однажды я с любимыми друзьями приехала к матушке. В тот день она по-молодому нам пела! К моему удивлению, матушка стала бить меня по щекам, приговаривая: «Береги щёки, береги щёки!» Из комнаты мы вышли втроём, но я вернулась и сказала:

— Ты меня, матушка, прости!

Я не могла понять причину её гнева. Совершенно спокойно, как будто ничего не произошло, она спросила:

— За что?

— Я тебе дала повод побить меня! — ответила я.

— Ты хорошая, — сказала она, — иди с Богом!

И опять я почувствовала то духовное родство, которое сближает людей, стремящихся жить с Господом. Матушка всегда была с Господом, ей многое Господь открывал!

Не сразу поняла я слова и действия матушки, но она таким образом дважды предсказала мне монашество. Предсказала мне крест скорбей, на котором висеть очень тяжко. Благословила на величайшее таинство, величайшее счастье. Примерно за месяц до пострига в монастыре, ранним солнечным утром, когда все ещё спят или просыпаются и удивительно беззаботно-красиво поют соловьи, вышла я из келии на крыльцо, чтобы пойти в храм и зажечь лампадки. Не успела я сделать и шага, как на меня напали четыре немецкие овчарки, стали больно кусать. Монастырский двор был пуст. Сторож скрылся в будке, уже покусанный ими. Спрятаться было негде, оставалось только спрыгнуть с крылечка, что я уже и намеревалась сделать. Но вдруг совершенно отчетливо услышала голос матушки: «Щёки, щёки береги!» Я подумала: прыгну, они лицо мне изуродуют! Так матушка, как бы малой кровью, спасла меня. Если бы я прыгнула, огромные собаки могли загрызть меня!

Во время монашеского пострига, когда архимандрит Кирилл произнёс имя Анастасия, я совершенно чётко увидела перед собой, почувствовала матушку — такой силы была её молитва, такой силы был её дух! Так она отдала мне своё мирское имя!..

Из воспоминаний монахини Димитрии

Первый раз мы встретились с матушкой в 1988 году в Почаеве. Тогда она сказала мне:

— Ты будешь невестой Христовой.

Тогда я не поняла её слов, но после этого случая искала встречи с матушкой. И вот я в её московской квартире. Она рассадила всех, а нас было, наверное, человек двадцать. На каждого она смотрела и говорила что-то ему нужное. Я же только сидела и слушала и, когда все собрались уходить, подумала: наверное, я такая грешная, что она на меня даже не посмотрела. И вдруг она обратилась ко мне:

— А ты подожди.

Затем пошла в кладовочку и вынесла оттуда... камертон, сказав:

— Мне он уже не нужен больше, это — тебе.

Взяла я камертон и хотела выйти из дома, но матушка говорит: «Стой!» — снова удалилась и вынесла старинный канонник, потом снова говорит: «Стой!» — и выносит духовные книги святых отцов, ноты церковных песнопений, её рукою напцсанные, ещё какие-то книги.

Мои спутники заинтересовались и даже стали немножко роптать: мол, почему только ей? А мне вдруг неловко стало, надо вроде бы поделиться, а мне что-то не позволяет, не хочу делиться! Потом мы снова приезжали к матушке, и она мне наедине сказала, чтобы я не ходила с этими людьми.

У меня было двое детей, одной девочке четыре годика, а другой двенадцать. Я их оставляла в Кривом Роге в трёхкомнатной квартире, а сама уезжала к матушке. Приеду в Москву, говорю ей, что у меня дети одни в доме, надо срочно возвращаться, а она отвечает:

— Не волнуйся, пока ты у меня, с твоими детьми ничего не случится.

Действительно, бывало, что по неделе у неё жила, а однажды на десять дней задержалась. И когда возвращалась домой, видела, как всё чудесно устраивалось: старшая девочка водила маленькую в садик, сама же посещала школу.

Конечно, я чувствовала её святые молитвы, духовно подкреплялась у неё и находилась под покровом благодати Божией. Она многое предсказала о делах моих, и всё это сбылось.

Матушка была для меня близкая и очень простая. Но в то же время она была недосягаемая, потому что её поступки были такие неординарные, такие непривычные для меня. Когда я возвращалась от неё из Москвы, то обязательно получала письмо-благодарность. Она меня всегда благодарила. «Получила, — напишет, — твоё письмо, очень рада, получила посылочку, платочки. И очень благодарю». Такая у неё благодарность была, а мне казалось, что я ничего для неё не сделала. За всякую мелочь она благодарила. Она писала: «Милая моя дочь!» Какие у неё слова были ласковые! И о своей жизни она писала: «Я очень слабая, силы нет, не могу ничего делать. Дома плохо. Вино у нас льётся, слова идут плохие. Никогда сердце не бывает покойно, обиды терплю. За ним надо ухаживать[60], а он меня обижает. На меня не обижайся, я уже там, в другом мире. Прошу тебя — молись за себя, за детей. За всё благодари Бога и учи детей добру. Почаще читай «Верую». Не ропщи ни на кого, почаще принимай Святые Дары. Научай детей Евангелие читать — и каждый день читать! Прости меня, до свидания. Мать. Схимница Антония».

Матушка мне сказала:

— Ты запиши, себя запиши и детей своих запиши

Я дала ей эту записочку. А она взяла эту записочку, как что-то такое очень дорогое. И с таким благоговением, с такой любовью она эту записочку держит в руках и говорит мне:

— Вот, я вас заберу с собой. Я вас всех заберу с собой!

Такая была у неё необычайная любовь ко всем. Я подумала: она меня первый раз видит, она меня не знает, детей моих не знает и уже говорит: «Заберу!»

Помнится, матушка всем нам рассказала о тропаре «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» и спросила меня:

— Сколько тебе годков-то?

[60] За сыном Михаилом.

— Тридцать, — говорю.

— А сколько в году дней?

— Триста шестьдесят пять.

— Триста шестьдесят пять помножь на тридцать, сколько получится. — Столько ты должна прочитать тропарей «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». А почему? Потому что каждый день мы совершаем убийство словом. Для нас как будто бы оно не обидное, но мы человека можем убить этим словом а молитва покрывает этот грех.

И она многих учила этому, призывала молиться так.

Часто мы не могли понять ни её слов, ни действий, а она все делала точно, но окружающие не понимали. Вот пример-однажды мы были у матушки в гостях с моей духовной сестрой. Неожиданно захлопнулась дверь, и мы никак не могли ее открыть, а нам нужно было срочно уезжать.

Матушка говорит:

— Я вот брошу ключи вниз, а ты возьмешь эти ключи принесёшь и откроешь. ’

Я подумала, что она ко мне обращается, но как же я, со второго этажа что ли прыгну вниз? Матушка ничего не ответила на моё недоумение, и только потом я поняла: она разговаривала совсем с другим человеком, который был далеко, но вскоре пришёл, поднял ключи и открыл дверь снаружи.

Матушка была необыкновенным человеком, настолько деятельным, что эта её энергия передавалась людям, зажигала нас изнутри. Когда преподобный Серафим Саровский приходил на клирос, так он всех веселил: видит, что регент стоит унылый, ну как споёт: «Господи, помилуй; Господи, помилуй!» Так и матушка — она вся горела любовью к Богу. Когда она пела, из неё будто огонь выходил. В ней, как и у преподобного, была такая энергия и такая любовь, что она не просто пела: «Господи, помилуй», у неё вырывалось из груди... У меня такого нет, я не могу даже показать, но я чувствовала, какая она была огненная. Она горела, она горела пением.

Матушка всегда говорила мне и увещевала, чтобы я не осуждала ближнего, напоминала в письмах: «Не осуждай!» Ей открывались и помыслы осуждения. Приехала я как-то к ней, а она посмотрела на меня и говорит:

— А блудниц не осуждай.

И в самом деле, у меня было в мыслях осуждение, а матушка это увидела во мне.

Матушка многое предсказывала мне о дальнейшей моей жизни. Она говорила:

— Вот ты будешь невестой Христовой, будешь подвизаться в монастыре.

— Матушка, где же я буду подвизаться?

Она подумала-подумала и говорит:

— Вот там, где-то под Киевом, монастырь.

И действительно, сейчас я живу в этом монастыре под Киевом...

Из воспоминаний монахини Евдокии

Матушка Антония была истинной рабой Божией, всегда была с Богом, и я это ощущала с самого начала нашего знакомства. Конечно, всего, что матушка говорила, всех советов и случаев её прозорливости не опишешь. Это всё в сердце. Но кое-что постараюсь вспомнить. В 1998 году Господь сподобил меня принять постриг с именем Евдокия.

А познакомились мы с матушкой Антонией более десяти лет назад в Киеве во Владимирском соборе. Тогда я жила в миру и о монастыре не помышляла. В соборе я обратила внимание на старенькую матушку, подошла к ней. Возле неё находились ещё несколько женщин, которые внимали её рассказам. Вдруг стали звонить в колокольчик, чтобы все выходили из храма. Я взяла матушкин рюкзак и вместе со всеми вышла. Сели мы на скамеечке, кроме меня — ещё двое, и продолжали беседу. Когда стемнело, обе женщины поспешили домой, так как жили далеко от храма. Осталась я одна с матушкой. Впоследствии она говорила:

— Я знала, что одна из трёх будет моя.

Предложила я ей пойти ко мне ночевать, но матушка ответила:

— Нет! Монах должен ночевать в монастыре.

Повезла я её во Флоровский монастырь, но пробыли мы там недолго.

— Нет, не моё, поехали домой, — сказала матушка, а домой — это в Покровский монастырь.

Помню, как матушка ещё при разговоре возле Владимирского собора спросила у меня:

— Хочешь быть монашкой?

— Что Вы, матушка, я же такая грешная!

— Все мы грешные, а будешь монашкой.

Хотя у меня тогда и дети были (муж уже умер), семья, работа, заботы... Поехала матушка в Покровский, а душа моя — за ней. Не выдержала я, на другой день приехала туда впервые, стала её искать. Матушку Антонию не нашла, но зато познакомилась с другой, с покровской монашенкой, ныне тоже покойной. И та мне сказала:

— Приходи к нам в монастырь.

Я ей говорю:

— Ведь замужем я была, дети, как в монастырь?

— Ничего, и я замужем была...

Так и сложилась в сердце мысль о монастыре. В другой раз пришла в Покровский монастырь, купила ватрушек, положила в кулёчек. На этот раз матушку нашла. Побеседовали мы с ней, отвела я душу, — и матушка вызвалась меня провожать, потому что было уже поздно и темно. Довела до ворот — а там, на территории монастыря, стояли какие-то сарайчики, гаражи, а за

загородкой — собака: как кинется на нас с лаем. Я перепугалась, говорю матушке, что боюсь, — а она:

— Ни до чего не дотрагивайся. Может разорвать.

Сначала я не поняла, ведь и так ни до чего не дотрагивалась, а уж после Господь вразумил, что это ко всей моей жизни относится. Чтоб ни к чему не прилепляться, не испачкать душу.

Ездила я с матушкой и в Почаев, и в Одессу. Ходили мы с ней и другими сестричками на могилку к преподобному Кукше, вспоминала она о нём, рассказывала, пели мы псалмы духовные. Очень памятно всё. Помню, раз приехала я в Почаев, поднимаюсь по ступенькам в собор ранним утром, людей мало. А наверху лестницы — матушка Антония! От радости руками развела:

— Неужели это ты?!

Забрала меня к себе в номерок гостиничный.

Раз пришли мы с ней из церкви, а она мне и говорит:

— Ольга, делай сейчас же поклоны. Сделай двадцать один поклон, да смотри — ровно, правильно клади!

Я с радостью ответила:

— Матушка, благословите! — и стала кланяться. А она сказала:

— Тебе же не трудно!

— Нет, но почему всё же именно двадцать один поклон?

— Позже узнаешь!

Уже через годы Господь открыл, что это значило. У нас в нижней церкви на праздник Почаёвской Божией Матери стояла я возле иконы и вдруг — как будто голос в ушах: «Двадцать поклонов — мытарства, а один поклон — Господу сделаешь». И вспомнилось, что она про него, этот последний мой поклон, сказала:

— Вот этот единственный поклон ты правильно, красиво положила.

И ещё помню одно матушкино пророчество про Украину. Она говорила, что больше всех пострадает Украина (в последние времена), что будет трудно, даже голод будет. Но успокоила:

— Я буду с тобою, мы будем с вами.

Помню, как первый раз приехала к ней в Москву, вышла из такси, подхожу к квартире. Она двери открывает.

— Матушка, — говорю, — это я!

А она, в радости и слезах:

— Как я тебя вспоминала, ожидала!

Дала мне свой молитвенничек старенький, а я ей поплакалась:

— Матушка, как бы мне Евангелие хотелось.

Ведь тогда такое время было, что не достать ничего из святых книг... После нашей беседы матушка Антония ездила в Почаев и оттуда прислала мне платочек (с лика Матери Божией) и Евангелие. Когда мы встретились, она сказала:

— Нигде не было, так я к игумену пошла просить, сам игумен Почаевский дал!

Как ехала я, бывало, к матушке — так всё старалась самое лучшее, самое хорошее ей купить. Раз привезла ей длинный рушник и ещё разных гостинцев. Она поглядела на рушник и говорит:

— А к чему ж этот рушник? Да, это твоё мытарство будет, длинное такое и прямое...

Подарила мне матушка крестик нательный от какого-то старца (не сказала, какого). Благословила со словами:

— На, держи. Тяжёлый-то крестик!

Я взяла в руки;

— Да он же, матушка, лёгкий!

А она и говорит:

— Помоги тебе Господи.

Не поняла я тогда, не дал Бог разума, что это она про дальнейший мой жизненный путь говорит. Сколько довелось всего испытать, как я скорбела, так тяжело — прямо невыносимо было! А крестик я ношу, не расстаюсь с ним...

Матушка, конечно, была великая подвижница, она была с Богом. Господь самых низких и убогих Своих рабов возвышает: кто тут мал, тот там — велик.

Простите меня, многогрешную, за такое письмо, нескладное и простое, ведь я человек простой, неучёный, но писала искренно и от всего сердца. Наш монастырь молится за матушку —. где могла, я подала: и на псалтирь, и на проскомидию годовую, и сама, грешница, по мере моих сил молюсь.

Из воспоминаний монахини Капитолины

В начале 1970-х годов, когда я переехала в Текстильщики, ближайшие храмы к дому были — на Калитниковском кладбище и Болгарское подворье. Стала я ходить в храм на Калитниковском кладбище, пела на клиросе у регента Надежды Георгиевны по будням. А в праздники я никогда не изменяла Елоховскому собору. В Калитниках было два хора: один поёт в понедельник и вторник, второй — в среду, четверг и пятницу. А в субботу вечером собираются все — и правый, и левый хор. В воскресенье тоже разделяли — кому петь вечером, а кому — утром.

Однажды я попала в другую смену на клирос. Матушка Аполлинария регентовала, и я стояла среди певчих. Она увидела нового человека и спросила:

— Ты что, с Надеждой поешь?

— Да.

Благословили меня читать часы, потом пела я с матушкой. Она меня очень расхваливала, что хорошо читаю и устав знаю, я была даже смущена этим. Десять лет ходила я в Калитники и хорошо запомнила матушку Аполлинарию. Она мало изменилась, облик остался тем же. Иногда люди меняются так, что их не узнать, а матушку и через много лет легко было узнать.

Матушка была очень энергичная, волевая, не сказать, чтобы строгая, чувствовалась в ней доброта. Но главное в характере — очень живая и деятельная. Тогда я не знала, что у неё были духовные чада, а то, может быть, я к ней и прилепилась бы, потому что моя старица к тому времени уже умерла. Так что матушка Аполлинария жила в моём сердце, и я её хорошо помнила.

Через много лет я приехала на лето в Малоярославец. Конечно, сразу же пошла на службу в монастырь. Знакомая сказала мне, что в обители есть одна монахиня-схимница Антония, к которой ездит очень много москвичей. Она даёт советы, прозорливая. Я ответила ей, что постараюсь всё разузнать.

В Малоярославце я бывала и раньше. Произошло это при таких обстоятельствах. Был в Москве до революции монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, очень древний женский монастырь, сейчас его снова открыли. В этом монастыре жила схимонахиня Ольга. После разорения обители она работала алтарницей в храме Воскресения Словущего на улице Неждановой. Я часто ходила в этот храм, и матушка меня приметила, дала мне свой адрес и пригласила к себе. Она была богомудрая, смиренная и опытная в духовной жизни старица.

Многое рассказала она о себе. Отец привез её в монастырь, когда ей исполнилось четырнадцать лет. К ним в монастырь приезжал отец Иоанн Кронштадтский. Он их благословлял, служил в храме и очень любил этот московский монастырь. Матушка прожила в стенах обители до самой своей кончины, а умерла она в возрасте восьмидесяти лет в той же келии, где поселилась, придя в монастырь. Получилось это потому, что после революции инокиням сказали:

— Если пойдёте работать на фабрику, останетесь жить в своих келиях.

Многие сестры согласились, в том числе и матушка Ольга. Она работала уборщицей в поликлинике, потом на фабрике, и бывшая келия стала для неё постоянным местом жительства. Когда она вышла на пенсию, то устроилась алтарницей в храме Воскресения Словущего. Я очень привязалась к матушке и получала от неё много наставлений о монашеской жизни.

Матушка Ольга помогала ссыльным священникам. Так она заочно познакомилась со схиигуменом Парфением, когда тот был ещё в ссылке. Когда батюшка освободился и приехал в Москву, они встретились.

Отец Парфений был монахом Киево-Печерской Лавры. Его арестовали, десять лет провёл он на Беломорканале и на берегу Карского моря, там он едва выжил. Когда освободился, то через два года его снова взяли и дали срок, после которого отправили на вечное поселение в Сибирь. Но тут умер Сталин, и после амнистии батюшка возвратился из Сибири.

После ссылки отец Парфений списался с владыкой Гермогеном, епископом Ташкентским и Среднеазиатским. Он был наместником Киево-Печерской Лавры, когда батюшка состоял в числе братии. Владыка пригласил его в свою епархию и обещал дать приход. Отец Парфений приехал в Ташкент и стал служить в Самарканде, в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Прихожан было немало, так как во время войны здесь поселилось много русских, да и

ссыльных оставалось немало. Батюшка долго служил в Самарканде, но в конце концов решил вернуться. Он говорил:

— Хочется умереть в России.

Матушка Ольга обратилась ко мне с просьбой устроить батюшку в Малоярославце.

Сделать это было в то время довольно трудно, власти не разрешали прописывать, но у меня был родственник — влиятельный человек в городе, и я попросила оформить разрешение на покупку дома. Он помог нам, купили мы дом в Малоярославце, отец Парфений прописался в нём вместе с монахиней, потом схимницей Ниной, она тоже была ссыльной. Батюшка её постриг, и она жила в доме как келейница.

Когда батюшка переехал в Малоярославец, он уже не служил на приходе.

— На приход я не пойду — говорил он, — если бы был монастырь, туда я бы пошёл. Монах должен быть в монастыре...

Батюшка там и подвизался, служил на антиминсе в домовой церкви; здесь, в Малоярославце, он и отошел ко Господу. Могила его в Кариже, возле Покровского храма. Этот храм не закрывался во время гонений на веру. В Малоярославце закрыли всё: монастырь, церкви. Единственная церковь осталась в Кариже — туда все верующие и ходили молиться. Там же на кладбище у храма покоятся три последних монаха Никольского монастыря: архимандрит Сергий, игумен Георгий и игумен Илия. Я их видела, когда мне было четырнадцать лет, и помню их облик. Сейчас здесь скит Никольского монастыря.

Отец Парфений был строгим монахом, очень строгим. Но, конечно, более строгим к себе, а к другим был снисходительным. Больным разрешал послабление в посты. Он духовно окормлял многих людей.

В Малоярославце жили также и монахини, которые вернулись после ссылок и тюрем. Они помогали другим сестрам устроиться в городе. Снимали обычно какую-нибудь маленькую комнатушку.

Благодатный город — Малоярославец. Здесь жили не только монашествующие, но и профессора, учёные, которые должны были селиться после лагерей и ссылок за сто первым километром. Помню, бывший московский профессор Валериан Валерианович многое рассказывал нам. Жила там Ольга Фёдоровна, из дворянского сословия, — у неё и устраивали вечера, делились воспоминаниями. Мне они доверяли, и очень интересно было их слушать. Приходили монахини и монахи, среди них был отец Георгий — последний монах из Черноостровского Никольского монастыря.

После встречи с отцом Парфением моя мать духовная Ольга попросила батюшку постричь меня.

Владыка Гермоген (Голубев) ещё в Самарканде дал отцу Парфению благословение постригать в иночество, и батюшка постригал многих.

Отец Парфений ездил к старцу Сампсону в Москву. Беседовали они подолгу. Я сопровождала батюшку в этих поездках к старцу Сампсону и сама познакомилась с ним.

Возвращусь к нашей встрече с матушкой Антонией в Малоярославце. Близкая моя знакомая помогла мне попасть к ней. Было это в 1998 году. Когда она привела меня в келию, матушка Антония говорит:

— Садись со мной рядом, на мою кровать.

Я к ней подсела. Матушка долго со мной беседовала, расспрашивала о жизни, какое у меня правило, как молюсь, как в храме тружусь. Я спросила её:

— Матушка, может быть, закончить мне трудиться в храме, а приходить только когда смогу, когда по силам, а в другое время дома помолюсь?

— Нет, монах должен в храме быть до конца своей жизни; всё время стремись в храм. Как можно больше будь в храме. И если есть силы и Бог даст терпение и крепость, надо трудиться в храме.

Когда я узнала, что матушка регентовала в Калитниках, то уже точно вспомнила её. Много раз подходила потом к ней в храме, брала благословение. Когда я уезжала, она благословила меня и сказала:

— Бог тебя благословит, поезжай с Богом в Москву.

Недавно попалась мне книга про Аносину пустынь[61]. Там есть строки о владыке Серафиме (Звездинском). Когда его сослали на север, то в Москве он останавливался на одну ночь. Духовные чада приняли его тайно на квартире, и одна из инокинь спросила тогда:

— Владыка, мы так любим свою Пустынь, так сейчас плачем, что её закрыли. Неужели никогда уже не возвратимся мы к монашеской жизни и не будет монастырей?

Он ей ответил:

— Обители могут открыться и будут ещё на Руси, но эти монастыри недолго продлят своё существование... В них не будет ни старчества, ни духовности — одна физическая работа. Руководителей духовной жизни в них не будет.

Ведь монастырь — это школа благочестия, и каждая монахиня должна была бы иметь духовную мать — старицу, такую, как мать Ольга, мать Антония. Я приходила к ним и открывала не только дела, но и мысли. И они меня наставляли, они вели меня ко спасению. Чтобы принимать откровения помыслов у сестер, надо иметь опыт духовной жизни. Или это может быть чудо, когда Господь особо призывает. Сегодня в обители нет стариц и опытных монахинь — таких, как матушка Антония, как матушка Ксения[62]. Молодые в монастырях больше трудятся, молятся. Труд и молитва — это хорошо. Но ведь всё начинается с помыслов. Если помысел плохой пришёл, надо его сразу убить, как о том поется в псалме: «Блажен иже имет и разбиет младенцы твоя о камень» (Пс. 136, 9). А кому открывать помыслы? Кто будет руководить твоей духовной жизнью? — Таких людей в монастырях почти что нет.

Святитель Игнатий Брянчанинов говорил, что монахи последних времён должны руководствоваться Священным Писанием и творениями Святых Отцов, где можно найти ответы на духовные вопросы. Я благодарю Бога, что Он на жизненном пути удостоил меня встреч со старицами – схимонахинями Ольгой и Антонией. Их наставления всегда в моей памяти.

---

[61] Женская Оптина. М., «Паломникъ», 1997.

[62] Схимонахиня Ксения похоронена рядом с матушкой Антонией на кладбище. Она долго подвизалась в Елоховском соборе (примерно пятьдесят лет) и была алтарницей правого Благовещенского придела. Она была хорошим, мудрым человеком, к ней можно было подойти, посоветоваться, очень духовная и строгая была монахиня. И вдруг я встретилась с ней в Малоярославце в монастыре. Она сказала мне:
— Мой духовник отец Николай определил меня сюда. У меня было немного сбережений, пенсия, и всё отдала я в монастырь. Живу тут хорошо, за мной ухаживают, даже в храм на колясочке возят.

Из воспоминаний инока Серафима

Встретился я с матушкой в Малоярославце. Она меня благословила и пригласила на беседу в свою келию. Матушка меня поучала о терпении, послушании, молитве. Потом вдруг спросила:

— Ты кем хочешь быть?

— Епископом. Владыкой.

— Много хочешь, но мало знаешь. В аду много мантий архиерейских, весь ад покрыт. Если хочешь, чтобы там была и твоя мантия, то будь Владыкой.

Я ужаснулся от этих слов. Очень долго мы разговаривали. Когда я стал собираться, то попросил:

— Матушка, благослови, я пойду.

— С кем?

— С Богом, матушка.

— Хорошо, что с Богом.

— А с кем ещё, матушка?

— С Ангелами и всеми святыми.

— Спаси вас, Господи.

И дала мне просфору со словами:

— На тебе, Серафим, святыньку.

А я тогда был ещё Алексей и говорю:

— Матушка, я ж не Серафим, а Алексей.

— Ничего, всё равно, Серафим и Алексей.

А теперь с 1 ноября 2000 года стал я Серафимом рясофорным.

Из воспоминаний Татьяны К.

Впервые я побывала у матушки в феврале 1995 года. Уже год у меня было благословение съездить к ней. Но останавливало малодушие и боязнь чего-то непознанного. В то время я уже читала книги о жизни подвижников и знала, что нарушить благословение старца или старицы — значит отклонить волю Господню. А готовности узнать свой жизненный крест ещё не было.

Поехала я в Ярославль на Толгу, чтобы попросить у матушки молитв за тяжело больного человека. От Ярославля до монастыря шла пешком: решение ехать пришлось принимать спешно, и надо было привести в порядок мысли, успокоиться, подготовиться к встрече. Пока

шла, думала о болезни батюшки, о своей судьбе. Было ожидание чего-то нового, которое вот-вот должно открыться. Всю дорогу твердила молитву: «Господи, через матушку Антонию открой мне Твою волю, но не дай мне креста, которого я не смогу понести!»

На проходной я сказала, к кому пришла. Через некоторое время меня разыскала келейница матушки и привела к ней в келию. Смятение и беспокойство сразу отступили. Когда я собиралась ехать к матушке Антонии, меня предупреждали: «Тебе, может быть, и непонятно вначале, что она будет говорить. Она — схимница, у неё свой язык!» Но на самом деле меня как раз поразила речь матушки, она говорила на моём языке, употребляла слова моего круга общения. Чувствовалась простота, близость, даже родственность.

«Батюшка не умрёт. Он очень нужен, ещё нужен людям!» — так ответила матушка на мой первый вопрос.

Рассказала я о матери. В то время она была неверующей, хотя и крещёной. Мама была обеспокоена моим интересом к Церкви, говорила: «Ну, можно свечку поставить, но зачем так этим увлекаться? Ты переучилась!» Рассказала я всё матушке. Она помолилась и говорит:

— Ничего-ничего! Пусть читает «Достойно есть...»

Впоследствии мама изменила своё отношение к религии, стала приступать к церковным таинствам.

О себе в тот раз говорила мало. Матушка учила молиться не спеша, чётко выговаривая слова и благоговейно накладывая крестное знамение, проговаривала простые, коротенькие молитвы. Одарив меня просфорочками и гостинцами, матушка благословила в обратный путь. Мне захотелось заехать в Сергиев Посад, поклониться мощам преподобного Сергия. Говорю матушке о своём намерении. А она:

— Тяжело не будет? Смотри!

Не подумав, самоуверенно говорю:

— Нет! Я же там бывала уже!

Вспоминать слова матушки пришлось позже. Автобус на пути из Ярославля в Сергиев Посад сломался. Приехала в незнакомый город, темно, Лавру не найду, да и не пустили бы меня туда среди ночи. Вот и пришлось ночевать на станции с бомжами и сомнительными личностями. Всё обошлось благополучно только по молитвам преподобного Сергия да, наверное, и матушки!

В июле я снова встретилась с матушкой Антонией. На этот раз меня волновала судьба моего брата-военного: его послали в Чечню, и от него уже долго не было никаких вестей.

В это время матушка испытывала трудности. В монастыре многие были недовольны, что к схимнице со всех сторон едут люди. Милостью Божией мне всё-таки удалось поговорить с матушкой Антонией. На этот раз меня провели в кедровник, что на месте явления Божией Матери епископу Трифону.

— Видишь, я здесь, как в раю! — улыбнулась мне матушка.

Меня удивило, что она меня узнала и в точности повторила мне слова, сказанные ранее про маму. Про брата сказала:

— Никуда он не пропал! Вот, я его сейчас вижу... Закажи три молебна (матушка назвала, какие), и он объявится!

У меня был друг. Когда-то он впервые привёл меня в храм. Но со временем я стала понимать, в каком трудном душевном состоянии он находится. Объяснять ему что-либо в то время было бесполезно. Его письма оставляли тяжелый осадок, а порвать с ним я тоже не могла.

Матушка о нём сказала:

— Выкарабкается![63]

На этот раз я решилась спросить о себе. Матушка говорила только хорошее. Каюсь, возникло даже сомнение: может ли быть всё так гладко?

Спросила:

— Матушка, а замуж я выйду?

— Выйдешь, если захочешь!

И говорит келейнице:

— Ты погляди мне, какая она счастливая! Посмотри на неё, посмотри!

Мне стало неловко, но, с другой стороны, было легко и радостно. Матушка благословила меня шишками из кедровника, где было в 1314 году явление Богородицы, и я благополучно успела на нужный мне поезд. Дома я заказала нужные молебны. Через некоторое время мама получила от брата телеграмму из Чечни: «Жив, здоров!..»

А вот цена моего маловерия оказалась дорогой. Вскоре меня стали благословлять в монастырь. Я пробовала смириться, но пришла в отчаяние, была близка к душевному расстройству. Сейчас я понимаю, почему это произошло. Ведь матушка предупреждала: «Кто бы тебе что ни говорил...» На ум приходят и слова Спасителя: «Маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф. 14, 31).

Спустя некоторое время мой друг раскаялся в своих оккультных увлечениях, понёс епитимью. Теперь «выкарабкиваемся» вместе.

Уверена, что матушка не просто предсказала мне ряд событий, она вымаливала их для меня! Может ли быть всё гладко на пути спасения? Конечно нет! Но молитвами Богу угодивших людей сглаживаются овраги и крутизны наших «карабканий» на этом пути! Не знаю, может ли человек быть счастливым на Земле? Но слова матушки не могут быть ложными, а это значит, что она и сейчас вымаливает для меня счастье. В вечной жизни оно возможно наверняка!

Из воспоминаний Марии Н.

С матушкой Антонией я познакомилась восемь лет назад, её адрес дала мне приятельница по работе. Пришла я к ней с большим горем: у меня похитили дочь. На тот момент её не было дома, наверное, двадцать четыре дня. Меры были приняты, конечно, но безуспешно. А матушка, выслушав меня, сказала мне, что дочь моя жива, что мне надо подать три записки в три церкви за здравие, в честь Святой Троицы, в одной из них самой молиться о дочке,

[63] Спустя некоторое время мой друг раскаялся в своих оккультных увлечениях, понёс епитимью. Теперь «выкарабкиваемся» вместе.

поставить по три свечи в каждой церкви: Спасителю, Божией Матери и Николаю Угоднику, что я, естественно, на следующий день и сделала. В этот день она меня сразу обрадовала, что дочь жива, что я её увижу через два дня.

Матушка сказала: «Не переживай, я буду молиться», — и, кроме того, дала мне молитвы, которые должна была читать я сама.

Когда я возвращалась домой из церкви, то пошла пешком, хотя от метро можно было доехать автобусом. Я шла и думала: сейчас приду — а её сапоги у двери. Хотя дочери дома не оказалось, но чувство такое было, потому что она в этот момент уже ехала в поезде, как потом выяснилось. На следующий день дочка моя была уже дома, жива и здорова. Конечно, нервную систему мы лечили, целый месяц этим занимались, но, слава Богу, закончилось всё благополучно.

Когда матушка меня выслушала, она мне сразу сказала, что дочку похитили практически от дома. Она ехала из Серпухова на автобусе, должна была выйти на кольце и ещё доехать до Ясенево. Это было 4 января, примерно в половине седьмого вечера, и шёл сильный снег. До дома она не доехала две остановки: её силой посадили в машину и повезли в Батуми. Ей было на тот момент восемнадцать лет. Ехали, как она рассказывала, три дня. Дочка плохо переносила езду в автомобиле и часто теряла сознание. В Батуми дочь прятали на квартире в течение двух недель. Её готовили для продажи в Турцию. Матушка сказала, что машина была тёмно-бордовая. С точностью описала, в каком доме моя девочка находилась. Был такой момент, когда дочь хотела выброситься из окна. Матушка и про это сказала: что она хотела покончить жизнь самоубийством, но у неё ничего не получилось. Всё это матушка описала точно: как дочка там находилась, как ей помогали, как её проводили. Через двадцать шесть дней по молитвам матушки Антонии дочь была дома.

Пожалел её молодой парень, который, в сущности, не занимался этими делами. Он просто случайно попал в эту квартиру и увидел её. А на следующий день он её выкрал оттуда и увёз к своей сестре в военный городок. И там она была, наверное, дней десять. Потом военный, муж сестры этого парня, вывез её на машине и проводил до поезда. Вот так она и вернулась.

С тех пор мы с дочерью часто ходили к матушке, и она лечила нас своими молитвами. Потом она благословила дочку на брак. Я и со второй дочерью к матушке приезжала перед тем, как ей выйти замуж, — и в этом матушка помогла. К нам она относилась очень дружелюбно, всегда нас радостно встречала. Дочку мою она звала то королевой, то принцессой: «Ой, королева моя пришла». Она её очень любила. Мы даже были у неё с дочерью перед самым декретом, когда она уже была Машей беременна. Мы приходили, конечно, не только когда у нас что-то случалось, но и просто навещали. Но, когда приходили с бедами, она сама видела, что может случиться, и советовала, как поступить.

В 1997 году зимой мы навестили матушку Антонию в монастыре в Малоярославце. Поехали мы туда с сестрой Л., у которой не было детей. Она упорно лечилась пять лет. И вот в конце января мы поехали к матушке. Врачи говорили, что причина в муже, что это от него она не может родить. Как только приехали к матушке, сестра стала жаловаться, что не может родить ребёнка из-за мужа. Матушка ответила:

— Ты на мужа не клевещи. Не в нём причина, что у вас столько лет нет детей. Виновата ты!

И назвала истинную причину бесплодия — аборт.

Сестра, конечно, расплакалась, потому что это была её последняя надежда. Но матушка её успокоила:

— Можно умолить Бога, и я тебя благословляю. Окунись в нашем источнике, когда будет потеплее. У тебя будет ребёнок. Но ты должна его вымолить.

Она дала сестре молитвенное правило, благословила почаще ходить в церковь. Всё, что матушка велела, сестра выполнила. Было холодно, двадцать восемь градусов мороза, но всё равно она окунулась. Когда мы подошли к источнику, он был затянут льдом. Л. пробила лёд пяткой. Когда приехали в Москву, она высушилась феном и тут же уехала к мужу. Даже не осталась у нас ночевать. Она сама медик, она высчитала всё до дня. В тот же день она зачала дочь Настеньку, названную в честь матушки. Это был наш последний визит. После этого мы больше не виделись. Собирались много раз, но нам говорили, что к ней уже не допускали.

По каким бы вопросам мы ни обращались к матушке Антонии, с каким бы горем ни появлялись, уезжали с лёгкой душой, с надеждой. Не было такого, чтобы она нам что-то сказала — и это не сбылось. Много, например, она говорила моей маме такого о её жизни, что та сама забыла, а потом вспоминала. Матушка сказала моей маме:

— Тебе помогает родственник по твоей линии. У вас в роду был священнослужитель.

А мама этого не знала. Но потом спросила у старшего брата своего, и тот ответил:

— Да, дядя наш родной, брат отца, был священнослужителем, и его расстреляли во время гонений на веру.

Матушка подтвердила:

— Он за вас молится, вам помогает, и всех детей ты поднимала с его помощью.

Первые два года после знакомства бывала у матушки часто. Не было такого месяца, чтобы я хотя бы два раза к ней не приехала. Здоровье она мне восстанавливала много раз. Приеду больная, она почитает, перекрестит, подержит рукой — и всё, я уезжаю совсем другим человеком. Вот этим и помогала.

С любовью матушка отнеслась к мужу сестры Анны, он к ней потом не раз приезжал, замки ремонтировал. Миша-то постоянно их выбивал, так он дверь ремонтировал, делал ремонт в комнате, где у неё иконостас. Она говорила Ане, что муж её очень хороший человек, чтобы она его берегла, ценила. Бывало, что я подолгу у неё сидела, приеду, скажем, в десять часов утра, а уезжаю в четыре, весь день могла у неё находиться, помогала по дому. Были такие моменты, что она людей отправляла. Она говорила:

— Сначала одумайся, как следует подумай, веру приобрети, потом приходи, а сейчас уходи.

Когда матушка рассказывала, её можно было слушать сутками. Я столько радости и пользы получала! И как только становилось хуже — плохое самочувствие, скорби, — я сразу ехала к ней. Даже когда матушка болела, лежала с высокой температурой, меня она узнавала всегда и радовалась приезду.

Из последних наставлений матушки запомнилось, как говорила она о том, что нужно обязательно найти духовного отца:

— Найди себе духовного отца, который поймёт тебя. Это сразу заметно. Ты сразу почувствуешь, как он тебя слушает, какие вопросы задаёт, как он исповедь принимает... Нужно рассказывать ему всё, буквально всё, до подробностей. То есть каяться в грехах подробно.

Когда я говорила ей о церковных нестроениях, матушка отвечала:

— Не обращай внимания, наберись терпения...

Из воспоминаний Юлии В.

Двадцать два года назад была Пасха. А раньше на Пасху три службы было: ночь служили, в семь часов служили раннюю литургию и в десять часов — позднюю литургию. Вечером началась служба, потом пасхальная заутреня, литургия, так и не уходили из храма. Пасхальная служба прошла, и матушка зашла ко мне отдохнуть. Немного поспав, она встала и говорит:

— Слушай, а у тебя дома мальчик бегает светленький. Смотри, как бегает, как бегает!

Я говорю:

— Мать, ну и что?

— А то, что сын у тебя будет через два года!

— Но, матушка, — как же это возможно? Врачи говорят, что у меня не будет детей.

— У Господа всё возможно! — ответила матушка.

А мне уже под сорок лет было.

Ровно через два года родилось это чудо — сын! — беленький, хотя в моей семье все темноволосые. Матушка стала его крёстной матерью. Когда я была беременна, врач сказал:

— Вы не выживете.

Но матушка сказала совсем другое:

— Выживем, Господь поможет.

Такое гонение было на меня тогда! Во время беременности я попала в руки врача, которая настаивала, чтобы я сделала аборт. Она говорила, что иначе я могу умереть. Матушка сразу сказала:

— Не ходи к врачу, не ходи!

А я себя так плохо чувствовала, не послушала совета и чуть на тот свет не отправилась.

После посещения врача я, будучи беременной, пролежала полгода почти парализованная.

Матушка сказала:

— Всё, будешь жить причастием, молитвой и постом!

Она меня в буквальном смысле выхаживала. Причащение, потом соки, травы и, конечно, матушкины молитвы. Ни капли соли, сахара, мяса, рыбы — ничего. И, слава Богу, мы вымолили младенца. Сколько же она за меня молилась и положила поклонов, сколько храмов и монастырей объездила, сколько молебнов заказала! Я пила только святую воду и соки. Батюшка приходил меня причащать. Несколько раз эта врач появлялась у меня дома и кричала:

— Аборт, аборт!

Я сестре говорю:

— Выгони её вон!

Матушка говорила:

— Читать псалмы, когда она приходит!

Я вычитывала молитвы священномученику Киприану, которые мне указала матушка, а также Евангелие и Псалтирь.

Когда уже лежала в роддоме, тоже были сложности. Однажды увидела я в окно, что матушка стоит внизу и делает знаки: мол, смотри на меня. Потом берёт красный камень и пишет на асфальте: «Сорок раз читай “Богородицу”, — Господь спасёт, — читай!» И Господь спас меня и сына молитвами моей духовной матери.

Вспоминается такой случай. У нашей певчей М.В. внучка жила на Украине. Такая была красавица — глаз от неё не оторвать! Но ничего у неё в жизни не складывалось: с кем ни встречается, ничего хорошего не выходит. Она приехала в Москву и некоторое время пела у нас на клиросе, матушка взяла её в хор. М.В. стала просить матушку:

— Помолись о моей внучке, что-то у неё не так! Я умоляю тебя, помоги ей!

Матушка молилась два или три дня и сказала:

— Ты знаешь что? На ней лежит проклятье матери! Приедет она, вот я ей скажу!

Приехала мать девушки, а матушка ей и говорит:

— Что же ты у дочери счастье забрала? Как тебе не стыдно! Ведь ты каждый раз её проклинаешь, когда она что-то не так сделает: такая, сякая!.. Ты у неё отняла здоровье, ты же у неё отняла счастье. И она будет несчастна только по твоей вине. Иди кайся, плачь и рыдай, о том, что ты сделала, и больше таких вещей не делай!

Женщина разрыдалась: «Ой, мать, я же не знала, что я такая грешная», — покаялась, причастилась. Вскоре девушка вышла замуж, поступила в институт, двоих деток родила. И её жизнь полностью наладилась. Скольких матушка спасала!

Пела я на клиросе с матушкой. И вот был такой момент летом: все уехали из дома, телефон не работал, будильник сломался. Я один раз опоздала на службу, второй. Матушка спрашивает:

— Это что такое? Почему опаздываешь?

Я отвечаю:

— Матушка, меня некому разбудить.

А она:

— А почему ты со своим Ангелом не дружишь?

— А как это, я не знаю, как с Ангелом дружить.

— Очень просто: читаешь вечерние молитвы, последней читай молитву Ангелу Хранителю, перед сном просишь его разбудить тебя. Говори ему, как своему другу, и больше уже мп с кем не беседуй, не говори.

Я послушалась, ну, действительно, что мне делать, надо же вставать, а кто разбудит? Сплю я и чувствую утром, будто кто-то тронул за руку. Я села: Господи, кто же это? — никого нет. Пришла на службу вовремя, рассказала матушке, она и говорит:

— А мы всегда дружим с Ангелом.

P.S. Когда автор этих воспоминаний через несколько лет тяжело заболела и лежала практически парализованная, матушка всех духовных детей своих мобилизовала на молитву о болящей. Мало кто верил, что она сможет встать. Врач-специалист, кандидат наук, сказал, что из числа людей с такой болезнью выживает один процент, и то они становятся неполноценными. Матушка на время болезни взяла Ю. к себе и пригласила пособоровать её протоиерея Василия Швеца (тогда он служил в Никольском храме села Каменный Конец Псковской епархии). Юлия лежала на матушкиной постели, и отец Василий соборовал её. После соборования батюшка сказал:

— Она будет жить!

И действительно, ей стало легче, а затем матушка буквально выходила её своей молитвой и заботливым уходом.

Из воспоминаний Валентины Б.

В 1989 году брат познакомил меня с матушкой. Я была поражена её вниманием. Она велела нам с мужем повенчаться на праздник Казанской Божией Матери и сказала, что венчаться мы будем в церкви деревни Царёво, где был дом у моего брата, и ещё сказала, что в этой церкви будет девять венчаний, а потом службы будут редкие. Так оно и получилось. Сейчас церковь открывают только в праздничные дни.

Младшей дочери она предсказала быть врачом, когда дочь была ещё ребёнком. Сейчас она учится на третьем курсе медицинского училища. Мои мама с папой приехали к матушке, она посмотрела на папу и говорит:

— Он долго не проживёт, а ты поживёшь в Калининграде (Калининградской области), затем в Москву переедешь и там немного поживёшь.

Папа около года пожил и умер, а мама приехала в Москву умирать, как и сказала матушка. Похоронены они у нас в Москве.

Мой брат Н. тяжело болел. Первая операция у него была очень тяжелая и прошла неудачно, болезненно. Он позвонил матушке и говорит:

— Мне предлагают второй раз делать операцию.

Матушка его очень любила, заплакала и говорит:

— Н., соглашайся на эту операцию, ничего не почувствуешь.

Он ей позвонил после операции и говорит:

— Матушка, я не чувствовал никакой боли, когда мне делали операцию, она прошла удачно.

Вот что значат матушкины молитвы.

В очень тяжелой ситуации пришла я посоветоваться с матушкой, как мне быть. Было это на квартире у её знакомых. Я начала рассказывать, а матушка меня прервала и спрашивает:

— Подожди, скажи сначала, как у тебя со здоровьем?

Я начала рассказывать, что очень болит спина, что от боли ноги отказывают; были серьезные приступы, когда я не могла подняться с постели, поэтому собираюсь идти к врачу. Л матушка говорит:

— К врачу можешь не ходить. Я тебе скажу, что больше у тебя таких тяжелых приступов не будет.

И всё, с тех пор спина у меня не болит, приступов не было. Я уверена, что это она мне помогла.

Когда я с ней разговаривала, у меня было ощущение, что она уже всё знает. Я ей начинаю рассказывать, а она мне:

— Да, да, знаю, знаю!

Хорошо было около матушки. Тепло, благодать. Телом немощная, а глаза ясные, проникновенные.

Из воспоминаний Евгения Д.

Я познакомился с матушкой Антонией, когда та ещё жила в Москве вместе со своим сыном Михаилом в крошечной квартире. Если мне не изменяет память, наша встреча произошла в 1993 году. В то время я работал редактором «Епархиального вестника» и по долгу службы часто встречался с различными священниками. Вот от одного-то из них я и узнал о существовании схимонахини Антонии.

— Знаешь, — как-то сказал он мне, — написал бы ты об одной матушке. Вот это схимница! Представляешь, она в этой жизни побывала в аду и в раю. Ей сейчас почти девяносто, но она ещё в силе.

От этого же священника я узнал её адрес.

В очередную командировку я прихватил с собой диктофон и пару кассет, предвкушая интересный рассказ схимницы. Часто ли мы встречаем людей, которые побывали там, куда смертным до срока путь заказан? И вот, закончив с издательскими делами, я позвонил домой матушке. Схимонахиня Антония сама взяла трубку. Я представился и попросил её о встрече. Матушка, подробно расспросив, кто я и откуда, дала согласие на мой приезд к ней, но особой радости в её голосе по этому поводу я не заметил. По телефону она разговаривала довольно сухо и отрывисто.

«Да захочет ли она вообще разговаривать со мной?» — подумалось мне тогда. Судя по её тону, к беседе она вовсе не была расположена. Но встреча была назначена, и я отправился по указанному адресу.

Вскоре я уже поднимался по ступенькам станции метро «Авиамоторная». Вокруг стояли одинаковые белокирпичные многоэтажки. На дворе была середина марта. Птицы, сидящие на деревьях, громко щебетали, по-своему радуясь приходу весны. До назначенного часа ещё оставалось время, и я решил, как говорят военные, осмотреться на местности. Побродил по магазинам, купил гостинцев для матушки и отправился разыскивать её дом. Но это оказалось не так просто. Есть такие дома, которые почему-то стоят совсем не в том месте, где им положено стоять, судя по названию улицы и номеру дома, которые прикреплены на их стенах. Проплутав по этому району не менее часа, я всё же оказался перед дверьми её подъезда. Поднялся на нужный этаж, ещё раз сверился со своими записями и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла сама матушка. До нашей встречи я много раз пытался представить её. Какая она? Не меньше интересовала меня и квартира, где живёт такой замечательный человек. Не раз мне приходилось жить в гостях у архиереев, останавливаться в монастырях, но вот схимонахиню в Москве, в обыкновенной квартире, я представлял себе с трудом.

За порогом меня рассматривала старица. Невысокого роста, с живыми и проницательными глазами. Несмотря на более чем почтенный возраст, щёки её были гладкие и белые, лишь на лбу было несколько складок морщин, собирающихся к переносице. Из рукавов немного длинного, до щиколоток, стиранного-перестиранного подрясника выглядывали худые жилистые руки с сильными узловатыми пальцами.

Я снова представился.

— Ну заходи, коль пришел! — приветствовала меня матушка.

Раздеваясь, я украдкой рассматривал квартиру, в которую попал. Первое, что меня поразило, — это её невообразимо миниатюрные размеры. Пожалуй, такую квартиру можно было сравнить лишь с каморкой папы Карло из сказки про Буратино. Мне никогда и в голову не приходило, что в нормальном московском доме может быть столь тесное жилище. Та немногая мебель, которая была в квартире, напоминала о послевоенных временах, когда домашние умельцы сами мастерили шкафы, столы и стулья.

Матушка пригласила меня в кухоньку и усадила за стол. Не дав мне опомниться, она поставила передо мной тарелку лапши. Я ел, а сам всё обдумывал, как начать разговор на интересующую меня тему. Вот уже и дно тарелки показалось, но ничего путного в голову мне так и не пришло. Положение усугублялось крайней немногословностью матушки. Она ни о чем меня не расспрашивала, а молча продолжала что-то делать по хозяйству.

Эту неудобную тишину нарушил приход знакомой матушки, бойкой старушки, которая помогала ухаживать за её больным сыном. Пока она умывала и расчёсывала Михаила, из комнаты доносились её рассказы о нехитрых житейских новостях. Тогда я сделал первую попытку приступить к матушке со своими вопросами. Достал диктофон и начал:

— Матушка, мне говорили, что вы были в аду и в раю. Расскажите, пожалуйста, об этих случаях для нашего журнала.

— Да уж люди наговорят, — проворчала схимница, — оно, может, чего и было, да я уж не помню, старая я. Память совсем плохая!

Я видел, что дело совсем не в памяти — весь вид схимонахини Антонии являл собой бодрость и энергию, и подозревал, что память у неё будет получше моей.

— Матушка, — начал я с другого фланга, — ну, может быть, хотя' бы один случай припомните? У нашего журнала несколько тысяч читателей, и им, для укрепления веры, будет очень назидательно услышать ваши рассказы!

— Да что ж ты, как репей, прилепился? — ещё более осерчала матушка Антония. — Я же тебе ясно говорю: мне восемьдесят девять лет, какой с меня спрос?

Тут в дверях появилась её знакомая.

— Ой, матушка, хватит тебе уж молодиться! Тебе уж девяносто, а ты все в девках хочешь быть!

Обстановка разрядилась, но все последующие попытки разговорить схимонахиню никакого результата не принесли. Я уже совсем отчаялся услышать от матушки что-либо интересное. Для того чтобы мой поход не был уж совсем бестолковым, я начал наводить на кухне порядок. Матушка не мешала и даже более того — краем глаза с интересом наблюдала за мной. Так прошло ещё минут сорок. Мне к этому времени уже сильно хотелось курить. Тут появился повод выйти на улицу: в углу стояли полные мусорные ведра. Я подхватил их и направился к выходу, но матушка меня остановила.

— Евгений, ты бы курточку набросил!

— Зачем, матушка? — ответил я ей. — Там тепло, да и быстро вернусь.

— Вот непослушный, — глядя на меня веселыми глазами, уже с театральным неудовольствием упрекнула меня матушка, — говорю тебе, одень курточку!

— Нет, матушка, я лучше так сбегаю, проветрюсь заодно!

— Ну, смотри, как лучше, — согласилась матушка и вернулась на кухню.

Я вышел на улицу в предвкушении порции никотина. Но какое разочарование постигло меня, когда я обнаружил, что сигареты и зажигалка остались в куртке, которую мне так настойчиво предлагала надеть матушка! Когда я зашёл обратно в квартиру, матушка выглянула из кухни и сказала:

— Я же тебе говорила: одень курточку!

К этому времени на кухне, уже побритый и причесанный, сидел её сын Михаил. Матушкина знакомая наливала ему суп и нахваливала матушкину стряпню.

— А что, Михаил, — обратилась матушка к своему сыну, засиделась я здесь с тобой. Моё место — в монастыре. Вот похороню тебя в следующем году, да и сама отправлюсь в обитель!

Я посмотрел на Михаила, стараясь уловить его реакцию на такое заявление матушки. Но тот остался совершенно спокойным, словно его мать говорила об обыденных вещах. Я уже собрался уходить, когда матушка усадила меня на место и сказала:

— Да подожди ты, не уходи пока. Один-то случай я, кажется, вспоминаю!

Матушка помолчала немного, глядя в окно, и рассказала мне о своем посещении столь далёкого места, как рай, и препятствиях, которые она встретила на пути восхождения к нему!

Прошу прощения у читателей, но в тот момент я больше надеялся на диктофон, чем на свою память, но он почему-то совершенно отчётливо воспроизвёл все звуки проезжающих машин далекой от этого дома оживлённой московской дороги, но практически совершенно не записал голоса матушки. Теперь же за давностью времени я не берусь пересказывать её историю, чтобы не наплести чего-либо от себя. Лишь помню, что матушке Антонии Господь в живом образе открыл великое символическое значение иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина».

Вторая моя поездка к матушке была связана с болезнью моей матери. Ни с того ни с сего у неё начались сильнейшие гипертонические кризы. Один из них был настолько тяжелым, что после трехчасового ожидания «скорой помощи» мне пришлось звонить ночью священнику с просьбой прийти и исповедовать мою мать, а также причастить её запасными Святыми Дарами.

Этот батюшка живёт недалеко от меня, поэтому даже ночью довольно быстро добрался до нашего дома. Однако стоило нам с ним зайти в комнату к маме и начать вычитывать положенные молитвы к исповеди и Причастию, как тут же на пороге квартиры появились врачи «скорой».

— Ну вот, — увидев горящие свечи, недовольно сказала одна из них, — что это вы так спешите попа звать?

Я не стал с ними спорить, лишь попросил подождать несколько минут после нашего трёхчасового ожидания. Вскоре из комнаты вышел батюшка, и тогда-то я попросил у него благословения снова съездить к матушке. Когда я вернулся, проводив батюшку, врачи уже уехали, а на кровати полусидела улыбающаяся мама.

— Знаешь, — сказала она тогда, — даже как-то неудобно перед врачами. Только причастил меня отец Н., как я тут же почувствовала себя намного лучше! Врачи померили давление, и оно оказалось почти в норме, но укол на всякий случай сделали.

Однако приступы, хотя и не столь серьёзные, как в тот раз, продолжались. По некоторым приметам я мог предложить, что это не естественная болезнь, а что-то «другое». Одним из таких признаков являлась практическая бесполезность лекарств. Даже тройные дозы не стабилизировали давление, а все сданные в поликлинике анализы не показали каких-либо существенных отклонений в её организме. Вот со своими-то сомнениями насчет этого я и отправился к схимонахине.

На этот раз матушка приняла меня куда более приветливо, чем в первый приезд.

— А, Женя! Заходи, заходи. Давно тебя ждала! – с этими словами матушка, как в первый раз, провела меня на кухню и усадила за старый, покрытый вытертой клеёнкой стол. По своему обыкновению она налила тарелку супа и поставила её передо мной.

После обеда я начал рассказывать матушке Антонии о неприятностях, происходящих в нашем доме. Она не перебивала меня и слушала с живым интересом, опершись одной рукой о подоконник. Когда я закончил описание происшедших за последние недели событий, матушка на некоторое время отвернулась от меня и, глядя в окно, сказала.

— Ты, милый, не переживай! Эта болезнь не к смерти! Вот что я тебе скажу: много убиенных детей на совести твоей мамочки, — вот Господь её и вразумляет! Надобно ей своих детишек отмаливать!

— Да вы, матушка, подскажите, как, а я ей уж расскажу!

— Я-то тебе расскажу, да вот будет ли она выполнять мой наказ? Ну да ничего, справимся с Божией помощью.

Матушка принялась мыть посуду, а сама продолжала начатый разговор:

— Есть в Подмосковье одна деревенька, где до революции стоял храм. Хороший был храм, благодатный! Так вот что с ним произошло. Как безбожники свергли царя, ушел этот храм целиком под землю во время совершения литургии. Прямо со всеми прихожанами! На том месте в урочный час и сейчас слышен колокольный звон и церковное пение. Ест на том месте и источник. Так вот, съезди туда да набери для своей мамочки водички, да и мне заодно, Бог даст, привезёшь! Я-то раньше без этой водички ни шагу! Вся хворь да немочь куда только деваются, как её отопьешь!

— А далеко ли, матушка, тот источник? — спросил я.

— Да уж не близко, — ответила она, — километров сто будет! Машину бы надо! — и она вопросительно посмотрела на меня.

— Есть у меня в Москве друг Андрей, — ответил я ей. — Да вот только, как на грех, разбил он двумя днями раньше правый бок у своей машины. Первый же пост ГАИ остановит.

— Бог благословит! — ответила матушка. — Я так думаю, что доедете вы хорошо и никто вас в дороге не тронет.

Она помолчала и добавила твердым голосом.

— Да не тронет! Ни туда, ни обратно! А уж в деревню приедете, спросите бабку Матрёну, её там все знают, она-то вам всё и расскажет. Скажите ей только, что от меня приехали! Сама-то я там уже давно не была, ну да все равно помнят, наверное.

Мой друг поначалу не согласился на эту поездку, но мы с ним всё же сошлись на том, что, если остановят машину, штраф буду платить я. Впрочем, я видел, что Андрею и самому любопытно посмотреть на место, где целый храм ушёл под землю, и не в стародавние времена, а в начале XX столетия!

Короче, на следующий день мы выехали. Я не могу сказать, что гаишников на дорогах было меньше, чем обычно, но они нас словно не замечали. Проехав беспрепятственно четвертый пост, это заметил и мой спутник:

— Даже когда всё в порядке, кто-нибудь да остановит документы проверить! А тут словно все ослепли, а у светофоров только и есть один зелёный свет!

До деревни мы добрались после полудня. Раз или два мы проскакивали нужные повороты, но это мало сказалось на проведённом в пути времени. Очень хорошо я запомнил последний отрезок пути до деревни. Мы довольно долго ехали по узкой, но неплохой асфальтовой дороге среди девственного леса. На этом длительном отрезке пути нам не встретилось ни одной деревеньки, и лишь в конце дороги мы увидели огромную вырубку леса, за которой стояли обычные сельские дома.

Неожиданно нашей побитой «шестерке» преградило дорогу небольшое, но плотное стадо коз, словно на дорогу бросили большую белую пушистую подушку. Мы остановились, пропуская животных, и тут увидели среди стада старую бабульку. Она держала в руках небольшой прутик, которым можно было испугать разве что козлёнка! Я открыл дверь и выбрался из машины.

— А что, бабушка, — обратился я к старушке, — не подскажешь нам, где можно найти бабку Матрёну?

— О, Господи! — всплеснула она руками. — Да это я и есть! А вы кто такие будете?

— Да мы от матушки Антонии! Она сказала, что вы должны её помнить?!

— Вот так дела! — обрадовалась бабка Матрёна. — Да кто ж её, благодетельницу нашу, забудет? Почитай вся наша деревня ей чем-нибудь да обязана!

— А мы, бабуль, вот с чем приехали, — обратился я вновь к старушке, — матушка сказала, что есть здесь место, где во время революции ушёл под землю целый храм?

— Вот уж матушка! Давно, видно, она у нас не была, — ответила старушка. — Да уж и самого этого места нет, милые мои. Как узнали московские власти об этом чуде, тут же устроили на этом месте котлован для добычи песка. Разворотили всё вокруг на целый километр, да потом всё так и бросили! Ну, да поедете, сами всё увидите. Место то близко, не более километра отсюда. Как поедете — первый поворот налево и по проселочной дороге. Не промахнётесь! Была там неподалеку ещё могилка старчика великого, так и её антихристы не пожалели, разрушили всю. Теперь уж и наши старожилы не знают, где она находилась! Ну, а как съездите на то место, милости просим к нам! Не поверите, но вчера из Москвы приехали все её духовные чада, которые жили раньше в нашей деревеньке!

Старушка объяснила нам, как найти нужный дом, и мы отправились к месту, где стоял храм. Вот и первый поворот налево. Не заметить его действительно нельзя. Громадный дуб, словно вывороченный великаном, лежит указателем вдоль песчаной дороги. Машина наша рычит, но все же движется по рыхлому песку, пока не упирается в обрыв. Под нами проплешина размером с пару футбольных полей. Больше всего меня поразила неестественность этого места для добычи песка. Вокруг на десятки километров его просто некуда пристроить, а возить его отсюда в Москву — себе дороже.

Мы с Андреем начали спускаться в глубину песчаного карьера. Было похоже, что все работы здесь прекратили не менее десяти лет назад. Лишь в некоторых местах попадались ржавые обломки техники.

Неожиданно песок на дне карьера оказался словно живой. Мы шли по нему, как по перине, а он мерно покачивался под нами и издавал деловитое чавканье. Знающие люди объяснили мне уход храма под землю зыбучими песками. Может, оно и так, но на это я могу ответить, что Бог творит множество чудес и в природе. Скажем, каждый год мы сталкиваемся с различными природными катаклизмами, но однажды наступает время, когда они сливаются в единый гнев Божий. Например, ливень превращается во всемирный потоп, а благодатная теплота в испепеляющий зной! Так и здесь. Стоял храм много лет, пусть даже на зыбучих песках, но ушел под землю аккурат в начало революции. Вроде бы явление и природное, но каково совпадение?! Да к тому же во время, когда в храмах служится литургия, здесь из-под земли многие годы доносились колокольный звон и церковное пение прихожан, ушедших под землю вместе с храмом!

В центре карьера песок принял необычайный красный оттенок, и мы увидели родник, который искали. Его вода также была красного цвета, а сам родник, невзирая на все усилия безбожников, упорно продолжал выбивать из глубины земли. Невольно я опустился на колени возле источника и приложил ухо к земле в надежде услышать пение, но, наверное, время было неурочным, лишь редкие вскрики птиц нарушали тишину этого места. Ещё пару часов мы побродили с другом по лесу вокруг котлована в надежде найти могилу старца. Но тщетно.

В деревню мы вернулись не ранее четырёх часов. У дома, на который нам указала бабка Матрёна, на скамейке сидела женщина. Когда двери машины открылись, женщина быстро поднялась и направилась к нам.

— Вы из Москвы? От матушки Антонии!? — с радостным удивлением спросила она. — Мы вас уже заждались! Вот сейчас вопросами засыпем. Мы без матушки — как слепые котята! Скучаем мы без неё! Столько лет прошло, а вот так бы и припала к ней, как к своей матери! — скороговоркой говорила женщина.

Нас провели в просторную комнату деревенского дома, где за длинным столом сидело множество народа. Естественно, разговор сразу зашёл о матушке. Меня наперебой расспрашивали: как она, как здоровье, не собирается ли в гости. Так за разговорами незаметно прошла ещё пара часов. Уже на улице ко мне вновь подошла женщина, которая нас встречала.

— Вы знаете, — обратилась она ко мне, — если вы редактор православного журнала, я хотела бы рассказать вам одну очень интересную историю, связанную с матушкой! У меня есть сын. К сожалению, в этот раз он не приехал, да это, впрочем, и неважно! Так вот, когда ему было двенадцать лет, мы гуляли вместе с матушкой по лесу, здесь недалеко. Матушка вела моего сына за руку, а я немного от них отстала, собирая грибы. И тут она начала разговор с моим сыном, который я хорошо слышала. Матушка начала так: «А вот ты-то, Игорь, когда вырастешь, поступишь в институт и будешь обучаться всяким иностранным языкам. Тогда же встретишь и судьбу свою. Хорошую девушку из Белоруссии, вот уж тогда и женись! Будет у вас двое детишек — мальчик и девочка! Так уж ты их воспитывай в христианской православной вере, и чудные у тебя вырастут дети!»

— И вы представляете, — продолжила эта женщина, — так всё и получилось! Сейчас мой сын учится в институте иностранных языков, и жену себе нашёл из Белоруссии, и девочка у них уже родилась, а значит, и мальчик будет! Но вот что меня больше всего поражает: откуда она все это знала, когда сыну от роду было всего двенадцать лет?

Моя собеседница помолчала немного и добавила:

— Святой жизни наша матушка! И не перечесть всех, кому она помогла! Одному советом, другому назиданием. Вы уж не забудьте передать ей от нас земной поклон. Скажите ей, что вся деревня её и помнит, и ждёт в гости!

Наступило время отъезда в Москву. Когда мы с Андреем засобирались, все поднялись из-за стола и куда-то быстро исчезли. Когда мы подошли к машине, вокруг неё уже стояло множество мешков и сумок. Каждый старался что-то передать матушке со своего огорода! Вскоре бедные рессоры даже перестали скрипеть, настолько машина была перегружена. Мы сердечно со всеми простились и отправились в обратный путь.

Снова повторюсь и скажу, что до столицы мы добрались всё так же без приключений. Гаишники по-прежнему не замечали нас в упор! К дому матушки мы подъехали уже в полной темноте. В несколько заходов мы перетаскали всю снедь, переданную из деревни, и мой друг остался ожидать меня в машине.

Около часа матушка слушала мой отчёт о поездке, в котором я не преминул поведать о громадном заброшенном карьере, вырытом на месте храма. После этого я показал воду, которую мы привезли:

— Та ли, матушка? — спросил я у неё.

— Да как же не та? — ответила матушка. — Та, та! Её ни с какой другой не спутаешь! А ты, милый мой, — обратилась она ко мне, — верь, выздоровеет твоя мамочка и ещё много лет проживет! Да прошу тебя, не забывай старую бабку, а как будешь в другой раз в Москве, так непременно ко мне заезжай, ночуй у меня, если остановиться будет негде. Место я тебе найду!

Приложив руку к голове, матушка озабоченно добавила:

— Вот, памяти никакой нет. Совсем забыла. Ты передай батюшке: пора, пора! Время его пришло! Пусть идёт на приход! Да пусть берёт с собой всех, кого сможет!

Я оторопел. Дело в том, что я совсем забыл передать матушке просьбу знакомого священника помолиться о его переводе на приход. И уже по приезде домой я узнал, что батюшка в день моего разговора с матушкой назначен на сельский приход, и получилось это крайне непредсказуемо. Всё произошло так, как и сказала матушка!

После этого матушка спохватилась:

— А где же твой друг? Почему ко мне не пришёл?

— Так, матушка, не было на это вашего благословения, — ответил я ей.

— Вот ты у меня бестолковый, — улыбнувшись, сказала матушка. — Да ты ведь и не спрашивал его у меня? Ну да ладно! Бог даст, в другой раз возьмёшь его с собой. Может, он и считает, что в Бога не верит, да всё это не так! Душа у него хорошая. Ты его не бросай. Да и опять же ему интересно на девяностолетнюю старуху поглядеть да порасспрашивать. Я бы ему, старая, глядишь, чего-нибудь и сказала бы!

Я попросил у матушки благословения на обратный путь. Матушка степенно перекрестила меня и сказала:

— Бог благословит! Приезжай ко мне.

P.S. Я спустился к машине. Мой друг уже дремал, сидя за рулем.

— Ну что, распрощался? — спросил он у меня.

— Да, — ответил я. — Матушка спрашивала, почему я не взял тебя с собой.

— А почему ты меня не взял? — поинтересовался он.

— Я думал, тебе всё это неинтересно, — начал я оправдываться. — Ну, да Бог даст, в другой раз!

Но другого раза уже не было...

Из воспоминаний Валентины С.

В первый раз к схимонахине Антонии я приехала в мае 1995 года. В то время она жила в Толгском монастыре. В келии кроме меня были ещё две женщины, уже приезжавшие к матушке раньше. Выглядела матушка по-домашнему: в халате, на голове светлый платочек. Сидела она на кровати, опираясь на подушки и свесив ноги, укрытые одеялом. Женщины расположились напротив, а меня посадили сбоку от матушки. Женщины рассказывали ей о своих проблемах, а

я сидела рядом, смотрела на доброе матушкино лицо и заливалась слезами. Время от времени матушка внимательно поглядывала на меня — молча, лишь иногда касалась меня своими теплыми, ласковыми руками. Она разговаривала с женщинами, но я ничего не слышала: из глаз всё время текли слезы, и я не понимала, что со мной происходит. Однако одну фразу я запомнила, матушка произнесла её несколько раз, обращаясь сначала к женщинам, а потом ко мне:

— Запомните сами и передайте другим: как вы относитесь *здесь* к людям, точно так же *там* будут относиться к вам.

Говорила она без назидания, спокойно, но было ясно: матушка знала, о чём говорила.

Я всё время молчала, безуспешно пытаясь остановить потоком льющиеся слезы. Думала: вот сейчас женщины закончат разговор, матушка «освободится», и я смогу наконец, поговорить со старицей. Так прошел час, и больше. Время подходило к одиннадцати часам вечера. Келейница сказала, что матушка устала. Все поняли: пора уходить. Тут я опомнилась, даже испугалась: утром мне уезжать, а я ни слова матушке не сказала, ни о чём не спросила. Как же я вернусь, не поговорив с ней? И я осмелела. Прошу матушку выслушать меня. В ответ — строгий голос:

— Что же ты всё время молчала?

— Я ждала.

Коротко рассказала матушке о своих проблемах. Получила ответы на вопросы. И не было уже в её словах строгости: только любовь и тепло...

Вскоре матушка благословила всех нас идти спать, а меня — ещё и на утреннюю обратную дорогу. Подарила нам матушка по крестику, сделанному из пальмовых листьев и привезенному ею недавно из Иерусалима: она сама вытаскивала их для нас из множества крестов разных размеров. Благословила меня матушка также иконой Спасителя. В сердце была радость, уезжать не хотелось. И всё-таки что-то оставалось в душе недосказанное, недоспрошенное.

Вернувшись домой, я все время думала о матушке, о её словах. Хотелось снова увидеть её, поговорить, уже не на бегу. В раздумьях и тоске по матушке прошел, наверное, месяц. Однажды я поняла, что нужно *написать* ей. Получив благословение духовного отца, я послала матушке письмо. К своему удивлению, получила ответ.

Так началась наша «переписка». Писала, конечно, я, а матушка отвечала мне. Сама не писала. К тому времени пальцы уже плохо слушались её. Матушка говорила, а келейница записывала. В конце письма матушка обычно делала приписку: писала своё имя, а иногда — пожелание, благословение.

Так продолжалось несколько лет. Но вот однажды произошел случай, о котором мне стыдно вспоминать. От матушки стали приходить письма, в которых не было ни слова, написанного её рукой. И у меня появились мысли, что матушка меньше любит меня теперь. Я написала ей об этом. Как же мне было стыдно, когда в ответном письме рукой, уже совсем плохо державшей ручку, она смиренно вывела каракули для меня.... Я расплакалась и тут же попросила у матушки прощения.

Как-то поздним летом я ехала к матушке, измученная своими проблемами, сильно исхудавшая. В письме своем она написала, где её можно будет найти в это время (она была в Москве, у духовной дочери).

Когда мы вошли (я приехала с близким человеком), матушка обедала. Хозяйка дома попросила нас подождать. Через некоторое время матушку провели в отдельную комнату. Когда я вошла к ней, она сидела на диване, перед окном, как всегда опираясь на подушки. Матушка была в синем халате, на голове — чёрный апостольник. Она вглядывалась в меня, не узнавая. Я назвалась.

Глаза её потеплели: узнала. Я стала рассказывать ей о себе, матушка внимательно слушала, губы её чуть шевелились в молитве. Время от времени она крестила меня, иногда что-то переспрашивала, уточняла. Наконец я спросила:

— Что же, матушка, делать?

Она молчала — молилась. Потом вместо ответа прозвучал вопрос.

— Что ты хочешь? — внимательно посмотрела на меня, и снова: — Что ты хочешь? *Я помогу*.

Несколько секунд длилось искушение попросить того, что хотелось. Матушка спокойно смотрела на меня. Ждала. Наконец я ответила: «Пусть будет так, как Господь хочет. По воле Божией», — и на душе сразу стало легко.

Матушка сказала: «Я тоже этого хочу»,— и стала молиться. Теперь она молилась вслух, отчетливо произнося слова молитвы. Молилась, чтобы Господь открыл ей Свою волю. Она обращалась к Господу, Царице Небесной — происходило неведомое мне таинство, и я начала волноваться. Прошло несколько минут, она сказала:

— Не знаю.

Помолчала и вновь долго молилась. Наконец сказала:

— Господь благословляет...

А потом были ошеломившие меня слова о том, что мне предстоит сделать. Увидев в моих глазах недоумение, матушка спросила:

— Не веришь, что так будет? Ты даже не представляешь, как всё изменится... Надо сделать так, как я скажу.

Правду сказать, я не очень верила тому, что матушка мне говорила. Уж слишком всё было невероятно. Но, конечно, выполнила её благословение.

Когда разговор был окончен, я попросила у матушки благословения сфотографировать её. Она тут же согласилась. И я сфотографировала матушку, сидящую на диване напротив окна. Однако засомневалась, что снимок получится, так как свет оконный мешал мне. К моему удивлению, матушка попросила меня пересадить её в кресло у стены, рядом со столиком, на котором было несколько икон (среди них я узнала икону преподобного Кукши, которую я привозила ей в Толгский монастырь по благословению одного священника). Матушка, как ребенок, доверчиво протянула ко мне руки, и я с большим трудом пересадила её (матушка была довольно тяжелая; из-за болезни ног она сама уже не передвигалась). Перед тем как снова сфотографироваться, матушка поправила на голове волосы, чуть выбившиеся из-под апостольника, села удобнее и застыла в ожидании.

К моему счастью, матушка благословила меня сфотографироваться рядом с ней. Радостная, я присела на подлокотник кресла, обняв матушку. И улыбалась, глядя в любимое, доброе лицо. Матушка посмотрела на меня и сказала:

— Не смейся, нельзя.

Улыбка вмиг слетела с моих губ, а радость осталась.

Однажды, это было ещё в 1995 году, в конце августа, я приехала к матушке в Толгу. Со мной был попутчик. Добрались до монастыря. Ищем матушку — в келии её нет. В коридоре безлюдно. Вошли во двор. Ждём. Наконец, у проходившей мимо монахини спрашиваем, где можно найти матушку. Та отвечает, что все на картошке и матушка там на послушании. Мы удивились: старица — и на послушании. К тому же она старенькая, ноги больные. Сама не передвигалась, только в коляске. Пошли искать её. Нашли на заднем дворе. Матушка сидела в коляске, под деревянным навесом. На голове — ослепительно белый апостольник.

Оказывается, матушка молилась, чтобы не было дождя, чтобы успели перебрать картошку. В этом и состояло её послушание. Картошки было много, людей — тоже. Были здесь и монашествующие, и паломники, и, видимо, местные. Каждый был занят делом: кто-то перебирал картошку, сортируя её по качеству в разные корзины, кто-то относил корзины и ссыпал картошку, кто-то подвозил воду для питья и арбузы — чтобы утолить жажду. Время было послеполуденное, стояла жара. Матушка со всеми вместе несла послушание. Казалось, она не замечала зноя.

После продолжительного разговора с матушкой (несколько раз она прерывала разговор для молитвы, хотя, думаю, она молилась беспрестанно) мы тоже немного поработали. А потом отведали удивительно вкусный арбуз. Надо было возвращаться, и мы простились с матушкой, которая оставалась нести послушание со всеми вместе. Дождя так и не было.

Одна духовная сестра рассказала мне, как, уезжая от матушки, она попросила её молитв о близких людях. Ответ матушки поразил меня: «Если б вы знали, как трудно за вас молиться. Души-то у вас чёрные».

Сердце матушки было чистое и смиренное. Когда я привозила матушке записки от тех, кто не смог к ней приехать, и просила её молитв о них, она всегда молилась. Иногда только-только успею попросить её молитв, а матушка уже крестит, молится.

Смиренна и послушна матушка была и в быту. Мне нравилось смотреть на неё, когда приходило время обеда. Обычно келейница надевала на матушку розовый в цветочек фартук из фланели, выцветший от долгого употребления, и начинала кормить её. Матушка могла есть и сама, но руки её были слабые. Поэтому келейница часто кормила матушку с ложечки.

Матушка в еде была абсолютно неприхотлива, ела мало и быстро наедалась. Тогда она молча отодвигала тарелку. Келейница начинала уговаривать матушку съесть ещё хоть немного. Матушка отрицательно качала головой. Но бывало, что после повторных просьб молча открывала рот и съедала ещё ложечку-другую. В такие минуты матушка казалась чистым ребёнком — послушным и доверчивым. И сердце моё таяло от любви к ней. Матушка всегда угощала нас, когда ела сама. Во время обеда она следила, чтобы ела и я: предлагала то одно, то другое. Бывало, я отказывалась. Тогда матушка обращалась к келейнице:

— Почему она не ест?

И я послушно начинала есть. Теперь-то я понимаю, что матушка кормила нас не столько обычной пищей, сколько — духовной. Она окормляла нас.

Часто, когда мы возвращались от матушки домой, она накладывала нам гостинцы: то конфеты, то ещё что-нибудь. Дарила матушка и деньги. Однажды передала мне немного денег через духовного брата.

В другой раз, когда я навещала её, матушка попросила меня чаще к ней приезжать. Я ответила, что постараюсь. Мне-то всегда хотелось к матушке, вся проблема была в деньгах. И матушка тут же предложила мне денег. Я была смущена и отказалась, пообещав приезжать как можно чаще. А деньги, даст Бог, найдутся.

Когда бы я ни приезжала к матушке, от неё всегда исходили тепло и любовь. Но одна встреча — 22 октября 1996 года — была особенно памятной. В келии матушка была не одна. Поговорив с ней о своих проблемах и выполнив поручения тех, кто через меня обращался к матушке за помощью, я замолчала. Казалось, разговор был закончен. Всё теперь было ясно, понятно, И не столько из-за того, что матушка ответила на все вопросы, сколько из-за того, что благодатно действовало само присутствие матушки. Рядом с ней проблемы куда-то исчезали, и всё казалось простым и ясным. Теперь и домой возвращаться можно. Однако келейница вновь подозвала меня к матушке. Мысленно недоумеваю: зачем? Ведь всё уже сказано, а в келии другие ждут, когда матушка освободится. Но, конечно, подсела к матушке. И начался удивительный разговор.

Обычно беседу вела я, а матушка отвечала на вопросы, что-то иногда спрашивала, рассказывала. В этот раз все было иначе. Говорила матушка, её слова, полные любви ко мне, грешной, трогали до глубины души. Добрые глаза ласково смотрели на меня. Вот она нежно поправляет на мне косынку, вот берет за руку... Я счастлива. Но мне неловко: спиной, боком чувствую людей, сидящих в другом конце келии. А матушка как будто ничего не замечает. И вдруг неожиданные слова:

— Валя, вот я твоя духовная мать.

(У меня уже был духовный отец, и я не думала, что у человека могут быть и мать, и отец духовные. Но эти матушкины слова я приняла как истину.)

Матушка просит меня чаще приезжать к ней. А потом снова:

— Побудь со мной. Ты дочь моя. А я твоя духовная мать...

И через минуту:

— А батюшка скоро умрёт. Хороший батюшка. Скоро умрёт.

Я испуганно думаю об одном батюшке, спрашиваю. В ответ слышу:

— Ты что? Нет, другой, ты его не знаешь. Духовник — он приезжает и исповедует.

Вечером в келию к матушке пришла монахиня П. за советом. Матушка сказала, что ей надо делать. П. ушла, а через некоторое время заглянула к нам снова. И матушка вновь повторила ей то, что говорила раньше. Та ушла. Мы продолжаем разговор с матушкой. Вдруг матушка произносит:

— Сейчас П. придет.

Через минуту стук в дверь: входит П. Мы рассмеялись.

Матушка была образцом христианской любви. Она искренне любила всех нас, чад своих. Чувствовала её любовь и я. Её письма исцеляли мою душу. Но матушка любила всех и молилась за всех: и за тех, кто любил, и за тех, кто обижал её.

Один раз я была свидетельницей, как матушка молилась за женщину, лежавшую в то время в больнице в тяжёлом состоянии. Больная не почитала матушку, и старица, конечно, знала об этом. Но как матушка молилась за неё! Руки и лицо её горели. Поднялась температура. И не оттого, что матушка была нездорова. В те минуты матушка находилась рядом с той, кому было очень плохо. Взяла её боль на себя. По лицу матушки мы с келейницей видели, что она очень далеко от нас. Она была там, где была нужна её помощь, её молитвы.

Вспоминается такой случай. Вечером приехала к матушке духовная дочь, и сразу — в келию к ней. За разговорами время пролетело быстро. А надо было ещё получить благословение у игуменьи, чтобы остаться в монастыре на ночь. Спрашивает она:

— Матушка, что мне сказать игуменье? Когда я приехала?

Матушка ей в ответ:

— Вчера.

Матушке пытаются объяснить ситуацию и возникшую неловкость: что сказать игуменье? Матушка опять ответила:

— Скажешь — вчера.

Решив, что матушка что-то не поняла, приезжая пошла искать игуменью, но не нашла. Отыскала благочинную и попросила у неё благословения переночевать. Наутро подошла к игуменье и на вопрос, когда приехала, ответила: «Вчера», — и вспомнила слова старицы.

Ровно через три месяца после похорон матушки, 13 января 1999 года, мне приснился сон: матушка лежит в гробу, вокруг женщины сидят, тихо разговаривают, и я среди них. Смотрю на матушку и вижу: вдруг она открывает глаза и что-то отвечает одной из женщин. Я в полной тишине спрашиваю:

— Матушка, ты жива или умерла?

Она отвечает:

— Я жива.

Потом вижу: матушка стоит, и все идут к выходу, проходя мимо неё. Она как будто провожает всех нас. Выхожу и я. Ищу брата, чтобы сказать: матушка жива. Мимо идёт похоронная процессия. Тороплюсь и я туда. Уже знаю: хоронят лишь тело матушки, а на самом деле она жива. И от этого на душе праздник. С радостным чувством проснулась я и провела весь день. Так и должно быть! Матушка жива! И она сама сказала мне об этом.

Из воспоминаний Марии К.

У меня что-то странное и даже страшное творилось с сыном. У него с четырех лет была эпилепсия. Мы стольких врачей прошли, столько лекарств перепробовали, но ничто не помогало. Он болел десять лет. Когда мы узнали о матушке, то сразу поехали к ней на Толгу, это был 1994 год. Добирались мы очень трудно. Мне показали, где находится келия матушки, и

я вошла к ней. Она была одна, сидела на кроватке и ела что-то. Я поздоровалась с ней. Матушка внимательно смотрела на меня. А у меня в голове вертелась мысль: матушка семечки, что ли, грызет белые, на губах у неё были крошечки. А она отвечает на мой помысел: «Нет, это я антидор ем». Мне было удивительно, как это она могла узнать, что я подумала. Потом мы с ней поговорили, она меня наставляла, но я далека была от всего, у меня будто мимо ушей пролетало. Я ей говорю, что у меня со свекровью плохие отношения. Я не ругаюсь с ней, но она против того, что мы в храм ходим. А матушка говорит:

— Ты скажи ей, чтобы она сделала три земных поклона.

— Ну, матушка, она этого делать не будет.

— А ты скажи, и сама сделай сейчас.

Я сделала три земных поклона.

Села я около матушки, разговариваем, и потом я всё забыла, о чем мы с ней говорили, ничего в голове не осталось. Уехали мы, а сына моего она не видела, поскольку сказала, что не надо приводить его в келию. В следующий раз мы виделись с ней в Москве, на квартире у В. после того, как они приехали из Иерусалима после Пасхи. Тогда пришли уже мой сын, муж и дочка. И матушка сказала моему сыну:

— Ничего страшного, всё будет хорошо. Ты о своей болезни не думай. Никакие лекарства не пей, ничего не надо, всё пройдет.

И действительно, всё прошло по её молитвам, как будто ничего и не было. Муж говорит:

— Матушка, у нас на работе никак не клеятся дела. Как быть?

А она отвечает:

— А ничего у вас хорошего там не получится.

И по сей день, сколько лет работает, сменился начальник, и всё равно хорошего мало, всё это ненадёжно.

Когда мы были на Толге, келейница говорила, что приезжал офицер из воинской части. У них убежал солдат. Матушка помолилась и сказала:

— Ничего, ничего, всё будет хорошо. Всё будет хорошо, и солдат найдётся.

Слава Богу, действительно, всё обошлось хорошо, никакого трибунала, ничего такого не было. Солдат вернулся на свое место.

Однажды я привезла в Малоярославец свою сестру. От неё ушёл муж, осталась она с двумя детьми, а к матушке приехала с младшим сыном — ему тогда было лет десять. И она плакала, что от неё муж ушел. А матушка говорит:

— Какая ты чёрная, какая ты нехорошая.

Сестра моя после этих слов заплакала, а матушка обратилась к её сыну:

— Ты хочешь, чтобы твой папа вернулся?

— Да, хочу.

— Тогда скажи своей маме, чтобы она не обижала папу. Как ты его всё время обижала!

И в самом деле, сестра такая властная, всё время требовала, чтобы было по её желанию.

И ещё матушка сказала мальчику:

— А ты будешь священником. И смотри, скажи маме: «Если ты будешь обижать папу, то я тебя тоже буду обижать».

После этих слов матушка выгнала сестру из келии. Потом сестра хотела приехать ещё раз, но так и не решилась. А скоро устроилась на работу, появились у неё деньги, и никто ей уже не был нужен, обо всём она забыла. Но сын её частенько вспоминал про матушку, и, когда я сказала ему, что она умерла, он очень огорчился.

Как-то приехала я к матушке с племянником в Никольский монастырь. Он по профессии фельдшер. В храм ходит, но чувствует себя там лишним. Приехав к матушке, он стал ей говорить:

— Причащаюсь очень редко, но хожу в храм. Когда на экзамены собираюсь, свечку поставлю, помолюсь, но чувствую себя в храме лишним.

А матушка ему:

— Как это так? Такого быть не должно.

И вот, мы приезжали к ней с ним два раза, а когда на третий раз уже приехали, матушка стала с ним разговаривать особо:

— А тебя как зовут?

— Дмитрий.

— А ну-ка, подожди. Сегодня мне Господь сказал... — и обращается ко мне: — Посмотри, там на подоконнике крест.

Я посмотрела, там только книги, иконы. И говорю:

— Матушка, нет креста.

— А у меня под подушкой, — продолжает матушка.

Смотрим: да, действительно, под подушкой лежит коробочка, и в коробочке крест священнический. Матушка открыла коробку и говорит:

— Вот, не помню, то ли вчера, то ли позавчера Спаситель мне Сам сказал, что у меня ещё один сын заблудший ходит.

Племянник спрашивает:

— А может, это не я?

Потом келейница вступила:

— Матушка, а вот есть Дмитрий у нас на Украине.

А она:

— Нет, нет, нет. Это не тот, это вот этот Дмитрий, — и говорит ему: — Вот тебе крест, ты будешь священником.

Он, конечно, в недоумении. Берёт этот крест, а она добавляет:

— Да, да, ты ещё будешь меня хоронить.

Он удивлённо говорит:

— Матушка, да я вообще и в храм-то очень редко хожу.

— Ничего, ничего. Священником всё равно будешь.

Прошло года два, он женился, переехал жить в другое место. И вдруг получаю от него письмо. Он пишет, что крест этот лежал у него в коробочке около икон. Совсем недавно открыл он эту коробочку и увидел на кресте какие-то масляные потёки. Стал их чистить: и мылом, и содой, и чем только не чистил. Опять полежал крест, через день открывает коробку, снова на нём масляные пятна, хотя крест лежал закрытым. Потом, когда он мне позвонил, я ему говорю:

— Нельзя чистить, это миро!

Крест же серебряный, откуда могут быть эти пятна? Ходил он к священнику на исповедь и всё это рассказал ему. А священник говорит, что надо относиться к этому кресту, как к святыне, и не надевать его, не трогать, пусть он лежит около иконы...

Матушка неоднократно напоминала нам духовный стих:

Мы не голуби, мы не сизые,
А мы — Ангелы хранители.
Мы в мир летали,
Там страсть видали,
Как душа с телом расставалась,
Три раза назад возвращалась:
«Ты прощай, прощай, тело грешное,
Тебя, тело грешное, будут черви точить,
А меня, душу грешную,
Будет Судия судить,
Судия праведный».

Однажды приехали мы в Малоярославец, было это уже осенью, службу отстояли. Просим у благочинной благословение, чтобы попасть к матушке. Она говорит:

— Нет, к матушке нельзя.

Так и уехали мы ни с чем. Спустя недели две мы опять отправились в монастырь, потому что мы ездили почти каждый выходной. В тот раз удалось её увидеть, хотя под сильным дождём стояли около часа, пока келейница не вывезла матушку. Она довольна была, что мы приехали. Поговорили мы, конечно, недолго, так как было очень холодно, и келейница её увезла.

В предпоследний раз мы были у матушки перед Пасхой, когда началась война в Югославии. Стали цены расти, был такой ажиотаж. Мы приехали и спрашиваем:

— Что делать?

Она говорит:

— Ничего не запасайте, голодно не будет. Не волнуйтесь.

У меня была мастопатия, я пила настои трав. Рассказала об этом матушке. Она говорит:

— Иди с Богом, не надо ничего пить, всё пройдёт.

После смерти матушки всё прошло.

В последний наш приезд матушка с нами очень мало общалась, так как ей было очень плохо. Она так кашляла, что не могла говорить, и через силу сказала: «Помогите мне, помогите мне». Я читала Иисусову молитву, дочка моя пыталась помочь ей.

Когда матушка умерла, мы приехали в Малоярославец, это было на девятый день после её кончины. Закончилась служба, мы пошли на могилку. Нам сказали, где она находится, но мы всё равно перепутали. Стоим у могилки, и я прошу:

— Матушка, ты прости нас, что не были на похоронах, мы не знали. Ты ли здесь?

И меня как бы кто-то вразумляет: «Не там вы стоите. Могилка-то вот там». Я говорю мужу и детям:

— Это не её могилка, вон матушкина-то.

Подходим к ней, и сразу какое-то тепло, какая-то радость на сердце. Вот так она привела нас к своей могилке[64].

Из воспоминаний Татьяны А.

К матушке привела меня чужая нужда. Мой батюшка благословил меня ехать и устраивать чужую судьбу, и это привело меня к матушке, Господь привёл. А когда я увидела на секундочку матушку, то осталась в тот день в монастыре и всю ночь не спала, мысленно разговаривала с ней. И так мне хотелось к матушке, что я на следующий день к ней пришла и всё ей рассказала о себе. Она говорит:

— Ну, «молодец», ну, «молодец», много «успела».

И за чуб меня трепала, и поколотила меня. Матушка дала мне молитвы, сказала всё, как делать, и я летела оттуда как на крыльях, с душой такой облегчённой, как на солнышке отогрелась. И всегда так: приедешь к ней, в её келии побудешь, а оттуда выходишь другим человеком. Вошёл таким поникшим грешником, страшно. Коленки дрожат, ведь за свои грехи отвечать приходится и здесь. Матушка никого вроде бы не видит, сидит в своей келейке, а на самом деле всех видит. Только имя назовёшь, а дальше она может сказать о человеке, которого давно нет с нами, он уже в мире ином. Всё скажет: крещён ли он, не крещён ли, как молиться за него, можно ли молиться за него, как ему там. Матушке всё это было открыто. Поэтому матушка

[64] В то время ни на одной из пяти могил монастырского кладбища не было надписей с именами погребенных.

помогала разрешить такие вопросы, которые уже никто не мог разрешить, потому что некому. И во всём помогала, в чём можно помочь, — в нашем странствовании земном, в нашем семейном горе.

Она решала самые тяжкие проблемы, когда казалось, что невозможно жить, умираешь от горя, но матушкиными молитвами всё покрывалось. Мои старшие дети уже два года живут в деревне под Оптиной Пустынью. Матушка их никогда не видела, но всегда им помогала. Приезжаю, жалуюсь, потому что оттуда едешь со слезами, со скорбями, а она как будто ураган остановит своей ручкой. Только скажет, какие молитвы читать, какое правило надо исполнять за то, за это.

Дочка старшая такая хрупкая, а живёт в деревне, хозяйство ведёт, дом на ней. Поэтому у неё со здоровьем очень худо стало, а ведь там воду из колонки принеси, пелёнки постирай. Танюшке, внучке, было тогда два годика. Матушка благословила их в деревне оставить, чтобы они там жили, но дом-то какой — куриная избушка.

— Холодно, замерзнут, — говорю матушке.

— Нет, не замерзнут.

Приехала к ней из деревни и попросила:

— Матушка, дочь надо в Москву везти, потому что опасно заболела.

Она перекрестила её в воздухе, как она обычно благословляла, и говорит:

— Ничего не будет, всё будет хорошо.

Приехала я в деревню:

— Ну как, дочка, у тебя?

— Всё в порядке, здорова.

И всё это воспринималось как бы само собой.

А тут у нас беда случилась, зять наш загулял летом. И так мы на него осерчали, что хотели с ним расстаться. А матушка:

— Нет, будем молиться, всё будет хорошо.

Мы зятя своего обратно приняли, всё пережили с помощью матушки. Но он вроде как беду в дом принёс: приезжаю, а у дочери все глаза в чирьях, почти ничего не видит. Я опять к матушке. Проходит две недели, приезжаю в деревню: всё прошло у дочери, как будто и не было болезни.

Был такой период, когда матушка почему-то долго не разрешала детям приезжать в Москву. Я говорю:

— Матушка, дети мои просятся хоть на один денёчек в Москву.

Она говорит:

— Нет!

— Матушка, хоть бы помыться. У них там и помыться негде.

— Нет!

— Матушка, ну а когда можно?

Она разрешила им приехать в конце октября, а был июнь 1998 года. Ну, я утешила, ребят, говорю:

— Ждём до конца октября.

Второго октября была я у матушки и говорю:

— Зять наш так просится в Москву...

А матушка отвечает снова:

— В конце октября. А вот когда в следующий раз приедешь, скажи ему, пусть катится куда хочет. Пусть катится, далеко не укатится, обратно вернётся, но — тогда можно.

Одиннадцатого октября матушка отошла ко Господу. И приехала я в Москву с девятого дня, с поминок по матушке из монастыря, а меня дома трое следователей ждут из уголовного розыска и говорят:

— Мы разыскиваем вашего зятя, он скрывается в Москве, и денег у него много.

Я отвечаю:

— Да вроде как не должен скрываться, потому как давно под Оптиной сидит в деревне. Что до денег, то я им так мало высылаю, что ему на сигареты даже не хватает.

Тем не менее они мне объяснили, что, по их данным, зять открыл на ВДНХ фирму, ограбил людей и с крупной суммой денег скрылся. Я говорю:

— Для того чтобы завести фирму, надо хотя бы грамотно писать, а мой зять — профессиональный двоечник, что-то мне не очень верится.

А они — ругаются, кричат, что имущества нас лишат, квартиры. Что мы должны компенсировать людям убытки. Потребовали они у меня фотографию зятя. Я нашла фотографию, прямо с датой на ней — 9 сентября 1998 года. Фото сделано на огороде в деревне, где они жили.

— Вот, — говорю, — мой зять, моя внучка, а это они все вместе со мной, и дата на фотографии — сентябрь. Не мог же он в это время быть в Москве и открывать фирму?

Следователь спросил:

— Можно, мы её возьмем?

— Берите, я ничего не скрываю.

Тогда они мне торжествующе:

— Теперь мы его опознали!

Взяли они фотографию, дала я им деревенский адрес, и они поехали туда. Потом всё выяснилось. Оказалось, что зять несколько раз терял документы (или вытаскивали у него), и по его документам действительно была открыта фирма. Конечно, можно было бы, наверное, что-то и за наш счет компенсировать обманутым людям, и нас лишить квартиры и т. п. Но матушка, видимо, всё это провидела и поэтому запретила детям ездить в Москву до конца октября. Матушка нас от этого ужаса сохранила и покрыла своей молитвой. Иногда даже мурашки по телу пробегут, и думаешь: «Как же она всё это знает?»

Я говорю:

— Матушка, боюсь я на машине ездить.

— Не бойся, поезжай.

— Матушка, она у меня в горку не едет, на подъёме глохнет, там спуск и подъём, а наверху ещё и шлагбаум.

— Ничего, всё будет хорошо. Поедешь хорошо.

Остановлюсь я на горке, смотрю как в бинокль, как там шлагбаум, а потом с разгону — когда его откроют. Матушкиными молитвами вот так всё время и ездили, и шлагбаум всегда был открыт для меня. Думаю: «Да и возят-то меня только матушка да Николай Чудотворец».

А в монастыре к матушке попасть всегда было сложно, только по благословению, но я и людей привозила, и сама попадала. Помолишься, попросишь у Николая Чудотворца, он здесь хозяин, у Антония, у Феодосия преподобных. Входишь в монастырь, всегда у них просишь благословения: «Отцы святые, благословите». И всегда к матушке двери чудным образом раскрывались.

Так хорошо с матушкой было в старой её келии, так радостно, и людям она столько любви, радости и столько помощи оказала ещё при жизни своей! Мы по своей слепоте даже не знаем, что же она для нас сделала, когда мы пойдём в мир иной. Мы просто не представляем, от каких нас, наверное, бед матушка упасла. Когда я первое правило матушкино исполнила, она мне сказала:

— Не лечись, всё так пройдет.

Но я же маловерная, мне страшно, мне больно, и потому я пошла к врачам. Они говорят:

— Ну всё, хроник на всю жизнь, теперь замучаешься. Всё, теперь всегда наша будешь.

И что же — через месяц как рукой сняло! Когда за тебя молится праведник — как бы телеграммы Господу шлёт: Господь быстрее слышит, и, наверное, Он откладывает эти золотые монетки в наш кошелёк. Как только прислонились к матушке, так и разбогатели, а когда потеряли — плакать начали.

Едем с младшей дочкой из деревни, а дорога — через Малоярославец.

— Ну что, заедем к матушке? — спрашиваю у неё.

— Вдруг нас в монастырь опять не пустят, да у нас и гостинчика матушке нет никакого.

Я предлагаю:

— Давай у Николая Чудотворца попросим, вдруг опять с матушкой повидаемся. Так и скажем, что пришли навестить.

Приехали, а кругом решётки, цепи, замки, войти можно только в Никольский храм.

Присела в храме и прошу святителя Николая Чудотворца, чтобы помог попасть к матушке. И вдруг открывается дверь в храм, заглядывает келейница матушки и говорит:

— А что же вы тут делаете? Мы ведь в другой келии, нас перевели, пойдёмте скорей.

И мы скорей, скорей к матушке по её новому адресу. Келейница говорит:

— Я и сама не знаю, зачем зашла в храм, мне туда не нужно было, я даже забыла, зачем пришла.

И мы снова у матушки — проблемы свои устраняем, утешение и благословение получаем.

В последнее лето матушка у нас была как прораб на строительстве дома в деревне. «Этого на работу бери, а этого не бери. Этот тебя обманет, а с тем искушения будут. А вот этого (рабочего) возьми, он сейчас поможет. А как поможет, скажи: “До свидания” и “Слава Тебе, Господи”».

Я спрашивала:

— Матушка, с чего начать, ведь всё рушится — и дом, и фундамент, а ничего нет.

Матушка говорила, что искушения будут с рабочими:

— Они будут недовольны. И им будет всё мало. Сколько ни предложите, всё равно мало. Но ты молись.

Дала правило для каждого члена семьи — что кому читать и за кого. И точно — такие расстройства были, даже до слёз. И рабочие такие воинственные: давай им — и всё, мы, мол, работу свою сделали. Бегу к матушке:

— А как же не дать, они вроде бы заработали, хотя не столько, сколько требуют.

Приезжаю из монастыря в деревню, а они передумали, и уже всем довольны, и даже говорят:

— А мы думали, что ты нам и этого не дашь.

И опять всё тихо, хорошо. Потом матушка сказала:

— Проводку поменяй! — и строго повторила: — Сначала проводка, потом пол, потом печка.

Прямо список выдала, что делать. А я, торопливая, думаю: пусть сначала печку сделают. Но ничего не вышло. Ночью проводка загорелась. Пожар мы погасили, и всё получилось, как матушка сказала, по её списку. Я бегаю, ищу рабочих, и вдруг человек приходит и говорит:

— Давайте я проводку сделаю.

«Ну, — думаю, — матушка послала». Потом приезжаю к ней, докладываю.

Она всегда знала, когда мы к ней приедем. И всех, сидя в своей келейке, всех видела, про всех близких знала и помогала им. Потом записочки начала я привозить ей от многих людей. Спрашивали её, как быть в какой ситуации, как поступить, что делать. А она помолится и каждому даст ответ.

Был у нас очень смешной случай, когда матушка дала правило одной из моих знакомых, потому что муж её просто прирос к телевизору. И ночами, и днями смотрит — нет человека. А ей телевизор и молиться, и жить мешает. Тогда наша Л. начала читать правило, которое старица ей благословила: сорок раз «Верую» в течение сорока дней. И она рассказывала:

— Так трудно было вычитывать — то нет внимания, то спать хочется, но всё исполняла, иногда даже в дороге... А в последний день только дочитала правило, слышу крик, вопль из комнаты мужа. Захожу — а он сидит в позе восточного человека перед погасшим телевизором, а из того дым идёт. Подействовало.

Матушка учила нас молитве. Но она не говорила: мол, ищи молитву или учись. Она просто делом и своей внутренней жизнью делилась и помогала нам. Она учила всё откладывать и всегда предстоять перед Господом, говорила, что мы очень много книжек читаем, особенно интеллигенция этим страдает. Мы столько читаем, но ничего сами не делаем. Когда читаешь, ты вроде бы готов подвизаться. Но наступает ночь, и ты ложишься спать безо всяких подвизаний.

Матушка давала конкретные молитвы и совет, сколько раз их читать. А в особенно трудных случаях — и число поклонов. Она сама вставала в этот момент на молитву и предстояла перед Богом. Ну а мы, слабые и немощные, за её спиной также кланялись и молились. Благословляла читать сорок дней по сорок раз «Верую» за нововоцерковленную душу и говорила, что эта молитва идёт как бы в копилку этого человека, на его счёт, ведь мы *за него* молимся. Господь принимает молитвы Церкви об усопших: когда мы за них молимся, они получают облегчение, улучшение своей участи, и мы свято верим в это. И в жизни матушка нам не раз показывала, что если за живых *так* молиться, то они действительно меняются.

Когда-то она мне назначала читать сорок раз «Да воскреснет Бог». Эту молитву матушка назначала за людей, к которым враг подступает очень близко. И в последнее время перед кончиной своей она давала так: сорок по сорок, т. е. сорок дней по сорок определенных молитв. А в первые годы она давала более лёгкие правила. Например, я жаловалась, что старшая дочь встаёт по утрам неспокойная, раздражительная и очень долго в себя приходит. Днём же — совершенно другой человек. И матушка дала мне правило: читать «Богородицу» по пятнадцать раз в день, а дочери — по десять раз. И Божия Матерь покрывала наших детей, помогала, ведь Она — первая Предстательница наша. Действительно, становилось лучше, своими глазами видела, как менялись люди, изменялась жизнь.

Матушка подарила младшей дочери чётки и головку ей вылечила. Были у неё тяжелые головные боли, жаловалась:

— У меня головка болит.

Келейница спросила:

— Может, это детское лукавство?

— Нет, — сказала матушка, — действительно болит.

Благословила она дочке чёточки, чтобы она их всегда при себе имела, но прятала, чтобы непременно прятала. Было тогда дочери лет шесть-семь. Ещё благословила дочь иконой

Божией Матери «Нерушимая Стена». А ей так хотелось эту икону иметь, потому что она услышала наш разговор о случаях, когда дома проваливались и два дома в Москве взорвали, а батюшка, отец Н., сказал тогда:

— А вы молитесь пред иконой Божией Матери «Нерушимая Стена».

И вот матушка Антония благословила её именно иконой «Нерушимая Стена» — от неё и защита наша. Помоги нам Господи...

Перед кончиной её я чувствовала: что-то должно произойти. И вот, когда позвонила келейница и сказала, что матушка скончалась, в первое мгновение у меня была только радость, что матушка с Господом, что она уже дождалась того светлого момента, когда она видит то, чего «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). А потом уже пришли мысли о себе: вот тут и полились слёзы рекой. Но спасло матушкино правило, потому что некогда было лить слёзы, надо было читать, читать, читать. Надеюсь и верю, что матушка не оставит нас сиротами. Много было всего, сразу не вспомнишь, но это счастье Господь нам даровал: могли ездить к ней, слышать её голос, получать наставления и советы, видеть её любовь к духовным своим детям.

Из воспоминаний Любови С.

У меня случилось несчастье. Племянника моего и крестника сильно избили. Во время операции у него удалили селезёнку, положили заплатку на печень, подштопали поджелудочную железу. Кроме того, у него было очень сильное сотрясение мозга, и мы не думали, что он выживет. Знакомая дала мне совет молебны за него заказывать, сорокоусты. Потом она сказала мне, что есть такая матушка Антония, к которой она может проводить. Я поехала, конечно. После службы подошли к матушке, попросили благословения и направились в её келию. Пока она покушала, мы подождали. Мне было тяжело, потому что много грехов на мне висело. Мне самой никогда бы их не замолить, если бы не встретила такую старицу, как матушка Антония.

В келии я сказала:

— Матушка, помолитесь за меня, грешную.

Она на меня смотрела, смотрела и спросила:

— С чем пришла?

— Матушка, дети мои не ходят в церковь, и с племянником моим беда.

Матушка глаза закрыла, чётки перебирает и говорит:

— Убиенный, убиенный, убиенный.

Потом открыла глаза и говорит:

— Будет жить.

Я так обрадовалась, а матушка мне говорит:

— Собака!

И как схватила меня за волосы, как начала меня трепать! Потом посмотрела и говорит:

— Собаки не убивают своих детей, а ты их убила.

Сколько убила?

— Матушка, по моему подсчёту вот столько-то, а точно не знаю.

Она глаза закрыла, потом открыла и назвала на два младенца больше. Я говорю:

— Матушка, а вот за свою дочку я могу молиться, за загубленных?

— Можешь! И дочерей таких родила, как сама.

И начала меня царапать. Я не убирала лицо и думала: «Пусть она мне всё его издерёт». Вышла я от неё вся поцарапанная, но нисколько не переживала и даже думала: «Пускай она возьмет дубину и выбьет все мои грехи». Вид у матушки был строгий, суровый, но чувствовалась в ней материнская забота. Как будто мать наказывает своего провинившегося ребёнка. Я вышла от неё с чувством благодарности.

Когда мы уже уходили, я спросила:

— Матушка, примете от меня, грешницы, гостинчик, пирожки с яблочками?

— Приму.

А потом я спросила:

— Матушка, а когда мне к Вам приехать?

— Придешь через год...

Матушка провидела, что раньше я и не появлюсь. Мне очень хотелось съездить к ней, но знакомые сказали, что в келию матушки не пускают, а я и не пыталась пробиться. И действительно, только через год приехала я в Малоярославец, но уже на её могилку. Это было перед прощеным воскресеньем 1999 года.

Из воспоминаний Ирины Р.

Матушку я знаю с 1973 года. Когда я сдавала выпускные экзамены в школе, впервые с подругой зашла в церковь поставить свечу. Был день Святой Троицы, кругом берёзки, трава, мне в храме понравилось, и я сразу приметила матушку Аполлинарию — она там регентовала. Стала я бывать в этой церкви, а однажды встретила матушку в трамвае и подошла к ней:

— Здравствуйте, я видела вас в Калитниковской церкви. Очень хотела бы с вами познакомиться.

Матушка пригласила меня домой и приняла очень доброжелательно. Она сразу начала учить меня церковно-славянскому языку. А я очень хотела научиться петь. Поставила матушка меня на клирос во время службы и говорит:

— Пой «Господи, помилуй!»

Начала я подпевать, а матушка мне:

— Замолчи! Так, с пением у тебя ничего не получается. Ладно, будешь для певчих ноты и слова писать.

Надо сказать, что в школе я была секретарём комсомольской организации и вообще из неверующей семьи. И при этом я писала тетради для певчих.

Потом матушка стала меня учить читать шсстопсалмие, и скоро я могла читать его за богослужением, а потом и на память выучила. Однажды матушка говорит:

— Посмотри, какой сон тебе будет.

И действительно, снится мне сон: вижу Богородицу, Которая дарит мне букет белых лилий.

А мне всё хотелось петь. Матушка говорит:

— Езжай в Лавру. Приложись к мощам Сергия Радонежского, он большой в учёбе помощник. Но смотри, чтобы у тебя была к нему только одна просьба.

Приехала из Лавры — и сразу запела, в один день.

Матушка была провидицей. Я тогда училась в МЭИ на третьем курсе. Меня ругали за то, что я ходила в церковь, дядя даже колотил. Когда мне звонила матушка Антония, родители мои возмущались. Пошла я экзамен сдавать, а матушка говорит:

— Чего трясёшься, всё равно двойку получишь.

— Почему двойку, я же знаю предмет.

Но так и вышло: на экзамене меня засыпали и поставили двойку. Матушка говорит:

— И зачем ты вообще там учишься, твоё место в торговле. Я ведь тоже молоко продавала.

И правда: закончив институт, я некоторое время работала в НИИ, но после рождения дочери перешла в торговлю. Сначала хотела в монастырь уйти, но матушка сказала:

— Не каждый может, но кому дано! Подожди!

Я много раз ночевала у неё, и она мне говорила:

— Ты у меня самая маленькая, любимая дочь.

Матушка мне была как родная, с 1973 по 1979 годы я заходила к ней каждый день на пути в институт и обратно.

Прошло время, собралась я замуж. Матушка одобрила мой выбор. Мы венчались. Жили несколько лет, а детей нет. Скольких врачей объездила, — все говорили, что детей у меня не будет. Тогда обратилась я к матушке:

— Хочу ребёнка.

А она мне:

— Ну зачем тебе дети, вы все равно жить не будете.

— Матушка, всё равно хочу ребенка.

— Ведь аборты делать будешь.

— Нет, матушка, сколько будет — всех рожу.

Три или четыре часа я у неё в ногах ползала. Матушка дала мне корешок, велела настоять его на пол-литре водки и принимать по столовой ложке перед едой. Месяц попила, на второй забеременела. Матушка вымолила мне дитя. Родилась девочка, назвали Настей, в честь матушки. Она сказала:

— Силой дочку в храм не води, она сама придёт в церковь.

Так и происходит по жизни, что матушка сказала: дочь сама в церковь пошла после школы, когда ей исполнилось семнадцать лет. А мужа я похоронила пятнадцать лет назад, так что мы с ним не живём, как и говорила матушка.

— Матушка, а как мне теперь жить? — спросила я её.

— Дочь, каждому овощу свое время, никогда не переживай, и с тобой ничего не случится. Тебя нет в церкви, но каждая буковка за тебя поёт (тетради со словами и нотами, которые я переписывала).

Мне раньше часто снилось, что мы вместе поём в церкви. А как ушла она из жизни, так больше и не снилась.

Из воспоминаний Софии Г.

С матушкой я познакомилась в 1972 году через мамину подругу Марию, которая была прихожанкой в храме во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке. Жила она около Павелецкого вокзала и дружила с матушкой Аполлинарией. Я много раз видела матушку в гостях у Марии. После службы к ней иногда заходил настоятель храма на Ордынке отец Борис (ныне покойный). Они пили чай, беседовали, но я была в то время далека от веры и не вникала в их беседы. Я только видела, как уважительно относился отец Борис к матушке Аполлинарии, подолгу говорил с ней о чём-то, спрашивал советов. И матушка любила ходить в этот храм, там был замечательный хор, пели прекрасно, а матушка любила хорошее пение. Заходили к Марии и другие священники, диаконы, и все они уважали матушку Аполлинарию. Ещё матушка любила храм святителя Николая в Кузнецах, я её туда провожала на службы. Там её тоже знали и уважали священники и многие прихожане.

Когда у меня возникли трудности в жизни, Мария посоветовала мне обратиться за советом к матушке Аполлинарии, но я сделала это не сразу. Тогда я только начинала воцерковляться. Наконец собралась и пришла к матушке со своими скорбями. Как только вошла я к ней, она мне сказала:

— У тебя дома не всё в порядке! Муж у тебя пьяница!

Пришла я к ней весёлая, а матушка стала обличать меня в грехах; тут я и заплакала. После этого стала к ней часто заходить. Однажды я спросила у матушки:

— А у вас есть благословение, чтобы принимать людей и лечить?

Она ответила:

— А как же! Сам Святейший Патриарх Пимен меня благословил не только принимать людей, но и лечить. Он ко мне очень хорошо относится, я ему травку собираю для лечения.

Пришла я к ней за благословением поехать с мужем в Крым. Матушка благословила и сказала:

— Благословляю, поедешь в санаторий, там и повенчаешься!

Я, конечно, не придала значения этим словам. У меня муж партийный, неверующий. Я даже молилась дома тайком. В поезде мы ехали в одном купе вместе с верующей парой.

Мы ехали в Ялту, а они в Алушту. В Ялте был очень хороший храм, и я туда часто ходила молиться. И вдруг муж сам предложил мне повенчаться в этом храме! Подошли к храму, а он не может переступить порог. Я подошла к настоятелю отцу Леонтию:

— Мой жених не может зайти в храм!

Батюшка взял его за руку и привел. Пока готовили всё необходимое для совершения таинства, я пошла ставить свечи и вдруг слышу сзади:

— София!

Оборачиваюсь, а это наши соседи по купе. Я им говорю:

— Только не упадите, мы пришли венчаться!

Так мы и обвенчались 21 мая в день памяти святого апостола Иоанна Богослова, а на следующий день — память святителя Николая. Венцы нам держали эти наши новые знакомые. Вышли из храма и вдруг встречаем архимандрита Германа со спутниками, которые дарят нам цветы! Они говорят нам:

— Мы слышали, что венчаются москвичи, и решили подарить цветы!

Мы так радовались!.. Николая Угодника поблагодарили и Иоанна Богослова.

Когда вернулись из Крыма, у меня начались страшные боли. Врачи обнаружили в почках большой камень и настаивали на операции, а я — аллергик! Никакие лекарства мне нельзя принимать.

Матушка сказала:

— Я благословляю тебе дробить камень!

Врачи меня обследовали, и им ничего не оставалось делать, как дробить мне камень. Раздробили, я счастливая звоню матушке, а она мне:

— Не радуйся, ещё будут!

И действительно, кусок там большой остался, и мне повторно дробили. Я опять матушке звоню, а она мне:

— Не радуйся! — и положила трубку.

И в самом деле, радоваться было рано, камни забили желчевыводящие пути, и я просто умирала. Но обошлось без операции. Звоню матушке, а она мне снова:

— Не радуйся, один камень тебе принесёт много боли!

И правда, я очень долго лежала в больнице. С этим последним камушком намучилась. Но однажды матушка мне сказала:

— Завтра выйдет!

И этот камушек утром вышел совершенно без боли. Врачи очень удивились, что все камни вышли — без уколов, без боли!

Матушка потом говорила:

— Ты была на грани смерти! Я за тебя молилась, ох, как я за тебя молилась!

Как-то приехала к матушке на квартиру, а она меня попросила:

— Забери меня!

Я привезла её к себе домой, она денёк пожила и говорит:

— Отвози меня обратно!

— Матушка, ну хоть бы дня три пожила?

— Нет, отвези меня!

Потом спросила:

— Матушка, почему так-то?

А она:

— У тебя такое несчастье должно было случиться, но, слава Богу, всё обошлось!

Приехала я к матушке за благословением на женитьбу моему сыну, а матушка:

— Не благословляю!

Сын всё равно женился. Его жена забеременела. Матушка говорит:

— У неё мальчик будет. Если она в храм не придёт и не причастится или хотя бы ко мне не приедет, то младенец её умрёт!

Но невестка не пришла, и новорожденный младенец умер. Слава Богу, перед смертью я успела его окрестить. Всю ночь простояла я на коленях; утром звоню:

— Матушка, что мне теперь делать?

— В храм неси, отпевать будут!

В храме был отец Антоний — такой молитвенник! Много было гробов, а он мальчика отдельно от всех отпел.

И вдруг, в конце отпевания, одна женщина принесла двадцать пять гвоздик и положила их на гроб младенца! Я поняла, что Господь услышал мою мольбу!

Когда матушка была в Малоярославце, я многих людей к ней направляла. Все уезжали от неё утешенные, всем она помогала. Я спрашивала:

— Матушка, может, не посылать так много народу?

А она:

— Посылай!

И благословила!

Матушка помогала многим больным, особенно душевными болезнями — эпилептикам, шизофреникам. Но как только она кого-то спасала от тяжкой болезни, сама страдала через сына Михаила. Помню, откуда-то привезли девочку-эпилептика лет шестнадцати. Матушка её лечила: читала какие-то молитвы, благословляла. А после этого пришёл Миша и так её избил, что она вся чёрная была. В другой раз привезут тяжелобольного, я и говорю:

— Матушка, не берись, ведь Миша потом на тебе будет отыгрываться.

А она отвечает:

— А что делать? Спасать надо человека...

Меня удивляло, что матушка знала, какой родится ребёнок — сын, или дочь, или двойня. И всегда по её слову происходило. Я часто слышала, бывая у матушки, как многие приезжали из других городов и благодарили за то, что по благословению матушки у них, ранее бездетных, рождались дети:

— Матушка, ребёночек у нас растёт, благодарим Вас.

Матушка и мне помогала постоянно. В 1997 году моей маме исполнилось восемьдесят три года. Она ослепла, нужно было делать операцию.

— Делать благословляю, всё будет хорошо, — сказала матушка, хотя довольно редко благословляла больных на операции.

Действительно, операция прошла удачно, врачи были очень довольны, что такая бабушка старенькая, а вела себя так хорошо. Иные и сознание теряли, и в обморок падали, а она даже улыбалась.

Потом у дочери была серьезная операция, ей тоже грозила слепота. Нужно было оперировать с помощью лазера. По матушкиным молитвам, слава Богу, всё обошлось хорошо.

Матушка ещё лет пятнадцать назад сказала:

— Придет время, ты будешь работать во славу Божию, помогать восстанавливать монастырь, и тогда многие восстанут на тебя.

Так и случилось, когда я стала помогать Иоанно-Богословскому Крыпецкому монастырю. Пришла к матушке и спрашиваю:

— Что мне делать? Я в своем храме уже двадцать лет! А теперь ко мне очень плохо стали относиться! Все отворачиваются! Может, мне перейти в другой храм? Неужели я должна слушать всё это?

— Не уходи, пусть уходят те, которые восстали против тебя!

— Матушка, мне даже запивку не дают после причастия!

— Пусть уходят те, которые идут против тебя, а ты оставайся.

Всё сбылось: я осталась в храме, а тех людей давно нет.

У меня есть знакомая, которая прислуживала в этом храме. Вижу, стоит расстроенная. Спрашиваю, в чём дело. Оказалось, что пропал внук, три месяца уже ищут! Поехала я к матушке, а она:

— Жив он, только в тяжёлом состоянии!

Я приехала, успокоила знакомую, говорю: «Найдётся!»

Потом его кто-то привёз. Всё, слава Богу, обошлось.

По молитвам матушки потихонечку к вере приходит и моя семья. Я спросила:

— Матушка, как я стала верующей в семье атеистов?

Она говорит:

— Прадед у тебя был верующий, он тебя вымолил.

Однажды привезли мои друзья из Белоруссии ходатайство к Брежневу об открытии храма, в котором устроили кинотеатр, и попросили помочь. Они поехали к матушке, и она благословила меня заняться этим делом. Я пробилась на приём, подписала прошение. Там много было подписей верующих, очень много — и нам разрешили. Началось восстановление. И вот Господь сподобил меня на Рождество причаститься в этом храме, который только что открылся.

Так всё и сбылось по матушкиному благословению, по матушкиной прозорливости! Она говорила:

— Всё будет хорошо, пробьёшься, ступай к Брежневу!

Если матушка благословит, то считай, это дело уже сделано, и я старалась почаще брать у неё благословение. Она сама говорила:

— Ты приезжай ко мне почаще. Семья у тебя сложная, трудная — бери почаще благословение.

Приеду к ней с работы, она видит, что я устала, и сразу говорит:

— Садись на кровать, садись.

Обложит меня подушками:

— Посиди, отдохни, а хочешь — подремли, постарайся отдохнуть.

Матушка часто пела при мне покаянный духовный стих, который сама сочинила. Она никого не выпускала из дома, не покормив, а провожая, обязательно в сумку что-нибудь положит. Если не берёшь, она говорит:

— От меня да не брать? Ты только подумай!

Матушка постоянно говорила мне и перед смертью повторила:

— Меня не будет, проси — я тебе буду помогать!

Когда бывает особенно трудно, попросишь матушку о помощи — и всё получается!

После кончины матушки я очень тяжело заболела, стало так плохо, что мои друзья даже позвонили на радиостанцию «Радонеж» с просьбой помолиться о тяжко болящей Софии. Вслед за этим приснился мне сон: плывёт большой корабль, и матушка находится во главе этого корабля. А на палубе стоим мы — духовные дети её. Я подошла к матушке и просила помочь в моей болезни. Она ответила: «А ты умойся из этой чаши», — и указала на одну из трёх стоящих чаш. Я умылась, и всё тело стало таким лёгким. Проснулась я здоровой, болезни как не бывало.

Сон мой сбылся, когда я увидела похожую картину во время крестного хода после акафиста иконе Божией Матери «Иерусалимской». Те же знакомые лица и всё было как во сне. Я заплакала от радости: так вот какой корабль матушка показала!

Матушка много лет назад сказала:

— Ты будешь раздавать кресты.

Тогда я ничего не поняла, но случилось так, что вот уже шесть лет помогаю в воинском храме. Здесь мне приходится постоянно надевать крестики крещаемым новобранцам и другим военным.

Много она сказала перед смертью, что и как со мной будет, давала наставления. Мне сейчас так не хватает её...

Из воспоминаний Евгении Р.

Матушку Антонию я знаю с 1997 года. Одна хорошая знакомая посоветовала мне съездить к ней со своим большим горем. Моя сестра спивалась. Муж ей попался пьющий. Сначала она немного пила с ним, чтобы ему меньше досталось, терпела издевательства, битьё, а потом и сама начала прикладываться. Я была у матушки три или четыре раза. Я помню первое своё посещение и последнее.

Когда я приехала впервые, погода была пасмурная, холодная, подстать тому, что творилось на душе. Но у матушки мне стало тепло и уютно, спокойно. Она со мной была очень добра, ласкова, хотя и видела все мои грехи. Когда я рассказала, что пьют сестра с мужем и племянница страдает от этого, матушка сказала:

— Не будет пить, всё будет хорошо.

Когда я спросила про сына, матушка также сказала:

— Всё будет хорошо.

Я долго не могла найти работу из-за плохого здоровья, но по молитвам матушки Антонии сейчас работаю.

Не помню, о чём мы говорили во второй и третий мой приезд, но только в четвертый раз, 4 января 1998 года, она открыла все мои грехи. Матушка сильно кашляла, болела, к ней уже перестали допускать. Она уставала от нас, но всё равно принимала приходивших. Несмотря ни на что, от неё так же исходило солнышко и тепло. Она вывернула, очистила всю мою душу, перечислила многие мои грехи, показала мне всю мою неприглядную жизнь. Я так плакала, как нигде. Перед этим была на исповеди в Троице-Сергиевой Лавре, в Оптиной Пустыни три раза, но всё равно не чувствовала облегчения и скорбела о своих грехах. Матушка, чувствуя, что это последний мой приезд к ней, старалась мне помочь, чтобы я как-то очистила свою душу. В этот раз она мне сказала, как мне молиться о моих загубленных детях. Со мной были и другие женщины. Она некоторых таскала за волосы и ругала. Но меня она не трогала.

В первый раз она была добра со мной, а в последний — сердита за то, что я натворила. Когда я выполнила правило, которое дала матушка, мне стало легче на душе.

Моя мама была верующей, но никогда не ходила в церковь, не исповедовалась, не причащалась. И всё же говорила мне:

— Ты, дочка, молись.

Мама очень сильно заболела и была на грани жизни и смерти, три-четыре недели ничего не ела. Весь рацион состоял из стакана чая — и всё. Сильно исхудала. Я горячо молилась Господу у постели мамы, просила о помощи у матушки. И по молитвам матушки Антонии мамочка моя, слава Богу, поправилась.

Сестра моя пока не пьёт. Перестал пить и её муж, ему было очень, очень плохо. А до этого говорил:

— Я пил, пью и буду пить. Мне моих денежек хватит на всю жизнь.

Теперь его денежки иссякли, и стало ему совсем плохо. Он лежал целый месяц в больнице и теперь не пьёт. Уже после смерти матушки сестра стала ходить в церковь, исповедоваться и причащаться. Верю и надеюсь, что матушка Антония нас не оставит. Каждый день поминаю её и прошу о помощи.

Из воспоминаний Евдокии С.

Господь сподобил меня познакомиться с матушкой Антонией через большие беды, несчастья. Переехала я в новую квартиру на Волгоградском проспекте и познакомилась там с очень добрыми людьми: их квартира была рядом с моей. С первого дня мы стали как родные. Соседка моя, Евлалия, родилась ещё до революции, был у неё сын Владимир, он очень пил. Она постоянно ходила в храм на Калитниковском кладбище. Стали и меня приглашать, а у меня муж пил, была у нас с ней общая беда. Потом она слегла, ноги не стали ходить. Положили её на операцию и ампутировали ступню, потом ногу до колена, — а я за ней ухаживала.

Вот у соседки я и познакомилась с матушкой: когда у Евлалии ноги перестали ходить, матушка стала появляться у неё в квартире. Однажды Евлалия позвонила и сказала:

— Приходи, принеси нам продуктов и заходи, чай будем пить.

Так я впервые увидела матушку. Она спасла сына Евлалии, Владимира, от пьянства, но сказала, что он попадёт в тюрьму и уйдёт из жизни в сорок лет. Так и случилось: Володя умер в тюрьме сорокалетним. Мать долго плакала.

Господь сподобил меня знать матушку долгое время. В мою квартиру она приходила всего раза три, обычно мы виделись у соседки. Матушка помогла моему мужу отойти от питья буйного, горького, тяжёлого. После этого он не пил пять лет. Матушка сказала мужу:

— Не послушаешься меня, долго будешь болеть.

Так и случилось: у него было четыре инфаркта и три инсульта. Матушка предвидела многое. Мне она сказала:

— Отдохнешь пять лет, а потом будет тебе испытание. Долго будешь за мужем ухаживать, а потом он уйдёт из жизни. Двадцать или двадцать один год тебе терпеть.

Я ей говорю:

— Матушка, я, наверное, столько и не протяну.

А она:

— Протянешь, протянешь, будешь ещё и внучку замуж выдавать.

Вот и пришла беда — болезнь мужа. Двадцать один год за ним ходила. Скончался он в 1983 году. Бывало, поплачем с соседкой перед матушкой, а она скажет:

— Ну, хватит, хватит.

А другой раз погладит меня по голове, слёзки вытрет, — и так бывало. Она всю мою жизнь открыла. Рассказала о том, как я жила до нашей встречи. Она говорила:

— Дитя моё, как же ты столько травли перенесла? Папа у тебя не видел?

Я говорю:

— Да, незрячий у нас папа. А было нас тринадцать детей. И, слава Богу, все своей смертью пока уходят. Осталось нас из тринадцати четверо, и дай Бог, чтобы всем так, как мы, проводить папу и маму, — очень любили мы своих родителей.

Матушка видела моего папу позже, уже после того, как прозрела, что он незрячий. И соседке я никогда не говорила, что отец не видит, а матушка это знала.

Когда матушка приходила, была у нас такая святость, будто мы в храме. Сама я уже почти не могла ходить в храм — муж лежачий, и за соседкой нужно ухаживать. Матушка заходила к нам не так уж часто, но если сказала, что придёт, то точно бывала. И когда она появлялась у нас, это был для всех праздник. Подойдёт, благословит, помолится, соседке больной положит ручки на голову крестообразно, прочитает тропарь празднику. А когда уходила, давала наказ, чтобы я ни одного дня не пропускала, молилась:

— Первым делом умой своих болящих, молитвочки прочитайте, святой водички, просфорочку употребите.

Матушка всё это нам приносила: просфору, святую водичку. Была она очень добрая. Когда сама не могла прийти, то звонила мне и говорила:

— Придет к тебе Анастасия, открой и пусти её.

Тоже была очень добрая женщина. Молились мы с ней дома, и с соседкой молились — она знала много молитв.

В праздники обязательно приходила с подарками, гостинцами. Скажет:

— Освящённое, кушайте, это святость Господня.

Соседка моя скончалась в 1970 году. И за эти годы много было встреч с матушкой, и они кажутся все, как миг. Короткий день, как солнышко пролетело, а добрую память о ней унесу с собой.

В храме в Калитниках я бывала, когда она регентовала. Постоянные прихожане очень почитали матушку, просили у неё благословения. Были там и старушки, и другие, кому она помогала. Она ведь не только к нам ходила, у неё времени было мало, но всё равно навещала, посещала немощных, всех нас грешных.

Обидно, что такие люди уходят. Пусть бы они всегда жили среди нас, грешных, вытягивали бы нас из этой греховной жизни. Матушка постоянно говорила:

— Молитесь! Бог милостив. Кто помнит Его, кто просит: «Убавь грехи, прости!» — того, может, и простит Господь.

Не говорила, что точно простит, а «может, и простит вам Господь». Скажет и сама нас перекрестит.

Всегда казалось при встречах, что вместе с ней куда-то поднимаешься. В ней такая благодать была, это чувство непередаваемое. Конечно, и у неё бывало разное настроение. В храме её часто огорчали, были там служители, женщины, которые не принимали её, а иногда и мы приносили ей огорчения. Бывало, что увидишь её там немножко печальной, но всё равно обязательно скажет:

— Всё пройдет!

Матушка говорила:

— Не будете Бога помнить, пропадёте. Зовите Божию Матерь на помощь.

Светлая тебе память, родная. Спасибо тебе за заботу, за ласку твою, за помощь в жизни, матушка родная. Помню всегда твои слова:

— Будет трудно — позови! Позови!

Из воспоминаний Натальи Б.

У матушки Антонии я была в мае 1997 года, через две недели после того, как умер мой муж. На исповеди духовник сказал мне:

— Наталья, оставь всё земное.

Я подумала после слов батюшки: если земное оставить, значит, наверное, нужно мне уйти в монастырь. И вот подруга моя предложила поехать к матушке Антонии. Я согласилась и заранее решила: если матушка скажет, что в монастырь, — значит, в монастырь.

Доехали до Малоярославца, подошли к дому, где жила матушка. Не прошло и двух минут, как вышла келейница и позвала нас. Я никогда не бывала у старцев и не знала, как нужно себя вести. Подошла первая к матушке и сказала:

— Матушка, мой муж умер, я виновата перед ним, развелась.

Она сделала вид, что меня не расслышала. Пришлось мне так три раза повторить, всё громче и громче. После этого она отхлестала меня по щекам, сказав:

— А теперь пожалела?

Начала я оправдываться, и такое у меня состояние наступило, будто нахожусь я на Страшном Суде. Я так испугалась:

— Матушка, что ж мне теперь — не будет прощения? У меня же дети есть.

Она говорит:

— Никому ты не нужна, ни детям, никому.

Тогда я отползла в угол. Мне так было плохо, что не знала, что мне делать. Затем к матушке подошла Н. — она говорила с ней долго. Н. просила помолиться, чтобы вернулся её муж. Вскоре после нашей поездки он вернулся в семью.

Келейница подвела меня к матушке во второй раз. Она меня про мужа спросила и стала за него молиться. Потом стала ко мне потеплей немного и сказала:

— Хорошо, живи с детьми.

А нам троим стала говорить о том, что все наши беды — от абортов. Сказала нам, как молиться. Спросила я о своей дочери:

— У меня дочь так страдает. Симпатичная девушка, а нет ни личной жизни, ни работы, полгода уже ищет работу.

Матушка ответила:

— Всё будет — и работа, и жених.

И по матушкиным молитвам сейчас у неё и работа хорошая, и жених появился, они обвенчались, и у них уже. есть ребёнок. Просила за близких, за родителей, чтобы они были верующими. И сейчас мама моя уже верующая, а папа тоже постепенно приходит к вере.

После того как я съездила к матушке, для меня самое главное было — исправиться, и я так счастлива, что Господь даёт мне время на исправление. Каждое утро, просыпаясь, думала: я

ещё жива. И ходила по улице такая счастливая, что небо голубое, а листья зеленые, и счастье меня переполняло.

В мае 1999 года мы приехали на могилку матушки. Было очень холодно, лил дождь, а когда подошли к могилке, вышло солнце и стало теплее. У меня была астма, но в тот момент я не просила о здоровье, всё больше о детях, о личной жизни. Когда ожидали мы электричку на платформе в Малоярославце, у меня начался ужасный приступ астмы, кашель. А через месяц после посещения матушкиной могилки астма прошла. Уже два года ни одного приступа, хотя врачи в больнице говорили, что это у меня на всю жизнь. То, о чём я тогда просила, тоже начинает сбываться.

Сейчас я пою в церковном хоре. Однажды пришлось отпевать монахиню. Я не знала, что по монашескому чину положено особое отпевание. И когда мы начали петь, передо мной положили ноты, которые я видела впервые. Сразу начала молиться про себя: «Матушка, помоги. Столько народа пришло, а я сейчас всё отпевание испорчу». А потом, ни о чем не думая, стала петь, и всё благополучно спела.

И ещё одно чудесное событие вспоминается. Была у нас в храме патриаршая служба. Пришла я в храм, а у меня вместо голоса свист один. Тогда я очень молилась: «Матушка, помоги!» Мы должны были петь трио «Да исправится молитва моя...», а у меня голоса совсем нет, даже говорить не могла. И всё получилось! — Трио хорошо спели...

Из воспоминаний Марии О.

С матушкой Антонией (тогда она ещё не была монахиней) мы встретились в начале 1960-х годов. Мамина сестра познакомилась с ней в Троице-Сергиевой Лавре и привела в наш дом. Когда они пришли к нам, Анастасия Яковлевна спросила:

— У вас есть сын Василий?

Мама ответила, что есть.

— Он от вас скоро уйдёт.

— Как уйдёт? — не поняла мама.

Но так и случилось. Он учился в институте, была у него девушка. Они скоро поженились, и Василий ушел на квартиру в семью жены.

Мы жили тогда в коммунальной квартире, соседи у нас сильно ругались, и один из них очень обижал восьмидесятидвухлетнюю бабушку. Она подала на него в суд, и мне нужно было стать свидетелем. Но я очень не хотела этого, и когда Анастасия Яковлевна к нам пришла, то сразу же успокоила:

— Никакого суда не будет.

Откуда ей было знать? — Меня это очень удивляло, тогда и я потянулась к ней. Говорю ей:

— Я трясусь, боюсь, никогда на этих судах не была, не знаю, что там делать и говорить.

Она нам снова сказала:

— Не волнуйтесь, всё у вас будет хорошо.

И вдруг этот сосед, который обижал бабушку, обменял свою комнату и ушёл из нашей квартиры; пришли другие люди, и действительно, всё стало хорошо. Ещё она сказала тогда, чтобы я с мужем повенчалась, хотя мы этот вопрос и не поднимали. Она говорит:

— Невенчанная, расписанная — это не то. Надо узаконить вашего сына, чтобы он у вас рос здоровым.

Так и получилось: 25 октября 1964 года мы повенчались в Елоховской церкви, куда она много лет ходила и где пела на клиросе. И всё она нам устроила, венчал нас такой благодатный священник, но имени его не помню.

Матушка к нам приезжала, и каждое её посещение было для нас праздником. Все мы сидели вокруг неё, как цыплята около наседки, и она нам рассказывала, где бывала, с какими людьми встречалась, в каких монастырях молилась. Рассказывала, как вела беседы с людьми, и многие слушали затаив дыхание. Подходили к ней, спрашивали, и она отвечала, говорила больным людям, чем и как лечить, так что они обходились без операций.

Мы оставляли все свои дела и сидели, заслушивались её рассказами. Столько она интересного говорила, так и не упомнишь. Такие интересные случаи бывали в её жизни. В Почаеве, в Одессе, в Киеве, в Иерусалиме — где она только ни была. Матушка возила в Троице-Сергиеву Лавру маму с её сестрой — всё им рассказывала и показывала там. Мы стали с ней как родные.

Однажды заболел у меня зуб, а она говорит:

— Удали его, иначе он тебя долго будет мучить, всю жизнь.

Пошла к врачу, тот посмотрел и говорит:

— Здоровый зуб. Этак все были бы беззубыми, если бы такие зубы удаляли.

И поставил мне пломбу.

Сказала я матушке, что врач запломбировал тот зуб, а она ответила:

— Напрасно.

Так вот этот зуб меня до сих пор мучает.

Матушка говорила мне, что каждый человек зарабатывает в земной жизни для вечности. Что заслужит, то и получит. И часто повторяла:

— За один час страдания — триста лет блаженства.

И как она страдала! Сын её бил. Сколько раз она приезжала ко мне вся в синяках. Всё лицо избитое, глаз не видно! Я её встречала:

— Ой, Анастасия Яковлевна, приходите и живите у меня всю свою жизнь. Я очень рада. Я одна сейчас. Мама и папа умерли, муж умер. Живите сколько угодно, здесь Михаил вас не тронет. Здесь он вас не тронет.

Пожила она у меня месяца полтора и собирается домой:

— Не знаю, как там... Душа болит. Как там Миша?

Приехала к нему, а он её снова избил. Ночью она вернулась ко мне, опять избитая. Я говорю ей:

— Не ездите туда больше, вот вам комната, живите.

У меня была двухкомнатная квартира: в маленькой комнате я жила, а ей предложила большую:

— Живите здесь и что хотите, то и делайте. Хоть всю ночь читайте, молитесь. Здесь тихо, никто не будет беспокоить.

Матушка каждый день до полуночи, а то и до часу на коленях молилась. Засну я под её молитву, чуть свет проснусь — а она уже Псалтирь читает, не спит. И всегда ночами молилась.

И сколько же к ней приезжало народу! Она сообщила знакомым, что гостит у меня в Балашихе, и к нам каждый день приходили люди, рассказывали о себе, советовались с ней. И всем давала она добрые советы. Как все её уважали и любили! Она умела к каждому человеку найти подход, говорила именно то, что ему нужно, давала такой совет, как будто она из Писания берёт и читает. Многие готовы были и ночевать, и жить с ней рядом. Я говорила гостям:

— Сколько хотите, столько и будьте. Я вам не помешаю.

А они:

— Нет, нет, идите сюда к нам и слушайте, пожалуйста.

За матушкиными рассказами бывало, что мы о еде забывали. А сядем за стол, она сама не ест, а всё продолжает беседу.

Матушка была не очень грамотная, но начитанная и очень хорошо говорила. Псалтирь она только при мне прочитывала, наверное, раз сто. Она очень бегло её читала. Я до сих пор не могу читать так быстро. И песнопения многие она знала наизусть. А сколько молитв она знала на память!

Помнится, избил её сын, она приехала ко мне в синяках, так что несколько дней даже не выходила из квартиры. Потом ей получше стало, вышла она из дома, села на лавочку. Появились мои соседки, и сразу она с ними заговорила, и каждой что-то для неё рассказывает. Кому-то сказала:

— А у тебя несчастье скоро случится, мать умрёт. Но ты не печалься, готовься.

А та отвечает:

— Да, наверное, это близко, мама моя и вправду сильно болеет.

В хорошую погоду ходили мы с ней на аллею Ветеранов подышать. Сидим с ней, а вокруг люди гуляют. Разговорилась матушка с незнакомой женщиной:

— А у вас неудачи в жизни постоянно. Куда бы вы ни пошли, всё закрыто перед вами.

— Да, да, я такая, несчастная, — говорит эта женщина.

— Ну и что ж, — продолжает матушка, — не надо отчаиваться. За всех врагов своих молиться надо. Вы их не ругайте, врагов своих, а молитесь за них, чтобы Бог дал им здоровья, и

они все исправятся, исправятся и душой к вам проникнут. Не надо их ругать, не надо на них обижаться! Наоборот, просите Бога за них, чтобы даровал Он им здоровье и благополучие.

А вокруг немало людей собралось, слушают. И каждому она что-то скажет.

Не могу забыть ещё один случай. У моей знакомой сын попал в беду. Пришла она к матушке:

— Что делать, сын под следствием. Его, наверное, посадят. Подскажите, что делать, помогите нам!

Она говорит:

— Пусть его лучше посадят. Не волнуйтесь, но скоро он получит амнистию. А если я помогу вам и его не посадят в тюрьму, то он умрёт.

Вот что провидела матушка.

А однажды пришла к ней женщина — ей должны были вырезать грыжу:

— Матушка, как мне быть, уже операцию назначили.

А она отвечает:

— Не будет никакой операции. Бодягу пей, возьми в аптеке и эту бодягу пей с подсолнечным маслом. И всё пройдет у тебя, никакой грыжи не будет, и никакой операции не надо.

Всё так и вышло по слову матушки.

Бог давал ей такие знания, что я не уставала удивляться. Ведь она же нигде не училась систематически, а Бог дал ей это. Она не просто молилась — она жила молитвой. И каким была она жизнерадостным человеком! Бывает, тяжесть на душе, а она войдёт в дом — и радость загорается в сердце, и напасти отходят.

Мне матушка сказала однажды:

— Ты боишься жить одна. Но никто тебя не обидит, только сын твой родной.

И всё это сбылось. Сын меня обижал. Всё пропивал, до рубашки. Придет ко мне, всё, что есть в шкафу, заберёт, скажет:

— У тебя есть еда, а у меня есть нечего.

И так до следующей пенсии.

Саму матушку я никогда не видела плачущей. Она мне говорила:

— Убиваться? Плакать? Ещё чего не хватало. Да у тебя всё хорошо. Смотри, в какой красоте ты живешь, какая у тебя квартира. Всё так хорошо у тебя. Всё это тебе Бог дал, и твои родители за тебя молятся, они такие хорошие.

Из наставлений матушки вспоминается вот что: «Перед причастием нужно обязательно готовиться не менее трех дней. Поститься, жить в чистоте, быть целомудренной, собранной. У всех попросить прощения. На исповеди батюшке нужно рассказывать всё подробно. Всё, что ты сделала или подумала плохо о ком, — всё скажи батюшке на исповеди обязательно, не

стесняйся. Бывает так, что забыла о том, что молоко пила. И это скажи батюшке. Он решит, можно ли тебе причаститься в этот день или придёшь в следующий раз. Вот так и готовься».

Так с ней было легко, просто. Иной раз скажешь:

— Матушка, не уезжайте от меня, живите.

А она:

— Мария, милая, я бы с удовольствием жила у тебя всю жизнь свою, но там же Миша...

Из воспоминаний Нины Ч.

В Малоярославец я приехала из Алма-Аты, меня благословили уехать в Россию на жительство. Владыка наш сказал:

— Берите дом только на Рязанщине.

Мне нужно было решать вопрос с квартирой. В Малоярославце я жила с мая по август 1997 года. Как только приехала, сразу пошла в монастырь. Здесь мне и сказали, что в обители есть матушка, к которой неплохо было бы подойти. Нашла я её келейницу и спросила, как мне встретиться и побеседовать с матушкой. Оказалось, что в келию входить не разрешают и, чтобы поговорить с матушкой, нужно спуститься к источнику святителя Николая, куда келейница вывезет матушку в коляске. Там мы и встретились с ней впервые.

Матушка благословила меня купить квартиру в Рязани, и всё очень удачно вышло. Но потом матушка была против того, чтобы я там обосновалась. Почему, расскажу позже.

Встречались мы с матушкой часто и обычно беседовали во дворе монастыря за храмом. Она много и охотно рассказывала о своей жизни. Глаза у неё были голубые-голубые, чистые, как небо. Девяносто с лишним лет — а глаза, как тихое море. И никогда не было зла в этих глазах. Даже когда она сердилась, глаза у неё как будто веселились.

От неё шла какая-то внутренняя теплота, которую не в каждом человеке и чувствуешь. Пела матушка хорошо и очень точно — у нее был прекрасный слух. Правда, задыхалась, трудно ей было, и всё-таки пела, потихонечку и с удовольствием.

Я летела в монастырь, как на крыльях. И матушка с келейницей меня всегда ждали. Во время бесед с матушкой наступал удивительный мир в душе. Такого успокоительного общения не было у меня ни с кем. Какие бы ни были хорошие друзья, близкие, родные, но таких теплых, добрых отношений ни с кем не было. Тишина и мир в душе наступали, как будто находишься уже не на земле, и всё отходило — заботы, проблемы, неприятности.

Она была очень мудрая, всё отлично понимала, ориентировалась в любых темах, о чём бы ни заходила речь. У неё была удивительная способность разговаривать с людьми. Она умела одним-двумя словами направить разговор в нужное русло.

Не раз я видела, как матушка реагировала на тех людей, которые приходили с лукавством. У неё глазки темнели, она их открывала и строго-строго, внимательно смотрела на человека.

Матушку волновало, что будет с её келейницей, которую она любила, как дочку. Я говорила, что возьму келейницу к себе, если матушка уйдёт. Она была очень этому рада. И вот однажды

она благословила меня купить дом в Малоярославце. А мне этого не хотелось — привыкла жить с удобствами. Матушка это почувствовала и на долгое время как будто охладела ко мне.

Я всё это понимала, но мне совсем не хотелось жить в доме. А матушка твердила:

— Нет, частный дом, только частный дом.

Сидели мы как-то с келейницей возле матушки, и вдруг она говорит:

— Срочно бегите в ту сторону, там продается дом. Этот дом вы должны купить, там мужчина продает дом, срочно идите вместе, купите недорого!

Мы пошли вместе с келейницей, но, как оказалось, не в ту сторону. Не нашли мы тот дом. После этого я не вернулась к матушке, а отправилась на квартиру, где жила. Потом стала звонить по телефону, что-то выяснять, а дом тем временем продали.

Когда келейница вернулась к матушке, она так возмущалась:

— Куда вы пошли и что вы делали?

Ну, мы делали, конечно, не так, как она благословила.

Потом я уехала в Рязань, а когда вернулась в Малоярославец, узнала, что матушка уже умерла. И похоронили её рядом с тем домом, который я должна была купить по её благословению. Тогда келейница могла бы жить в этом доме и смотреть за могилкой. Я очень сокрушалась, что неправильно себя вела, и очень жалею, что не сделала так, как она советовала.

Из воспоминаний Натальи Николаевны Гузеевой, внучки матушки Антонии

Я — внучка матушки, дочь её старшего сына Николая. О её духовной жизни мне известно совсем немногое, и сейчас я очень жалею о том, что, будучи взрослой, мало говорила с ней на духовные темы. Поэтому попытаюсь вспомнить о ней просто как о бабушке — родном и любимом человеке.

Мои родители разошлись, когда мне было три года. Поэтому мы с мамой жили отдельно, и бабушка навещала нас, иногда брала меня к себе. Думаю, что бабушка все же оказала очень сильное влияние на моё духовное становление. Когда я была маленькой, она водила меня в церковь. Тогда о том, что ты верующий, не принято было говорить. Мама была некрещёная, отец был просто неверующий, так что в церковь у нас не ходили. И только когда появлялась бабушка, она меня брала с собой в храм.

Помню первые впечатления: какой-то храм, таинственно, горят свечи, певчие поют. Может быть, тогда в детскую душу и заронилось зерно веры. И уже отчетливо помню: когда мне было семь лет, вдруг приехала бабушка и сказала:

— Поедемте, я вас покрещу.

Взяла за руку маму, ей было тогда тридцать лет, и меня. Отвела она нас в церковь Ризоположения на Донской улице. Там нас окрестили, и тот крестик всегда со мной, как память о бабушке. Тогда я впервые начала размышлять о вере и о Боге, и всё это было через бабушку.

Мама рассказывала, что примерно за месяц до моего рождения она увидела сон, как будто какая-то женщина ведёт её за руку в храм. Подойдя ко входу, женщина, сопровождавшая маму, сказала:

— Ты некрещёная, я не могу тебя туда ввести.

Проснувшись, мама рассказала свой сон матери, моей бабушке Маше. Та говорит:

— Значит, ты родишь на Введение Пресвятой Богородицы во храм.

Они-то ждали появления ребенка в конце ноября, но я родилась точно на Введение во храм — 4 декабря. Прошло семь лет, и вот действительно пришла женщина, которая взяла её за руку, отвела в храм и помогла покрестить и её, и меня, — и это была бабушка.

Помню один эпизод, который потом рассказала бабушке; она так радовалась и помнила о нём всю жизнь! Незадолго до смерти она сказала мне:

— А помнишь, что ты мне рассказала, когда была маленькая?

Было мне тогда восемь лет, осталась я дома одна, а дверь случайно захлопнулась. Там замок с собачкой был: я его защёлкнула, а открыть не могу! Испугалась, мечусь по комнате и никак не могу открыть этот замок. И вдруг я вспомнила, что надо помолиться! Встала на колени, и уж как молилась, что говорила, какие молитвы — не помню. Но только подошла после этого к двери — и она легко открылась.

Ещё бабушка вспоминала, как я приезжала к ней в Новогиреево, там у неё была комнатушка, совсем маленькая, тёмная. Деревянный дом, скрипучий, весь тёмный, керосинка вместо плиты. В сарае жила коза, и бабушка поила меня козьим молоком. Она вспоминала об этом:

— Вот, помню, приехала ты, совсем маленькая, и к этой козе пришла. Захожу я и вижу: ты стоишь, а коза на тебя рога наставила. Вы стоите и друг на друга смотрите...

Бабушка очень любила свою родню, всех своих сыновей, независимо от того, как они к ней относились. Она всегда с теплом и любовью принимала всех своих внуков. Олиных детей она помогала растить, и, куда бы жизнь ни забрасывала, она находила время и возможность помогать нам, всегда помнила о родных.

Я всегда чувствовала, что у меня есть бабушка, которая ведёт меня по духовной жизни: есть Бог, есть бабушка, и всё это взаимосвязано. Но поскольку об этом нельзя было говорить никому, то это была моя тайна. Открыться я не могла никому — ни в школе, ни подругам. Эта тайна роднила нас с бабушкой, хотя она не посвящала меня во многое. И только потом, когда я стала взрослой, у меня уже вырос сын, она сама позвала меня. Жила она в то время на Авиамоторной, здоровье у неё стало сдавать, и тогда я стала к ней приезжать, помогать. Однажды она попросила меня сшить мантию. Всё было уже раскроено, сама-то я не знала, как кроить. Бабушка мне говорит:

— Сможешь сшить?

— Конечно, могу

И прострочила, а бабушка сказала:

— Спасибо тебе, меня в ней похоронят.

Я часто приезжала к ней на Авиамоторную и видела, сколько туда приходило людей! Видела я многих, но больше помогала по хозяйству, т. е. что-то готовила, варила, чай подавала. Но, конечно, и наблюдала за тем, что и как происходило в доме. Дверь её квартиры не запиралась никогда: ни днем, ни ночью. Она ничего не боялась и говорила:

— Меня никакие плохие люди не могут обидеть, бессильны против меня.

Люди приезжали отовсюду и заходили просто, как к себе домой, и ни в чём не знали отказа: и благословение получить, и поесть, и попить, и переночевать. И все были как одна семья, как родные. Это было удивительно!

Иногда меня упрекают: «Как же так: бабушка немощная ушла в монастырь. Почему родные не могли взять её к себе?» Бабушка сама понимала, что это невозможно. Ну кто выдержит такое: дверь постоянно открыта, и люди непрестанным потоком идут и идут. Она всё прекрасно понимала и, даже когда жена Михаила звала её к себе — отказалась.

Это была совсем иная жизнь, посвященная Богу и людям одновременно. Как это ей удавалось — удивительно! И люди ехали и шли за благословением, открывая свои беды, неприятности, проблемы.

Бабушка была потрясающим психологом! Если бы она получила образование, она стала бы профессором психологии. Потому что по знанию жизни, по умению анализировать ситуации и поступки человека ей не было равных среди моих знакомых. Думаю, что она не только проникалась к людям, но и располагала их к себе. С одной стороны, ей от Бога была дарована благодать, а с другой — она имела талант проникновения в душу, знание психологии.

И люди верили её слову. Все её благословения приносили пользу и успех людям, даровали успокоение, помогали понять, как верно поступить. Так просто не будут люди приезжать со всей России, да и не только из России. Бывая у бабушки, я иногда слушала, о чём она говорила, и очень теперь жалею, что тогда не очень вникала. Нет бы потом поговорить с людьми, узнать, что действительно сбылось, что изменилось в их жизни по слову бабушки!

Помню, я даже сердилась и обижалась, потому что она мне говорила:

— Иди, приготовь. Иди на кухню. Подай всем чаю. Сделай то, принеси это...

И я уходила на кухню, глотая слёзы, потому что мне хотелось посидеть вместе со всеми, послушать, а мне надо было выполнять роль хозяйки: готовить, мыть посуду...

Когда бабушка уходила в монастырь, она отдала мне свои самые ценные иконы: Казанской Божией Матери и Иерусалимской Божией Матери. А незадолго до того подарила ещё одну икону Божией Матери — совсем древнюю. Я даже затрудняюсь сказать, какой это век. Потом сказала мне:

— Прости меня за всё, пожалуйста. Я знаю, что обижала тебя, ты меня прости.

Была я у бабушки на Толге — они меня с келейницей очень хорошо приняли, обрадовались обе. Жалею, что не осталась ночевать, когда они меня оставляли. Но я куда-то спешила, в общем, провела там полдня и уехала. На Толге она себя ещё очень прилично чувствовала, и мы с ней о многом говорили. Она интересовалась, как мама, как сын, и жадно слушала мой рассказ...

У бабушки был дар провидения — это я осознала вполне в тот момент, когда приехала к ней в монастырь в 1998 году на Рождество. Ехала я с тяжёлым сердцем, потому что согрешила

накануне. Одна сотрудница на работе сделала мне такую пакость, что у меня всё кипело внутри, и я никак не могла успокоиться. Бывают такие тяжёлые минуты в жизни.

На следующий день я поехала в Малоярославец. В тот день у бабушки было очень много народа, стояла целая очередь. Встала я в очередь, как все. Когда вышла келейница, я попросила сказать бабушке, что приехала.

Спустя какое-то время келейница вышла удивлённая:

— Матушка сказала, чтобы ты стояла в очереди и ждала.

Стоять пришлось довольно долго. Когда наконец я зашла в келию, бабушка набросилась на меня со словами:

— Ты кого убила? Кого убила?

— Бабушка, это я, Наташа! Я никого не убивала!

— Нет, ты убила! Кого ты убила?

Келейница стала успокаивать матушку:

— Это же Наташа!

И бабушка, как будто очнувшись, говорит:

— А-а-а, Наташа.

Стали мы с ней беседовать, как обычно. Я ей гостинцы привезла.

Возвращаясь домой, я вдруг вспомнила то, что произошло на работе, и поняла: бабушка увидела моё состояние. Наверное, во мне было что-то такое, отчего она не узнала меня. Она увидела мой грех. Вот тогда-то я задумалась.

После этого случая мне пришлось снова общаться с этим человеком, но я старалась сдерживать себя. И всё равно желала ей зла... И только после смерти бабушки я стала молиться: «Бабушка, я тебя очень прошу, помоги: пусть она уйдёт от нас. Она сеет вокруг себя столько зла. Пусть она уйдёт, я не хочу брать грех на душу, я не хочу желать ей зла...»

Думаю, что только бабушкиными молитвами с этим человеком ничего плохого не случилось, ни с ней, ни с её семьёй, — она жива, здорова, слава Богу. Просто она ушла от нас на другую работу. И теперь по милости Божией восстанавливается в коллективе та атмосфера, которая была изначально, — хорошая, добрая. Думаю, что не обошлось здесь без бабушкиной молитвы. Она мне, безусловно, помогла, потому что грех был очень тяжкий...

В Долгом я появилась впервые довольно поздно. Когда я приезжала к бабушке, она почти каждый раз вспоминала и рассказывала о своей родине. Говорила так:

— Как мы в батюшкином доме жили, дай Бог так в раю жить, вот как мы жили!.. Свёкла вот такая росла, морковка такая, и картохи, а рядом Дон течёт!

Мне очень хотелось побывать на её родине. Она туда время от времени ездила к своей племяннице Клавдии Ивановне, которая до сих пор живёт в том самом доме, где бабушка

родилась. И мне тоже очень хотелось посмотреть. Мы мечтали с ней вместе поехать, но не привелось.

В 1997 году я, наконец, собралась в Долгое вместе со своим троюродным братом Николаем. Это сын Павла, а Павел — сын Ивана, бабушкиного брата. Всё оказалось так, как и говорила бабушка. Чудесная река Дон, красивое, большое село. Я его представляла маленьким, но оказалось, что оно на три километра вдоль Дона тянется.

Вспомнилось, как бабушка рассказывала:

— Ох, какие же там грибы!

Я удивлялась, откуда там могут быть грибы, это ведь степь, есть там рощи, но небольшие. И действительно, оказалось по слову бабушки. Мы и грибы собирали, и ягоды в полях! Землянику вёдрами можно собирать. Там действительно благодатная земля. И сам дом чудесно стоит на другой стороне Дона. Вся деревня, если по течению, справа, а дом её стоит слева, через мостик. Родители её поставили дом на высоком берегу Дона. Удивительное по красоте место, удивительное.

Ходили мы по селу, как раз праздник был, и с нами многие заговаривали. И все, как это бывает в деревне, спрашивали у тёти Клавы:

— Кто это с тобой?

— А это Настасьина внучка. Настю нашу помните?

— Ну, как же! Первая плясунья, первая певунья, весёлая была. Никому не давала спуску!

В молодости бабушка была боевая. А потом, когда она приезжала после, земляки знали, конечно, что она служит в церкви, поёт.

В Долгом все старушки одной породы — сухощавые, толстых нет. Все жилистые, крепкие, долголетние и работящие. И сама тётя Клава — племянница бабушки — такая боевая! Она просто кладезь здравого смысла и юмора, бодрого отношения к жизни. Удивительные люди здесь жили и живут — светлые, добрые. В этой атмосфере бабушка и росла. Видно, место там такое — и по духовному настроению, и климат такой благодатный, и земля плодоносная.

Когда собрались уезжать, мне нанесли даров донской земли: фрукты, овощи, ягоды, а также яйца, сметану — всё, что растят и приготовляют в деревне. И всё это я повезла в Малоярославец, как привет бабушке. Привезла и говорю:

— Бабушка, я была в Долгом.

Она руками всплеснула и так была рада привету с родины, долго расспрашивала о поездке, обо всех, с кем довелось увидеться...

Из воспоминаний Валентины Д.

Когда я впервые встретилась с матушкой и рассказала о себе, после этого полтора часа плакала. У меня было ощущение, что вся тяжесть ушла. Уехала от неё окрыленная... Мой хороший знакомый собирался ехать в Иерусалим с группой паломников, и что-то у них не получалось. Тогда они попросили молитв у матушки. Матушка сказала, что помолится. И через день они звонят радостные:

— Всё, едем!

У меня встал вопрос о продаже дачи. Тяжело одной дом и огород поднимать, да и работать не хотелось. Пришла к матушке:

— Благослови дачу продать.

— Нет, не благословляю, не надо тебе дачу продавать!

— А в монастырь можно уйти?

— Не благословляю!

— Матушка, у меня такое желание есть...

— Рано тебе ещё.

Келейница вступилась:

— Матушка, ну помолись, пускай в монастырь идёт.

А матушка:

— Нет, категорически, нет!

Месяца через три приехала с вопросом племянницы о замужестве и о квартире. Матушка ответила:

— Квартиру купит к концу года, а с парнем расстанется!

Так и произошло.

У моего знакомого был вопрос о работе: то ли уходить, то ли не уходить, — и он очень волновался.

— Матушка, что ему делать? — спросила я.

— Пусть уходит. Работа у него будет!

Ушёл он с прежнего места и буквально через две недели нашёл другую работу.

Приехала однажды к матушке, сидим, беседуем, а она мне и говорит:

— Сделаешь сорок поклонов Почаевской иконе Божией Матери!

— У меня нет Почаевской иконы!

— Сделаешь! — подтвердила матушка.

Через месяц мне предложили ехать в Почаев, и матушкино благословение свершилось!

У моей сестры родственник был под следствием несколько лет. Я спросила, как закончится дело. Матушка ответила:

— Суд будет, но его не посадят!

Действительно, по решению суда дали ему срок условно.

Одна женщина просила у меня денег в долг. Приехала к матушке, рассказываю, а она:

— Не давай в долг! Ты сама на пенсию живешь, тебе эти деньги понадобятся.

Я не послушалась, дала в долг, — и всё, деньги пропали.

Мой духовник очень больной, два инфаркта перенес. Я спросила:

— Матушка, будет он ещё служить?

— Будет! Не каждый день, но будет!

Через некоторое время ему действительно предложили служить только по праздникам.

В сентябре 1998 года я приехала к матушке с большой скорбью — меня отстранил от себя духовник.

— Матушка, как мне тяжело, — сказала я.

— Знаю, — ответила матушка, и в десять часов утра взяла мою руку в свою и только в четыре часа дня отпустила её. Когда я от неё вышла, почувствовала, что всю боль и все страдания она у меня забрала.

В августе матушка дала мне послушание, которое я не выполнила. После этого у меня очень сильно заболели руки. Врачи думали, что это волчанка, но я знала, почему они у меня заболели. Сдала анализы, но они ничего не показали. Я была уверена, что причина болезни — духовная. Приехала на похороны матушки, а мне говорят:

— Приложи руки ко гробу.

Я сделала это, и боль в руках прекратилась. С такими руками я целую неделю перебирала вещи вместе с келейницей — боли не было. Келейница подарила мне матушкино платье. Когда мне плохо, я надеваю платье, и сразу вся боль уходит.

У меня дети пьют. Матушка говорила:

— Не будут пить, не будут пить!

С тех пор у меня огонёк внутри горит, огонёк надежды. Матушка очень молилась, особенно в последнюю нашу встречу, и повторяла:

— Читай «Да воскреснет Бог!».

Придёшь к ней, голову приклонишь — и так хорошо на сердце...

Прошло три года после кончины матушки. Дети мои стали исправляться, появилось у них стремление к духовной жизни, к молитве и покаянию.

Из воспоминаний Анны С.

Никольский монастырь в Малоярославце я знала и бывала там ещё со времени его восстановления. Несколько лет спустя, в один из приездов, я увидела в храме матушку-схимонахиню и спросила:

— Кто это?

Мне ответили:

— Это у нас такая матушка появилась, к ней столько народу ездит! Но попасть к ней очень трудно. Хочешь к ней пойти?

Мне очень захотелось побеседовать со старицей, получить её благословение, и после службы меня проводили в её келию.

Матушка сидела полусогнутая, и мне показалось, что она спит. Келейница пыталась, привлечь её внимание:

— Матушка, к тебе гости, благослови, благослови...

Но она как будто и не слышала. Келейница занималась своими хозяйственными делами, и вдруг я вижу, что матушка открыла глаза и как будто пронзила меня двумя острыми, светлыми лучиками, потом перекрестила потихонечку. Я поцеловала ей руку, попросила меня благословить.

— Как зовут? — спросила матушка.

Я ответила. Матушка стала пытаться снять рясочку, я помогла ей. В это время зашла келейница:

— Матушка, ты что делаешь-то? Только что выстирала, одела всё чистое, а ты решила раздеваться?

Я говорю:

— Тут что-то не так, не просто!

— Матушка, ты хочешь сказать, что она одежду переменит? — спросила келейница.

— Да, переменит она одежду! — ответила матушка.

Дело в том, что я состояла в сестричестве при московском храме. По одному вопросу я была несогласна с батюшкой, и за мою строптивость, как и предсказала матушка, с меня вскоре сняли сестринскую форму.

Несколько часов я провела в её келии и наконец спросила:

— Матушка, что-то меня не пускает к Богу, чувствую какой-то барьер.

— Аборты! — ответила матушка. — На тебе столько-то загубленных душ.

Она велела келейнице дать мне молитвы и благословила молиться о себе и о маме.

Эти несколько часов, которые я провела рядом с матушкой, пролетели как одна минута. То, что исходило от матушки, заставляло забывать, где ты находишься и что с тобой происходит. Очень не хотелось мне уходить, но началась вечерняя служба.

Мы с келейницей одели матушку, посадили на колясочку, подняли её в Никольский храм. И когда после службы мы несли коляску с матушкой, она повернула голову, и меня опять поразила пронзительность её взгляда и яркий голубой цвет её глаз — при её-то возрасте! Она сказала мне чрезвычайно важные слова, благодаря которым я вовремя смогла молитвенно помочь моей маме, находившейся на смертном одре.

Матушка была по-детски бесхитростна и безыскусственна. Если кто у матушки спрашивал, то она отвечала прямо. Говорила так, как ей открывалось. В один из приездов я просидела у неё целый день и спрашивала о многом, о судьбе России, о голоде. Матушка говорила:

— Да нет, этого не будет!

Задавала я ей вопросы о своем сыне, о муже, и она мне на всё отвечала. Дай Бог, чтобы матушкины слова сбылись!

— А когда я умру? — спросила я матушку.

— Не скоро ещё!

В следующий приезд я рассказала матушке, как сняли с меня одежду сестрическую.

Матушка говорит:

— Ну, я же тебе сказала, приезжай через неделю!

А у меня не вышло через неделю приехать, и как раз это сбылось через неделю после того, как я снимала с неё ряску. Матушка благословила меня уйти из сестричества, что я и сделала.

Хочу ещё сказать о матушкином кашле. Этот кашель был не простой. Помню, в первый приезд мы с ней разговаривали хорошо, а кто-то зашёл — она закашлялась. Потом кто-то другой зашёл — она кашляла всё время. Кашель был вызван моим духовным неустройством, как будто она что-то пыталась с меня снять. У неё разный бывал кашель, и всегда было видно, какой он на самом деле.

Однажды я спросила:

— Матушка, как произошло, что я пришла к вере только в зрелом возрасте, ведь я выросла в неверующей семье?

— Я тебя вымолила!

— Значит ли это, что я — ваша духовная дочь?

— Да!

— Но ведь я же вас не знала!

— Это не имеет никакого значения. Каждый схимонах имеет свое молитвенное поле! И ты попала в это поле!

Через короткое время после встречи с матушкой Господь подарил мне поездку на Святую Землю, где я сподобилась видеть схождение благодатного огня, побывала я и в Дивеево, и многое повидала. Но главное — обрела смысл жизни и покой души. Я очень благодарна Господу, что он меня свёл с матушкой, и столько свершилось по её молитвам!

Матушка говорила:

— Если какие-то проблемы будут, говори: «Владычица, управь!» — и Она всё управит!

Из воспоминаний Татьяны С.

С матушкой я познакомилась в 1997 году, в Духов день, а привело меня к ней несчастье, как и многих других. У меня старший сын стал наркоманом и уже год как кололся. Это приносило мне невыносимые страдания, хотя я знала, что это мне за грехи мои даётся. Многим своим знакомым я рассказывала о своем горе. Вдруг мне звонит моя знакомая, которая была в мае у матушки Антонии в Черноостровском Свято-Николаевском монастыре. Рассказала, как она к ней съездила и какое она на неё произвела впечатление. Я ни разу в жизни не видела стариц и схимонахинь. Я узнала, как ехать, и отправилась прямо в праздник. Взяла с собой молитвослов, молилась, только бы она меня приняла и выслушала моё горе. И как по «зеленой волне» добралась. Пришла в монастырь и сразу встретила келейницу. Спросила у неё, могу ли я пройти к матушке.

— Да, да, я только сейчас у неё спрошу.

Очень скоро вышла со словами:

— Иди, она тебя ждёт.

И вот я захожу в небольшую аккуратную келию, везде иконы, от них будто тепло идёт, вообще какой-то особый дух. В этой келии и сидела на своей кроватке матушка.

— Ну, зачем пришла?

А у меня слезы по лицу, я на колени упала и говорю:

— Матушка, сын мой наркотики принимает, и брат мой родной тоже. Горе в нашей семье, и нет радости. И по грехам нашим это даётся. Господь уж молитвы наши не слышит. Помолитесь Вы за нас. Может, Ваши молитвы Господь услышит.

Она выслушала и говорит:

— Пусть они ко мне сами приедут.

Я ответила:

— Матушка, да не приедут они. Они ленивые, да и не до того. Далеки от церкви, нс приедут.

— Приедут, приедут. Ты их ко мне привези, — сказала матушка.

Я поблагодарила и вышла поскорее, чтоб не утруждать её своими мирскими хлопотами, суетой. Но главное — после беседы душа моя успокоилась.

Это была первая моя поездка. Рассказала обо всём своему отцу, и мы решили, что, как только подвернется удобный случай, погрузим их в машину и отвезём к ней. Они всё бесчинствовали; правда, пить стали меньше, но бес крутил и крутил. Если сын не кололся, то какой-то бензин нюхал, ему нужно было непременно какую-то дрянь в себя запустить. И вдруг отец говорит:

— У меня неделя выходная будет. Давай-ка мы их в понедельник отвезём.

Долго я их уговаривала:

— Поедем к схимонахине в Малоярославец. Там на холмах монастырь очень красиво расположен.

Они вроде согласились, и я сказала им: «Всё, послезавтра едем», — а отцу говорю:

— Будут искушения, отец, молчи, ни на какие провокации не поддавайся, хоть язык прикуси, но с ними ни в какие споры не вступай.

И точно, нам рано утром ехать, а вечером накануне они напились, стали орать, что никуда не поедут, и так хотели отца моего завести, чтоб ещё и подраться. А я отцу говорю: «Тихо, молись, молись», — и сама молюсь, молюсь, молюсь. Отец на меня посмотрел и тоже смирился. Видят они, что никакой реакции у нас, — и ушли. Я говорю:

— Будет утро, вот увидишь, Господь распорядится по-своему; то, что угодно Богу на благо человека, то Он и допустит, а бес искушает, потому что на благое дело собираемся.

Они уснули, но утром рано мы с мамой встали, приготовили с собой еду, сварили им пельмени. Разбудили их, пельмени сразу им в зубы, полусонными в машину запихнули и поехали. Добрались до монастыря — и снова никаких препятствий. Я сразу к келейнице обратилась, объяснила, что привезла своих, как матушка благословила, не думала, что получится, а получилось. Она говорит:

— Ну, заходите.

И они сразу стали кроткими, как зашли к матушке, и она их благословила. Матушка очень уж слабенькая была, еле-еле ручку подняла. Они подошли и поцеловали ей руку, и такие смиренные стоят. Матушка, увидев моего отца, прослезилась:

— Ой, как на моего батюшку похож.

На сына моего посмотрела и сказала:

— Священником будешь.

Потом долго и пристально вглядывалась в него, погрозила пальцем и добавила:

— Глупости из головы выбрось!

Уж как там будет? А он,, когда ещё был маленький, шести лет, я его только крестила, стал рисовать церкви, иконы и всё говорил:

— Мама, а я священником хочу быть.

Может быть, она в нём увидела это чистое детское желание, а уж как там получится, один Господь Бог знает.

На брата моего посмотрела и сказала:

— У тебя девушка есть?

Он говорит:

— Есть.

— Ну, вот и женись на ней.

Он никак не ожидал таких слов.

Отцу моему сказала:

— А ты псаломщиком будешь у внука своего.

И она благословила нас всех и прочитала молитву, чтобы они не пили.

Спросила я матушку:

— Нужно ли нам разъезжаться с моими родителями?

Она сказала:

— Никому разъезжаться никуда не надо. Живите, как живёте сейчас, и Господь по молитве вашей даст вам.

Матушка благословила всех искупаться в источнике, но добавила:

— Если они не хотят, не надо их принуждать.

Они такие смиренные ехали до самой Москвы. Правда, сын мой сказал:

— Какой из меня священник?

Я говорю:

— Тебе ведь сейчас только пятнадцать лет, погоди, впереди ещё вся жизнь, а может быть, ты к концу жизни осознаешь её смысл и поймёшь, что человек рождён для того, чтобы служить Богу. Это нам помощь Господь посылает, чтоб и мы людям помогали, и сами выжили.

После поездки к матушке состояние сына и брата заметно улучшилось. Слава Богу, колоться они перестали.

Когда была у матушки третий раз, она меня благословила съездить в храм Покрова на Нерли. Я рассказала ей, что раньше пела в храме, и регентовала, и у меня был свой ансамбль, квартет: мы в разных храмах пели. Но после рождения дочери я от этого отошла. И вот мой духовник пригласил меня в монастырь на праздник иконы Божией Матери Боголюбской.

Она сказала:

— Всё у тебя будет хорошо, всё получится, съездишь туда и службу проведёшь.

И действительно, мы порепетировали, собрались и поехали нашим квартетом. И там, в церкви Покрова на Нерли, в ночь с 30 июня на 1 июля, мы служили; храм удивительный. Мы ночью к нему шли по лугу заповедному, и замечательно служба прошла, а я всё матушку вспоминала: «Спасибо тебе, родная, спасибо».

Я спрашивала у матушки про свою умершую родственницу Екатерину. У моей мамы была тётка, которая организовала восстановление церкви во Владимирской области, разрушенной в конце 1930-х годов. Как-то Екатерина сильно заболела и дала обет, что если выздоровеет, то пойдёт служить Богу. Когда она поправилась, пошла по миру собирать всё, что люди разобрали по домам из церкви. Иначе бы всё это коммунисты уничтожили, сожгли. И она иконы находила, утварь из храма — всё, что могла, собрала.

Затем собирала средства на восстановление, наняла художников, они при закрытых окнах восстанавливали росписи, потом написала Патриарху письмо с просьбой прислать священника. Так она восстановила приход и сама была там старостой, пела на клиросе, очень звонкий такой голосок у неё был, и всегда принимала странниц у себя в сторожке, помогала, чем могла. Большие денежные вклады отсылала в Троице-Сер-гиеву Лавру. Когда она умерла, то Патриарх Пимен прислал телеграмму с извещением, что о ней служатся панихиды.

Рассказывала я матушке Антонии, как в 1972 году, когда торфяники горели, все из деревни эвакуировались, а Екатерина с иконой «Неопалимая Купина» вокруг села ходила и читала акафист, тропари. Огонь дошёл до места, где она ходила, и остановился. После моего рассказа матушка сказала:

— А она умерла в схиме, она получила схиму.

Я подумала, что она монашество приняла, но матушка уточнила:

— Просто молись за неё как за схимонахиню.

И я теперь молюсь за схимонахиню Екатерину. Матушка была прозорлива не только по жизни нашей, она видела, что с человеком и там произошло, по ту сторону жизни.

В последний мой приезд матушка сказала:

— Ну-ка, наклонись.

Я к ней наклонилась, и до сих пор помню, как она меня «пробуравила». Слабенькая, слабенькая, а кулаком-то меня по лбу:

— Молись, молись, молись!

Это были последние её слова. Больше я матушку не видела. Но всегда, когда мне было плохо, молилась о её здравии, в храме за неё подавала и всегда чувствовала, что она больше, чем мать родная. Мать — это одно, а вот мать духовная — это так удивительно, когда ощущаешь её заступничество.

Я очень благодарна Господу, что он услышал мои молитвы и свёл с таким удивительным человеком, с матушкой Антонией, что я прикоснулась хотя бы краешком к духовному миру монахов и схимонахинь, наших старцев. Матушка Антония — это человек богоугодный, чистый, молящийся за нас, грешных, помогающий нам. Верится, что молитва её будет услышана и дойдёт до Престола Божия. Слова, сказанные матушкой в мой последний приезд: «Молись, молись, молись!», я оставила в душе своей, как её завещание — и мне, и всем моим друзьям.

Из воспоминаний Сергея Б.

В конце 1993 года я предложил своему сослуживцу П. перейти на работу в мой отдел. Но он ответил, что есть в Москве старица, у которой он спросит, как ему быть, и уже через неделю согласился перейти на новое место работы. В начале 1994 года мой новый сотрудник вдруг заговорил о матушке Антонии, рассказал, что она не обычная монахиня, а схимница и удивительная старица.

Однажды П. предложил мне навестить матушку. Отложив все дела, мы тут же поехали к ней. Перед этим зашли в магазин, купили какие-то продукты, доехали до станции метро «Авиамоторная», и вот мы стоим на втором этаже перед квартирой в доме, где жила матушка. П. сообщил, что двери здесь никогда не закрываются...

Такой крохотной квартирки я никогда не видел: маленький коридорчик со старой металлической кроватью упирался в так называемую совмещённую кухню. Наверное, в ней было два квадратных метра, не более, и совмещалась она с ванной и туалетом одновременно. Можете себе представить — газовая плита, ванна и унитаз умещались на этой площади.

Направо был дверной проём, ведущий в комнату. Когда мы вошли в коридор, из комнаты послышался старческий голос:

— Кто там?

— Это мы, матушка, П. и Сергей, можно к Вам? — спросил П., проходя в комнату и приглашая войти меня.

Деревянный пол, потёртые обои, старый диванчик в углу, «допотопный» платяной шкаф и круглый стол с двумя-тремя стульями довершали обстановку. Украшением этой скромной комнаты был иконостас, состоящий из множества икон с лампадками в красном углу. Матушка сидела, подавшись вперёд на диванчике, к нам боком, на голове обычный чёрный платочек, одета в тёмное платьице или халатик с душегрейкой поверх.

— Это, матушка, Сергей — мой начальник! — представил меня П.

Было видно, что матушка обрадовалась нашему появлению. И в это мгновение я перехватил пронизывающий матушкин взгляд.

— Садитесь ближе за стол, покушайте что-нибудь, — предложила матушка.

Чувствовалось, что П. очень родной и желанный ей человек. Из-за ложной скромности я стал отказываться, но П. чувствовал себя у матушки вполне уверенно и всем своим поведением показывал это. Усадив меня за стол, сам пошёл ставить чайник. На столе к тому времени уже стояли открытые рыбные консервы, хлеб, сахар и сухари.

В отсутствие Павла я украдкой старался рассмотреть матушку. К тому времени я знал, что схимники — это высокой духовности люди, и старался увидеть что-нибудь аскетически-особенное в матушке, а увидел удивительно вдумчивые светлые глаза, приятное открытое лицо, услышал неторопливую ровную речь и, что я тогда отметил, — доброжелательность (это качество присутствовало у матушки всегда, независимо ни от чего). Как ни странно, простое, не монашеское одеяние матушки не производило на меня неприятного впечатления, я понимал, что одежда — это только одежда, и не более того. «Ну, пусть не похожа на схимницу, но добрая, жизнерадостная старушка», — подумал я тогда.

Мы просидели несколько минут молча. Матушка, как мне тогда показалось, о чем-то сосредоточенно думала. Но вот пришел П. и начал спрашивать матушку о семейных делах, об общих знакомых и т. д. Мы сидели за столом, пили чай, ели и говорили о чём-то пустом.

Неожиданно матушка обратилась ко мне:

— Крещёный, а крест-то не носишь?

Я был обескуражен. Действительно, окрещённый в православном храме ещё в младенчестве, я не носил креста — не то чтобы из-за какого-то принципа, но, как и многие тогда, без причины. Было видно, что это обстоятельство её очень обеспокоило.

— Очень печально видеть людей без креста, — сказала матушка.

Тогда я спросил матушку:

— А как Вы узнали, что я крещёный, да ещё и без креста?

Ответ был очень простой, но для понимания всё-таки недостаточный:

— А я вашу жизнь как книгу читаю!

Тут же последовал новый вопрос:

— А ты давно приобщался?

Будто пригвоздила этим меня схимница, всем видом давая понять, что вопрос очень важный. Помню, ответил тогда что-то несерьезное в своё оправдание. Но также помню, что тон матушки изменился с доброжелательного на строгий, что заставило меня всего обратиться в слух:

— Вот что я тебе скажу... Пока не приобщишься, ко мне не приходи!!!

Для меня это был приговор! Как же матушка видела человека, его внутренний мир и как могла она менять устоявшуюся размеренную жизнь! Передо мной встал выбор: или я иду к Богу и матушка меня принимает, или... Зачем мне нужна эта старушка, которую я не знал раньше, и знать мне её, может быть, не надо?

Теперь я могу сказать, что у меня-то выбор был, но у нашей матушки Антонии его не было. Ей надо было привести нас к Богу, и, как мудрая мать, вела она нас к Нему, кого строгостью, кого лаской, поддерживала, как могла, не давая сбиться с пути.

Вернусь к первой встрече с матушкой. После её строгого указания мне и спрашивать-то было нечего. В это время в комнату вошла её духовная дочь А. Матушка ей очень обрадовалась, усадила рядом с собой на диванчик. О чём-то они стали беседовать. Вдруг в разговоре матушка, показывая на меня, говорит:

— А он справедливый...

Эти слова были, конечно же, сказаны для меня. Это было для меня поощрением, после того как матушка меня как будто отвергла. Я вдруг загорелся надеждой: а может быть, я не такой уж потерянный?

Эта первая встреча неожиданно перевернула мою жизнь: я стал задумываться о том, что раньше и в голову не приходило, но самое главное — я получил первое в жизни духовное послушание: «Приобщиться!»

Трудно сейчас определить моё тогдашнее состояние. Как будто потеряно что-то жизненно важное, но не хватает времени на поиски. Можно было сравнить себя ещё с заводной игрушкой, механизм которой кто-то завёл и запустил, а теперь она работает и не может остановиться. Появилось сильное желание двигаться вперед, исправляться, очищаться от грязи.

Впервые ощутил я тогда Божественную благодать! Хотелось радоваться, всё было ново, необычно. Я вошел в новый, совершенно для меня тогда незнакомый удивительный мир, и проводником по нему стала матушка Антония! Я постоянно чувствовал её поддержку и попечение.

Однажды матушка Антония обличила меня в одном грехе. Как огнём обожгли меня тогда её слова. Как опытный врач-хирург, причиняя боль пациенту, делает это ради выздоровления больного, матушка вытаскивала из нас наши грехи и в то же время залечивала наши раны!

Очень радовалась матушка, видя, как мы трудимся для монастыря. Помнится, мы получили на Толге послушание от игуменьи Варвары косить траву в кедровнике; после работы матушка радовалась, какое мы дело богоугодное сделали:

— Никакое доброе дело не пропадёт. Пока вы не понимаете, но это всё для себя собираете!

О том, что случайного ничего не бывает, матушка говорила постоянно:

— Вот вы думаете, что так просто сюда попали? Нет, вы — избранники!

Очень любила матушка выслушивать людей, разговаривать с ними, ей все было интересно, она свободно ориентировалась в современных вопросах. Не позволяла она нам унывать, умела поднять настроение, подзадорить, развеселить. На всё у неё были разные истории к слову. Но когда дело касалось вопросов веры, духовных вопросов, тут матушка была принципиальна и предельно серьезна:

— Если бы нам не умирать! Ведь за гробом — там уже нельзя будет за себя молиться, да и умереть как-то надо (т. е. умереть не просто). А Господь своих людей никогда не отдает! Вот я вам много чего рассказала. Вы думаете, это просто так? Нет, это все к вам привьется. Сколько раз молились, сколько раз крестились, сколько добрых дел сделали, сколько вот от такой старушки приняли? Это всё записывается, а душа вся в списках к Богу идет!

И ещё учила матушка не прилепляться к земному, иметь веру, жить с Богом в душе. И молилась она усердно за нас, и чувствовалась её молитвенная помощь. Желая укрепить нас в вере, матушка говорила о том, что каждое мгновение Господь имеет попечение о нас о всех и то, что нам полезно, мы от Него получаем. Я был свидетелем нескольких случаев прозорливости матушки Антонии. Однажды, будучи у матушки, П. пожаловался:

— Матушка, машина сломалась, не могу исправить, как быть?

На это матушка ответила:

— Всё будет хорошо, сами подойдут и предложат!

И действительно, дня через два-три подъезжаю к заправочной станции, подходит незнакомый мужчина и говорит:

— У вас двигатель троит, давайте я вам его отрегулирую.

Я тут же вспомнил о П. с его машиной и адресовал его к этому мастеру, который впоследствии всё починил.

Однажды матушка вдруг спрашивает меня:

— А кто у тебя в роду слепой?

Я говорю:

— Нет, матушка, мои родные все зрячие!

А она мне снова:

— Нет, я тебя спрашиваю, кто слепой?

И тут меня как обожгло. Ведь моя бабушка больна глазами: у неё катаракта, и по старости врачи ей не советовали делать операцию. Но зрение почти совсем упало, видела только свет, а предметы не различала.

— Да, — говорю, — действительно, моя бабушка слепа!

— Скоро прозреет, всё будет видеть хорошо! — сказала мне матушка.

Тогда мне показалось всё это неправдоподобным. Однако через несколько дней моя бабушка умерла. Только тогда я понял, что значит «прозреет».

Во время отпуска, будучи на даче, я очень сильно простудился. С неделю, наверное, кашлял, и очень болели лёгкие. Отпаивали меня разными отварами, а когда стал себя лучше чувствовать, позвонил матушке по какому-то вопросу, а матушка:

— Ты там простудился, но ты уж не болей!

Откуда ей это было знать?

Только теперь понимаешь, как много хотела сказать нам матушка, но мы, её духовные дети, большую часть слов пропускали «мимо ушей». Многому, что говорила матушка, не придавали большого значения, а иногда даже (чего уж греха таить?) скептически и со смехом воспринимали её слова. Из-за нашей духовной слепоты матушка иногда говорила нам иносказательно, образно, а мы, вместо того чтобы вдуматься, видели в её словах какую-то несуразицу и даже нелепость.

— Серёжа, спаси меня! Серёжа, спаси меня! — возбужденно повторяла матушка в один из моих приездов к ней. Я даже как-то растерялся, не знал, что и ответить.

— Ну что ты, матушка, — говорила келейница, успокаивая ее, — может быть, тебе молитовку какую почитать?

А матушка снова:

— Серёжа, спаси меня!

Взгляд её был отстранён, было видно, что матушка где-то далеко... И только через полгода одна из моих знакомых, точно в такой же последовательности, вне себя от отчаяния взывала: «Серёжа, спаси меня! Серёжа, спаси меня! Серёжа, спаси меня!»

Только тогда я понял, что матушка таким образом обращала моё внимание на будущее!

Все матушкины слова, даже её бесхитростные рассказики, — всё было дано нам в поучение. «А я маму свою слушалась, мне восемь лет было, а я много чего уже знала, мне мама много чего рассказывала, а я все запоминала!» — бывало, скажет нам матушка такое, давая нам понять: вы — дети, а я — мать!

Никогда я не слышал, чтобы матушка говорила плохое о людях или жаловалась на жизненные обстоятельства.

— За всё слава Богу! — повторяла она постоянно.

Было, конечно, сожаление о тех, кто клеветал и порочил

матушку. Бывало, скажет только:

— А вот такая-то (имя) ведь хорошая, столько добрых дел сделала, а отпала.., отпала, жаль мне её...

А ещё просила матушка нас:

— Не оставляйте Бога, я вас прошу, только не оставляйте Бога!

Великое утешение сейчас для нас то, что матушка Антония — молитвенница и ходатаица за нас перед Господом. В одной из бесед она сказала нам:

— Что бы у вас ни случилось, какая скорбь, печаль вас ни коснулась, знайте, у вас — я!

Последняя встреча с матушкой Антонией состоялась примерно за неделю до её кончины. Когда мы с П. приехали в монастырь, матушка с нами не говорила, но очень долго смотрела каждому из нас в глаза. На вопросы не отвечала, с нами практически не разговаривала, и даже келейница как-то забеспокоилась, видя такое необычное поведение матушки, и спросила, не обидели ли её чем-либо, на что матушка ответила коротко:

— Нет!

Но когда мы спросили: «Можно в следующий раз приехать?» — матушка очень оживилась и несколько раз сказала: «Обязательно, обязательно, обязательно!» Она приглашала нас на свои похороны 11 октября 1998 года.

Матушка однажды сказала:

— П., у тебя на работе есть начальник, который хочет ко мне прийти, приведи его!

Мы с П. долго ломали голову, кто бы мог это быть. И только теперь, после смерти матушки, выяснилось, кто этот человек. Совершенно случайно в разговоре с одним из наших сотрудников выяснилось, что в то время, когда мы бывали у матушки, ему очень хотелось тоже к ней попасть, но он не решался нам об этом сказать, а вида не подавал, что ему это интересно. Он действительно был тогда для П. начальником. Но нам не могло прийти в голову, что именно этот человек тянется к матушке, потому что, при всем к нему уважении, мы знали о его не

слишком серьезном отношении к религии. Теперь мы все втроём так сожалеем, что не удалось ему побывать у матушки. Это нам ещё один урок, дарованный матушкой.

Летом 1994 года я приехал к матушке на Толгу со своим приятелем В. Его интересовал вопрос, крещён он или нет, так как никто из его ныне здравствующих родственников об этом не знал. В. тем не менее носил на шее большой серебряный крест. Когда мы с этим вопросом обратились к матушке Антонии, она потрогала пальцами лоб и щеки, потом внимательно посмотрела на эти пальцы и сказала:

— Нет, не крещёный, мира нет!

Потом, когда В. показал матушке свой нательный крест, она сказала: «А крест сними — не имеешь права носить!» — после чего сказала, что ему нужно окреститься, и объяснила, как это сделать.

Матушка постоянно рассказывала нам и другим посетителям разные истории из своей жизни и жизни других. Все эти истории были очень поучительны и всегда были к месту. Она могла их рассказывать по несколько раз, мы её никогда не перебивали, хотя уже слышали. По прошествии времени я понял, что она рассказывала людям только те истории, которые были нужны именно им.

Как-то матушка мне сказала:

— Большим человеком будешь!

Я воспринял это как предупреждение о продвижении по службе. И вот через какое-то непродолжительное время моё руководство делает предложение занять по службе более высокий пост. Поехал к матушке Антонии в Малоярославец, рассказываю:

— Матушка, вот предлагают повышение, как быть?

А матушка так, между прочим:

— Не надо!

Честно говоря, я от такого ответа даже растерялся, а келейница тут же подхватила:

— Матушка, ну как же? Ему ведь расти по службе надо!

Матушка снова:

— Ну ладно, соглашайся!

А потом опять:

— Не надо!

А затем:

— Соглашайся!

Я уже не знаю, как быть, что и говорить матушке после этого, а матушка, видя мою растерянность, говорит:

— А ты-то сам как хочешь?

Так с недоумением я тогда и уехал. И вот прошел месяц. Вопрос о назначении «завис», никто ничего не предлагает и не отказывают. Потом я узнал, что на предложенную мне должность собираются назначить совершенно другого человека. Я как-то перестал об этом думать, но ещё через месяца два меня снова вызвало руководство и повторило те же слова: мол, мы вас рекомендуем на вышестоящую должность и так далее... Но ещё через какое-то время на служебном совещании тот же начальник, который сделал мне это предложение, недвусмысленно дал понять, что на эту должность никто из присутствующих претендовать не может. После этих слов я окончательно успокоился и спокойно работал на старом месте.

Через несколько месяцев, когда матушка уже почила, в беседе с одним знакомым священником я рассказал эту историю с моим назначением, на что он спросил:

— А ты сам как хочешь?

Я уже тогда не знал, хочу ли я этого или нет. Я ему сказал, что как I осподь хочет, так пусть и будет. На это батюшка ответил, что Господь ничего без нас не делает. А вот то, что я сам не решил, что мне надо, это плохо, и говорит:

— Определяйся, я тебя благословляю идти к своему начальнику и прямо у него спросить о назначении!

Долго я мучился, как поступить, но всё же решил пойти. Однако меня опередил телефонный звонок начальника. При встрече он сообщил, что подготовлены документы о представлении меня к новой должности. Так решился этот вопрос.

Матушка просто видела, как это будет происходить, и тогда сказала мне об этом, только в необычной форме: «Не надо!», «Соглашайся!», опять «Не надо!», опять «Соглашайся!», и самое главное — нужно было моё желание.

Кстати, через какое-то время я узнал, что за эту должность развернулась настоящая борьба, в результате чего так долго не было назначения.

Матушка очень любила детей, каждому найдёт нужное слово, приласкает, приголубит и без подарка не отпустит.

Однажды сидели у неё в келии ещё в Толгском монастыре. Матушка поглядела вокруг и неожиданно спросила:

Как ты думаешь, когда умру, что бы мне отсюда с собой взять? Вот смотрю и думаю, может, иконку, книгу какую духовную, как ты думаешь?

Я говорю:

— Не знаю, матушка, наверное, веру свою, и всё!

Она мне говорит:

— Крестик один со мной пойдёт!

Почему она ко мне с таким вопросом обратилась, пока не знаю. Может быть, матушка увидела на тот момент моё стремление больше приобретать духовную литературу, иконы и т. п. А в конечном счёте не это главное.

Однажды к матушке приехала женщина, которая жаловалась на своего мужа, что он такой-сякой, не хочет быть таким, как следовало бы. Матушка на то довольно строго сказала:

— Он Адам и глава жене, надо смиряться! Он — Адам!

Один из духовных сыновей матушки П. жил с семьёй в большой коммунальной квартире старого дореволюционного дома. Все жильцы дома, кроме тех, кто обитал в их квартире, были выселены — им были предоставлены новые квартиры, а в тех, что они ранее занимали, после ремонта обосновались офисы различных фирм. Получилось так, что в большом, отремонтированном по евростандартам доме оставалась одна нерасселённая коммунальная квартира.

Конечно же П. не терпелось как можно скорее получить свою отдельную квартиру. С этим вопросом он обратился к матушке Антонии:

— Матушка, ну когда же мне дадут квартиру, ведь другие квартиры уже давно расселили?

Матушка задумалась на несколько секунд, смотрела куда-то вдаль, а потом, как бы извиняясь перед ним:

— Ну нет пока тебе квартиры! — и, показывая пальцем наверх: — Нет ничего, как будто тучами закрыто!

Видя, что П. расстроился, она его успокаивала:

— Молишься ты плохо. Нет у тебя сильной молитвы, понимаешь ли?!

На что П. ответил:

— Ну, ты же, матушка, за нас молишься!

— Я — это я! А у тебя самого должна быть сильная молитва!

Так уж получилось, что до сих пор, вот уже сколько лет, в этом доме остается нерасселённой одна-единственная коммунальная квартира...

Матушка говорила нам:

— Выбирайте себе путь, пока на ногах. А когда вас будут водить за руки, вот тогда уже всё!

Я тогда спросил: «Но как бы с пути этого не сбиться?» — на что матушка ответила:

— Если человек будет думать всегда о смерти, то он никогда не собьётся, не сбиться ему с пути!

Из воспоминаний Вячеслава М.

Без малого год знал я матушку, и он затмил все прежние годы! Что-то глубинное, бытийственное вошло в жизнь. В день Иверской иконы Божией Матери осенью 1997 года в первый раз ехал я в Малоярославецкий монастырь. Настроение было приподнятое: предвкушал радость увидеть старицу, о которой столько слышал. Приготовил и вопрос — о дочке.

Представ пред спокойно-неотмирным взглядом старицы, растерянно лепечу о своей греховности...

— Что хочешь-то? — спросила она.

Но как признаться, что приехал просто посмотреть на неё? Говорю о том, что дочь мечтает об аспирантуре, молится о поступлении, но это невозможно по ряду причин.

— Поступит, — ответила матушка.

В обмельчавшей вдруг памяти не наскреб более вопросов, и встреча молниеносно закончилась.

Поблагодарив старицу, выхожу из келии, лицемерно довольный собой — дескать, не сильно утрудил её, хотя сам много потрудился, приехав издалека. А за дверью вдруг охватило сильное томительное беспокойство, словно прошёл мимо чего-то самого важного в жизни.

Привезшая меня Ирина Р. говорит:

— От матушки не уезжают в подавленном настроении. Что-то тут не так. Стучись опять.

Пока я отнекивался, смущаемый благоговейной робостью и втайне желая чуда, дверь открылась и вышла келейница. Подлетев к ней, Ирина просит за меня. Снова я в келии. Теперь-то уж не забыл спросить главное:

— Можно ли еще приезжать?

— Можно, — кротко, по-детски просто и как-то веско ответила матушка.

В Москву я возвращался, окрылённый предчувствием тайны и надеждой на обновление жизни, прикоснувшись к тому, ради чего совершил неблизкий путь, хотя увиденное и почувствованное не поддавалось в тот момент ясному осмыслению и выражению в словах.

Внутренний её мир был полон тишины. Поразил взгляд — бесстрастный, но не холодный и не безразличный; отрешённый, но не рассеянный; внимательный, но не своекорыстный... Такого взгляда не бывает у людей обычных. Только у великих старцев можно видеть его, например у отца Николая Гурьянова.

«Пролей кровь и прими Дух», — свидетельствовали святые отцы. Великий жизненный подвиг матушки — подвиг кроткого, мужественного и благодарного терпения великих скорбей, добровольного несения креста и бесстрашной войны с дьяволом за спасение душ — открылся мне позже. Поразило меня и матушкино слово. Краткое, оно было безмерным по глубине, износимым из духовного мира, в котором старица пребывала неотступно. «Поступит» — невозможно это было по земным соображениям! Но ещё невозможнее казалось не поверить сказанному матушкой слову.

Интонация речи являла сочетание несочетаемого: улыбчиво-детской простоты и сосредоточенной серьёзности, мягкой кротости и удивительной твёрдости; в слабости голоса (матушка почти шептала) слышалась нездешняя крепость. Уверенность — не от самонадеяния, как у нас, а от вышнего, недоступного нам знания. Поистине, эта непостижимая интонация не была творением человеческим.

Поразил благословляющий жест. Был он крохотным, этот прочерчиваемый в воздухе крест, — из-за физической слабости старицы. Но притом — молитвенно сосредоточенным, очень

внимательным и определённым. И, главное, чувствовалось в одновременно слабом и крепком жесте могущество Божие, по сказанному: «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9).

«Плохая девочка, а будешь хорошая», — сказала позже матушка знакомой мне семнадцатилетней девушке, погибавшей от героина, благословила физически немощной рукой, — и вмиг отступило дьявольское насилие.

В описанной первой встрече матушка обличила меня за легкомыслие, но и не отвергла желания видеть её. В последние годы, после принятия схимы, матушка инициативу разговора отдавала посетителям, а сама, непрестанно молясь, лишь отвечала на вопросы — кратко, почти односложно, но так, что озарялась смыслом вся жизнь. Во время общения с матушкой мне пришлось остро пережить крайнюю скудость моего ума. При потрясающей возможности получить через неё ответ от Господа на *любой* жизненно значимый вопрос — мука от невозможности увидеть этот главный вопрос жизни! Что нужно спрашивать?

О, если б Господь подсказал! Перед одной из встреч я молился, чтобы матушка, вопреки обыкновению, что-нибудь сказала о насущном для меня. Чтобы, не дожидаясь моих неродившихся вопросов, сама подала совет от Господа. И вот, вне всякой связи с иными моими прошениями о себе и других,

старица вдруг сосредоточенно, строго, настойчиво, обращаясь как бы к келейнице, несколько раз повторила для меня:

— Пусть *сам* молится! Молитва должна быть усердной!

Значит, моя молитва — не молитва! Вышел я из келии

окрылённый; появилось чувство критерия: открывшаяся вдруг безграничность мира молитвы, о которой при торопливости жизни мы даже и не подозреваем.

После той встречи молитва неожиданно ожила и как-то естественно, словно бы сама собой, окрепла. Месяца через два келейница, много помогавшая общению с матушкой и помнившая все вопросы и ответы, спросила её обо мне в моем присутствии:

— А сейчас как он молится?

— Сейчас хорошо.

Умножившаяся крепость молитвы была отзвуком благодатного матушкиного заступления! Вблизи старцев легко молиться. Увы, неприметно для сознания я приписал это «хорошо» себе и тут же потерял дар. Матушкино ходатайство ко Господу на краткий момент жизни выпросило для меня как бы просиявший образ и цель молитвенного труда, а затем вернуло всё на своё место.

В последующие приезды стал получать ответы и о «качественной» стороне молитвы. Матушка распознала в ней уныние.

— Как читать Иисусову молитву?

— Нужно благодарить — получаю неожиданный ответ.

— Матушка, я правильно понял: в моей молитве есть уныние?

— Да, — кивнула она.

Странно: более десяти лет от начала воцерковления я молился, Совершенно не замечая уныния, но с очевидностью ощутил его после слов старицы. Я ощутил вдруг всю греховную неестественность прежнего способа молитвы и, словно после противного природе стояния на голове, встал на ноги.

Тех, кто сейчас читает эти строки о матушке, но не слышал и не видел её, приводимые здесь слова не потрясают своей силой и глубиной. Интонация и жесты старцев осязаемо благодатны. Осенит тебя старец крестным знамением — и с несомненностью чувствуешь, как рассыпались козни со-противной силы; как матушка благословила — так точно и сложатся все обстоятельства, и никакая сила не отменит сказанного, ибо оно — от Бога.

До того как Господь привёл меня к матушке, просил я у известного всей православной России старца протоиерея Николая Гурьянова с острова Залита благословения на малое число Иисусовых молитв. Неожиданно он сам начал читать её, неспешно и сосредоточенно, осеняя себя столь же неторопливым крестным знамением. В совершенно бесстрастной молитве отца Николая ощутил я огненную ревность по Бозе, всецелую истовую преданность Господу. Ни тени раздвоенности не было здесь, была простота — простота в глубоком, древнем значении этого слова, как противоположность не сложности, а лукавству: простота, с которой дитя доверяется матери.

И у матушки непрестанное молитвенное пребывание с Господом свидетельствовалось в каждом её жесте и слове, тихих и смиренных, но изнутри наполненных тёплой и светлой силой. И глаза её: ясные, чистые, полные света, любви и проницательности... Как же чудесно знать, что сокровеннейшие движения сердца, в котором духовно-верное перепутано с душевным и греховным, открыты матушке, что ты весь прозрачен для неё. А раз открыты, то она может и исправлять молитву, внутренний стержень жизни.

Чудесное руководство внутренней молитвенной жизнью шло рука об руку с упорядочиванием жизни внешней. Она помогла мне определиться среди множества творческих обязанностей и возможностей.

— Матушка, вот то, что я пишу, — это только мой гражданский долг или имеет значение для спасения души в вечности?

— Имеет! — подтверждает матушка и благословляет на научное творчество.

— А согласиться ли мне на такую-то работу?

— Нет.

— Почему? — спрашивает келейница.

— Там плохие люди.

— Меня, возможно, пригласят в Духовную Академию.

— Не пригласят! (И точно, после первых движений в этом направлении как-то все заглохло.)

— А как быть с работой в такой-то благородной организации директором важного направления?

— Помогать надо, работать не надо.

— Почему? — вновь спрашивает келейница.

— Не потянет.

Помимо основной работы имел я ещё часы в училище, вёл там психологию. Очень много сил и времени отнимала эта работа, но жалко было бросить детей. Мой духовник высказал сомнение: «Ведь ты же опять наберёшь работ», — но благословил ещё немного поработать. Спустя год, в описываемом разговоре с матушкой, спросил я об училище, высказав и главное моё опасение о судьбе детей, но старица твердо определила покинуть училище.

— Матушка, ну почему вы всё: нет да нет? — вновь поинтересовалась келейница.

— Остарел.

Я понял: возраст обязывает сосредоточиться на духовном и главном.

Старица учила нас жить в уповании на Господа. Как исполнилось её слово о поступлении дочери в аспирантуру? Господь, зная о чуде, которое хочет сотворить, часто испытывает веру и через испытания укрепляет её. Такое искушение было дано дочери. Твёрдо рассчитывая на «отлично» по английскому и прекрасно, по собственному ощущению, сдав экзамен, она неожиданно получает «хорошо». Как же обетования старицы? Получилось даже как будто бы хуже, чем без старческого благословения. После этой неудачи, уменьшившей до нуля шансы на поступление, дочь впала в ропот. Еду к матушке, сокрушенно рассказываю о срыве. Она же всё тем же невозмутимо спокойным тоном повторила:

— Поступит!

А итог таков: неожиданно министерство выделило дополнительные места, и дочь оказалась в числе поступивших. Поехал я сообщить о её поступлении своему духовнику протоиерею В. К.

— Кто сказал? — спросил батюшка.

— Она сама видела себя в списках поступивших.

— Я не о том, — сказал отец В., — *кто* сказал, что поступит? *Старица* сказала! Ну, теперь-то дочь верит?

Прозорливость матушки, казалось, не знала границ. Она ведала духом о всяком человеке в мире, о ком ни заходила речь. Прозорливость её была мгновенной по времени и всеохватной по предметам видения. Жившей в духовном мире над временем и пространством, ей было открыто прошлое, будущее, незримое, вечное, воля Божия о людях, в которую неизменно была вплетена пронизанная любовью к каждому человеку матушкина молитва.

Взял я как-то с собой к матушке талантливейшего японского православного студента-пианиста, мучившегося главным выбором жизни. «Музыкант, музыкант, музыкант», — определила его призвание матушка. И хотя желание, казалось, неодолимо влекло его к монашеству, самой логикой событий Господь направил его жизнь по пути, открытому через матушку.

Показал ей однажды письмо.

— Так ведь оно на английском языке, — воскликнула келейница.

— Не надо отвечать, — спокойно определила матушка.

Я знал от знакомых, что матушка со своей обычной безыскусной святой простотой и твёрдостью отвечала и на вопросы о загробной участи родственников и близких. Сам же я этот вопрос долго не решался задать. Что-то останавливало. Скорее всего — недоверие в сердце. В уме сомнений не было: если матушке в такой невероятной степени открыто сокровенное (и я был тому свидетелем), что препятствует ей видеть и загробное?

Наконец я решился. Спросил сначала о своих родных, затем стал передавать сходные вопросы жены и близких мне людей. О ком-то старица говорила: ему хорошо. О других — дала молитву («Живый в помощи Вышняго» — двенадцать раз в день). Келейница, обычно присутствовавшая и помогавшая посетителям, поинтересовалась:

— А как им сейчас?

— Будет хорошо...

Как-то я сказал матушке:

— Очень хотелось бы привезти к Вам внучку.

— Пусть приезжает.

— Матушка, помолись, чтобы получилось, — ходатайствует келейница.

Старица послушно перекрестилась. Вопреки опасениям, зять не возражал против поездки; напротив, сам присоединился. И так всей семьёй — родители, дети и внучка -предстали пред матушкой недели за три до её кончины. Стояла осень, но день выдался солнечный. Матушка поговорила со всеми и всех благословила искупаться в источнике святителя Николая.

— И Маше (внучке) купаться? — спросили мы.

— И Маше.

— Я не хочу купаться, — заупрямилась та.

Тут матушка неожиданно громким голосом несколько раз повторила:

— Она не хочет! Она не хочет! Она не хочет!

Какой-то в этом смысл? Что бы это значило? Отправились к купальне. Маша подошла к тому месту источника, где пьют воду, потянулась к прозрачной холодной струйке и вдруг не удержалась, потеряла равновесие и оказалась в воде, неглубокой, — купание как раз для её трехлетнего возраста.

Однажды во время литургии матушку в инвалидной колясочке провезли мимо меня на исповедь. Священник кого-то исповедовал, матушка ожидала своей очереди, и её колясочка оказалась позади меня. Я обернулся, и то, что увидел в тот момент, как будто обожгло меня. Лицо матушки светилось каким-то дивным светом. Почудилось мне, что матушка смотрит на меня, но она конечно же смотрела в сторону алтаря и, вероятно, имела видение. Это я сообразил позднее, а тогда, словно бы нечаянно подсмотрев сокровенное, в смущении повернулся к алтарю и больше не оборачивался. Что это было? «Лицо просветилось». Мы произносим эти слова как метафору и относим её ко всякому человеку, озарённому радостью. Другое словоупотребление знакомо нам по духовным книгам, оно относится к людям святой жизни. Свет здесь не символ, а реальность. Что же я видел? Это было, несомненно, необычное явление. Лицо матушки сияло не метафорически, а реально. Но как — описать не смогу. Свет не был

ослепительным, но мягким, нежным, дивным, как бы матовым. Словно после чёрно-белого изображения мы увидели цветное. Или словно пелена серости была снята с этого мира, и открылось потаенное.

И вот через несколько минут после этого возвышенного зрелища до меня еле слышно донеслись вдруг странные слова, сказанные характерным матушкиным озвученным шёпотом (напоминающим густое придыхание в греческом языке):

— Плохой я человек...

Опять против воли прикоснувшись к недозволенному, сказал себе: я ничего не слышал. Позже я узнал, что матушка точно так, этими словами, часто говорила о себе людям.

Быть может, самым важным уроком для меня стало вхождение в матушкину любовь, когда открылась её жертвенность. Мы видели ежедневный мучительнейший подвиг её любви. Скорби не оставили её и в последние месяцы земной жизни. Они были связаны с тем, что келия матушки закрылась для духовных чад и посетителей, приезжавших к ней за утешением и молитвой. Разрешено было подходить к ней лишь на монастырском дворе или в храме, куда её привозили по воскресным и праздничным дням.

Престарелым людям, у которых почти не осталось плоти, мучительно трудно подолгу сидеть в инвалидной коляске. А у матушки болели ещё и почки. После долгих служб она пережидала, пока в храме останутся только те, кто специально приехал к ней, чтобы в тишине выслушать их и ответить на вопросы. С осени встречала людей чаще всего во дворе, на холоде, и в воскресные дни, и в будни. Духом провидя приезд духовных чад, ожидала их на улице. Это была её Голгофа. В инвалидной коляске, на ветру, укутанная в одеяло, преодолевая изнурительный кашель, она молилась о страждущих и больных людях, ожидавших её и изумлявшихся великим самоотвержением девяносточетырёхлетней старицы.

Особую печать на всю прожитую жизнь матушки ставят последние часы её жизни и кончина. Четыре последних дня матушка ничего не вкушала и каждый день причащалась. «Даждь ми, Господи, прежде конца покаяние», — просят православные люди в Покаянном каноне. Мы видели это непредставимой глубины покаяние за несколько часов до смерти матушки. Умирающая старица, ожидавшая последнего в жизни причастия, переносила мучительнейшее физическое состояние с необыкновенным терпением и кротостью. Обводя взором иконы, глядя на распятие, она повторяла: «Господи, прости меня; прости меня, Господи!» — с искренностью и непосредственностью, которые невозможно забыть. После проповеди священника и причастия в коридорчике перед келией матушка благословила и нас, приехавших к ней, вглядываясь пристальным долгим взглядом. Уже тогда начинался предсмертный отёк лёгких.

День отпевания стал торжеством матушкиной любви. Такого духовного подъёма, как в эти скорбные дни, не было никогда в моей жизни. Печаль — от нас, духовная радость — из недоведомых глубин истинной реальности... Каждое слово службы вызывало восторг и ликование. «Блаженны» — они *все* — о матушке! И не могут не сбыться обетования селений праведных. «Помяните мою любовь», — пели сестры, когда тело матушки опускали в могилу. И мы молимся: помяни, Господи, её любовь к нам, крест любви Твоей, который она понесла до самого часа смерти, прости её согрешения, упокой в селениях блаженства со святыми, даруй и умножь благодать её молитвенного ходатайства за всех людей.

Незадолго до кончины старицы задал я вопрос о близости к Богу. С обычной детской простотой и ясностью взора матушка определила со вниманием читать сорок дней по сорок раз «Отче наш». Ощутив окрыленную лёгкость в душе, всё же правило выполнить решился не сразу. Где взять сорок дней внимания посреди обилия дел? В конце лета, съездив за благословением на

могилку, приступил к правилу, через выполнение которого матушкиными молитвами стали открываться жизненно важные для меня вещи.

Матушка все свои силы и всё своё время отдавала Богу и людям, безропотно несла крест за себя и за других. Читая после её смерти Псалтирь о упокоении, в молитве после «Славы» я не мог просить, как за обычных людей: «Темже милостив той буди, и веру, яже в Тя, вместо дел вмени». Дела её, бесчисленные дела, о которых я знал, вопияли о себе. Как заглушить этот вопль? Сердце как-то непроизвольно проговорило молитву немного по-другому: «И веру яже в Тя и дела ея помяни» (не знаю, правильно ли я делал).

Невозможно одному человеку исчерпать духовные богатства старицы, ибо с каждым она была иной. С кем только не вступала она в духовное общение — с людьми искусства и учёными, профессорами и некнижными, с русскими, татарами, евреями, японцем, с верующими и только ищущими дорогу к вере, с православными и мусульманами (некоторые после общения или матушкиной молитвы обращались к Православию), со здоровыми и больными, пьянчужками и трезвенными, наркоманами, бесноватыми... Каждому матушка дарила своё любящее сердце, жаждавшее спасения всех. Для каждого у матушки был свой метод общения и своя интонация — неповторимая. Показывал ей Господь и жизненное призвание каждого.

Это, несомненно, особый благодатный дар. Над нами тяготеют схемы. Каждый обучает так, как сам был научен, и трудно отойти от привычного общения. А матушке Господь открывал глубины сердца — дивный образ Божий, затемнённый грехами. Ради этого прекрасного образа она не пренебрегала никем и всех любила. Какие удивительные слова слышим мы в её рассказе о жестокой женщине, которую люди не любили, но о которой матушка молилась и после смерти той попросила узнать у Господа, куда пропал её кошелёк с документами и ключами. «Варя, она такая жестокая была, а я её любила».

Не всякому человеку матушка открывала Божию силу и дары, а по мере веры, очень тонко чувствуя в людях эту степень открытости и доверия. Соответственно по-разному встречала, и общалась, и применяла разные способы духовного воспитания. Блаженны те, кто не пренебрёг дарами Божиими, которые всегда были готовы пролиться через неё. Очень сожалею, что бывал с ней замкнут, стеснителен. Знакомство с воспоминаниями многих отчасти восполняет упущенное, да и сама матушка, отшедши телом, не отошла от нас духом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждое жизнеописание — это своего рода портрет человека, в котором должен отразиться прежде всего лик его, Божественное начало в нём. В предлагаемом жизнеописании не все этапы жизни старицы освещены одинаково подробно, но каждая его глава — это лучик света, озаряющий какую-то сторону духовного или жизненного подвига матушки Антонии. Насколько удачной или неудачной получилась книга — судить читателям. Сознавая, что в ней могут быть неточности и ошибки, просим простить всех трудившихся над подготовкой её к изданию. С благодарностью примем любые пожелания, уточнения и исправления, а также новые сведения или воспоминания о матушке.

Для того чтобы осознать подвиг человека, завершившего свою земную жизнь, нужна дистанция во времени. Со дня кончины старицы прошло всего четыре года; ещё живы и здравствуют не только те, кто любил и чтил матушку, но и многие из тех, кто не принимал её как подвижницу, гнал и злословил, не ведая той благодатной силы Божией, которая щедро изливалась через неё. Она была великой терпеливицей и со смирением принимала неприязнь, обвинения в «прелести» и прочие хулы. Поэтому в настоящее жизнеописание пока невозможно включить некоторые события и документы, повествующие о том, как несла матушка ещё один тяжкий крест —

неприязнь и поношение от тех, кто находился внутри церковной ограды. Когда-нибудь и эта сторона жизни старицы откроется для её почитателей.

При составлении жизнеописания использовались не только воспоминания знавших матушку при жизни, но и подлинные документы, обнаруженные в архивах и специальных фондах. Духовные дети старицы проделали огромную работу по сбору материалов для книги, вложили много сил, времени и старания. Вся эта работа была движима любовью к своей духовной матери.

Просим всех, кому эта книга пришлась по сердцу, помолиться о здравии участвовавших в создании жизнеописания рабов Божиих: Александра, Сергея, Вячеслава, Александра, иподиакона Вавилы, Дениса, Анатолия, Ирины, Анны, Клавдии, Марии, Софии, Натальи, Фотинии, Тамары и всех, кто поделился своими воспоминаниями о матушке Антонии.

Все замечания, исправления, быть может, новые воспоминания и свидетельства о благодатной помощи по её молитвам просим присылать по адресу:

142030 Московская область, Домодедовский район, село Ям, храм святых мучеников Флора и Лавра, настоятелю игумену Валерию (Ларичеву).

Как при жизни матушка имела особую благодать помощи в восстановлении и строительстве храмов, монастырей, так и по кончине своей исполняет просьбы о нуждах восстанавливаемых храмов и обителей. У нас есть замечательные свидетельства священников, которые после посещения могилки старицы и отслуженной панихиды получали не только просимое, но и сверх того.

Один священник поделился с духовной дочерью старицы Софией, что не знает, как расплатиться с рабочими, которые недавно закончили сложный ремонт кровли храма. Бедный сельский приход не мог собрать нужную сумму, и батюшка пытался занять у кого-нибудь деньги, чтобы отдать долг. София предложила ему съездить на могилку матушки Антонии и отслужить панихиду: как раз на следующий день исполнялось полгода со дня её кончины. Священник, ещё ничего не знавший о матушке, нехотя согласился. Буквально на той же неделе к Софии пришла женщина, которая принесла конверт с деньгами, попросив отдать их на ремонт какого-нибудь бедного храма. София немедленно связалась с батюшкой и сообщила, что хочет передать ему эти деньги. Когда священник вскрыл запечатанный конверт, он обнаружил в нём точно такую сумму, которую нужно было заплатить рабочим!

Ещё один подобный случай. Сельский приход имел большой долг: нужно было расплатиться с реставраторами, с рабочими, сделавшими часть ограды, и погасить большую задолженность за электроэнергию и газ. Настоятель храма побывал на могилке схимонахини Антонии вместе с несколькими прихожанами, отслужил панихиду. Затем все прибывшие погрузились в источник святителя Николая, как обычно благословляла матушка. Через день после паломничества к настоятелю храма приехал благотворитель, который пожертвовал сумму, вдвое превышавшую долг, так что удалось не только полностью расплатиться, но и закончить сооружение ограды вокруг храма.

Здесь приведены лишь два случая, но их гораздо больше. Те, кто уже испытал, сколь сильна молитвенная помощь матушки Антонии, постоянно ездят в Никольский монастырь, посещают могилку старицы, погружаются в целебный источник.

Для того чтобы побывать на месте упокоения схимонахини Антонии, нужно доехать на электричке с Киевского вокзала до станции Малоярославец. Далее идти пешком по улице Кутузова до Свято-Николаевского Черноостровского монастыря. Путь к монастырскому кладбищу, где упокоена матушка, лежит мимо источника святителя Николая. Необходимо

подняться от источника на противоположную монастырю сторону оврага и пройти вдоль него так, чтобы монастырь оставался по левую руку. Очень скоро справа появится металлическая ограда кладбища с дверкой, за ней виден крест, указывающий путь к месту погребения усопших сестер обители. Могилка схимонахини Антонии окружена железной оградой. На кресте помещена фотография матушки в схиме. На монастырское кладбище можно пройти и не заходя в обитель. Для этого необходимо, не поворачивая налево к воротам монастыря, пройти по улице чуть дальше и повернуть налево в проход между домами, и почти сразу начинается тот самый правый край оврага с тропинкой, которая ведёт к кладбищу.

Рядом с местом упокоения старицы находятся могилки ещё двух подвижниц из Никольского монастыря — схимонахини Ксении и схимонахини Елисаветы. Матушка Ксения (Н. Д. Кондакова; 1901-1999) долгое время была алтарницей в Богоявленском Патриаршем соборе. В 1990-х гг. по благословению духовника поселилась в Никольском монастыре, где и закончила свой жизненный путь. Матушка Елисавета (Е. П. Васильчикова; 1906-1994) в 1945-1946 годы была хранительницей главы преподобного Сергия Радонежского (в марте 1920 г. отец Павел Флоренский и Ю.А. Олсуфьев изъяли главу преподобного ввиду угрозы уничтожения мощей). Весной 1946 г. она тайно передала святыню в руки Святейшего Патриарха Алексия I. В Великую Субботу 20/7 апреля 1946 г. главу положили в раку вместе с мощами преподобного Сергия, возвращёнными Церкви из музея. Схиму с именем Елисавета матушка приняла в день памяти преподобного Сергия. Скончалась схимонахиня Елисавета в Никольском монастыре 7 декабря 1994 г.

*   *   *

Помяни, Господи, во Царствии Твоем верную рабу Твою
схимонахиню Антонию и сотвори ей вечную память;
нас же всех, почитающих почившую старицу,
спаси, сохрани и помилуй её молитвами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Митрополит
Мефодий

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Сердечно благодарю за переданную Вами книгу о приснопамятной старице схимонахине Антонии. Отрадно видеть, что в душах православных верующих людей свято блюдется завет апостола Павла: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам Слово Божие, и взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13,7). Вам, именующим себя духовными чадами схимонахини Антонии, подобает и впредь не только словом, но и самой жизнью быть подражателями подвига благочестия, достойно совершенного старицей, в смирении и терпении неся свой крест по стопам Спасителя нашего.

Мы также имеем твердую уверенность, что милостью Божией и по молитвам схимонахини Антонии храм Михаила Архангела в селе Долгое Липецкой области, на земной родине подвижницы, будет возрожден.

Память о блаженной старице будет утешением и благодатной помощью всем нам в земных трудах.

В светлый праздник Воскресения Христова примите мое сердечное поздравление и всерадостное приветствие:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Мефодий

Митрополит Воронежский и Липецкий

Москва

«Не оставляй мудрой и доброй жены, ибо
Достоинство ее драгоценнее злата»
(Сир. 7, 21)

О книге «Я испытал тебя в горниле страдания (Схимонахиня Антония)»

Эта книга вышла в свет, потому что должна была выйти. Совпадений не бывает, все идет так, как этого хочет Господь. Что касается любви: «Мир беден любовью. Все ищут любви, но когда она к ним приближается, они не узнают ее, потому что никогда ее не чувствовали. Бедный мир! Только любовь встречается с вечностью, к которой она и принадлежит...» (Геронтиса Гавриилия. «Подвиг любви»).

Матушка Антония, как избранный Божий сосуд, пронесла эту для всех непонятную, незнакомую, очень далекую от людей мира любовь в себе до конца своего земного бытия. И она была не одинока, шагая по земле Русской, как в то же время геронтиса Гавриилия в Индии, Америке и Африке, и, наконец, в ногу со старцем Паисием Святогорцем на Афоне в Греции, одновременно совершали подвиг любви.

«Если в любви нет жертвы, это не любовь по Богу...» (геронтиса Гавриилия). И многие, возможно, читая житие таких людей, в том числе и схимонахини Антонии, задают вопрос: «А разве не могла она вымолить у Бога, если она была так близка к Нему, чтобы Михаил не пил и не бил ее и сына Василия бы не казнили фашисты, и сама бы для себя вымолить лучшую судьбу?» Но в том-то и разница любви Божественной и любви-влечения. Первая есть огонь, не щадящий все гнилое, грязное, притворное, неискусное, тусклое, мрачное, зловонное, когда пожирает всю грязь, оставляя одно золото. О втором виде любви, как говорит геронтиса, эго «прекрасное чувство, которое впервые входит в человеческую жизнь. Как цветок, который расцветает и еще не знает, что с ним будет! То есть он путает внутри любовь, которую надлежит отдать Богу, и отдает ее человеку».

В чем же заключается подвиг любви этих совершенно далеких друг от друга, но совершенно близких по духу Божиих вестников и неутомимых Божественных громогласных труб?

Их подвиг в том, что они отдали себя в жертву так, как это показал на примере Сам Господь Иисус Христос. Прожив на земле 33 года, отдал себя на поругание, самое что ни есть позорное, был пригвожден ко Кресту. И если кто может почувствовать и понять поступок Того, кто есть Альфа и Омега, Того, от Которого Начало и без Которого не было Начала, то для этого человека уже не существует этот временный и проходящий мир. Он устремляется всей деятельной и разумной частью своей бессмертной души к Тому, Который любит тебя так, как никто другой на всей планете, которая называется Земля. Он слышит Его голос и идет за Ним, никогда не уставая, ни перед чем не останавливаясь, потому что он нашел свою любовь, а так как у любви много врагов и они тоже не устают, жестоко борясь и подстерегая каждого, то и

победа достается только мужественным борцам. Любовь — это Крест. «Крестное знамение охватывает четыре стороны света и в них заключается весь мир» (геронтиса Гавриилия).

Когда я читала книгу о схимонахине Антонии, то чувствовала с ней живую связь. Переворачивая страничку за страничкой, я радовалась, что в ней много листов, и каждый лист этой книги входил прямо в сердце, погружая тебя в те события, переживания и в то же время нескончаемой радости, что этого человека я узнала, видела, говорила и что несомненно это был и есть святой человек. Радость еще и в том, что все же Господь не перестает быть с нами, как и обещал, до скончания века и что хотя вещественная свеча матушки Антонии сгорела, но взамен этой Он поставил вечно несгораемую свечу – это любовь, которая связывает Небо и землю, матушку Антонию и нас, духовных чад ее, и всех, кто ее полюбил и еще полюбит, читая эту книгу. Мир, в котором, несмотря на «неблагоприятные, холодные как зимой безбожные и материалистические времена, цвели прекрасные, редчайшие от века по аромату и благовонию розы», одной из которых была и матушка схимонахиня Антония.

Стучите, ищите да обрящете...

Духовная дочь старицы.

13.05.2003

* * *

Швейцария

Дорогой многоуважаемый отец Валерий, благословите!

С большим интересом познакомился с книгой о схимонахине Антонии, даже побывал на ее могиле в Малоярославце. Кланяюсь, благодарю Вас за книгу, желаю всего доброго.

С сердечным приветом

Сергей Л.

26.07.2003

* * *

Санкт-Петербург

Пишет Вам послушница Нина. Прочитала книгу о матушке Антонии и стало очень горько и больно за то, что в течение трех лет я прожила бок о бок с ней в Малоярославце и ни разу к ней не подошла, ни разу не обратилась за молитвенной помощью. Но видно по грехам моим так было.

О матушке Антонии мне лично рассказать нечего, так как я не общалась с нею. Но вот со стороны видела, как ее не любили и гнали. Вновь пришедших предупреждали сразу: со схимонахиней Антонией не общаться, потому что она в прелести. Мне очень нравилась ее келейница матушка Неонилла. Нам, сестрам, говорилось всегда, что они не слушаются и поэтому пойдут в ад.

Часто матушке Неонилле нужна была помощь в уходе за матушкой Антонией, и она звала нас пересадить ее или подвинуть. Но когда настоятельница узнала, что я там бываю, то сильно

ругала и под страхом снятия рясы и подрясника не благословила даже близко к ним подходить, дескать, пусть разбираются сами.

Смерть матушки Антонии нас поразила. Когда нам предложили перенести ее в библиотеку, то одна из послушниц присела на пустые лавочки в храме, где лежала матушка, и сразу подскочила, почувствовав в тот момент присутствие смерти. Был еще удивительный случай, когда читали Псалтирь по матушке Антонии. Моя очередь пришлась на половину четвертого утра. В этот момент у меня сон как рукой сняло. Я прочла одну кафизму на едином дыхании, как ни до, ни после этого не читала. Такая радость была, что не хотелось уходить. Стала я просить сестру, чтобы за нее прочитать следующую кафизму, но она сказала, что сама прочтет.

И еще больше удивились, когда на отпевании собралось много народа, и матушку Антонию поминали, рассказывая о ее жизни. Мы с сестрами смутились: так кем же она была?! Прельщенной или старицей?

Матушка Неонилла уехала, но до сих пор надеюсь, что когда-нибудь Господь даст увидеться. Я ушла из обители летом 1999 года. Тяжело многое вспоминать, но очень скучаю по стенам храма и кладбищу, где похоронены матушки.

Еще в вашей книге узнала на фотографии одного батюшку, старца, которого знала матушка Антония. Он — духовник моей новой матушки схимонахини Марии, которая живет в Петербурге. Ей 87 лет; она всех любит и нас ругает за недостаток любви. Сейчас матушка Мария парализована, но в полном сознании и тоже принимает народ. Духовник-то у меня в Оптиной, но матушка нас словом не оставляет и добротой своей.

Многогрешная послушница Нина

6.08.2003

* * *

Воронеж

Уважаемый отец Валерий, благословите.

Впервые в жизни пишу подробное письмо. Написать его меня побудила книга о схимонахине Антонии. Мне хочется поблагодарить Вас за такую интересную и поучительную книгу, за тот труд, который совершили составители книги, собирая материал. Еще раз от всего сердца благодарю Вас и желаю не останавливаться на достигнутой вершине и по возможности издавать подобные труды. Полагаю, что делать это совсем не легко и не просто, дай Вам Господи сил поди сил на это.

Почерпнула из этой книги немало полезного для себя. Посылаю Вам скромное пожертвование. Зовут меня Ольга, мне 31 год, имею двоих детей: Анну (3 года) и Марию (1 год и три месяца). Я еще не закончила учебу в вузе.

С мужем мы живем в гражданском браке, но я искренне надеюсь, что мы повенчаемся. Родители мои, Татьяна и Владимир, долгие годы пьют. Это не жалоба, а горький факт. Мне самой не справиться с этой ситуацией, но, может быть, по молитвам такого великого человека, каким была схимонахиня Антония, можно будет победить врага, мешающего нам жить духовной жизнью.

В воспоминаниях о матушке рассказывается об источнике в Подмосковье, где после революции ушел под землю храм. Не могли бы Вы сообщить, как называется это место и можно ли туда добраться сейчас?

Благодарю Вас от чистого сердца

Ольга Б.

02.09.2003

* * *

Орловская область, село Дровосечное

Прочитала я книгу о схимонахине Антонии на одном дыхании. Сказать, что книга понравилась — значит ничего не сказать. Я перечитываю ее в течение месяца и не могу насытиться, так она меня потрясла! «Терпеть, сколько можно терпеть! Терпеть!» — было сказано красавице Настеньке старцем Яковом, который предсказал ей дальнейшую судьбу. И потом она сама неоднократно повторяла эти слова своим духовным дочерям и всем, кто приходил к ней за помощью и утешением. Для меня и эта книга, и эти слова сейчас являются спасением.

14 февраля 2003 года страшная беда ворвалась в мою семью — погибла наша младшая дочь Анюточка, а 7 февраля ей исполнилось лишь 18 лет. Погибла во время свадебной церемонии, когда выходила замуж ее двоюродная сестра, моя племянница. Одна из машин опрокинулась (шофер решил полихачить и обгонял свадебную процессию) — и наша девочка, одна из пяти человек, находившихся в машине, мгновенно была убита. Прошло уже более полугода после ее гибели, но мы до сих пор не можем оправиться от этого горя.

Я не считала себя верующей, хотя и не отрицала существования Бога. Мне 52 года, я принадлежала к поколению, которое сейчас называют «потерянным». Формально крестила детей, праздновала Пасху, не задумываясь, что означают слова «Христос Воскресе!», соблюдала другие церковные праздники... Если появлялась возможность быть в городе, заходила в церковь, но это случалось очень редко и опять-таки чисто формально, хотя лет с 38 я начала задумываться о том, откуда мы пришли, куда уходим, старалась приобрести литературу на христианские темы. Ведь в то время почти невозможно было достать духовную литературу. В 90-е годы открыли в райцентре церковь, за 25 километров от моего места жительства, даже не церковь, а приспособили помещение под храм. В 1991 году впервые прочитала Евангелие, приобрела молитвослов, но многое было непонятно для меня, да и не горела я желанием посещать богослужения.

Как я сейчас в этом раскаиваюсь! Нет с нами нашей девочки, ничего мы с ней не успели. В октябре 2002 года я перенесла тяжелую онкологическую операцию. Читала много духовных книг, разговаривала с доченькой о Боге, о дальнейшей ее жизни. Она соглашалась со мной, что нужно идти в церковь, не только когда нам плохо, но бывать там почаще, читала молитвы, некоторые из которых даже знала наизусть. Она уже училась на первом курсе в институте. На каникулах мы собирались ездить с ней в церковь. И все оборвалось в одну секунду. Ничего мы не успели с ней, ничего.

Сейчас я, хотя и нечасто, по воскресеньям, езжу в церковь, читаю святые книги, теперь их можно и купить, и взять в православной библиотеке при храме. А вот с этой книгой о жизни схимонахини Антонии хотелось бы никогда не расставаться, перечитывать ее снова и снова, обращаться к ней и за помощью, и за утешением, и за духовным руководством.

Дай вам Бог всем, кто участвовал в создании ее жизнеописания, здоровья, я молюсь за вас. И необычная просьба у меня, за которую заранее прошу меня простить. Может быть, вы поможете мне приобрести эту книгу. Может быть, у вас есть лишние экземпляры, или, может быть, в магазине они есть? Пожалуйста, вышлите мне наложенным платежом, я была бы вам очень благодарна за это.

Прошу простить меня, если написала что-то не так.

Да сохранит вас всех Господь!

Воронцова Зинаида Парменовна.

20.09.2003

* * *

Москва

Здравствуйте!

Матушку Антонию мне довелось знать в 1992-1998 годах. Нас познакомили ее близкие — супруги Павел и Валентина Б.

Отвечая на вопрос о том, чем мы можем облегчить участь нашему новопреставленному отцу, матушка наказала нам с братом и нашей матери заказать сорокоуст в двенадцати храмах, что и было сделано. По словам матушки Антонии, сделать это было важно для упокоения души новопреставленного. При этом матушка знала, что наш отец был офицером органов госбезопасности, но свои страдания в лагерях НКВД истинно по-христиански она не поставила выше прощения и милосердия именем Всевышнего.

В 1993 году в возрасте более тридцати лет я попросил совета у матушки, будучи холостым, ожидать ли мне семейного счастья и продолжения нашего рода. С удивительной легкостью матушка Антония сразу ответила, что моя суженая — коллега по работе, что скоро мы поженимся, и Бог даст, будет у нас двое детей. Действительно, в 1995 году состоялась свадьба, а в 1996 и в 1998 годах у нас родились сын и дочь. В 1993 году я на самом деле работал в одной фирме со своей будущей избранницей. Дочь мы нарекли Анастасией и лишь впоследствии узнали, что матушка Антония носила это имя до пострига.

Благословение матушки Антонии всегда было и остается надежной опорой и в житейских, и в служебных делах. Так, 20 февраля 1995 года в связи с моей коммерческой деятельностью в подъезде нашего дома наемный убийца практически в упор произвел выстрел из пистолета ТТ мне в голову — пуля прошла навылет. Заметки об этом происшествии опубликовали «Коммерсантъ» и «Московский комсомолец» 21.02.1995. Однако, с Божией помощью, очнувшись через непродолжительное время, без посторонней помощи я добрался на лифте до своей квартиры на пятом этаже, где в сознании два часа дожидался «скорой помощи». В институте имени Склифосовского никакого оперативного вмешательства не потребовалось, хотя, по словам опытнейших специалистов-медиков, в их обширнейшей практике это был беспрецедентный случай. Через какое-то время, уже находясь в Малоярославце, матушка Антония обмолвилась о своей молитвенной помощи и заступничестве святителя Николая Чудотворца, послуживших моему чудесному избавлению от неминуемой гибели.

По благословению матушки в 1996 году довелось мне совершить паломничество ко Гробу Господню в Иерусалим и ко храму Рождества Христова в Вифлееме, а в 1997 году к мощам святителя Николая в Бар-град. Причем священнослужитель храма в Бари без специальной моей

просьбы о том открыл доступ к надгробию Чудотворца (оно было зарешечено) и набрал масла из лампады. Матушка Антония с благоговением приняла эту святыню.

Тяжело вспоминать об изоляции, искусственно созданной вокруг матушки Антонии в последние годы жизни, но тем более достойно преклонения мужество и христианское смирение схимницы. Доброго слова заслуживает неотступно находившаяся при матушке келейница Неонилла.

Пусть память о схимнице матушке Антонии будет столь же светла, как ее помыслы, дела и вера в Спасителя.

К. В. Федюков.

29.10.2003

*   *   *

Суздаль

Благословите, отец Валерий!

С низким поклоном к Вам грешная Татиана со чадами Маргаритой и Татианой. Прочитала книгу о схимонахине Антонии и решила написать Вам и попросить, чтобы Вы помолились о нас грешных на могилке у матушки... Уже 10 лет мы скитаемся без жилья... Свою квартиру на Северном Кавказе пришлось оставить. Уповаем на милость Божию.

Постоянную работу у нас в Суздале найти невозможно. Да и в Церкви раскол и нестроения. В суздальских школах отказались от факультатива «Основы православной культуры». Возрождают комсомол, к памятнику Ленина носят венки — и это в древнем Суздале!

Девочки мои учатся в художественном училище по специальности «художник-реставратор по тканям». Одной осталось учиться два года, другой — пять лет. поэтому никуда не можем уехать отсюда, а дети еще хотят продолжить учебу в вузе. Но нам жить не на что — живем на пенсию, которую дети получают за отца.

Матушка Антония находилась в Тагиллаге с 22 июня 1942 года. Удивительное совпадение: и мой дед также был осужден 22 июня 1942 года и отбывал срок в Тагиллаге. Умер он 20 июня 1943 года. Может быть, матушка и встречалась с ним в лагере. Жаль, что я не увидела матушку живой и не смогла поговорить с ней. Я долго искала, где погиб мой дед Василий. Через милицию по запросу мне прислали из архива его личное дело. Но где он похоронен, там не сказано. Сейчас молюсь о нем.

Отец Валерий, прошу Вас со слезами покаяния, расскажите о моих бедах матушке Антонии, отслужите панихиду и попросите ее молитв о нас грешных. Она как здесь на земле помогала, так и там имеет благодать просить Господа и Матерь Божию.

Простите меня грешную.

С низким поклоном раба Божия Татиана.

04.11.2003

*   *   *

Вологда

Здравствуйте!

Низкий поклон вам от рабы Божией Капитолины. Прочитала книгу «Схимонахиня Антония», как говорится, на одном дыхании. Очень благодарна составителям за их нелегкий труд. Спаси их, Господи, и сохрани!

Я хотя и не видела схимонахиню Антонию, но для меня она, по рассказам моих мамы и дочери, стала, как родная. Покорило ее милосердие, сострадание, безграничная любовь к людям.

А теперь расскажу о встрече со старицей Антонией моей мамы и дочери.

Моя дочь пела на клиросе в церкви, ходила в храм Божий с радостью, с любовью, с вдохновением. Хотела даже уйти в монастырь, но вдруг у нее началась депрессия. Лечилась она в психиатрической больнице. Мама моя, переживая за внучку, поехала в Толгский монастырь помолиться. В монастыре маму остановила схимонахиня и говорит: «Ты никогда не проходи мимо схимонахини! Пойдем со мной!»

Это была схимонахиня Антония. Она привела маму в свою келью, посадила на стул и сказала: «Я буду рассказывать, что было с твоей внучкой, только не перебивай». Все

рассказала о ее бедах и благословила маму заказывать литургию за внучку в трех церквях. Еще велела взять из тех храмов просфорки, чтобы внучка съела. Посоветовала маме делать это самой, никому не поручать.

Еще у мамы были отеки. Матушка Антония попросила келейницу дать маме дыньку, сказав, что ее нужно прочистить. После усердных молитв матушки Антонии и этой дыньки, без всяких мочегонных из мамы вышло около ведра воды.

Старица говорила маме: «Как много у тебя мертвых». Мама даже испугалась, а схимонахиня пояснила, что имела в виду мертвых душой: не молятся, не ходят в церковь.

Однажды был такой случай. Дала матушка Антония маме просфору с просьбой помолиться об упокоении ее сына Михаила. Но мама забыла. На другой день пришла она к старице, а та протягивает ей кусок торта с той же просьбой. Маме стало стыдно за свою нерадивость и еще она была удивлена, что матушка Антония уже все знала.

Перед поездкой домой мама благословилась у матушки Антонии и подарила ей пачку чая и шоколадку. Матушка Антония, помолившись, сразу отдала обратно, сказав: «Как приедешь домой, чай отдай вдове». Мама не поняла, какой вдове, но спрашивать не стала. Так старица предсказала за несколько дней трагическую смерть моего свекра...

Впоследствии дочь моя тоже ездила в Толгский монастырь, беседовала с матушкой Антонией и просила схимонахиню Антонию помолиться за отца, он в то время очень сильно пил. Старица прямо при ней начала читать молитвы, и после этого отец не брал вина в рот девять месяцев.

Слава Богу, что были и есть Божии люди, которые помогают нести нам свои кресты. Спаси вас Господи!

Раба Божия Капитолина.

29.11.2003

*   *   *

Почаев

Христос Воскресе!

Дорогие А. В. и И., поздравляю вас с Пасхой Христовой!

Желаю вам духовной радости, доброго здоровья и душевного спасения.

Благодарю за драгоценный подарок. Получила книгу о схимонахине Антонии. Три дня читала «запоем», оставляя келейное правило. Книга замечательная, написана профессионально, читается легко и увлекательно. Вот какие были у отца Кукши духовные чада! А мы и не подозревали о них. Мы были молодые и новоначальные, и нас отец Кукша поил «духовным молоком», а матушке Антонии выпала высокая честь питаться «твердой духовной пищей», на что способны очень немногие.

Вся ее земная жизнь была сплошным терпением, она бескровная мученица, мне до нее, как от земли до неба, я малодушная, маловерная и непослушная, даже стыдно, когда называют «матушкой», только имя поменяла, а по-монашески еще не начинала жить. Матушка Антония для меня стала ярким примером, в молитвах прошу ее помощи, когда трудно.

Огромное вам спасибо за ваши труды и заботы по доставке мне этой драгоценной книги!

Видимо, по молитвам отца Кукши Бог положил вам на сердце послать мне ее, чтобы я знала, какие у него были тайные духовные чада и просить у них ходатайства и предстательства, как получивших дерзновение пред Богом еще при своей жизни па земле.

Да хранит вас Господь от враг видимых и невидимых по молитвам преподобного Кукши и схимонахини Антонии!

Воистину Воскресе Христос!

Грешная В.

2003 г.

*   *   *

Волгоградская область, город Волжский

Дорогой отец настоятель, благословите!

Прошу Вас отслужить панихиду на могилке схимонахини Антонии с просьбой о помощи рабам Божиим Павлу и Светлане с чадами Еленой, Святославом, Игорем (с женой Христиной) и их детками, о болящей маме моей Марии, об устроении земных наших дел.

Я, Светлана с мужем Павлом и детьми Еленой и Святославом живем как беженцы из Молдовы в г. Волжском. Никак не можем оформить документы на жительство. Милостью Божией снимаем квартиру, не бедствуем — слава Богу за все. Престарелая моя мама живет в Молдове и боится приехать к нам, так как у нас нет жилья. Сын Игорь с семьей тоже остался в Молдове, но его гонят как русского в Россию, а он не может оставить жену и детей. Нужно на что-то решаться. Прошу Бога, чтобы управил он нашу жизнь Своей премудростью, чтобы все совершилось по Его святой воле, а не по моему разумению.

Ради Господа нашего прошу, помогите мне молитвенно. Посылаю малую лепту на храм, к сожалению, не могу пожертвовать большую сумму из-за стесненных обстоятельств. Может быть, прихожане из Вашего храма ездят на могилку к матушке Антонии. Прошу помолиться там, чтобы с Божией помощью наша жизнь устроилась. Прошу также Ваших молитв, а я, как умею, будут молиться и о Вас дома.

Простите меня грешную.

С поклоном, раба Божия Светлана.

02.01.2004

* * *

Город Омск

Дорогой отец Валерий, благословите!

Очень благодарна Вам за книгу «Схимонахиня Антония» Кто-то кладет деньги на сберкнижку, а я трачу свою пенсию на духовную литературу, иконки, свечи, на храм Божий. Это — мое богатство.

Когда читала книгу, пришлось поплакать, когда старенькую, больную матушку переселили в неудобную келью, не приобщили Святых Христовых Таин на Пасху, запрети ли посещение ее верующими. И как больно видеть холодное равнодушие, которое ускорило ее уход из жизни!

Для меня духовные книги — лучшие друзья. С ними спокойно и радостно, они для меня и духовные руководители, невидимые, но надежные. С возрастом стало труднее добираться до церкви, ехать полтора часа, автобусы только коммерческие. И как помогают сейчас духовные книги!

Простите меня, грешную.

Да хранит Вас Господь.

Мария Павловна.

3.02.2004

* * *

Йошкар-Ола

Многоуважаемый во Христе отец Валерий, благословите!

Прочитала книгу о жизни схимонахини Антонии и очень, очень благодарна Вам, что раскрываете перед нами, грешными, судьбу таких людей.

Я из верующей семьи и мои родственники по отцу тоже были сосланы. Знаю я это по рассказам тех, кто вернулся из ссылок и лагерей.

Сейчас я болею, перенесла инфаркт (мне 70 лет), муж мой – участник Великой Отечественной войны, был ранен, сейчас тоже перенес инфаркт и инсульт. Поэтому молимся в основном дома,

по немощи своей. К счастью, летом нас вывозят в деревню, а там церковь рядом, так что можем помолиться и в храме.

У меня к Вам большая просьба. Посылаю Вам деньги на панихиду по матушке схимонахине Антонии. Если можете, помолитесь о нас, грешных рабах Божиих болящих Викторе и Зое.

Спаси Вас, Господи, всех, кто участвовал в создании книги.

Раба Божия Зоя.

12.03.2004

*   *   *

Москва

Дорогой батюшка Валерий, благословите.

Пишет Вам грешная раба Божия Ксения. Низкий поклон всем создателям замечательной книги о схимонахине Антонии. Впервые я увидела ее в Даниловом монастыре, но не обратила на нее внимания. Однако спустя некоторое время мне приснилось, что я разыскиваю эту книгу и покупаю. Тогда и вспомнила, что видела ее в книжной лавке Данилова монастыря, поехала туда и действительно купила.

Книгу «Схимонахиня Антония» я читала на одном дыхании и почувствовала, как дорога и любима мне эта старица. Благодарю Господа, что посылает Он нам, грешным, для укрепления веры таких великих подвижников и молитвенников за нас.

Прочитав книгу, я решила, что обязательно поеду в Малоярославец и посещу могилку матушки Антонии. Слава Богу, такой день настал, и мы отправились в паломническую поездку. Наконец, мы оказались у стен Никольского монастыря, и я пребывала в радостном волнении, что где-то здесь рядом могилка любимой матушки.

Простите, что я пишу об этом, но после этой поездки на душе остался горький осадок и недоумение. Дело в том, что наша группа паломников ожидала монахиню, которая расскажет нам об истории обители. Перед этим мы зашли в иконную лавку и сказали, что хотим заказать сорокоуст о упокоении схимонахини Антонии. И тут я увидела, как лицо монахини стало напряженным и неприязненным, совершенно очевидно было, что здесь не слишком любят старицу. Записку нашу взяли нехотя.

Затем пришла другая молодая монахиня и начала рассказ о монастыре. По окончании экскурсии я спросила, можно ли искупаться в источнике святителя Николая, и монахиня ответила утвердительно. Затем я спросила, можем ли мы посетить могилку схимонахини Антонии, положить там привезенные из Москвы цветочки и вербу, так как было Вербное воскресенье. И снова лицо монахини изменилось, стало стороженным. Она спросила меня, откуда я знаю про матушку Антонию. Я ответила, что прочитала о ней в книге. Тогда она сказала, что с этой книгой нужно быть поосторожнее… И снова мне показалось, что в монастыре недолюбливают старицу. Я все-таки повторила, что нам хочется пройти к могилке матушки и нам разрешили.

И вот я стою у могилки, ставшей мне такой дорогой и любимой матушки Антонии и плачу, и благодарю старицу за ее любовь и помощь людям. После этого мы пошли к источнику. Слава Богу и благодарность наша святителю Николаю за то, что нам посчастливилось искупаться в источнике. После купания стало так хорошо, так легко. Теперь у меня есть свой личный опыт молитвенного поминовения матушки и той благодати, какую чувствуешь у места ее упокоения.

Остается у меня недоумение, почему нужно быть поосторожнее с такой замечательной книгой и что за непонятное отношение монахинь обители к их почившей старице. Может быть, я что-то не так поняла, или мне показалось?

Благодарю Вас, батюшка, что прочитали мое письмо. У Вас множество дел и забот, а я отвлекаю Вас от них своим письмом с недоумением. Хочется развеять свои сомнения.

Простите меня, грешную, ради Христа.

Храни Вас Господь.

Ксения Ш.

03.04.2004

* * *

Германия, деревня Рексинген

Христос Воскресе!

Здравствуйте, уважаемые, дорогие составители замечательнейшей и драгоценнейшей книги о жизни матушки Антонии! Примите мою сердечную благодарность за тру-ды и такое богатое и подробное описание жизни великой рабы Божией. За явление миру примера терпения неизмеримого и примера молитвенного предстояния за нас и любви, которая казалось бы уж и совсем иссякла в нас, современниках матушки Антонии. Слава Богу!

Господь привел и меня к ней неисповедимыми Своими путями, только одному Ему известными. Привел в самый решающий момент моей жизни — перед венчанием, перед таинством семейного пути, к которому я хотя и относилась, как мне тогда казалось, по-христиански, но, конечно же, очень легкомысленно, даже не представляя, какую школу терпения и смирения этот путь собою являет.

Привел же Господь меня к Своему Гробу на встречу с матушкой во время моей паломнической поездки на Пасху в Иерусалим в 1995 году. К счастью, я тогда вела записи о своей поездке и могу поделиться ими в оригинале.

Вторник, 18 апреля (мой день рождения).

...И наконец — предстали мы перед Кувуклией Живоносного Гроба Господня со всеми ее лампадами, светильниками и подсвечниками. И очередь еще какая! И тут же сидят игумения Ксения с Ириной.

Началась, однако, служба, и двери закрыли, а очередь кавасы «расстучали» на две стороны, пробивая коридор. Туда вошло двумя колонками греческое духовенство, и минутой спустя — епископ, которого тут же без особой помпезности облачили в фиолетовую мантию. Я стояла близко — рукой можно было потрогать. После каждения Кувуклии и Гроба священники ушли в алтарь Храма Воскресения, и желающих поклониться Гробу снова начали впускать партиями в Кувуклию. Я прошмыгнула почти сразу, приготовив освятить иконку св. мученицы Мулиании, которую написала в подарок своей знакомой девочке.

Вот уже и темный, теплый придел Ангела с камнем, тишина и молитва всеобщая, сливающаяся из горячих сердечных прошений. И, наконец, низенькая арка с выползающими из нее спиной вперед согнувшимися паломниками. Приложусь к мраморному резному косяку и войду, встану, сразу, не глядя по сторонам, на коленки, и прижму лоб к мраморной плите, как всегда, максимально усилив все надежды и наболевшие прошения. Времени мало — народу много. Нужно скорой выходить. Снимаю иконку, уже освятившуюся, и пячусь через арочку. Но уходить в мир гак не хочется, что, вопреки всему, осталась в приделе Ангела и прошу, прошу, прошу, вспоминаю имена, благодарю... Вижу — и отец Гурий не вышел. А отец Софроний вышел весь взволнованный и с молитвой. Я прошу у Господа, чтобы и мне, в свое время, Он послал такое дерзновение и простоту, как у отца Софрония. Тут мне так захотелось снова ко Гробу, чтобы приложиться и помолиться за усопших! Я перешла на противоположную сторону придела Ангела и встала в очередь, оказавшись прямо за мамой. Она меня и не заметила — ни до, ни после. Снова припала к самому Гробу, после чего вышла с трепетом, протискиваясь сквозь толпу.

Смотрю — старушка сидит на стульчике, монашенка, а за ней стоит женщина, в которой я узнаю свою спутницу в прошлогоднем паломничестве на Синай. Женщина оберегает бабушку и говорит всем: «Благословляйтесь, просите — это старица, прозорливая схимонахиня из Толгской обители матушка Антония. Мы подходим к ней, она крестит всех с молитвой, хорошо крестит. Всех — и японок и гречанок, всех, всех, кто просит. Она нас спросила, где мы живем, и мама ответила, что тут, в Израиле, на что она очень обрадовалась: «Ой, как хорошо». Тут я спросила у женщины, помнит ли она меня, и она меня признала, и так радостно стало обеим! Мы обнимаемся; и она спрашивает, как дела, вышла ли я замуж, и я говорю, что «да, вот, наконец, этим летом». Она и говорит: «Вот-вот, возьми обязательно у старицы благословение!» И спрашивает громко: «Матушка, вот, она замуж хочет, надо ей или нет, благословите ее». А я уже на коленях стала и обмерла вся, будто вечность надо мной остановилась, а старушка вгляделась мне в глаза и говорит: «Не благословляю, только монашество ей». Я почувствовала, будто у меня внутри все в одночасье перевернулось, как на экзамене, когда билет не тот вытащила. Я говорю: «А где? Где, в какой стране?» (Я жила тогда в Германии). Она отвечает, крестя подходящих: «Здесь, только здесь» (а я жила в Израиле полтора года и серьезно подумывала о монашестве, но с израильским гражданством не думаю, что можно поступить в русский монастырь, хотя и игуменья Георгия меня звала, и к матушкам я очень привязалась за время своих скитаний в Израиле).

И тем удивительнее показались мне слова матушки «здесь, только здесь», после этого она всмотрелась куда-то надо мной и сказала: «Уже жить недолго осталось, сейчас так живи как живешь, а потом Господь устроит и все само определится, и ты как Он укажет, так и пойдешь».

Я совсем уж в слезах вся, говорю: «Как же я узнаю, что же мне делать, помолитесь, помолитесь за меня».

Она снова смотрит и всматривается поверх меня напряженно и крестит то место, и говорит уверенно: «Спасет тебя Господь», — и эта весть меня радует сквозь всю подавленность. Но, конечно, не так, как я должна была бы радоваться. Знать не готова еще к Богу, да и мысль о разлуке с земной жизнью и всему, к чему в ней привязалась (хотя уже и думала, что свободна от многих привязанностей и с радостью бы — к Богу). Короче — эта мысль заразила душу. Я встала, совсем потрясенная, подумала немного и снова плюхнулась к матушке: «Скажите, а что же делать, мы венчаться хотели этим летом...» Тогда она спрашивает внимательно: «А он хороший?» Я чуть не закричала: «Да, да, очень хороший, добрый!» И женщина стала помогать: «Верующий?» — «Да, да, он верующий, православный». Старица: «Венчайся». Я говорю: «Я в Германии». Она: «Езжай в Германию».

Вот так коснулась меня Вечность. И мир, толпа, говор — сдвинулись в другое измерение. И мама что-то говорила, что у меня будет много детей, как ей сказал старец, и что я с ними

приеду в Израиль спасаться, как мученица София со своими детьми, что у меня одинаково сильны два начала — семейное и монашеское, и что нет у меня конкретного пути, а полная неожиданность, лишь просить могу и молить у Господа, чтобы он управил мои пути ко спасению.

Так в каком-то безразличном ступоре я и вышла из храма искать семисвечник для нашей церкви. Разговариваю с продавцами, а сама думаю: «Мало жить осталось. Не готова. Но ведь радоваться надо, что спасет меня Господь — это же цель и мечта всей моей жизни, это же на каждый день самая важная моя молитва и скорбь о тех, кто не возжелал спастись! В общем, от благодати, от переизбытка чувств и молитв сердце мое разболелось и уныние прощупало душу не готовую. Семисвечники кругом одни еврейские; с большим трудом удалось раскопать в греческой лавке более или менее удачный вариант. На улице льет дождь, а я говорю маме: «Пойдем, освятим семисвечник на Гробе». Вернулись мы ко Гробу Господню. Старицы уже не было, а толпа народа продолжала стоять. Я прилепилась к ней и очень долго ожидала очередь. Зато уж и помолилась спокойно один-на-один с Богом и прочитала все имена по книжке о здравии и о упокоении. Так в третий раз сподобил меня Господь в этот день припасть ко Гробу Своему, теперь уже со словами: «Укрепи меня, Господи, прости согрешения, не из-ми душу не готовую, спаси ее». И стряхнув с души уныние, очистив благодарением, вышла. Хотя боль в сердце и оставалась. Выйдя из Гроба, наткнулась на нашего отца Моисея. ОН сказал что-то радостное в утешение, а потом сообщил, что в этом году никого не оставляют в Храме на ночь перед Благодатным Огнем. Какие-то темные силы стянулись, которые препятствуют всему благодатному, и возникло опасение, что Патриарху не дадут пробиться к Кувуклии, поэтому не хотят допустить беспорядочной толпы и сами будут распределять паломников. После последней Литургии отец Моисей видел, как будто в алтаре кто-то есть, хотя все священники вышли. Он сказал сторожу, и тот попросил его зайти в алтарь, проверить. Прямо на Горнем месте валялся мужик в сапогах и на уговоры отца Моисея хамски отмахивался, но в конце концов вышел, чуть ли не плюнув, через Царские Врата.

Дождь уже не такой сильный. Мы идем к Яффским воротам и дальше — к автобусной остановке. Приезжаем в Горний монастырь, где я засаживаюсь писать эти записки, и только к двум часам добираюсь до подушки. Завтра — таинство соборования. Освящение масла, семикратное чтение Апостола, Евангелия и семикратное помазывание лба, глаз, носа, губ, ушей, сердца и рук с молитвами об исцелении и оставлении грехов. Таинство совершается над больными, и в дни Великого поста над всеми верующими, ревнующими о своем спасении, желающими получить очищение от грехов, особенно тех, о которых мы и не помним, а также невольных грехов.

Перед соборованием — исповедь. Все это во очищение, перед принятием Святых Христовых Таин в Великий Четверг.

19 апреля. Среда.

На службе монастырской много соборующихся, в том числе и игуменья Георгия. Соборуют три священника: отец Серафим, отец Гурий и еще один молодой батюшка из паломников. Пока служили утреню и литургию Преждеосвященных Даров сердце мое очень томилось и болело. После службы я купила свечку для соборования, взяла у монахини салфетку для вытирания излишков масла, и вдруг увидела прямо перед собой вчерашнюю старицу. Очень захотелось к ней подойти, попросить помолиться за меня, но к ней подходили то одна, то другая со своими проблемами: кто ногу расшиб, кто заблудился. И всем она что-то говорила, всех крестила. И тут выпала возможность и для меня (а я уже исповедалась отцу Гурию, который, отпуская грехи, очень долго и горячо за меня молился). Я бухнулась на колени, и тут же слезы навернулись на глаза (всегда, когда я к ней приближалась, меня прошибали слезы, невольно). Я говорю: «Вот,

матушка, вчера, как вы мне все сказали, так я и приуныла, и сердце болит и теснит, и тяжесть на душе, помолитесь за меня». А она меня крестит «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

— Ты сейчас будешь собороваться?

— Да.

— Ну и все пройдет после соборования.

И действительно, так оно и случилось. Молилась я очень проникновенно, пела со всеми «Помилуй ны, Боже, помилуй ны, Владыко, помилуй ны, Святый» и не взирала на давление и томление в сердце, хотя оно было едва выносимое. И только после седьмого помазывания и разрешительной молитвы над нами, коленопреклоненными, меня окончательно отпустило, и я действительно почувствовала облегчение.

К этому могу добавить, что, очевидно теперь, по молитвам матушки я иду своим семейным путем и открываю все свои недостатки доселе невидимые, прошу помощи у Бога, Его Пречистой Матери и святых, живот свой кладу за душу каждого ребенка (а их у нас уже четверо), с трепетом вспоминаю матушку Антонию и жду, что же будет дальше. А ее слова, что спасет меня Господь, в самые отчаянные минуты дают силы и благодарение, и радость жить дальше для блаженной вечности.

И ее слова о том, что нельзя детям не давать к нам приходить, очень правильные. Ибо через них, через детей, Господь посылает все необходимое, материальное и духовное, в семью, и благодать умножается, но и искушения возрастают. И блаженны семьи, в которых дети молятся! Это все равно, что святые молятся, старцы. Господь их слушает и все посылает по их молитвам, хотя физически родителям трудно приходится, а особенно, когда они решили сами своих детей воспитывать и неотлучно держать их в своем внимании. Мы решили жить своим хозяйством в деревне, муж завел пасеку и мы все ему помогаем, чем можем, а он — нам. Так несем вместе крест. Слава Богу! Церковь есть, жизнь литургическая, батюшка необыкновенный, благодатный страдалец, игумен отец Митрофан, который нас окормляет; он сам — немец, уроженец этой земли, спаси его, Господи, и всех нас.

С уважением и наилучшими пожеланиями, Татьяна Волохонская и семья: Эдем Волохонский (Нафанаил в крещении), Тавифа, Нафанаил, Ксения и Анна — дети.

4.04.2004

* * *

Москва

О книге «Я испытал тебя в горниле страдания (Схимонахиня Антония)»

Считаю для себя редкостной удачей, что мне в руки попала эта книга.

В настоящее время публикуется такое преизобилующее количество духовной литературы, что трудно выбрать что-то необходимое именно тебе (не хватает для этого ни опыта, ни времени).

Мне, как мирскому человеку, всегда хотелось найти что-то конкретное, без чрезмерного мудрствования, да еще чтобы было убедительно, не фанатично и с практическими советами.

Именно такой книгой стала для меня книга о схимонахине Антонии. Во-первых, подкупает то, что составил ее Александр Трофимов, уже известный мне по книге о старце Серафиме

Вырицком. Во-вторых, привлекает хорошее издание, прекрасный шрифт, который читается очень легко, без малейших затруднений. А в-третьих, конечно же, само содержание книги, удивительная, трагическая и высокодуховная жизнь обыкновенной женщины, которая может служить примером и для нас, грешных.

Книгу эту прочитала за два дня, на одном дыхании. Исторические сведения о лагерях, гонении на верующих, закрытии церквей и монастырей очень интересны, актуальны и гармонично вписываются в повествование книги.

Но главное, конечно же, это само жизнеописание матушки Антонии!

Хочу подчеркнуть, что именно по горячим следам необходимо составлять жизнеописание таких людей, пока еще живы свидетели духовной жизни, которая может послужить примером для других.

Безусловно, святые подвижники, подвизающиеся в пустыне — это великий пример святой жизни, но пример не для подражания для нас, недостойных. Это, по словам святогорского старца Паисия, далекий маяк на высокой горе, который освещает путь и зовет, но...

Жизнь матушки Антонии, простой мирской женщины, прошедшей и семейный ад, и ад лагерей, и потерю детей, но не только не сломленной, а ставшей духовным светильником для многих — такая жизнь дает нам надежду...

Я плачу, читая строки этой книги. Я выписываю для себя практические духовные и жизненные советы, которые она давала своим духовным чадам.

Молюсь за всех, кто принял участие в создании этой книги.

Алла Стравинская, искусствовед.

1.05.2004

* * *

Христос Воскресе!

Дорогие почитатели матушки Антонии, очень благодарны всем, кто потрудился, чтобы вышла в свет эта прекрасная книга. Поклон от сестер, которые прочитали ее, и от тех, кто еще будет читать. Прошу Вас передать Александру Трофимову мою искреннюю к нему любовь, всегда молюсь о нем и о его маме Марии. Очень благодарна за книгу.

Очень жаль, что она не продается на Украине. У меня есть знакомая монахиня, живет она в Удмуртии. Если у Вас будет возможность, пошлите ей книгу о матушке. Я чувствую душой, что она ждет ее. Это будет для нее даже больше, чем подарок.

Книга читается легко и очень вдохновляет жизнью старицы. Здесь можно черпать и черпать, пить и не напиться, ибо слово сладкое и полезное. Читая эту книгу, пробуждается спящая в нас ревность и зовет тебя, зовет: не спи, не унывай!

К Богу сам по себе не придешь. Нужен Моисей. Для нас всех матушка Антония была при жизни, а теперь и книга о ней — Моисеем.

Да благословит Вас Господь и Матерь Божия, чтобы не знали Вы горя ни в этой жизни, ни в будущей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Житие и чудеса преподобного Кукши Одесского. Свято-Успенский мужской монастырь,— Одесса, 2000.

2. Житие преподобного Кукши Нового. Свято-Успенская Почаевская Лавра.— Житомир: СМП «Житомир-РИКО-ПРЕСС-РЕКЛАМА», 1995.

3. Жизнеописание преподобного Кукши (Величко) испо-ведникас акафистом.— М., 1995.

4. Священник Владимир Зелинский. Объятия Отча... Очерки по истории Почаевской Лавры.— Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2000.

5. Памятка посетителю Киево-Печерской Лавры. Украинская Православная Церковь,— Киев, 1992.

6. Протоиерей Ф. Титов. Путеводитель по Киево-Печерской Лавре.— Киев, 1910.

7. Логвин Г. Киев.— М., 1967.

8. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.— М., 1995.

9. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке.— М., 1999.

10. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991).- М,, 1995. Том 2.

И. Житие, страдания и чудеса святой великомученицы Варвары.— М., 2000.

12. Акафист святой великомученице Варваре с житием ея,— Киев, 1998.

13. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-1950 годы. I и II часть.— Нижний Тагил, 1996.

14. Книга памяти. Посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917-1980 гг.- Екатеринбург, 1994.

15. Нижний Тагил 1920-1980. Жертвы репрессий — Екатеринбург, 1999.

16. Справочник. Система ИТЛ в СССР. 1923-1960 гг. // Звенья.— М., 1998.

17. Борис Сопельняк. Соловей не поёт в клетке. (Дело Лидии Руслановой) // «Работница» № 4, 2000.

18. Справочник по психиатрии.— М., 1985.

19. Судебная психиатрия. Вопросы и ответы.— М., 1999.

20. Датий А. В. Судебная медицина и психиатрия. Словарь-справочник.— М., 1999.

21. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР.— М, 1984.

22. Сорок сороков,— М., 1992-1995. Тт. 1-4.

23. Православные обители России. Путеводитель.— М., 1998.

24. Русская Православная Церковь. Монастыри. Энциклопедический справочник.— М., 2000.

25. Блаженная старица схимонахиня матушка Ольга.— М., 1996.

26. Судьба главы преподобного Сергия // ЖМП. 2001, № 4.

27. Житие преподобного Корнилия Крыпецкого.— Изд. Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря, 2000.

28. Крыпецкая обитель.— Изд. Иоанно-Богословского Крыпецкого монастыря, 2001.

29. Вячеслав Медушевский. «Не горело ли в нас сердце наше?» Воспоминания о схимонахине Антонии её духовных чад.— Москва. (Рукопись).

30. Вячеслав Медушевский. «Помяните мою любовь». Воспоминания о схимонахине Антонии // Православная Пермь, № 1(30), январь 1999.

31. Акафист святой великомученице Анастасии Узорешительнице // Акафисты вашим святым,— М., 2000.